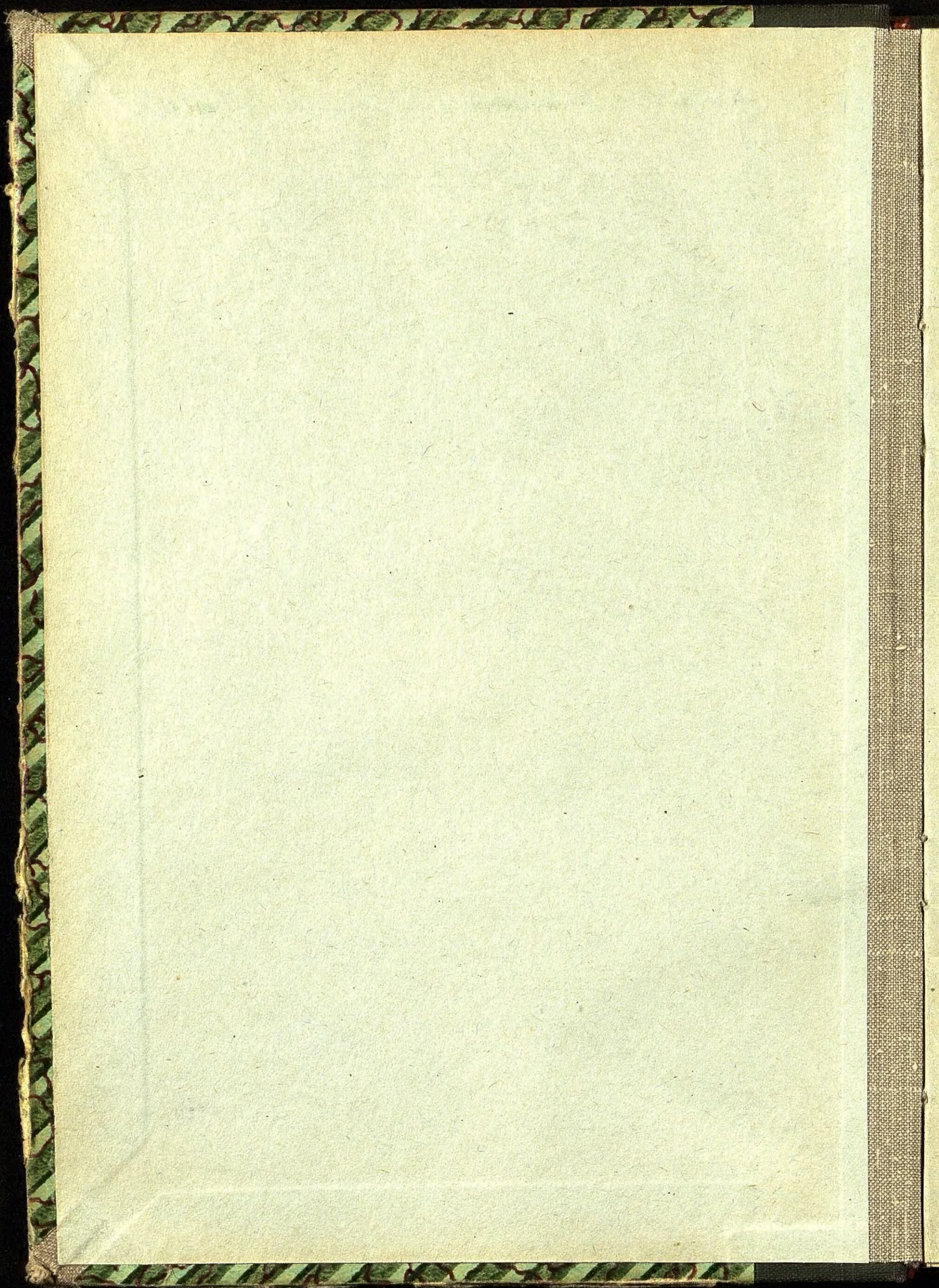
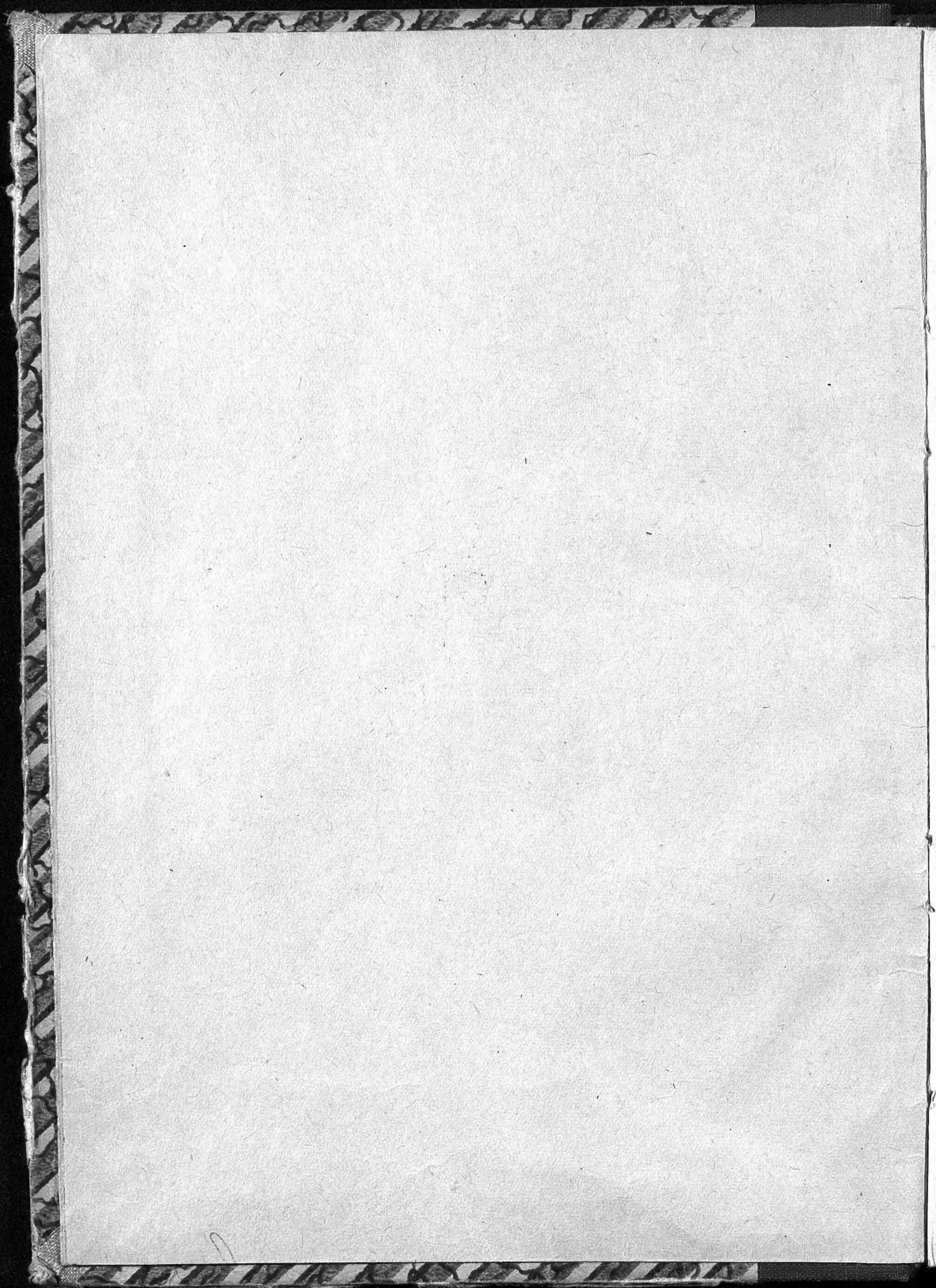

ЛЕКЦІИ

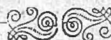
ПО

ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

А. И. Соболевскаго,

академика Имп. Академіи Наукъ и профессора Имп. С.-Петербургскаго Университета.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

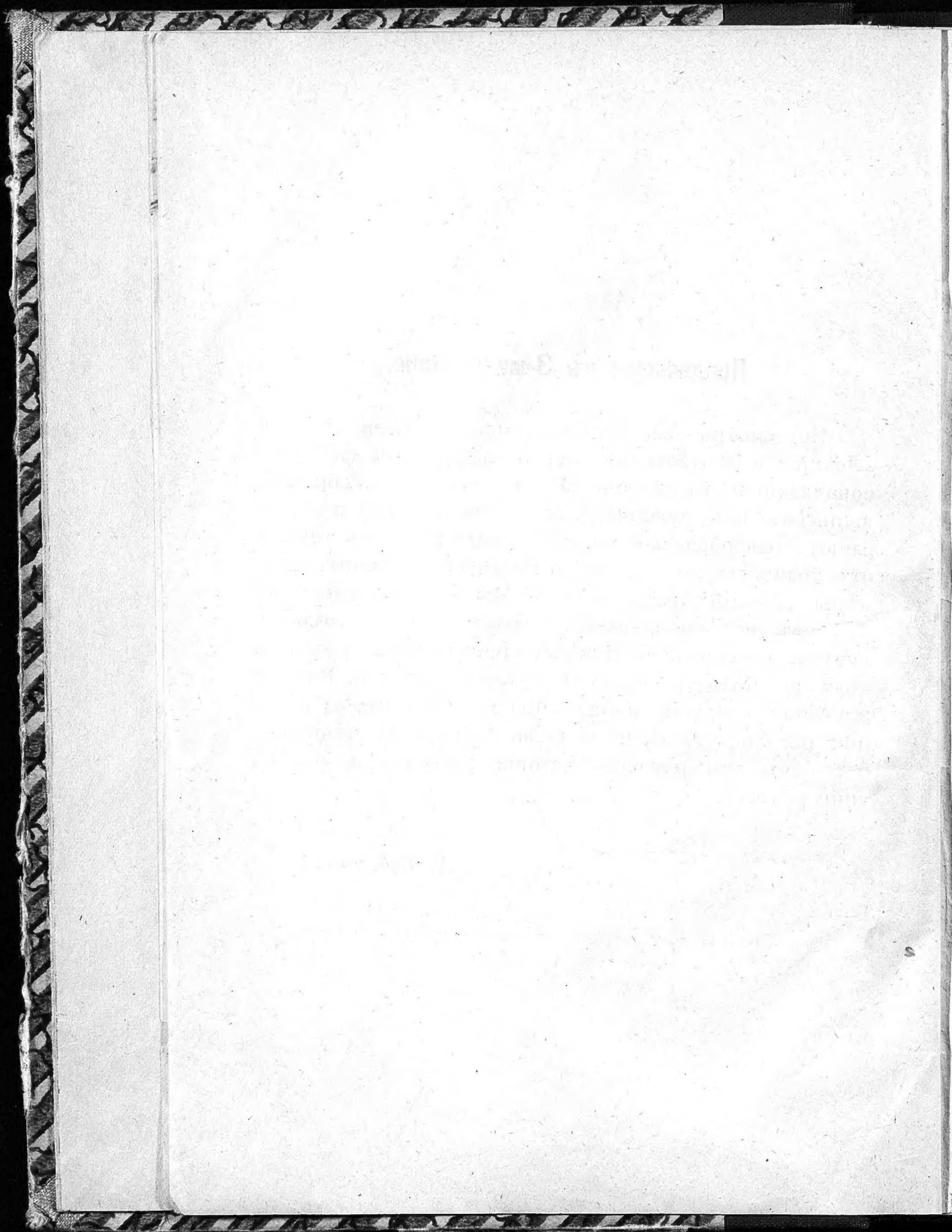

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1907.

Предисловіе къ 3-му изданію.

Не смотря на значительныя измѣненія, наши „Лекціи“ и въ третьемъ изданіи сохраняютъ свой первоначальный характеръ. Мы не гонимся за обиліемъ выписокъ изъ рукописей, если эти выписки представляютъ однообразный матеріалъ, хотя владѣемъ такимъ ихъ количествомъ, что легко могли бы увеличить размѣры „Лекцій“ раза въ три. Мы не предлагаемъ ни на чемъ не основанныхъ гипотезъ и не предаемся лингвистическимъ мечтаніямъ (вошедшимъ, увы, въ моду въ молодую науку о русскомъ языкѣ). Вообще всѣ наши старанія направлены къ тому, чтобы „Лекціи“ остались тѣмъ, чѣмъ были въ первомъ изданіи,— пособіемъ при изученіи исторіи русскаго языка въ университетѣ.

А. Соболевскій.

I. Введеніе.

Русскій народъ въ лингвистическомъ отношеніи представляетъ одно цѣлое.

Инородческая, финская кровь, входившая въ обиліи въ теченіе многихъ вѣковъ и входящая даже доселѣ въ сѣверо-восточную отрасль русскаго народа—въ великорусское племя, не сдѣлала русскихъ сѣверянъ ни финнами, ни финно-руссами, какъ увѣряютъ даже въ наши дни, со словъ печальной памяти Духинскаго, нѣкоторые мало знающіе русскій народъ и русскій языкъ иностранцы. Она не оказала ни малѣйшаго вліянія на единство русскаго языка. Кромѣ нѣсколькихъ словъ, существующихъ въ окраинныхъ сѣверныхъ и восточныхъ великорусскихъ говорахъ и чуждыхъ русскому литературному языку, финны не внесли въ русскій языкъ ничего. Когда-то думали, что мы обязаны финнамъ полногласіемъ и аканьемъ, но этого мнѣнія теперь уже почти никто не держится, въ виду его очевидной неосновательности; полногласіе существуетъ вездѣ, гдѣ живетъ русскій народъ, между прочимъ за Карпатами и передъ Карпатами, гдѣ исторія не знаетъ финскихъ поселеній даже въ самыя древнія времена, а аканье отсутствуетъ именно у тѣхъ русскихъ, въ которыхъ течетъ особенно много финской крови,—у сѣверныхъ великоруссовъ.

Исторія русскаго языка, отличающагося сравнительнымъ консерватизмомъ, за много вѣковъ не дала ничего такого, что разрушило бы единство русскаго языка. Онъ дѣлился на говоры издавна, съ тѣхъ временъ, когда у насъ еще не существовало никакой письменности; онъ дѣлится на нарѣчія и говоры теперь, подобно тому какъ дѣлится на нихъ всякій языкъ, имѣющій сколько-нибудь значительную территорію; но эти нарѣчія и говоры, имѣя другъ отъ друга отличія въ фонетикѣ, морфологіи и лексикѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ такое множество общихъ чертъ, что русскій типъ языка

вполнѣ сохраняется въ каждомъ изъ нихъ; онъ выступаетъ въ нихъ настолько ясно, что лишь о нѣсколькихъ карпатскихъ и закарпатскихъ говорахъ, въ виду ихъ смѣшаннаго характера, возможенъ вопросъ: слѣдуетъ ли ихъ считать говорами русскими, или же польскими, словацкими. Кое-кто изъ ученыхъ дѣлитъ русскій языкъ на два языка, хотя и близко родственные между собою, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по ихъ мнѣнію, рѣзко отличные другъ отъ друга,—великорусскій и малорусскій, причемъ одни причисляютъ бѣлорусское нарѣчіе къ первому языку, другіе—ко второму. Эти лица дѣлаютъ крупную ошибку. Они берутъ для сравненія, на которомъ потомъ строятъ выводы, съ одной стороны тотъ великорусскій говоръ, который по звукамъ наиболѣе отличенъ отъ говоровъ малорусскихъ,—а́кающій московскій, и съ другой—тѣ говоры малорусскіе, которые наиболѣе удалены отъ великорусскихъ,—украинскій и галицкій, часто имѣющіе *і* на мѣстѣ великорусскихъ *о* и *е*. Сѣверная часть малорусскихъ говоровъ, говоры, имѣющіе *у*, *уо* на мѣстѣ великорусскихъ *о* и *е*, а иногда и *е* на мѣстѣ *ѣ*, оставляются ими безъ вниманія; а между тѣмъ эти говоры по своимъ фонетическимъ особенностямъ близки къ великорусскимъ о́кающимъ говорамъ, болѣе близки къ нимъ, чѣмъ къ другимъ малорусскимъ—къ украинскому, галицкому: Въ этомъ можетъ безъ труда убѣдиться всякій: стоитъ только сравнить сѣверно-малорусскія 1) в*у*лъ, в*уо*лъ, 2) в*ю*лъ, в*юо*лъ съ одной стороны — съ великорусскими 1) волъ, 2) вёлъ, съ другой—съ украинско-галицкимъ в*і*лъ. Если мы возьмемъ всю массу великорусскихъ говоровъ (со включеніемъ сюда и бѣлорусскихъ, такъ какъ бѣлорусское нарѣчіе есть, конечно, часть великорусскаго нарѣчія) и сопоставимъ ихъ со всею массою малорусскихъ говоровъ, то обстоятельное сравненіе особенностей тѣхъ и другихъ не дастъ намъ основанія видѣть въ каждой группѣ особый, самостоятельный *языкъ*.

Если есть полное основаніе видѣть въ современномъ русскомъ языкѣ одинъ языкъ, то о единствѣ древне-русскаго языка, напримѣръ, XI вѣка, когда различіе между русскими говорами, какъ будетъ показано ниже, не было сколько-нибудь значительно, — не можетъ быть даже и вопроса.

Вслѣдствіе этого мы излагаемъ не исторію отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ, а исторію всего русскаго языка.

Наблюдая исторію языка, мы замѣчаемъ, что онъ съ теченіемъ времени измѣняется въ звукахъ. При этомъ, на основаніи собственнаго опыта, мы удостовѣряемся, что говорящіе вовсе не имѣютъ желанія измѣнять свой языкъ и что всѣ измѣненія въ немъ происходятъ помимо ихъ воли. При изслѣдованіи явленій намъ становится ясно, что измѣненія звуковъ бываютъ двоякаго характера.

Въ однихъ случаяхъ звуки измѣняются постепенно, переходя изъ одного оттѣнка въ другой. Это—естественныя измѣненія въ языкѣ, измѣненія физіологическаго характера. Къ числу ихъ принадлежитъ измѣненіе *е* въ *о* въ словѣ *мёдъ*: въ древности здѣсь слышался звукъ *е*; теперь въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ здѣсь слышится звукъ *о*. Къ нимъ принадлежитъ измѣненіе мягкаго *ж.* въ твердое въ словѣ *жиръ*: нѣкогда оно звучало съ *и* послѣ *ж*; теперь въ великорусскомъ нарѣчіи оно звучитъ *жыръ*; и т. п.

Въ другихъ случаяхъ звуки и звуковыя сочетанія измѣняются рѣзко, безъ постепенности. Это—также естественныя измѣненія въ языкѣ, измѣненія физіологическаго характера. Къ числу ихъ принадлежитъ диссимиляція плавныхъ (замѣна *р* черезъ *л*) въ словѣ *пролубь*; въ древности здѣсь было два звука *р*; теперь мы произносимъ одинъ *р* и одинъ *л*.

Въ третьихъ случаяхъ измѣненія обязаны своимъ происхожденіемъ дѣйствію аналогіи, вліянію однихъ словъ и формъ на другія, и состоятъ въ простой замѣнѣ однихъ звуковъ или звуковыхъ сочетаній въ словѣ другими. Такъ, форма повелительнаго наклоненія *пеки* образовалась изъ болѣе древней формы *пьци* подъ вліяніемъ формъ *пеку*, *пекутъ* и другихъ, гдѣ издревле слышится звукъ *к*. Измѣненія звуковъ дѣйствіемъ аналогіи находятся въ зависимости не отъ органовъ рѣчи, а отъ дѣятельности ума, и такимъ образомъ носятъ психологическій характеръ.

Измѣненія физіологическаго характера въ большинствѣ имѣютъ мѣсто во всей массѣ тожественныхъ явленій; такъ, мы находимъ измѣненіе *е* въ *о* не въ одномъ великорусско-бѣлорусскомъ мёдъ, а во всѣхъ словахъ великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій, въ которыхъ *е* слышалось подъ удареніемъ передъ послѣдующими твердыми согласными. Такимъ образомъ эти измѣненія подчинены болѣе или менѣе строгимъ законамъ. Меньшинство этихъ измѣненій наблю-

дается лишь въ той или другой части тожественныхъ явленій и отличается случайностью; такъ, мы видимъ замѣну *р* черезъ *л* при диссимиляціи плавныхъ въ про*л*убь, но не встрѣчаемъ ея при тожественныхъ условіяхъ въ про*р*ѣзь. Особенно много случайности въ сокращеніи словъ (въ выпаденіи и отпаденіи звуковъ), такъ какъ оно имѣетъ мѣсто по преимуществу въ тѣхъ словахъ, которыя употребляются въ рѣчи и очень часто, и безъ желанія со стороны говорящаго обратить на нихъ вниманіе слушающихъ.

Измѣненія психологическаго характера отличаются полною случайностью, хотя иногда мы наблюдаемъ ихъ въ очень значительномъ количествѣ тожественныхъ явленій. Аналогія препятствуетъ дѣйствію звуковыхъ законовъ и производитъ исключенія изъ этихъ законовъ. Такъ, *ц* у насъ никогда не переходитъ въ *к*, сохраняется; но благодаря дѣйствію аналогіи мы наблюдаемъ исключеніе—появленіе *к* на мѣстѣ *ц* въ формѣ *пеки* и во всѣхъ однородныхъ формахъ повелит. накл.

Должно замѣтить, что законы измѣненій звуковъ въ одномъ и томъ же языкѣ, нарѣчіи, говорѣ могутъ быть различны (до извѣстныхъ предѣловъ) въ различныя эпохи жизни этого языка, нарѣчія, говора. Такъ, мы наблюдаемъ въ древнѣйшую, общеславянскую эпоху—законъ смягченія *т* въ русское *ч* (свѣ*ч*а), а въ эпоху болѣе позднюю, въ области бѣлорусскаго нарѣчія,—законъ смягченія *т* въ мягкое *ц* (свѣ*ц*иць).

Причины звуковыхъ измѣненій въ языкѣ мало ясны. Наблюдаемая изрѣдка разница въ отдѣльныхъ особенностяхъ языка у старшаго поколѣнія въ селѣ съ одной стороны и у младшаго (взрослаго) поколѣнія съ другой позволяетъ догадываться, что большая часть измѣненій происходитъ при усвоеніи дѣтьми рѣчи родителей. Какъ извѣстно, дѣти лишь постепенно усваиваютъ родительскую рѣчь, и то не всѣ; часть дѣтей превращается въ взрослыхъ, удерживая большее или меньшее количество особенностей дѣтскаго произношенія (картавятъ, шепелявятъ и т. п.). Если въ селѣ всѣ дѣти близкаго возраста, постоянно общаясь между собою, усваиваютъ одну и ту же звуковую особенность и потомъ, выросши, сохраняютъ ее и передаютъ слѣдующему поколѣнію, то получается звуковое измѣненіе въ языкѣ даннаго села.

II. Источники.

Мы имѣемъ огромное количество источниковъ для исторіи русскаго языка: рукописныхъ книгъ за время отъ XI по XIV в. включительно до насъ дошло болѣе 500; грамотъ (документовъ) за то же время сохранилось около 150. Число рукописныхъ книгъ и грамотъ за время отъ XV по XVII в. включительно трудно опредѣлить даже приблизительно.

Главныя хранилища древнихъ русскихъ рукописныхъ книгъ— С.-Петербургская Императорская Публичная Библіотека, Московскій Публичный и Румянцевскій Музей, Московская Синодальная Библіотека и Московская Типографская Библіотека. Коллекціи рукописей Публичной Библіотеки и Румянцевскаго Музея составились изъ пожертвованій и покупокъ отъ частныхъ лицъ; поэтому въ этихъ учрежденіяхъ мы находимъ древнія рукописи изъ разныхъ концовъ Россіи. Въ основу Синодальной и Типографской Библіотекъ легло то собраніе рукописей, которое было составлено патріархомъ Никономъ предъ началомъ исправленія богослужебныхъ книгъ; тогда было прислано къ патріарху изъ церквей и монастырей московской Руси большое количество находившихся въ нихъ древнихъ списковъ богослужебныхъ и иныхъ книгъ, изъ которыхъ одни вошли въ Типографскую, другіе въ Синодальную Библіотеку. Между прочимъ, въ Синодальной Библіотекѣ теперь находятся рукописи московскихъ Чудова и Новоспасскаго монастырей, Успенскаго и Архангельскаго соборовъ. Сверхъ этихъ главныхъ хранилищъ рукописей, есть еще нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ. Это — библіотеки Духовныхъ Академій: С.-Петербургской, Московской, Казанской и Кіевской. Библіотека рукописей С.-Петербургской Духовной Академіи состоитъ главнымъ образомъ изъ двухъ коллекцій: 1) новгородскаго Софійскаго собора и 2) Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря;

огромная часть находящихся здѣсь рукописей писана или въ Новгородѣ, или на новгородскомъ сѣверѣ, такъ что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ сравнительно однообразнымъ матеріаломъ. Библіотека Московской Духовной Академіи заключаетъ въ себѣ рукописи Іосифова Волоколамскаго монастыря, по большей части поздній, XVI—XVII вв., и Троицкой Духовной Семинаріи, куда они были взяты изъ Троицкой Лавры. Библіотека Казанской Духовной Академіи состоитъ изъ рукописей Соловецкаго монастыря; древнихъ рукописей здѣсь также почти нѣтъ. Что касается Кіевской Академіи, то находящіяся въ ея библіотекѣ и въ состоящемъ при ней Церковно-Археологическомъ Музеѣ рукописи пріобрѣтены въ разное время различными путями и между ними очень немного такихъ, которыя бы имѣли цѣну для лингвиста. Немало рукописей хранится въ библіотекахъ Виленской Публичной, Троицко-Сергіевой Лавры, Воскресенскаго монастыря (Новый Іерусалимъ), Никольскаго Единовѣрческаго монастыря въ Москвѣ (послѣднему принадлежитъ собраніе рукописей купца Хлудова), Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, Академіи Наукъ, Московскаго Общества исторіи и древностей, Московскаго Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ, Московскаго Историческаго Музея (здѣсь, между прочимъ, собраніе П. И. Щукина), старообрядческаго Рогожскаго кладбища въ Москвѣ, Общества любителей древней письменности въ С.-Петербургѣ, Синодальнаго Архива также въ С.-Петербургѣ, Новороссійскаго Университета, Историко-Филологическаго Института въ Нѣжинѣ, Ростовскаго Музея церковныхъ древностей, Тверского Музея, Ставропигійскаго Музея во Львовѣ (въ Галиціи) и др. и между ними есть очень цѣнныя. Отдѣльныя древнія рукописи хранятся въ разныхъ церквахъ и монастыряхъ, отчасти мало доступныхъ или даже вовсе недоступныхъ для ученыхъ; такъ, ярославскій Успенскій соборъ владѣетъ Евангеліемъ начала XIII в., кіевскій Никольскій монастырь имѣетъ Евангеліе 1411 г. Наконецъ нѣкоторыя собранія рукописей составляютъ собственность частныхъ лицъ; таковы собранія графовъ Уваровыхъ, И. А. Вахромеева, Е. В. Барсова, Н. П. Лихачева, Е. Е. Егорова и др.

Главными хранилищами грамотъ служатъ Московскій Архивъ Министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ находятся почти всѣ древнѣйшіе государственные и дипломатическіе акты, московскіе и нов-

городскіе, и Московскій Архивъ Министерства юстиціи, гдѣ находится значительное количество актовъ юридическихъ. Сверхъ того, грамоты находятся въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, въ Рижскомъ городскомъ архивѣ, въ Виленскомъ и Кіевскомъ Центральныхъ Архивахъ и въ Археографической Комиссіи въ Петербургѣ.

Изъ указанныхъ собраній рукописей не всѣ имѣютъ печатные каталоги. Хорошіе каталоги имѣетъ Московскій Публичный и Румянцевскій Музей; они для Румянцевскаго собранія составлены Востоковымъ [1]), для другихъ собраній составлены или изданы Викторовымъ [2]). Синодальная Библіотека имѣетъ: 1) краткій указатель, составленный архимандритомъ Саввою, и 2) подробное ученое описаніе, не оконченное, принадлежащее Горскому и Невоструеву (пять томовъ) [3]). Типографская Библіотека владѣетъ пока лишь четырьмя выпусками подробнаго описанія [4]). Каталогъ той половины библіотеки Московской Духовной Академіи, которая поступила въ нее изъ Іосифова монастыря, составленъ іеромонахомъ Іосифомъ [5]), а о другой половинѣ, «фундаментальной», принадлежавшей нѣкогда Троицкой Лаврѣ, сообщены свѣдѣнія архимандритомъ Леонидомъ [6]). Рукописи Соловецкой библіотеки, принадлежащія теперь Казанской Духовной Академіи, частію уже описаны, частію описываются (вышло два полныхъ тома и часть третьяго тома описанія [4]). Каталоги рукописей Кіевской Духовной Академіи и ея Церковно-Археологическаго Музея составлены Петровымъ [8]). Рукописи Виленской Публичной Библіотеки описаны Добрянскимъ [9]), Троицко-Сергіевой Лавры—іеромонахомъ Арсеніемъ [10]), Воскресенскаго монастыря—архимандритомъ Леонидомъ [11]), Никольскаго Единовѣрческаго монастыря (=собранія Хлудова)—Поповымъ [12]), Флорищевой пустыни—Георгіевскимъ [13]), Общества любителей древней письменности — Лопаревымъ [14]), Археографической Комиссіи — Барсуковымъ [15]). Сверхъ того, имѣются печатныя свѣдѣнія о рукописяхъ библіотекъ: Императорской Публичной [16]), Академіи Наукъ [17]), Общества исторіи и древностей [18]), ярославскаго Спасо-Преображенскаго монастыря [19]), Ростовскаго Музея [20]), Тверского Музея [21]), Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института [22]), Синодальнаго Архива въ С.-Петербургѣ [23]), графовъ Уваровыхъ [24]), И. А. Вахромеева [25]), П. И. Щукина [26]), нѣсколькихъ епархіальныхъ «древлехранилищъ», львовскаго Ставропигійскаго Музея.

Описаніе грамотъ одной изъ коллекцій Румянцевскаго Музея сдѣлано Лебедевымъ [27]); свѣдѣнія о древнѣйшихъ грамотахъ Архива Министерства юстиціи сообщены Мейчикомъ [28]); есть описаніе грамотъ въ собраніи графовъ Уваровыхъ [29]).

[1]) „Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцевскаго Музея", Спб. 1842.—[2]) „Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго", М. 1870.—„Каталогъ славяно-русскихъ рукописей Д. В. Пискарева", М. 1871. — „Собраніе рукописей П. В. Севастьянова", М. 1881. — „Собраніе рукописей И. Д. Бѣляева", М. 1881.— Свѣдѣнія о другихъ коллекціяхъ и отдѣльныхъ рукописяхъ, поступившихъ въ Музей, находятся въ „Отчетахъ" Музея.—[3]) „Указатель для обозрѣнія Московской Патріаршей (нынѣ Синодальной) ризницы и библіотеки, составленъ синодальнымъ ризничимъ архимандритомъ Саввою". Изданіе 2-е. М. 1858. —„Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки", М. 1855—1869.—Рукописи Новоспасскаго монастыря описаны Поповымъ: „Рукописи Московской Синодальной (патріаршей) Библіотеки. Вып. I. Новосспаское собраніе. М.— Рукописи Успенскаго собора описаны въ „Описи книгъ библіотеки московскаго Успенскаго собора". Чтенія Московскаго Общества ист. и древн., 1895 г., кн. 3.—[4]) „Библіотека Московской Синодальной Типографіи. Выпускъ 1-й. Сборники. Описалъ А. Орловъ. Выпускъ 2-й. Сборники и лексиконы. Вып. 3-й. Псалтыри. Выпускъ 4-й. Матеріалы и оригиналы вѣдомостей 1702—1727 гг. Описалъ В. Погорѣловъ". М. 1896—1903.—[5]) „Опись рукописей, перенесенныхъ изъ библіотеки Іосифова монастыря въ библіотеку Московской Духовной Академіи". Чтенія Московскаго Общества исторіи и древн., 1881 г., кн. 3.—[6]) „Свѣдѣніе о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища свято-Троицкой Сергіевой Лавры въ библіотеку Троицкой Духовной Семинаріи въ 1747 г.". Чтенія 1883 г., кн. 1, 1884 г., кн. 3 и 4, 1885 г., кн. 1.— [7]) „Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи". Казань, 1881—98.— [8]) „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ". Три выпуска. М. 1891—1904. — „Описаніе рукописей Церковно-Археологическаго Музея при Кіевской Духовной Академіи". Три выпуска. Кіевъ, 1875—79.— Свѣдѣнія о рукописяхъ, поступившихъ въ Музей послѣ 1879 г., находятся въ „Отчетахъ" Церковно-Археологическаго Общества („Труды Кіевской Духовной Академіи", и отд.).—[9]) „Описаніе рукописей Виленской Публичной Библіотеки, церковно-славянскихъ и русскихъ". Вильна, 1882.—[10]) „Описаніе славянскихъ рукописей библіотеки свято-Троицкой Сергіевой Лавры". Чтенія 1878 г., кн. 2 и 4; 1879, кн. 2. Дополненіе (описаніе рукописей, хранящихся въ ризницѣ Лавры) въ Чтеніяхъ 1880 г., кн. 4.—[11]) „Описаніе славяно-русскихъ рукописей книгохранилища Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго монастыря". Чтенія 1872 г., кн. 1.—Другое описаніе той же библіотеки принадлежитъ арх. Амфилохію: „Описаніе Воскресенской Ново-Іерусалимской библіотеки.

Съ приложеніемъ снимковъ". М. 1876.—[12]) „Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церковной печати библіотеки А. И. Хлудова", М. 1872. „Первое прибавленіе", М. 1875.—[13]) „Флорищева пустынь. Историко-археологическое описаніе, съ рисунками. Въ приложеніи: Описаніе рукописей, каталогъ старо-печатныхъ книгъ и собраніе грамотъ и актовъ, принадлежащихъ пустыни. В. Георгіевскаго". Вязники, 1896. Теперь рукописи Флорищевой пустыни находятся въ Владимірскомъ Епархіальномъ Древлехранилищѣ.—[14]) „Описаніе рукописей Имп. Общества любителей древней письменности. Трудъ Хрисанѳа Лопарева". Три части. Спб. 1892—1899.—Въ 1902 г. вышло въ свѣтъ также описаніе принадлежащаго Обществу собранія рукописей (позднихъ) кн. П. П. Вяземскаго.—[15]) „Рукописи Археографической Комиссіи". Спб. 1882.—[16]) Находящееся въ Публичной Библіотекѣ собраніе рукописей графа Толстого описано въ книгѣ: „Обстоятельное описаніе славяно-россійскихъ рукописей, хранящихся въ Москвѣ въ библіотекѣ графа Ѳ. А. Толстого. Издали К. Калайдовичъ и П. Строевъ". М. 1825. „Первое прибавленіе... Издалъ П. Строевъ". М. 1825. „Второе прибавленіе... Издалъ П. Строевъ". М. 1827. — Часть сборниковъ собранія Погодина описана Бычковымъ: „Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. Библіотеки", Спб. 1882.—Свѣдѣнія о поступившихъ въ Библіотеку собраніяхъ и отдѣльныхъ рукописяхъ находятся въ ежегодныхъ „Отчетахъ" Библіотеки, въ послѣднія сорокъ лѣтъ подробныя.—Новѣйшее крупное пріобрѣтеніе Публичной Библіотеки—собраніе Титова—описано бывшимъ ея владѣльцемъ: „Описаніе славяно-русскихъ рукописей, находящихся въ собраніи... А. А. Титова. Описано собирателемъ А. Титовымъ". Пять томовъ. Спб. 1893 — М. 1906. [17]) „Каталогъ обстоятельный россійскимъ рукописнымъ книгамъ, къ россійской исторіи и географіи принадлежащимъ и въ академической библіотекѣ находящимся, сдѣланный ст. сов. Соколовымъ", Спб. 1818.—„Каталогъ обстоятельный рукописнымъ книгамъ, священнаго писанія... касающимся, въ библіотекѣ Академіи Наукъ хранящимся, сдѣланный ст. сов. Соколовымъ", Спб. 1818.—Описаніе нѣкоторыхъ рукописей академической библіотеки сдѣлано Востоковымъ: „Филологическія Наблюденія А. Х. Востокова", Спб. 1865.—Описаніе новѣйшихъ пріобрѣтеній академической библіотеки, сдѣланное В. И. Срезневскимъ, помѣщено въ „Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ" 1899—1907 гг.—[18]) „Библіотека Имп. Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ. Составилъ П. Строевъ". М. 1845.—Вып. 2-й. Трудъ Е. И. Соколова. М. 1905.—[19]) „Ярославскій Спасо-Преображенскій монастырь, что нынѣ Архіерейскій Домъ. Составилъ ризничій іеромонахъ Владиміръ". М. 1881.—[20]) „Описаніе рукописей Ростовскаго Музея церковныхъ древностей. Составилъ А. Титовъ". Яр., 1886—89.—[21]) „Описаніе рукописей Тверскаго Музея. Трудъ М. Н. Сперанскаго". М. 1891.—Вып. 2-й. Тверь, 1905.—[22]) „Описаніе рукописей библіотеки Историко-Филологическаго Института князя Безбородко въ г. Нѣжинѣ. Составлено подъ редакціей М. Сперанскаго". М. 1900.—„Рукописное собраніе

библіотеки Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко въ г. Нѣжинѣ. Пріобрѣтенія 1901—1905 гг.".—Описано М. Сперанскимъ. Нѣж. 1905.—[23]) „Описаніе рукописей хранящихся въ Архивѣ Св. Синода". Составлено А. Никольскимъ. Томъ I и часть 1-ая тома II-го. Спб. 1900—1906.—[24]) „Систематическое описаніе славяно-россійскихъ рукописей собранія графа А. С. Уварова. Въ четырехъ частяхъ. Составилъ архимандритъ Леонидъ". М. 1893—1894. [25]) „А. А. Титовъ. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахромееву", пять выпусковъ. М. 1888—Сергіевъ посадъ, 1906.—[26]) „Опись старинныхъ славянскихъ и русскихъ рукописей собранія П. И. Щукина". А. И. Яцимирскаго. М. 1896.—[27]) „Собраніе историко-юридическихъ актовъ И. Д. Бѣляева". М. 1882.—[28]) „Грамоты XIV и XV вв. Московскаго Архива Министерста юстиціи. Изслѣдованіе". М. 1883.—[29]) „Описаніе собранія графа А. С. Уварова. Акты историческіе, описанные А. М. Катаевымъ и А. К. Кабановымъ подъ редакціей профессора М. В. Довнаръ-Запольскаго". М. 1905.

Наибольшее значеніе при изученіи исторіи русскаго языка принадлежитъ рукописямъ съ XI по XIV ст. включительно, которыхъ, какъ уже было сказано, до насъ дошло болѣе 500. Изъ нихъ огромная часть—списки богослужебныхъ книгъ: евангелія, апостолы, псалтыри, минеи, тріоди и т. п. Далѣе, довольно значительное количество древнихъ рукописей—списки житій святыхъ и твореній отцовъ церкви. Лѣтописи сохранились въ трехъ древнихъ рукописяхъ: въ Лаврентьевскомъ лѣтописномъ сводѣ 1377 года (лѣтописи Несторова, кіевская и суздальская), въ Ипатскомъ лѣтописномъ сводѣ XIV—XV в. (лѣтописи Нестерова, кіевская и волынская) и въ Синодальномъ спискѣ первой половины XIV в. (1-я Новгородская лѣтопись). Русская Правда дошла до насъ въ одномъ спискѣ конца XIII вѣка и въ другомъ XIV—XV вѣка. Затѣмъ мы имѣемъ нѣкоторое количество грамотъ XII—XIV стол., увеличивающееся по мѣрѣ приближенія къ концу XIV в.: къ XII в. относятся только двѣ грамоты, къ XIII—около 15, къ XIV в.—около 100.

При столь значительномъ количествѣ матеріала, изслѣдователь исторіи русскаго языка находится въ затруднительномъ положеніи. Большая часть рукописей XI—XIV вв.—списки богослужебныхъ книгъ, твореній отцовъ церкви и т. п. произведеній, переведенныхъ съ греческаго на церковно-славянскій языкъ, ведущіе свое начало отъ южно-славянскихъ оригиналовъ, привезенныхъ въ Россію въ разное время. Такимъ образомъ въ этихъ рукописяхъ мы имѣемъ дѣло не съ русскимъ языкомъ, а съ церковно-славянскимъ, измѣ-

женнымъ русскими переписчиками, которые внесли въ него въ большемъ или меньшемъ количествѣ особенности родного языка. Вслѣдствіе этого количество заключающагося въ такихъ рукописяхъ матеріала для исторіи русскаго языка сравнительно незначительно, иногда даже ничтожно; сверхъ того, часто бываетъ трудно отдѣлить въ нихъ то, что принадлежитъ русскимъ переписчикамъ, отъ того, что находилось въ ихъ южно-славянскихъ подлинникахъ. Затѣмъ, огромная часть рукописей не имѣетъ никакихъ датъ, такъ что приходится опредѣлять время ихъ написанія по палеографическимъ даннымъ, которыя вообще не даютъ точныхъ рѣшеній и иногда позволяютъ дѣлать крупныя ошибки. На основаніи этихъ данныхъ мы не можемъ съ увѣренностью сказать, что такая-то рукопись относится къ XI в.: почерки рукописей XI в. и рукописей первой половины XII в. до того схожи, что между ними невозможно положить никакой границы; приходится говорить, что рукопись относится къ XI — XII в.; точно такъ же приходится опредѣлять рукописи XII—XIII в., XIII—XIV в. и т. д. Что касается мѣста написанія рукописей, то при отсутствіи прямыхъ указаній мы можемъ опредѣлять его только на основаніи данныхъ языка. Но эти данныя таковы, что изъ массы рукописей, дошедшихъ до насъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и не имѣющихъ датъ, мы можемъ съ полною увѣренностью сказать только о сравнительно немногихъ, что они написаны въ томъ или другомъ городѣ, въ той или другой области; относительно ряда другихъ рукописей безъ датъ мы только можемъ догадываться, откуда ведутъ они свое происхожденіе. Сверхъ того, данныя языка рукописей иногда бываютъ совершенно безцвѣтны и не позволяютъ дѣлать никакихъ выводовъ, иногда представляютъ странную смѣсь. Писцы, переписывая рукописи, вообще старались сохранить текстъ подлинника въ цѣлости, и поэтому сѣверно-русскій писецъ, списывая съ южно-русскаго оригинала, часто сохранялъ въ своемъ спискѣ южно-русскія особенности подлинника; южно-русскій писецъ, въ свою очередь, сохранялъ сѣверно-русскія особенности, внося вмѣстѣ съ тѣмъ и свои мѣстныя, и т. д.; отсюда смѣшеніе въ одной и той же рукописи различныхъ данныхъ и иногда невозможность разобраться въ нихъ.

Что касается грамотъ, написанныхъ почти всегда на чистомъ русскомъ языкѣ, безъ примѣси церковно-славянскаго элемента,—

то хотя до насъ дошло ихъ порядочное количество, особенно отъ XIV вѣка, онѣ имѣютъ сравнительно мало цѣны, ибо по большей части онѣ или очень невелики по объему, или представляютъ матеріалъ болѣе или менѣе однообразный; многія изъ нихъ чрезвычайно сходны другъ съ другомъ и, имѣя незначительныя отличія, заключаютъ въ себѣ одни и тѣ же слова, одни и тѣ же выраженія.

Изъ древне-русскихъ рукописей особенно важны слѣдующія:

XI вѣка. Остромирово Евангеліе, написанное въ 1056—57 годахъ дьякономъ Григоріемъ для новгородскаго посадника Остромира (Публичн. Библ.) [1]; два Сборника Святославовыхъ, написанныхъ въ Кіевѣ для великаго князя Святослава, одинъ въ 1073 г. (Синод. Библ.) [2], другой въ 1076 г. (Публичн. Библ.) [3]; Архангельское Евангеліе 1092 г., названное такъ потому, что найдено въ Архангельской губерніи (Румянц. Муз.); три новгородскія Минеи 1095, 1096 и 1097 гг. (Типографск. Библ.) [4].

Къ этому столѣтію или началу слѣдующаго можно также относить Пандекты Антіоха, написанные едва ли не въ Кіевѣ (библ. Воскресенскаго монастыря), 13 словъ Григорія Богослова (Публичн. Библ.) [5], Путятину Минею (Спб. Дух. Ак.), Поученія Кирилла Іерусалимскаго и Ефремовскую Кормчую [6] (Синод. Библ.).

Сверхъ того, сохранились коротенькія надписи—нѣсколько на монетахъ Владиміра Св., Святополка и Ярослава I [7] и одна на такъ называемомъ Тмутороканскомъ камнѣ, найденномъ около Керчи; послѣдняя относится къ 1068 году [8]).

[1]) „Остромирово Евангеліе 1056—1057 г. Съ приложеніемъ греческаго текста евангелій и грамматическими объясненіями". Спб. 1843.—„Остромирово Евангеліе 1056—57 года, хранящееся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Иждивеніемъ С.-Петербургскаго купца Ильи Савинкова". 1-ое изданіе, Спб. 1883. 2-е изданіе, Спб. 1889.—[2]) „Изборникъ великаго князя Святослава Ярославича 1073 года. Изданіе Общества древней письменности". Спб. 1880. Неточности этого изданія указаны Шахматовымъ въ Archiv für slav. Philologie, VII.—[3]) Дважды издано (дурно) Шимановскимъ, въ первый разъ въ книгѣ: „Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ. Изслѣдованіе, съ приложеніемъ полнаго текста Сборника Святослава 1076 г." Варш. 1887.—[4]) „Служебныя Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь въ церковно-славянскомъ переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г. Трудъ орд. акад. И. В. Ягича". Спб. 1886.—[5]) Изданы (не вполнѣ удовлетворительно) Будиловичемъ: „XIII словъ

Григорія Богослова въ древне-славянскомъ переводѣ по рукописи Имп. Публичной Библіотеки XI в.". Спб. 1875.—[6]) Издана Бенешевичемъ: „Древне-славянская Кормчая XIV титуловъ безъ толкованій". Томъ I. Спб. 1906.—[7]) Снимки въ трудѣ графа Толстого: „Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества кіевскаго. Нумизматическій опытъ". Спб. 1882.—[8]) Снимокъ въ приложеніи къ 1-му изданію труда Срезневскаго: „Древніе русскіе памятники языка и письма", Спб. 1863.

XII вѣка. Мстиславово Евангеліе около 1115 г., названное такъ потому, что написано—вѣроятно, въ Кіевѣ—для Мономахова сына Мстислава (Синод. Библ.) [1]); Юрьевское Евангеліе около 1120 г., написанное — вѣроятно, въ Кіевѣ — для новгородскаго Юрьева монастыря (Синод. Библ.); Галицкое Евангеліе 1144 г., едва ли не западно-русскаго происхожденія (Синод. Библ.); галицко-волынское Добрилово Евангеліе 1164 г. (Румянц. Муз.) [2]); изъ двухъ послѣднихъ первое имѣетъ свое названіе потому, что нѣкогда хранилось въ Крылосѣ, около Галича (южнаго), второе—потому, что написано попомъ Добриломъ; два новгородскихъ Стихираря: 1157 г. (Синод. Библ.) и около 1163 г. (между 1156 и 1163 г. Спб. Дух. Ак.).

Къ XII или къ началу XIII столѣтія относятся также: Успенскій Сборникъ, заключающій въ себѣ, между прочимъ, житіе Θеодосія Печерскаго и Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ (Синод. Библ.) [3]), галицко-волынскій Выголексинскій Сборникъ (Румянц. Муз.) [4]), галицко-волынское Типографское Евангеліе № 6 (Типогр. Библ.) [5]), галицко-волынскій Христинопольскій Апостолъ [6]), Пантелеймоново Евангеліе (Спб. Дух. Ак.), Тріодь, написанная Моисеемъ кіевляниномъ (Типогр. Библ.), Слово св. Ипполита объ антихристѣ (Синод. Библ.) [7]), Учительное Евангеліе Константина Болгарскаго (Синод. Библ.) и Житіе св. Епифанія Кипрскаго (Спб. Дух. Ак.).

Изъ грамотъ къ XII в. относятся кіевская, великаго князя Мстислава Владимировича, 1130 г. и новгородская, преп. Варлаама Хутынскаго [8]); сверхъ того, мы имѣемъ надписи на новгородскомъ Стерженскомъ крестѣ 1133 г. [9]), на чарѣ, вѣроятно, черниговскаго князя Владимира Давыдовича, до 1151 г. [10]), на крестѣ св. Ефросиніи Полоцкой 1161 г. (эта надпись сдѣлана галицко-волынскимъ уроженцемъ) [11]), на западно-русскомъ Рогволодовомъ камнѣ 1171 г. [12]) и на фрескахъ кіевскаго Кириллова монастыря XII в.

[1]) Описано Карскимъ въ Р. Филолог. Вѣстн. 1895 г., № 4.—[2]) Описаніе этого памятника въ нашихъ „Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка". Кіевъ, 1884.—[3]) Половина его издана въ Чтеніяхъ 1899 г. (и отд. М. 1899). Сверхъ того, изъ этого Сборника Житіе Өеодосія издано въ Чтеніяхъ 1879 г., кн. 1. Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ—тамъ же, 1870 г., кн. 1, нѣсколько другихъ статей—въ „Библіографическихъ матеріалахъ" Попова (тамъ же, 1879 г. кн. 1, и отд.). [4]) Описаніе сдѣлано нами въ Р. Филолог. Вѣстн. 1884 г., № 3.—[5]) Описаніе въ нашихъ „Очеркахъ".—[6]) Изданъ Калужняцкимъ: „Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice, ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII scripti." Vindobonae, 1896.—[7]) Одна часть издана Невоструевымъ: „Слово св. Ипполита объ антихристѣ въ славянскомъ переводѣ по списку XII вѣка", М. 1868, другая—Срезневскимъ: „Сказанія объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ", Спб. 1874.—[8]) Изданы въ снимкахъ въ приложенія къ 1-му изданію „Древнихъ памятниковъ" Срезневскаго.—[9]) Издана (между прочимъ) въ „Описаніи Тверского Музея", Жизневскаго. М. 1888.—[10]) Издана Бычковымъ въ „Запискахъ" Имп. Археологич. Общества, т. III.—[11]) Издана въ брошюрѣ: „Историческія свѣдѣнія о жизни преп. Евфросинія княжны Полоцкой", Спб. 1841.—[12]) Издана (между прочимъ) въ книгѣ Батюшкова: „Бѣлоруссія и Литва", Спб. 1890.

XIII вѣка. Новгородское Милятино Евангеліе 1215 г. (Публ. Библ.); ростовское Житіе Нифонта 1219 г. (Троицкая Лавра); ростовскій Апостолъ 1220 г. (Синод. Библ.); новгородская Тріодь Саввина до 1226 г. (Сп. Дух. Ак.); новгородскій Трефолой 1260 г. (Синод. Библ.); новгородскій Прологъ 1262 г. (Хлудова=Никольск. мон.); галицко-волынское Галицкое Евангеліе около 1266 года (Публ. Библ.) [1]); галицко-волынское (съ южно-славянизмами) Евангеліе 1283 г. (Румянц. Муз.) [2]); новгородское Евангеліе 1270 г. (Румянц. Муз.); новгородскій Паремейникъ 1271 г. (Публ. Библ.); новгородская Кормчая, съ приложеніемъ Русской Правды и другихъ русскихъ статей, около 1282 г. (Синод. Библ.) [3]); рязанская Кормчая 1284 г. (Публ. Библ.); Псалтырь 1296 года, повидимому, западно-русская (Синод. Библ.); новгородскіе (или псковскіе) Пандекты Никона Черногорца 1296 г. (Синод. Библ.).

Къ этому же столѣтію или къ началу слѣдующаго можно относить также Толстовскій сборникъ (Публ. Библ.); и пять галицко-волынскихъ памятниковъ—Житіе Саввы Освященнаго (Общ. др. письменн.) [4]), Бесѣды на Евангеліе папы Григорія Великаго (Публ. Библ.), Архивскую Лѣствицу (Архивъ Мин. иностр. дѣлъ) [5]),

Холмское Евангеліе (Румянц. Муз.) [6]) и Бучацкое Евангеліе (Ставроп. Музей во Львовѣ).

Изъ грамотъ къ этому вѣку относятся два договора смоленскихъ князей съ Ригою, одинъ 1229 года (дошелъ въ двухъ экземплярахъ), другой около 1230 г., нѣсколько мелкихъ смоленскихъ и рижскихъ грамотъ, договоры новгородцевъ съ нѣмцами и грамоты ихъ къ нѣмцамъ [7]), первые договоры новгородцевъ съ тверскими князьями [8]) и духовная новгородца Климента до 1270 г. [9]).

[1]) Описано въ нашихъ „Очеркахъ". — [2]) Описано нами въ Чтеніяхъ въ историч. Общ. Нестора Лѣтописца, кн. 12.—[3]) „Палеографическій снимокъ текста Русской Правды по новгородской Кормчей книгѣ XIII вѣка. Скопированный съ подлинника... подъ руководствомъ И. И. Срезневскаго". Спб. 1888.—[4]) Издано Обществомъ др. письм. (подъ редакціею Помяловскаго).—[5]) Описана нами въ Р. Филолог. Вѣстн. 1884 г., № 3.—[6]) Описано въ нашихъ „Очеркахъ".—[7]) Нѣсколько документовъ издано въ „Русско-Ливонскихъ Актахъ, собранныхъ К. Е. Напьерскимъ". Спб. 1868.—[8]) Новѣйшее изданіе этихъ договоровъ у Шахматова: „Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка", Спб. 1886 (оттискъ изъ „Изслѣдованій по русскому языку", Акад. Наукъ, т. I).—[9]) Издана (по литографир. снимку Сахарова) Срезневскимъ въ „Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ", № XXXV, Спб. 1867 г.

XIV вѣка. Галицко-волынское Поликарпово Евангеліе 1307 г. (Синод. Библ.) [1]); два псковскихъ Апостола, одинъ 1307 г., другой 1306—1312 г. (тамъ же) [2]); новгородская Тріодь 1311 г. (тамъ же); Евангеліе 1317 г. (Академія Наукъ); московское Евангеліе 1339 г. (Антоніевъ-Сійскій монастырь); переяславское Евангеліе 1354 г. (Синод. Библ.); новгородское Евангеліе 1355 г. (Синод. Библ.); новгородскій Прологъ 1356 г. (Типогр. Библ.); Евангеліе 1357 года, писанное въ сѣверномъ Галичѣ (Синод. Библ.); Евангеліе 1358 года, писанное въ московской области (тамъ же); новгородское Евангеліе до 1362 года (Типогр. Библ.); суздальскій Лаврентьевскій списокъ лѣтописей 1377 г. (Публ. Библ.) [3]); Паремейникъ 1378 г., вѣроятно, московскій (Публ. Муз.); два псковскихъ Параклитика, одинъ 1369 г., другой 1386 г. (Синод. Библ.); псковскій Прологъ 1383 г. (Типогр. Библ.) [4]); Стихирарь 1380 г., написанный, повидимому, ученикомъ и біографомъ преп. Сергія Епифаніемъ (Троицк. Лавра); московское Евангеліе 1393 г. (Публ. Библ.); оно принадлежитъ тому же писцу, которымъ написана кіевская Псалтырь 1397 года (Общ.

др. письм.); новгородскій Тактиконъ Никона Черногорца 1397 г., списанный съ средне-болгарскаго оригинала (Публ. Библ.); Евангеліе 1399 года, писанное, вѣроятно, въ московской области (Типогр. Библ.); новгородскій Служебникъ 1400 года (Синод. Библ.).

Изъ памятниковъ, не отмѣченныхъ годомъ, относятся къ XIV столѣтію: Синодальный списокъ Новгородской лѣтописи (Синод. Библ.) [5]); три галицко-волынскихъ Евангелія: Луцкое (Румянц. Муз.) [6]), Путенское (монастырь Путна, въ Буковинѣ) [7]) и Верковича (Публ. Библ.) [8]); Мстижское Евангеліе (Виленская Публ. Библ.); Чудовской Новый Завѣтъ, писанный, по преданію (недостовѣрному), митрополитомъ Алексіемъ [9]); Новгородскій Требникъ гр. Шереметева (Общ. др. письм.) [10]), Хронографъ Георгія Амартола, повидимому, западно-русскій (Моск. Дух. Ак.).

Изъ грамотъ этого столѣтія значительная часть приходится на долю Новгорода; онѣ тянутся чрезъ все столѣтіе [11]); за ними слѣдуютъ грамоты московскія (древнѣйшая — духовная Ивана Калиты около 1327 года, въ двухъ экземплярахъ) [12]), рязанскія (князя Олега), смоленскія, полоцкія; ко второй половины XIV в. относятся грамоты южно-русскія (галицкія и волынскія), западно-русскія, выданныя отчасти литовскими князьями и польскими королями, съ примѣсью польскихъ элементовъ въ языкѣ [13]), и молдавскія (съ южнорусскою примѣсью въ языкѣ) [14]); къ самому концу XIV в. и къ первой половинѣ XV в. относится рядъ двинскихъ грамотъ (изъ Двинской области, по нижнему теченію Сѣверной Двины) [15]).

[1]) Описано въ нашихъ „Очеркахъ“ — [2]) Описаны тамъ же. [3]) Мы пользуемся первымъ изданіемъ Археографической Комиссіи 1872 г.—Несторова лѣтопись по Лаврентьевскому списку издана Археографическою Комиссіею въ снимкѣ, Спб. 1872.—[4]) Эти три псковскихъ рукописи описаны въ нашихъ „Очеркахъ“.—[5]) Изданъ Археографическою Комиссіею, между прочимъ, въ снимкѣ: „Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку“, Спб. 1875.—[6]) Описано въ нашихъ „Очеркахъ“. — [7]) Издано Калужняцкимъ: „Monumenta linguae palaeoslovenicae. I. Evangelium Putnanum“, Vindobonae, 1888.—[8]) Описано Никольскимъ въ Р. Филолог. Вѣстн. 1894 г., № 4.—[9]) Изданъ въ снимкѣ митрополитомъ Леонтіемъ: „Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа. Трудъ святителя Алексія, митрополита московскаго и всея Руси“. М. 1892.—[10]) Изданъ въ снимкѣ Обществомъ др. письм.—[11]) Значительное число грамотъ XIV в. разныхъ областей Россіи (въ томъ числѣ одна псковская и одна рязанская) изданы въ снимкахъ Археологическимъ Институ-

томъ, Спб. 1903 (подъ редакціею нашею и Пташицкаго).—Новгородскія изданы одни въ „Русско-Ливонскихъ Актахъ", другія у Шахматова. — [12]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. I. М. 1813.—[13]) Южнорусскія грамоты (часть) описаны въ нашихъ „Очеркахъ".—[14]) Изданы Уляницкимъ въ „Матеріалахъ для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи... въ XIV—XVI вѣкахъ". М. 1887. [15]) Изданы Шахматовымъ: „Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV в." Спб. 1903.

Если мы теперь обратимся къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ писаны рукописи XI—XIV вв., то увидимъ, что по нимъ достаточно характеризуется только одинъ новгородскій говоръ, памятники котораго непрерывно тянутся съ половины XI до конца XIV в. Достовѣрные памятники кіевскаго говора, дающіе впрочемъ очень мало матеріала, имѣются только за XI и отчасти за XII вѣкъ; далѣе мы почти теряемъ слѣды этого говора. Галицко-волынскій говоръ имѣетъ памятники съ половины XI в. до конца XIV в. Смоленскій и полоцкій говоры имѣютъ небольшое количество грамотъ за XIII и XIV в. и затѣмъ теряются для изслѣдователя. Для западно-русскаго (=бѣлорусскаго) говора вполнѣ достовѣрныя данныя начинаются только съ XIV в. Для характеристики средне-русскихъ говоровъ мы имѣемъ матеріалъ отъ начала XIII в. (въ частности для московскаго говора—отъ первой половины XIV в.). Псковъ и Двинская земля оставили намъ по небольшому количеству памятниковъ, первый отъ начала, вторая—отъ самаго конца XIV в. и отъ XV в. Для говора Тмутороканской земли всѣ данныя заключаются въ маленькой надписи на Тмутороканскомъ камнѣ. Что касается до говоровъ Чернигова и Переяславля южнаго, то мы не имѣемъ съ XI по XIV в. никакого ни достовѣрнаго, пи недостовѣрнаго матеріала для ихъ характеристики (кромѣ надписи на чарѣ, вѣроятно, черниговскаго князя Владимира Давыдовича).

Изъ памятниковъ позднѣе XIV вѣка можно отмѣтить какъ особенно важные: коломенскую Палею 1406 г., списанную едва ли не съ новгородскаго оригинала и изданную учениками Тихонравова (Троицкая Лавра); псковское Лукино Ев. 1409 г. (Синод. Библ.; описано въ нашихъ „Очеркахъ"); галицко-волынскій списокъ поученій Ефрема Сирина 1492 г. (Публ. Библ.; описанъ тамъ же); западно-русскую Четью (Минею) 1489 г. (кіевскій Церковно-Археолог. Музей; описана Карпинскимъ въ Р. Филол. Вѣстн. 1889 г. № 1); Ипатскій списокъ лѣтописей XIV—XV в., новгородскій списокъ съ галицко-волынскаго оригинала (изданъ Археографическою

Комиссіею, Спб. 1871); западно-русскія Страсти Господни XV в. изданныя Обществомъ др. письменн. № CXL, на довольно чистомъ зап.-русскомъ языкѣ; Кіевскій Помянникъ XVI в., изданный въ Чтеніяхъ истор. общ. Нестора лѣтописца, кн. 6 (Кіево-Печерск. Лавра); печатную западно-русскую Библію Скорины 1517—1519 гг.; печатный зап.-русскій Лютеранскій Катихизисъ 1562 г.; печатный зап.-русскій Литовскій Статутъ 1588 г.; печатное зап.-русское Евангеліе, такъ наз. Евангеліе Тяпинскаго, на довольно чистомъ зап.-русскомъ языкѣ; зап.-русскую Псалтырь XVI в., на довольно чистомъ зап.-русскомъ языкѣ, описанную Карскимъ (Рум. Муз. № 335); западно-русскій Познанскій сборникъ повѣстей, описанный Брюкнеромъ и изданный (отчасти) Веселовскимъ; южно-русское Пересопницкое Евангеліе 1561 г., южно-русскую передѣлку зап.-русскаго текста, находящагося въ Евангеліи Тяпинскаго (библ. Переяславской Дух. Семинаріи; описано и частію издано Житецкимъ въ „Трудахъ 3-го Археологическаго Съѣзда“ и отдѣльно: „Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в.“ Кіевъ, 1876); московскій Судебникъ 1550 г. (изданъ впервые Калайдовичемъ и Строевымъ, М. 1819); Домострой по списку Общества исторіи и древностей XVI в. (изданъ въ Чтеніяхъ 1881 г., кн. 2); печатную Книгу о ратномъ строеніи 1647 г.; печатное Уложеніе ц. Алексѣя Михайловича 1649 г., и Повѣствованіе о Россіи Котошихина, второй половины XVII в. (издано Археографическою Комиссіею).

Ссылки изъ поименованныхъ выше памятниковъ — на Остромирово Евангеліе сдѣланы нами по изданію Савинкова, на Сборникъ 1073 г.—по изданію Общества др. письм., на Минеи 1095—1097 гг.—по изданію Ягича, на Житіе Ѳеодосія Печ. и Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ — по изд. Попова и Бодянскаго, на Слово Ипполита—по изд. Невоструева и Срезневскаго, на Христинопольскій Апостолъ и на Путенское Евангеліе—по изд. Калужняцкаго, на Чудовской Новый Завѣтъ—по изд. м-та Леонтія, на Требникъ гр. Шереметева—по изд. Общества др. письм., на Русскую правду—по изд. подъ руководствомъ Срезневскаго, на Лаврентьевскій и Ипатскій списки лѣтописей—по *печатнымъ* изданіямъ Археографической Комиссіи, на Новгородскую лѣтопись — по фото-литографированному изд. той же Комиссіи, на грамоты и надписи (кромѣ духовныхъ московскихъ князей и молдавскихъ) — по снимкамъ и печатнымъ изданіямъ, на молдавскіе документы—по изданію Уляницкаго. *Здѣсь цифра при ссылкѣ означаетъ страницу изданія.*

Ссылки на другіе памятники (если не указанъ печатный источникъ) сдѣланы нами по оригиналамъ. *Здѣсь цифра означаетъ листъ рукописи* или (если памятникъ—старо-печатная книга) *подлиннаго печатнаго изданія.*

III. Главныя звуковыя особенности русскаго языка.

Отношеніе русскаго языка къ другимъ славянскимъ языкамъ въ ту отдаленную эпоху, отъ которой дошли до насъ первые письменные памятники русскаго языка, было не таково, какъ въ настоящее время. Хотя и теперь для русскаго болѣе или менѣе понятна рѣчь серба, словака, поляка, однако онъ встрѣчаетъ у нихъ много формъ, много словъ для него неясныхъ; рѣчь же чеха, лужичанина можетъ считаться для русскаго почти совсѣмъ непонятною. Но въ половинѣ XI вѣка русскій языкъ былъ настолько близокъ къ другимъ славянскимъ языкамъ, что русскій могъ свободно пользоваться болгарскими книгами, говорить съ полякомъ и сербомъ. Тѣмъ не менѣе русская рѣчь уже въ XI вѣкѣ имѣла свои характеристическія особенности. Онѣ слѣдующія.

Отсутствіе носовыхъ гласныхъ. На мѣстѣ церковно-славянскаго ѫ въ русскомъ языкѣ мы видимъ *у* (*ю*), которое является также въ языкахъ сербскомъ и чешскомъ; въ польскомъ языкѣ церковно-славянскому ѫ соотвѣствуютъ носовые звуки *ę* и *ą*. Церковно-славянскій ѧ имѣетъ себѣ соотвѣтствіе въ русскомъ языкѣ въ *а* (*я*); въ польскомъ языкѣ ему соотвѣтствуютъ *ę* и *ą* съ предыдущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ; въ чешскомъ языкѣ церковно-славянскому ѧ въ настоящее время соотвѣтствуетъ нѣсколько звуковъ, но въ древности ему соотвѣтствовало *а* съ предыдущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ; въ сербскомъ языкѣ церковно-славянскому ѧ соотвѣтствуетъ *е*. Не слѣдуетъ однако думать, что отсутствіе носовыхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ есть явленіе исконное. Въ половинѣ XI в. носовыхъ звуковъ дѣйствительно уже не было, но раньше, когда начались у насъ сношенія съ жителями Скандинавіи, съ варягами, когда нача-

лось вліяніе на русскій языкъ языка скандинавскаго, въ то время носовые звуки еще существовали въ русскомъ языкѣ. Въ этомъ мы убѣдимся, если сопоставимъ нѣсколько древне-русскихъ словъ, ведущихъ начало отъ скандинавскихъ, съ этими послѣдними: *варягъ*= старо-сканд. varingr, греч. βάραγγος; *кълбягъ* (названіе народа)= старо-скандин. kylfingr, греческое κούλπιγγος; *Судъ* (названіе пристани въ Константинополѣ, τὸ Στενόν, Золотой Рогъ)=старо-скандинавское sund (морской проливъ); *ябетьникъ*—сравни старо-скандинавское ämbiti (служба). Если бы въ древне-русскомъ языкѣ, когда начались сношенія русскихъ съ скандинавами, не было носовыхъ гласныхъ, то мы имѣли бы не *варягъ* (изъ *варѧгъ*), *Судъ* (изъ *сѫдъ*), а *варенгъ*, *Сундъ* и т. д. Данныя, извлеченныя изъ сопоставленія русскихъ словъ съ скандинавскими, находятъ себѣ подтвержденіе въ сопоставленіи греческаго, латинскаго и нѣмецкаго названій мадьяръ съ ихъ русскимъ названіемъ — въ сопоставленіи греч. οὔγγαροι, οὔγγροι, латинск. ungari, hungari, нѣмецк. ungarn съ русск. *угре* (имен. п. ед. *угринъ*). Названіе *угре* могло явиться въ русскомъ языкѣ приблизительно въ началѣ IX в., когда русскіе славяне впервые встрѣтились съ мадьярами; очевидно, тогда въ русскомъ языкѣ еще существовалъ носовой звукъ и слово угре произносилось *ѫгре*. Въ концѣ X в. носовыхъ гласныхъ, повидимому, уже не было. Константинъ Багрянородный, писавшій въ это время свое сочиненіе «Объ управленіи государствомъ», приводитъ въ числѣ названій днѣпровскихъ пороговъ слова Νεασήτ=*неясыть* (церк.-слав. *неѧсыть*), Ναπρεζή = *напрязи* (церк.-слав. *напрѧзи*), Βερούτζη=*въручи* (церк.-слав. *вързѫщи*, прич. наст. вр. женск. р.), гдѣ мы уже находимъ чистые гласные звуки. Что въ половинѣ XI вѣка носовыхъ звуковъ уже не было, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній: Остромирово Ев. представляетъ довольно значительное число случаевъ замѣны церк.-слав. ѫ и ѧ черезъ *у*, *ю*, *а*, *я* и наоборотъ (вин. ед. вод*у*, вѣр*у*, им. мн. овьц*а*, род. ед. вол*я*, дат. ед. сѣдѧщѫ, род. ед. морѧ и др.), которая показываетъ, что писецъ Остромирова Ев. не имѣлъ понятія о носовомъ произношеніи какихъ-либо гласныхъ звуковъ. Въ другихъ памятникахъ XI в. мы находимъ еще большее смѣшеніе церк.-слав. юсовъ съ *у*, *ю*, *а*, *я*; въ памятникахъ же XII в. ѫ-са уже почти совсѣмъ не встрѣчаемъ, а ѧ по значенію нисколько не отличается отъ ꙗ.

Смягченіе зубныхъ согласныхъ въ *ж* **и** *ч*. Между тѣмъ какъ въ церковно-славянскомъ языкѣ изъ *dj* образовалось *жд*, а изъ *тј* и изъ группы: гортанный+мягкое *т*—*шт*, въ русскомъ языкѣ этимъ *жд, шт* соотвѣтствуютъ *ж* и *ч*, при западно-славянскихъ *dz* (*z*) и *c*. Примѣры: церк.-слав. *вижд*ѫ (*жд* изъ *dj*)=древне-русск. ви*ж*ю=польск. wi*dz*ę; церк.-слав. хо*шт*ѫ (*шт* изъ *тј*)=русск. хо*ч*ю=польск. chcę; церк.-слав. пе*шт*ь (*шт* изъ *кт'*)=русск. пе*ч*ь=польск. pec. Такимъ образомъ русскій языкъ отличается отъ церковно-славянскаго и западно-славянскихъ тѣмъ, что употребляетъ 1) *ж* вм. *жд, дз* и 2) *ч* вм. *шт, ц*. Должно имѣть въ виду, что въ русскій литературный языкъ вошло изъ церковно-славянскаго языка множество словъ, въ ихъ числѣ и слова съ *жд*, *щ*: оде*жд*а, осу*жд*ать, во*жд*ь, знаю*щ*ій, похи*щ*ать, пи*щ*а и т. п.

Церковно-славянскій языкъ смягчалъ зубные не только передъ *j*, но и передъ *pj*, *вj*: ум*ж*жд*ряти, изо*шт*ряти, ухы*шт*ряти, умръ*шт*вяти или умръ*шт*вляти. Русскій языкъ въ подобныхъ словахъ не знаетъ смягченія. По крайней мѣрѣ въ древнихъ памятникахъ мы не находимъ достовѣрныхъ его примѣровъ (уму*ж*ряеть, Архивск. Лѣств. XIII в. 24 об., изъо*ч*рѣніе паче меча Румянц. Сб. XV в. № 406, 31 об. и т. п. не внушаютъ довѣрія), а современный языкъ имѣетъ *д* и *т*: уму*д*рять, ухи*т*ряться. Находящіяся въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ: изо*щ*рять, ухи*щ*реніе, умер*щ*влять—заимствованы изъ церковно-славянскаго языка.

На мѣстѣ церк.-слав. *жд*, образовавшагося изъ болѣе древнихъ *зд* и *зг*, въ русскомъ языкѣ мы имѣемъ: а) въ серединѣ словъ въ большинствѣ случаевъ *жж* или *ждж*, въ меньшинствѣ *жч*; въ западно-славянскихъ языкахъ мы находимъ обыкновенно: въ чешскомъ *žd'*, въ польскомъ *ždž*, рѣже: въ чешскомъ *šč*, *št'*, въ польскомъ *szcz* (*щ*); б) при соединеніи словъ съ префиксами и предлогами въ древнѣйшихъ памятникахъ—*ж*; старо-польскіе памятники здѣсь имѣютъ *ždž*.

На мѣстѣ церк.-слав. *шт*, образовавшагося изъ болѣе древнихъ *ст* или *ск*, въ русскомъ языкѣ является какъ въ серединѣ словъ, такъ и при соединеніи словъ съ префиксами и предлогами—*щ* (=*шш, шч*), причемъ мы находимъ въ чешскомъ *šč*, *št'*, въ польскомъ *szcz*.

Примѣры: а) церк.-слав. *яжд*ѫ, *яждати*=русск. ѣ*жж*ю, ѣ*ж*-

жжять=польск. je*ždz*ę, чешск. ji*ždě*ti; церк.-слав. мо*жд*ити (при мозгъ)=русск. мо*жж*ить, мо*жж*ечокъ=польск. mó*ždž*ek; церк.-слав. пу*шт*ѫ=русск. пу*шш*ю=польск. pu*szcz*ę; церк.-слав. дъ*жд*ь, малорусское и бѣлорусское до*жч*ь или до*щ*ь, древне-чешское d*šč*íti дождить (въ Виттембергской Псалтыри XIV в.), de*šč*, de*šť* дождь, польск. de*szcz*; б) ц.-слав. и*жд*ити=др.-русск. и*жж*ити=ст.-пол. *ždž*yć; ц.-слав. бе-*жд*ьзла (безъ жезла)=др.-русск. бе-*жж*ьзла (Слова Григ. Бог. XI в. 345 об.). Изъ древне-русскаго *жж* уже на русской почвѣ возникли *жг* и *жд*: др.-новгородск. пригво*жг*енъ, Минея 1095 г. 128, 130; ѣ*жд*ю Ипатскій сп. лѣт. 320, 347, 420; соврем. сѣв.-малорусск. одъї*жд*яти и т. п., сѣв.-великорусск. во*жд*яться, уѣ*жд*ять и т. п.

Что до *зж* въ соврем. русск. уѣ*зж*ать, по*зж*е, во*зж*и и т. п., то въ немъ мы имѣемъ дѣло съ неправильностью правописанія.

Мягкое *л* послѣ губныхъ изъ *j*. При такъ называемомъ смягченіи губныхъ въ русскомъ языкѣ изъ *j* постоянно образуется мягкое *л*, которое почти всегда отсутствуетъ въ западно-славянскихъ языкахъ и не всегда находится въ церковно-славянскомъ языкѣ; примѣръ: русск. люб*л*ю, польское lu*b*ię, церк.-слав. люб*л*ѭ и люб*ь*ѭ, люб*ь*ѭ. Впрочемъ должно замѣтить, что глаголы уязв*л*яю и умерщв*л*яю съ своими производными и вообще слова съ нѣмымъ согласнымъ передъ губнымъ въ русскихъ памятникахъ до XV в. обыкновенно являются безъ *л*: уяз*в*яю, уяз*в*енъ, умьрщ*в*яю, умьрщ*в*енъ. Сверхъ того, слово зе*мл*я иногда является въ памятникахъ въ видѣ зе*мя*: откуду ѥсть пошла руская зе*мя*, Лаврент. сп. лѣт.; на тыхъ зе*мя*хъ, двинская грамота XIV—XV в.; зе*мя* и пожни, грам. 1518 г. Ак. Юр. 269,447. Это слово въ древности не имѣло *j* послѣ *м* (сравни литовск. žemē).

Отсутствіе *д* передъ *л* и *н*. Въ церковно-славянскомъ языкѣ *д* и *т* передъ *л* выпадаютъ: мо*л*ити изъ мо*дл*ити, шь*л*ъ изъ шь*дл*ъ, пле*л*ъ изъ пле*тл*ъ, ва*н*ѫти изъ ва*дн*ѫти. То же мы видимъ въ русскомъ языкѣ; но въ западно-славянскихъ языкахъ *д* удерживается: польск. mo*dl*ić, чешск. mo*dl*iti, польск. sze*dl*, wió*dl*, pló*tl*, чешск. pa*dl*, ple*tl*, če*tl* (по še*l*, š*l*a), чешск. va*dn*outi, pa*dn*outi и т. п.

Полногласіе. Однимъ изъ видныхъ отличій русскаго языка отъ другихъ славянскихъ языковъ является сочетаніе гласныхъ съ плавными согласными. Мы считаемъ установленнымъ, что русскій языкъ

имѣетъ два вида полногласія—такъ называемыя первое полногласіе и второе полногласіе.

Первое полногласіе имѣетъ мѣсто въ слѣдующихъ явленіяхъ.

1) Когда въ обще-славянскомъ языкѣ за согласнымъ звукомъ слѣдовала звуковая группа *ăр* или *ăл*, за которою находился еще согласный звукъ (согласный+*ăр*, *ăл*+согласный), то это *ăр*, *ăл* въ церковно-славянскомъ, сербскомъ и чешскомъ языкахъ является въ видѣ *ра*, *ла*, въ польскомъ языкѣ—въ видѣ *ро*, *ло*, въ русскомъ—въ видѣ *оро*, *оло*. Примѣры: обще-слав. б*ăр*да (сравни нѣмецк. b*ar*t) дало въ церковно-славянскомъ, сербскомъ и чешскомъ б*ра*да, въ польскомъ b*ro*da, въ русскомъ б*оро*да; обще-славянск. г*ăл*ва (сравни литовск. g*al*va) дало въ церковно-славянскомъ, сербскомъ и чешскомъ г*ла*ва, въ польскомъ g*ło*wa, въ русскомъ г*оло*ва.

Глаголы въ родѣ пово*ра*чивать, выко*ла*чивать, не встрѣчающіеся въ древне-русскихъ памятникахъ, вѣроятно,—сравнительно поздняго происхожденія, равно какъ и соотвѣтствующіе имъ въ польскомъ языкѣ глаголы съ *ra* (не *ro*): w*ra*cac и т. п.

Русскія слова съ церковно-славянскою вокализаціею, въ родѣ х*ра*бръ, м*ла*дъ, с*ла*докъ,—заимствованія изъ церковно-славянскаго языка.

2) Когда въ обще-славянскомъ языкѣ за согласнымъ звукомъ слѣдовало *ер*, за которымъ находился еще согласный (согл.+*ер*+согл.), то въ церковно-славянскомъ, сербскомъ и чешскомъ изъ *ер* получилось *рѣ*, въ польскомъ—*re*, въ русскомъ—*ере*; примѣръ: обще-славянское б*ер*гъ (сравни нѣмецк. b*er*g) дало въ церк.-славянскомъ б*рѣ*гъ, въ сербскомъ б*риј*ег, въ чешскомъ b*ře*h, въ польскомъ b*rze*g, въ русскомъ б*ере*гъ.

Это правило имѣетъ одно исключеніе. Это—др.-русск. с*рѣ*бро (встрѣчается нерѣдко въ древнѣйшихъ памятникахъ: на монетахъ вел. кн. Владимира Св., въ Минеѣ 1096 г. 188, въ Стихирарѣ 1157 г. 40 об., въ Милятиномъ Ев. XII в., въ Житіи Нифонта 1219 года 125 об. и др., въ Галицкомъ Евангеліи около 1266 года, въ Галицкомъ Ев. 1283 г. и др.), современное малорусское с*рі*бро или с*рі*бло; сравни чешск. st*ří*bro (изъ с*рѣ*бро); рядомъ съ нимъ мы имѣемъ полногласное с*ере*бро (уже въ Святосл. Сборн. 1073 г.).

Русскія слова какъ-бы съ польскимъ сочетаніемъ звуковъ въ родѣ б*ре*гъ, в*ре*дъ, в*ре*мя—заимствованія изъ церковно-славянскаго

языка (съ *е* вм. ц.-слав. *ѣ*, подъ вліяніемъ русскаго *е* въ берегъ и т. п.).

3) Въ томъ случаѣ, когда въ обще-славянскомъ языкѣ за согласнымъ звукомъ слѣдовала группа *ел*, за которою находился еще согласный звукъ (согл.+*ел*+согл.), изъ этого *ел* въ церковно-славянскомъ языкѣ обыкновенно является *лѣ*, въ сербскомъ—*ле* и *лије* (изъ *лѣ*), въ чешскомъ—двѣ группы *la* и *lě* (*лѣ*), въ польскомъ—*ło* и *le*; въ русскомъ языкѣ въ этомъ случаѣ является или *ело*, или *еле*, или наконецъ *оло*. Мы находимъ русское *ело* изъ обще-славянск. *ел* исключительно послѣ шипящихъ: въ *желобъ* (обще-слав. *желбъ*, церк.-слав. *жлѣбъ*, сербск. *жлијеб*, чешск. *žlab* и *žleb*, польск. *žłób*); въ *человѣкъ* (сравни церк.-слав. *чловѣкъ*); въ *шеломъ* (сравни церк.-слав. *шлѣмъ*); въ *шеломя* холмъ (сравни церк.-слав. *слѣма*). Мы находимъ русское *еле* изъ обще-слав. *ел* въ словахъ *железа*, *желёзка* (сравни церк.-слав. *жлѣза*, сербск. *жлијезда*, чешск. *žláza* и *žleza*), рядомъ съ *желоза* (Лѣтопись Аврамки 1495 г., Псковскія лѣтописи); *шелемъ* шлемъ (Требникъ Шереметева XIV в. л. 53; сравни церк.-слав. *шлѣмъ*); *селезень* (сравни польск. *ślizień*); *селезенка* (сравни польск. *śledziona*, чешск. *slezena*); *пелёва* (при *полова*, *половелъ*; сравни церк.-слав. *плѣва*, *плѣвелъ*, чешск. *plíva* и *pleva*, пол. *płowa*) и, вѣроятно, *белена* (сравни ново-болг. *блѣнъ*, старочешск. *blen*, соврем. чешск. *blín*, гдѣ *i* изъ *ѣ*). Что до *оло*, то эта группа является въ русскомъ языкѣ исключительно послѣ не-шипящихъ: въ *полова*, *половелъ*; въ *волоку* (1 л. ед.; церк.-слав. *влѣкѫ*, чешск. *vleku*, пол. *włokę*); въ *долото* (сербск. *длијето*, чешск. *dláto*, пол. *dłóto*); въ *молоко* (церк.-слав. *млѣко*, сербск. *млијеко*, чеш. *mleko* пол. *mleko* и *młokos* изъ *młokosъsъ*=молокососъ); въ *полонъ* (церк.-слав. *плѣнъ*, чеш. *plen*, пол. *płon* изъ *plen*).

Русскія слова *членъ* (сравни въ Христинопольскомъ Апостолѣ XII в. *челонъ*), *шлемъ*, *плѣнъ*—заимствованія изъ церковно-славянскаго языка.

4) Въ самой тѣсной связи съ первымъ полногласіемъ находятся явленія, имѣвшія мѣсто тогда, когда въ обще-славянскомъ языкѣ въ началѣ словъ были гласные *ă* и *е*, за которыми слѣдовалъ плавный звукъ+другой согласный (*ă*, *е*+плавн.+согл.). Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ обще-славянскомъ языкѣ были въ началѣ словъ группы *ăр* и *ăл*, въ церк.-славянскомъ и сербскомъ явились *ра*, *ла*, въ поль-

скомъ и чешскомъ—*ro*, *lo*, въ русскомъ—также *ро*, *ло*. Примѣры: при церк.-слав. *ладии*, рядомъ съ которымъ встрѣчается *алдии*, лодка, мы находимъ въ чешскомъ языкѣ *lo*d', въ польскомъ *ło*dź, въ русскомъ *лодья*, *лод*ка; при церковно-славянскомъ *ра*вьнъ мы имѣемъ чешск. *ro*vný, польск. *ró*wny, русск. *ро*вный; церк.-слав. префиксу *раз* соотвѣтствуетъ чешск. и польск. *roz*, русскій *роз*. Надо замѣтить, что когда мы пишемъ этотъ префиксъ (точно такъ же какъ и слова *ра*кита, *ра*бота, *ра*сти и производныя) чрезъ *а*, то употребляемъ не русское, а церковно-славянское правописаніе. Въ древнихъ памятникахъ съ чистымъ русскимъ языкомъ мы всегда находимъ *роз*, а не *раз*; то же мы видимъ въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ окающихъ говорахъ и въ малорусскомъ нарѣчіи; въ самомъ нашемъ литературномъ языкѣ мы слышимъ *о* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда префиксъ находится подъ удареніемъ (*ро́скошь*, *ро́здыхъ*, *ро́звальни*, *ро́списъ*). Великорусск. *ра́з*умъ едва ли можно считать исключеніемъ въ виду малорусск. и бѣлорусск. *роз*умъ (въ ст.-чешск. также *roz*um); вѣроятно, оно, какъ и *ра́с*пря,—вошло въ народный языкъ изъ церковно-славянскаго языка книгъ.

Изъ правила о соотвѣтствіи русск. *ро*, *ло* церк.-славянскому *ра*, *ла* изъ *ăр*, *ăл* также есть нѣсколько исключеній. Это—существительныя *ра*ло, *ра*тай (сравни литовск. *ar*klas плугъ, *ar*tojis пахарь) при тожественныхъ польскихъ *ra*dło, *ra*taj съ одной стороны и древн.-русск. *ро*лья съ другой; прилагательное *ла*комъ и родственныя, при польск. łakomy, чешск. *la*čný; нарѣчіе *развѣ*, которое, можетъ быть, вовсе не родственно съ префиксомъ *раз* (сравни ц.-слав. *розвѣ* въ Супрасльской рукописи и въ Словѣ Ипполита XII в.).

Первое полногласіе въ главной части своихъ явленій (*борода*, *берег*ъ) свойственно исключительно русскому языку и составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ его особенностей. То немногое, что нѣсколько напоминаетъ его въ другихъ славянскихъ языкахъ (напримѣръ, ц.-слав. *золъ*то Синайская Псалт. 150, словацк. *čere*py, *čere*va, *čere*šňa), представляетъ съ нимъ лишь случайное сходство и не находится съ нимъ въ связи.

Второе полногласіе, имѣющее мѣсто не только въ русскомъ языкѣ, но и въ языкахъ западно-славянскихъ, состоитъ въ томъ, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ церковно-славянскомъ языкѣ были въ древнѣйшую эпоху группы *ър*, *ьр*, *ъл*, *ьл*, а въ болѣе позднюю, въ

эпоху написанія дошедшихъ до насъ церковно-славянскихъ памятниковъ,—гласные плавные, или *ръ*, *лъ* съ предыдущимъ и послѣдующимъ согласнымъ (т. е. сперва согласный+*ър*, *ъл*, *ьр*, *ьл*+согласный, потомъ согласный+*ръ*, *лъ*+согласный), въ русскомъ языкѣ могутъ являться группы *ъръ*, *ьрь*, *ълъ*, *ьль* и въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ (всего чаще передъ твердыми *д* и *т*, иногда передъ твердыми *з* и *с*)—*ьръ*, *ьлъ*, образовавшіяся вслѣдствіе возникновенія паразитнаго глухого звука между плавнымъ и слѣдующимъ за нимъ согласнымъ. Слова со вторымъ полногласіемъ мы видимъ уже въ самыхъ древнихъ русскихъ памятникахъ, и въ сѣверно-, и въ южнорусскихъ; такъ, въ Остромировомъ Ев. мы читаемъ: м*ълъ*нии, ск*ъръ*бь, м*ълъ*ващe, т*ълъ*цѣте, нап*ълъ*нѥна, съм*ьрь*ть, в*ьрь*гѫ, з*ьрь*но, исп*ьрь*ва и т. п., м*ьрь*твъ, в*ьрь*тоградъ, д*ерь*зати, п*ьрь*стъ; Минея 1095 г. имѣетъ: ст*ълъ*пъ, к*ъръ*мити, исп*ълъ*няя, г*ъръ*дыню, п*ьрь*выя, д*ьрь*зость, във*ьрь*женъ, ч*ьрь*тогъ, в*ьрь*ста и т. п., ж*ьрь*тву, п*ьрь*стъмъ, м*ьрь*твыхъ. Надо замѣтить, что эти два памятника, какъ и многіе другіе, имѣющіе слова со вторымъ полногласіемъ, не знаютъ употребленія ъ и ь тамъ, гдѣ эти буквы не находятъ себѣ объясненія изъ древне-русской фонетики, вслѣдствіе чего присутствіе въ этихъ словахъ ъ и ь послѣ *р* и *л* не можетъ быть объясняемо какъ особенность правописанія, а не какъ особенность языка. Въ памятникахъ XII, XIII, XIV в., какъ сѣверно-, такъ и южно-русскихъ, подобныя написанія встрѣчаются въ однихъ, старшихъ, очень часто (Житіе Ѳеодосія Печерскаго по Усп. сб. XII—XIII в.: п*ълъ*ны, д*ьрь*зновение, ч*ьрь*норизьць и т. п., тв*ьрь*дъмь, милос*ьрь*дъ, м*ьрь*тву и т. п.), въ другихъ, младшихъ, рѣже—что́ вполнѣ естественно—или даже совсѣмъ рѣдко, причемъ въ послѣднихъ—что́ также вполнѣ естественно—слова съ *ъръ*, *ълъ*, *ьръ* встрѣчаются несравненно рѣже, чѣмъ слова съ *ьрь*, *ерь*, гдѣ второй ь, конечно, означаетъ уже не гласный звукъ, а только мягкость *р* (Евангеліе 1355 г.: отв*ерь*зу, ц*ерь*ковь; Евангеліе 1357 г.: ц*ерь*ковь, поч*ерь*пала; Путенское Ев. XIV в.: отв*ерь*гуся, раст*ерь*гнуть, т*ерь*плю и др.). Между прочимъ, слова со вторымъ полногласіемъ встрѣчаются также въ тѣхъ рукописяхъ XII и XIII вв., въ которыхъ текстъ богослужебныхъ пѣснопѣній снабженъ нотами для пѣнія, такъ что для каждой гласной буквы имѣется (надъ нею) особый нотный знакъ. Такъ, мы читаемъ въ Стихирарѣ 1157 года: об*ълъ*ценъ 7, исп*ълъ*няя 181, п*ьрь*сть 184;

въ Стихирарѣ ок. 1163 г. постоянно: *вългхвъ*; въ Стихирарѣ XII в. Синод. Библ. № 279: *мълъчаньну* 38 об., *обълъклъ* 42, *пъръвая* 120, *пъръстьмь* 31 об.; въ Тріоди XII в. Синод. Библ. № 319: *мълънпя* 8 об., *вълъною* 10 об., по *дългу* 32, *пъръвуyму* 7, *чъръньци* 26, *жълъчи* 66; въ Тріоди XIII в. Синод. Библ. Усп. № 8: *горъстью* 152, *дързновеніе* 8,—я 43, 150,—мь 33, *удеръжиши* 42, *съдеръжащаго* 167 об., *мерътвьца* 174, *мерътвыихъ* 98, 148 об.; въ Кондакарѣ XII—XIII в. Публ. Библ. Q. 32: *цъвръвъкы*=*църькы* 32, и др. Здѣсь какъ надъ первымъ *ъ*, *ь*, такъ и надъ вторымъ неизмѣнно находятся нотные знаки—доказательство, что эти буквы произносились при пѣніи. Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ памятникахъ XII—XIV вѣковъ и въ болѣе позднихъ мы встрѣчаемъ на мѣстѣ древнѣйшихъ *ръ, лъ, ьрь*—группы *оро, оло, ере*. Мы читаемъ въ новгородскомъ Кондакарѣ XII—XIII в. Публ. Библ.: на *веребнич(у)* 61; рядомъ: нед(ѣля) *вързбьна* 96 об.; въ новгородскомъ Прологѣ 1262 г.: *черенцемъ* 14, *безмоловия* 124 об.; въ новгородскомъ Паремейникѣ 1271 г.: *веребныя* нед(ѣлѣ), запись; въ галицко-волынскомъ Поликарповомъ Ев. 1307 г.: *умеретвия* 37; въ псковскомъ Ирмолоѣ 1344 г.: в *черемнѣмь* мори 14 об.; въ Евангеліи 1357 г.: *молонья* 124, *молонии* 154 об., 164; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в.: *молонья* 13 об., 155 об., *молониі* 16; въ новгородской Минеѣ 1370 г.: *доложьнующе*; въ Евангеліи 1393 г.: *молонии* 182 об.; въ кіевской Псалтыри 1397 г.: *молонья* 20 об., 105; въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣт.: *молонья* 144, 145; въ Новгородской лѣтописи по Синод. сп.: съ *Торожку* 168, къ *Торожку* 167, *новоторожьскыи* 160, *Търожку* 161, 175, *Поволожье* 168, к *надолобомъ* 243, *цереньцемъ* 35, въ *череньцихъ* 216, *церенци* 235; въ галицко-вол. Путенскомъ Евангеліи XIV в.: *умеретвья* 233; въ новгородскомъ Прологѣ 1400 г. Синод. Библ.: *церенцю* 9; въ двинской духовной XIV—XV в.: *черенцовъ* Ак. Юр. 433; въ Ипатскомъ спискѣ лѣт.: *веребницю* 241, *бороздо*=*борзо* 380; въ печатномъ зап.-русск. Ев. Тяпинскаго XVI в.: *маланья*; въ малорусскомъ словарикѣ к. XVII в., изданномъ Житецкимъ: *веровка* (*о* изъ *ё*).

Въ современномъ великорусскомъ нарѣчіи слова со вторымъ полногласіемъ—не особенная рѣдкость; въ нихъ на мѣстѣ древнихъ *ъ, ь* слышится *о, е*: великорусск. *молонья́* (Остромирово Ев.: *мълънии*), *по́солонь* (Остромирово Ев.: *сълньце*), *солоповоротъ*, *золо́вка*, *беревно́*

и *бре*вно́ (Остром. Ев.: *бръ*вьно), *вере́*вка, *смере́*тушка, сум*ере*чный, *чере́*мный рыжій. Рядомъ съ этими словами, въ которыхъ слышится гласный послѣ плавнаго, въ великорусскомъ нарѣчіи есть цѣлый рядъ словъ, гдѣ гласнаго послѣ плавнаго уже нѣтъ, но гдѣ остался отъ него слѣдъ въ видѣ мягкости плавнаго: *верь*хъ, *церь*ковь, четв*ерь*гъ, п*ерь*вый, с*ерь*пъ, ст*ерь*ва и т. п. Остатки и слѣды второго полногласія существуютъ также въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, хотя въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ великорусскомъ. Такъ, у угорскихъ русскихъ Марамароша слышится: в*ере*вка, *верь*хъ, д*ерь*гати, п*ерь*хати, ц*ерь*ковъ; въ бѣлорусскомъ нарѣчіи: м*ала*ння́, м*ало́*нка, в*яро́*вка, см*яро́*тный=смере́тный, смертный.

Съ явленіями русскаго втораго полногласія близко родственны: 1) употребленіе группъ *lu*, *lo*, *ru* въ польскомъ, *lu*, *lou*, *lo* въ чешскомъ языкахъ: пол. t*łu*sty, чеш. t*lu*stý; пол. s*ło*nce, чеш. s*lu*nce и s*lo*nce; пол. d*łu*gi, чеш. d*lou*hý; пол. s*łu*p, чеш. s*lou*p (столпъ); пол. m*ru*gać (моргать); чешск. ž*lu*tý, č*lu*n, гдѣ *lu*, *ru* и проч. — изъ неударяемыхъ полногласныхъ группъ *ълъ*, *ълъ*, *ъръ*, въ которыхъ первый глухой исчезъ, а второй перешелъ въ *u* или *o* (срв. съ одной стороны др.-русск. т*ълъ*стъ, с*ълъ*ньце, д*ълъ*гъ, ж*ьлъ*тъ, ч*ълъ*нъ, съ другой ст.-чешск. b*lu*cha изъ б*лъ*ха̀, ст.-чешск и соврем. чешск. діалект. s*lu*za, s*lo*za изъ с*лъ*за̀); 2) употребленіе мягкаго *р* (*rz*) въ польскомъ языкѣ: wi*erz*ch или wi*rz*ch (=в*ерь*хъ), wi*erz*ba (=в*ерь*ба), wi*erz*gać (сравни в*ърь*гж Остром. Ев.), и мягкаго *р* (*r'*) въ верхне-лужицкомъ: v'*er'*ch, v'*er'*ba; 3) употребленіе группы *ere*, *ire* въ древне-польск. c*ere*kiew и c*ire*kiew (Флоріанская Псалтырь XIV в.) и въ др.-чешск. církev, род. ед. c*ere*kve, C*ere*kvice (мѣстное названіе; сравни соврем. русск. ц*ерь*ковь, др.-русск. ц*ърь*кы), и наконецъ 4) употребленіе мягкаго *l* въ польск. wi*l*k волкъ, mi*l*czeć молчать (=в*ълъ*къ, м*ълъ*чать); ничего подобнаго послѣднему въ русскомъ языкѣ нѣтъ. Сверхъ того, пол. *ar* съ предыдущимъ мягкимъ или — обыкновенно — съ происшедшимъ изъ мягкаго твердымъ согласнымъ является на мѣстѣ др.-русской полногласной группы *ъръ*: m*ar*twy (срв. м*ъръ*твъ), czw*ar*ty (срв. четв*ъръ*тъ) и т. п. и, вѣроятно, находится съ нею въ связи.

Глухіе *ъ* и *ь* передъ плавными. Въ тѣхъ случаяхъ, когда церковно-славянскій языкъ въ древнѣйшую эпоху имѣлъ группы *ър*, *ьр*, *ъл*, *ьл*, а въ болѣе позднюю — гласные *р* и *л* (т.-е. *ръ*, *лъ* церк.-сла-

вянскихъ памятниковъ) съ послѣдующимъ согласнымъ, въ сербскомъ языкѣ мы находимъ плавный гласный *р* и *у* (которое образовалось изъ гласнаго *л*), въ чешскомъ чаще—плавные гласные *r*, *l*, рѣже, послѣ шипящихъ,—*er*, въ польскомъ всего чаще — группы *ar*, *er*, *el*, *ol*; но русскій языкъ (было въ немъ второе полногласіе, или не было) сохранилъ передъ плавными древнія *ъ* и *ь*, которыя перешли потомъ въ *о* и *е*. Примѣры: церк.-слав. т*ръ*гъ, в*ръ*хъ, ч*ръ*нъ, в*лъ*на, п*лъ*нъ, ж*лъ*тъ=сербск. т*р*г, в*р*х, ц*р*н, в*у*на, п*у*н, ж*у*т=чешск. *tr*h, v*r*ch, č*er*ný, v*l*na, p*l*ný = польск. t*ar*g, wi*er*zch, cz*ar*ny, w*eł*na, p*eł*ny, ż*ół*ty=русск. т*ор*гъ, в*ер*хъ, ч*ор*ный, в*ол*на, п*ол*нъ, ж*ол*тый.

Сверхъ этихъ крупныхъ звуковыхъ особенностей русскаго языка, можно отмѣтить нѣсколько другихъ мелкихъ. Это:

1) Смягченіе гортанныхъ передъ *вѣ*, *ви*, *вь* въ свистящіе, свойственное русскому языку вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ, сербскимъ и словинскимъ: *ц*вѣтъ, *ц*вёлъ (изъ *ц*вьлъ), *з*вѣзда, *с*вистать и т. п. Западно-славянскія нарѣчія здѣсь сохраняютъ гортанные: польск. *k*wiat, чешск. *k*vět, пол. *g*wiazda, чешск. *h*vězda, *ch*vístati. Впрочемъ рядомъ съ *ц* мы имѣемъ и *к*: малорусск. *к*вітъ, *к*вітка, *к*вілити (церк.-слав. и древн.-русск. *ц*вѣлити, Слово о полку игор.), великор. *к*велить, *к*вёлкій, *х*вистъ;

2) отсутствіе *г* передъ *н*, свойственное главнымъ образомъ русскому языку: тро*н*уть (при тро*г*ать), дви*н*уть (при дви*г*ать), тя*н*уть; срв. ц.-сл. дви*гн*ѫти, тѧ*гн*ѫти, пол. dzwi*g*nąć, cią*g*nąć, чешск. dvi*h*nouti, tá*h*nouti и т. п. (всегда съ *г*). Оно теперь является только въ нѣсколькихъ глаголахъ на *нуть*, но нѣкогда было распространено значительно шире: раз*н*ѣвавъся Святосл. Сборн. 1073 г. 145 об., Житіе Саввы Освящ. XIII в. 78, раз*н*ѣвася Холмское Ев. XIII в. 61 об.; раж*н*ѣвахъся Свят. Сборн. 1073 г. 99, раж*н*ѣвася Архангельское Ев. 1092 г. 44 об., Златоструй XII в. 72 об. = =раз*гн*ѣв- (*ж* изъ *з*: срв. и*ж* него); раз*н*истеся позѣ Житіе Нифонта 1219 г. 107 об.; огнь по*н*ѣщаѥть Учительное Ев. Константина Болгарскаго XII—XIII в. 106 об. То же въ польскомъ: roz*n*iewać или roż*n*iewać, za*n*iecić, pod*n*iecić Шарошпатацкая Библія, соврем. roz*n*iecać=роз*гн*-, и въ чешскомъ: roz*n*ětivše Святовитскій Сборникъ, roz*n*ětilsě словарикъ XV в. (Listy Filol. 1893 г. 221).

Но обыкновенно *г* передъ *н* сохраняется: *гн*ѣвъ, *гн*ой, *гн*усный, сте*гн*о, дро*гн*уть, пры*гн*уть, прися*гн*уть;

3) переходъ группы *сх* (*с* принадлежитъ предлогу-префиксу) не только въ *ш*, какъ въ церковно-славянскомъ языкѣ, но изрѣдка также въ *щ*: и*щ*ьдъше, и*щ*ьдъше Остромир. Ев. 65 об., 99, ра*щ*ибе Минея XII в. (Ягичъ, 20), и*щ*ьлъ, и*щ*ьдыи Толстовскій Сборникъ XIII в. 50, 190;

4) близость звука *ъ* къ *о* (въ съна, съть и т. п.), свойственная русскому языку вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ: с*о*нъ ц.-слав. Ассеманово Ев. Въ сербскомъ языкѣ *ъ* (и слившійся съ нимъ *ь*) былъ по произношенію близокъ къ *а* (сербск. с*а*н); въ западно-славянскихъ—къ твердому *е* (чешское и польское s*e*n);

5) мягкость *з* изъ *г*: др.-русск. къня*зь*, пѣня*зь*, колодя*зь*, стьзя, соврем. кня*зь* и т. д. Она была свойственна всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ; но въ историческое время церковно-славянскій языкъ утратилъ ее почти совсѣмъ (въ церк.-слав. памятникахъ мы обыкновенно читаемъ кънѧ*ѕь*, кнѧ*зь*, род. кнѧ*за*, стьѕ*а*, стьз*а*, польѕ*а*, польз*а*, истѧѕ*ати*, истѧз*ати*), сербскій, польскій и чешскій совсѣмъ (сербск. кне*з*, род. кне*за*, польск. ksią*dz*, род. ksią*dza*, чешск. kne*z*, род. kne*za*). Древнія и современныя русскія слова съ твердымъ *з*: поль*за* (при великор. поль*га*, малор. піль*га*), тър*зати* (при ис-търъ*гати*), истя*зати* (при тя*гать*) и т. п.—заимствованія изъ церковно-славянскаго языка;

6) болѣе частое употребленіе *ст*, чѣмъ *сц*, изъ *ск*. Мы не знаемъ ни одного случая употребленія *сц* изъ *ск* въ корнѣ (всегда *ст*: бли*ст*ати). Случаи употребленія *сц* въ окончаніяхъ сравнительно рѣдки; они болѣе свойственны юго-западно-русскимъ (галицко-волынскимъ) памятникамъ, чѣмъ сѣвернымъ, и встрѣчаются въ первыхъ даже въ XV в.: Ипатскій сп. лѣт.: князи ру*сц*ии 578; галицкая грамота 1422 г.: старци лавровь*сц*ии и крилошане самборь*сц*ии; молдавскія грамоты 1404 г. и 1454 г., съ малорусскимъ элементомъ въ языкѣ: бояре молдав*сц*іи, панове ру*сц*и; сравни въ Новгородской лѣтописи по списку XIV в.: новгородь*ст*ии, заморь*ст*ии, рязань*ст*ии, ру*ст*ии и т. п.

Таковы главныя и древнія особенности русскаго языка. Одни изъ нихъ свойственны исключительно русскому языку, другія—какъ

русскому, такъ и нѣкоторымъ другимъ славянскимъ языкамъ. Число особенностей русскаго языка, отличающихъ его отъ другихъ славянскихъ языковъ, всѣхъ или нѣкоторыхъ, въ историческую эпоху, по мѣрѣ приближенія къ нашему времени, все увеличивалось и теперь уже гораздо болѣе значительно, чѣмъ прежде. Слѣдующая особенность русскаго языка—мнимая особенность, о которой приходится намъ упомянуть только потому, что нѣкоторые ученые придаютъ ей большое значеніе и ставятъ ее рядомъ съ такими особенностями, какъ *ж* изъ *д* и полногласіе.

Русское начальное *о*=церк.-слав. ѥ. Дѣло касается начальнаго *о* въ тѣхъ случаяхъ, когда въ церковно-славянскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ стоитъ *е*, въ такихъ словахъ, какъ *о*динъ (при которомъ *е*динъ), церк.-слав. ѥдинъ, сербск. *ј*едан, польск. *je*den; *о*зеро (при которомъ *е*зеро), церк.-слав. ѥзеро, польск. *je*zioro; *о*лень, церк.-слав. ѥлень, сербск. *ј*елен; *о*сень, церк.-слав. ѥсень, сербск. *ј*есен; древне-русск. *о*дъва (при которомъ *е*два), церк.-слав. ѥдъва; древне-русск. *о*жь, *о*жикъ (у Скорины), малорусск. *о*жина, при русск. *ё*жъ, великорусск. *е*жевика, новоболг. *ј*еж, словинск и польск. *je*ž; древне-русск. *о*ще (современн. сѣв.-великор. *о*що, при *е*що), церк.-слав. ѥште, польск. *je*szcze; *о*мёла, пол. *je*mioła, чешск. *je*mela; *о*лово, ср.-болг. ѥлово; *о*рьлъ, нижне-луж. *je*rel, и т. п. Надо замѣтить, что *о* въ такихъ словахъ не принадлежитъ исключительно русскому языку; если мы поищемъ въ современныхъ славянскихъ говорахъ, то найдемъ въ нихъ почти всѣ эти слова не только съ *е*, но и съ *о*: такъ, въ ново-болгарскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ *о*два, *о*ште; въ соврем. чешскомъ и словацкомъ есть слова *o*seň и *o*mela, въ ст.-чешскомъ—*o*žanka (названіе растенія), въ словинскомъ—*o*dvaj, въ хорватскомъ—*o*mela; самый церковно-славянскій языкъ имѣетъ слово *ал*нии олень, гдѣ *ал* образовалось, вѣроятно, изъ *ӑл;* слово *о*рьлъ находится во всѣхъ славянскихъ языкахъ, кромѣ нижне-лужицкаго. Если мы обратимся къ родственнымъ языкамъ, то найдемъ соотвѣтствія: для нашего *о*лень — въ лотышскомъ *a*lnis (церк.-славянскому ѥлень соотвѣтствуетъ литовское *e*lnis), для нашего *о*сень—въ готскомъ *a*sans, для нашего *о*дъва—въ литовскомъ *a*dvos, для нашего *о*ще — въ лат. *u*sque (*u* изъ *о*), при греч. ἔστε=*е*ще, для нашего *о*мёла — въ лит. *a*malas. Такимъ образомъ мы увидимъ, что мнимая особенность русскаго языка

восходитъ къ глубокой, до-славянской древности. Должно замѣтить, что начальное *е* (безъ *j*) у насъ сохранилось безъ перехода въ *о*: *э*то, *э*во, *э*дакъ, бѣлор. гэто и т. п. Сравни сербск. *е*то, *е*во, кашебск. ħevo и т. п.

Въ связи съ нею нѣкоторые ученые указываютъ, какъ на особенность русскаго языка древнѣйшей эпохи,—на переходъ начальнаго неіотированнаго *е* въ *о* въ цѣломъ рядѣ словъ взятыхъ нами изъ греческаго языка: въ личныхъ именахъ *О*вдотья (=Евдокія), *О*всей (Евсевій), *О*стапъ (Евстафій), *О*встратъ (Евстратій), *О*лпатъ (Евпатій), *О*лферъ (Елевѳерій), *О*лена (Елена), въ названіи города *О*лешье (Лаврент. сп.,=Ἔλισσός, соврем. Алешки), въ нарицательныхъ: *о*хидна (ἔχιδνα), *о*питемья (ἐπιτιμία), *о*ксамитъ (ἑξάμιτος) и друг. Они начинаютъ попадаться въ русскихъ памятникахъ уже въ XI вѣкѣ: Пандекты Антіоха XI вѣка: *о*клисиастъ 79 об.; Уставъ церковный XI—XII в. (Типогр. Б. № 285): *о*ктения 2; Юрьевское Ев. около 1120 г.: племена *о*хиднова 57 об.; надпись на крестѣ 1161 г.: *О*фросинья; Добрилово Ев. 1164 года: *О*вгенья 250 об.; Стихирарь XII в. Акад. Наукъ: *О*лены 139 об., *О*лисѣя 160 об.; Кормчая XII в. (Синод. Б. № 227): *О*фреме, зват. п., приписка; Праздники XII в. (Типогр. Библ. № 330): *О*встафие 19 об.; Кондакарь XII—XIII в. Публ. Библ.: *О*рино 41 об.; Пандекты Никона Черногорца по Яросл. сп. XII—XIII в.: *О*фрема, *о*питемью; Житіе Нифонта 1219 г.: *О*левъферия 103 об.; Паремейникъ 1271 г.: *О*луферие, им. ед., запись, *О*лисѣя 206; Кормчая ок. 1282 г.: *о*питемья, *о*ктения, *О*вдокимъ; Пчела по сп. нач. XV в., изданному Семеновымъ: *О*пикуръ, *О*сопъ (Αἴσωπος), и друг. Но 1) здѣсь мы имѣемъ дѣло съ особенностью не только русскаго, но также церковно-славянскаго и средне-болгарскаго языковъ: употребленіе *о* на мѣстѣ классическаго греческаго ε мы встрѣчаемъ въ памятникахъ церковно-славянскихъ и въ такихъ изъ средне-болгарскихъ, которые не могутъ считаться списанными съ русскихъ оригиналовъ: въ церк.-слав. Супрасльской рукописи: *О*ѵктімонъ 104 (при *Е*ѵктимонъ; сравни въ Рязанской Кормчей 1284 г.: *О*ѵтиха, род. ед., 142=*Е*втиха); въ церк.-слав. Синайской Псалтыри: землꙗ *о*ръмунъскы (=*е*рмон—); въ Болонской Псалтыри конца XII или начала XIII в.: *о*ѳиопъскъ; сравни въ др.-русск. Синайскомъ Патерикѣ XII в.: *у*болъ, въ Хожденіи Антонія Новгородскаго по сп. XVII в., изд.

Савваитовымъ: *у*боль (и *ам*боль)=ц.-сл. жболъ, ново-болг. в*ъм*белъ и въбелъ (*ъм* и ъ изъ ѫ), греч. ἔμβολος; сравни также ново-болг. *о*хтик=ἐκτική; 2) *о* на мѣстѣ греческ. ε, кажется, должно считать возникшимъ не на славянской, а на греческой почвѣ; по крайней мѣрѣ въ ново-греческомъ языкѣ мы находимъ нѣкоторое количество словъ съ начальнымъ *о* вмѣсто ε (особенно передъ древнимъ *в*): *о*vrjós (ἑβραῖος), *о*mnostjá (εὐνοστία), *ó*morfos (εὔμορφος), *ó*fkeros (εὔκαιρος), *o*létheros (ἐλευθερός), *o*rminevo (ἑρμηνεύω), *ó*timos (ἕτοιμος), *о*xjá (ἔχις) и т. п. Подобныя слова мы видимъ и въ средне-греческихъ памятникахъ, напримѣръ, въ Кипрской средневѣковой хроникѣ: ὀρπίδαν (ἐλπίδα), Ὄκτορ (Ἕκτωρ), ὀκτρούς (ἐχθρούς) и т. п. Достойно замѣчанія, что какъ въ русскомъ, такъ и въ ново-греческомъ *о* вмѣсто ε всего чащэ является передъ *в* и что русское *о* иногда вполнѣ совпадаетъ съ греческимъ *о*: *О*лферъ (Елевѳерій)—*о*lévtheros, *о*хидна—*о*xjá.

Должно замѣтить, что съ одной стороны имѣютъ *о* такія слова, которыя въ живомъ русскомъ языкѣ древней эпохи употребляться не могли (оклисиастъ, *О*пикуръ) и что съ другой не имѣютъ *о* даже столь употребительныя слова, какъ *е*вангелие.

Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ права смотрѣть на *о*=греч. ε какъ на отличительную черту русскаго языка.

—

IV. Главныя звуковыя особенности древне-русскихъ говоровъ.

Русскій языкъ въ древнѣйшій періодъ своей исторіи не представлялъ полнаго звукового однообразія и въ однихъ мѣстахъ имѣлъ однѣ особенности, въ другихъ — другія; иначе говоря, онъ раздѣлялся на нѣсколько говоровъ. Замѣчательно, что дѣленіе древне-русскаго языка на говоры, сколько мы можемъ судить о послѣднихъ по дошедшимъ до насъ памятникамъ, до нѣкоторой степени совпадаетъ съ тѣмъ дѣленіемъ русскаго народа на племена, которое сохранила намъ Несторова лѣтопись.

Отдѣльную группу говоровъ составляли говоры кривичей или словенъ; это—говоры новгородскій, псковскій и полоцко-смоленскій (вѣроятно, полоцко-смоленско-витебскій); послѣднимъ говорили тѣ кривичи, которые жили по верховьямъ Днѣпра, Западной Двины и Волги. Общая особенность кривичскихъ говоровъ состояла въ томъ, что въ нихъ могли мѣняться, т. е. замѣнять другъ друга, звуки *ц* и *ч*. Ее мы находимъ въ древнѣйшихъ новгородскихъ памятникахъ, напримѣръ, читаемъ въ Минеѣ 1095 года: *ц*рево (чрево), владыци*ч*е, вьсяцьская, *ч*вѣтъ, коньчь, пали*ч*ею и т. п. Она—обычное явленіе въ псковскихъ памятникахъ, въ родѣ Апостола 1307 г., гдѣ мы видимъ: съкон*ц*ашася, на*ц*алника, темни*ц*ьнымъ, стар*ч*и, рь*ч*и, нечии. Она замѣчается въ смоленской грамотѣ около 1230 г.: нѣмьчи*ц*ь вмѣсто нѣмьчичь, при Романови*ц*і, сули*ч*ами вмѣсто сули*ц*ами, куноемьчи (дат. ед.) вм. -емь*ц*и. Въ полоцкой грамотѣ начала XV в. есть написанія въ родѣ неме*ч*ькии вмѣсто нѣме*ц*ькии, по розни*ч*и вмѣсто по розни*ц*и.

При этой общей особенности, отсутствовавшей въ другихъ говорахъ, говоры кривичей имѣли нѣкоторыя отличія другъ отъ друга;

такъ, новгородскій и псковской говоры, на мѣстѣ церковно-славянскаго *жд* и современнаго литературнаго русскаго *жж*, имѣли *жг*: новгородская Минея 1095 года: дъ*жг*ь 84, одъ*жг*и 115; Минея 1096 года: дъ*жг*ь 215, одъ*жг*аѥть 84, пригва*жг*аѥма 92; Стихирарь 1157 года: одъ*жг*ивыи 80 об.; Тріодь 1311 г.: пригво*жг*ьнаго 23; Евангеліе до 1362 г.: до*жг*ь 30, до*жг*ить 26 об., ро*жг*ьѥ (=церк.-слав. рождиѥ) 21 об.; Новгородская лѣтопись: дъ*жг*ь 45, 46, 49 и др., дъ*жг*емь 63, дъ*жг*ево 125; псковской Апостолъ 1307 г.: до*жг*ь, надъ*жг*ити, пригво*жг*ьше, ро*жг*ья; псковской Параклитикъ 1369 г. до*жг*я, пригва*жг*яя; въ спискахъ 1-й Псковской лѣтописи: до*жг*я, приѣ*зг*я. Сравни въ современномъ пермскомъ говорѣ во*жг*аться=возжаться. Въ полоцко-смоленскомъ говорѣ этой особенности, кажется, не было. Затѣмъ, въ новгородскомъ говорѣ мы находимъ болѣе или менѣе часто приближеніе звука *ѣ* къ звуку *и* и въ связи съ нимъ замѣну буквы *ѣ* черезъ букву *и*, и наоборотъ, особенно въ слогахъ передъ послѣдующими мягкими согласными. Минея 1096 г.: лицем*и*рьствовавъ 68, търьп*и*ниѥ 78, претьрьп*и*лъ ѥси 125, нев*и*дѣния 165; Пантелеймоново Ев. XII в.: вьсь самар*и*ньску 101, гроби невѣдоми 107 об.; Кормчая ок. 1282 г.: вѣлер*и*чьѥмь 606; Евангеліе 1355 г.: кол*и*нома 60, запр*и*чая 62, кол*и*блемы 64, челов*и*чьскыи 64 об., 123, челов*и*чь 81, 127 об., челов*и*комъ 105, 120, имамъ ти н*и*что рещи 65, на мѣстѣ н*и*коѥмь 70, им*и*ния 71, жел*и*зными 72, пропов*и*дь, вн*и*шнеѥ 73, оскуд*и*ѥмо 85, лицем*и*ри 121 об., уб*и*жите 122 об., т*и*ло моѥ 126 об., см*и*шенъ 141, см*и*шениѥ 143 об., прегр*и*шении 152 об., при вечер*и* 3, при поясь*и* 51 об., к жен*и* 59 об., по ланит*и* 103 об., в закон*и* 122, узр*и* (=узрѣ) 59 об., исцѣл*и* (=исцѣлѣ) 74 об., вид*и* (=видѣ) 93 об., 126, и др.; Новгородская лѣтопись: обон*и*жьскыхъ 160 об., обон*и*жаномъ 320; Тактиконъ Никона Черногорца 1397 г. (очень часто); Погодинскій сборникъ нач. XV в. № 872 (очень часто). Эта особенность была также въ псковскомъ говорѣ; въ Прологѣ 1383 г. мы читаемъ: свир*и*лникъ, свир*и*ли, им*и*нию (и въ Пандектахъ 1296 г., можетъ быть, псковскихъ: од*и*яла 78, къ Кесарии Филипов*и* 79 об., т*и*хъ=тѣхъ 84, рядомъ съ изв*ѣ*тиѥ словесъ 106 об., об*ѣ*таѥть 109). Сравни въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ въ однихъ чаще, въ другихъ рѣже: стр*и*ча, св*и*ча, д*и*лять, медв*и*дь, полет*и*ли и т. п.; сходныя данныя — въ современномъ псковскомъ говорѣ. Этой особенности

повидимому не было въ полоцко-смоленскомъ говорѣ. Далѣе, старый новгородскій говоръ иногда опускалъ *в* передъ мягкимъ *л*. Мы читаемъ въ договорѣ Новгорода съ Тверью 1270 г.: приста*л*ивати (=приста*вл*ивати), въ договорѣ 1314 г.: Жидьсла*л*ичь (=Жидьсла*в*-*л*ичь), въ Новгородской лѣтописи: на Яросла*л*и дворѣ, ис Переясла*л*я, въ Переясла*ль*, Мьстисла*л*иць, на Яко*л*и улици; въ Ипатскомъ спискѣ лѣт.: Мьстисла*л*ичь 236, Ивана Радьсла*л*ича 358 и др. Та же особенность, въ современныхъ русскихъ говорахъ почти уже не существующая (отмѣчено: оста*л*ять въ Новгородскомъ уѣздѣ, заста*л*ять въ Ладожскомъ у., кро*л*я=кро*вл*я подъ Изборскомъ),—была свойственна псковскому говору: запись Параклитика 1369 г.: испра*л*иваюця (=исправливаюче); запись Пролога 1425 г.: испра*ль*ваюче; зап. Трефолоя 1446 г.: испра*л*ивая; въ спискахъ 1-й Псковской лѣтописи: поста*л*яша, запско*л*яне, неро*л*яне (=неро*вл*яне); по повидимому была неизвѣстна говору полоцко-смоленскому.

Псковскій говоръ отъ новгородскаго и полоцко-смоленскаго, а также и ото всѣхъ другихъ русскихъ говоровъ, отличался тѣмъ, что взаимно мѣнялъ мягкія *ж* и *з*, *ш* и *с*. Апостолъ 1307 г.: *з*дати (=ждати), кого*з*до, *з*ѣланиѥ, смѣ*ш*илъ (=смѣсилъ), иску*ш*ьна; Параклитикъ 1369 г.: приле*з*но, *з*еланиѥ, *з*иве; сте*ж*ю (=стезю), про*ж*ябе, кладя*ж*и; укра*с*ениѥ, съгре*с*ихъ, *с*ествия (=шествия); доне*ш*и (=донеси), в*ш*ю силу, но*ш*иси (=посиши) и т. п.; Параклитикъ 1386 г.: но*ж*е (=нозѣ), пора*ж*и (=поразп); ко*з*я (=кожа), по*з*ру (=пожру); ве*шь* (=весь), до *ш*его дне (=до сего дне); вънро*с*яти (=въпрошати), ва*с*и (=ваши), несо*с*я (=несоша) и т. п.; запись Евангелія 1463 г.: птица рада вѣ*ш*нѣ; списки 1-й Псковской лѣтописи: ка*ж*ну в*ш*ю (=казну), пер*ш*и (=перси) и т. п.

Изъ кривичскихъ говоровъ вполнѣ сохранился только говоръ новгородскій, который слышится въ настоящее время не только въ Новгородѣ и прежней новгородской области, но и въ новгородскихъ колоніяхъ, т. е. почти во всей сѣверной полосѣ Россіи. Псковской говоръ сохранился около Псковскаго озера да на южной окраинѣ своей прежней территоріи, въ сѣверной части Смоленской губерніи. Полоцко-смоленскій говоръ сохранился до нашего времени въ нѣскольких уѣздахъ Витебской и Смоленской губ. и въ Ржевскомъ уѣздѣ Тверской губ.; въ другихъ мѣстахъ онъ вытѣсненъ сосѣдними бѣлорусскими говорами.

Старый западно-русскій, или бѣлорусскій говоръ—говоръ древнихъ дреговичей, родоначальникъ современнаго бѣлорусскаго нарѣчія. Онъ не имѣлъ рѣзкихъ особенностей и нѣкогда былъ чрезвычайно близокъ къ средне-русскому, или великорусскому говору. Одною изъ старыхъ его особенностей, впрочемъ очень мелкою, должно считать употребленіе *жч*, *ждч* тамъ, гдѣ въ церковно-славянскомъ языкѣ мы видимъ *жд*, а въ литературномъ русскомъ слышится *жж*. Въ грамотахъ литовскихъ князей мы находимъ. наѣ*жд*чати, приѣ*жд*чалъ; въ Литовскомъ Статутѣ 1588 года; прие*жъд*чые, прие*жд*чаючи, нае*жд*чалъ и т. п.; въ печатномъ Евангеліи Тяпинскаго (второй половины XVI в.): до*жч*ъ, до*жч*іть и т. п. Въ Псалтыри 1296 года, памятникѣ, вѣроятно, также западно-русскомъ, есть слово дъ*жч*ѣвнымъ 288. Сравни современн. бѣлорусск. до*щ*чикъ, до*щ*икъ.

Что касается до средне-русскаго говора— говора древнихъ вятичей и ихъ колонистовъ на обѣихъ берегахъ верхней Волги, отъ котораго ведетъ начало та часть великорусскаго нарѣчія, которая не знаетъ мѣны *ц* и *ч*,—то онъ, какъ можно заключать на основаніи ростовскихъ памятниковъ первой четверти XIII в., Рязанской Кормчей 1284 г., галицкаго (Костромск. губ.) Ев. 1357 г., переяславскаго списка Поученій Ефрема Сирина 1377 г., Лаврентьевскаго списка лѣтописей и друг., не имѣлъ въ древности никакихъ рѣзкихъ особенностей и отличался отъ другихъ говоровъ только тѣмъ, что въ немъ отсутствовали тѣ особенности, которыя отличали эти говоры. Въ настоящее время потомки древняго говора вятичей дѣлятся на почти тожественные говоры сѣверные, или о́кающіе (сохраняющіе неударяемое *о*), и на говоры южные, или а́кающіе (замѣняющіе неударяемое *о* черезъ *а* или другіе звуки).

Галицко-волынскій говоръ—говоръ дулѣбовъ-волынянъ, предокъ современнаго малорусскаго нарѣчія—въ древнѣйшую эпоху отличался также немногими особенностями: въ немъ мы находимъ то же *жч* на мѣстѣ великорусскаго *жж*, что и въ западно-русскомъ. Въ Галицкомъ Ев. 1144 г. (срв. стр. 13) мы читаемъ: дъ*жч*ь 15, и*жч*енуться (=ижженуться) 16, въ*жч*елѣшя (церк.-слав. въжделѣшѧ) 28 об., ро*жч*ьѥ 215 и друг.; въ Христинопольскомъ Апостолѣ XII в.: дъ*жч*ь, ро*жч*ья (род.), измъ*жч*аниѥ, и*жч*ивете, ра*жч*изати, бе*ж ч*ены (=безъ жены); въ Галицкомъ Ев. около 1266 г.: до*жч*ь, бездо*жьч*ыѥ, и*ж*-

чену, въжьчелаѥте и друг.; въ Тріоди XIII в. (Син. Библ. Усп. № 8): одъжчивъшаага, измъжчѣниѥ, пригвожченъ, пригвожчѣниѥ, иэкчену, иэкчивъ, ражчизая и друг.; въ Луцкомъ Ев. XIV в.: рожчьѥ и друг. Сравни современное малорусск. дощь, род. дощя, ріщя (=церк.-слав. рождиѥ), виіщяти и т. п. Сверхъ того, этотъ говоръ очень любилъ ассимиляцію ъ съ послѣдующимъ *и:* Добрилово Евангеліе 1164 г.: въпросяти и (=въпросять и), осудати и, имути и, съкрушити и, моляхути и, и т. п., которая впрочемъ существовала и въ другихъ говорахъ, и въ кіевскомъ (смотри Святославовъ Сборникъ 1073 г.), и въ полоцко-смоленскомъ (смоленская грамота ок. 1230 г.: въсхочети и казнити), и въ новгородскомъ (Ев. XIV в. Рум. Муз. № 434: наричаѥти и, възлюбити и, и т. п.). Потомство формъ 3-го л. на *ти*, подобныхъ приведеннымъ, также формы 3-го л. на *ти*, отмѣчены въ говорахъ Олонецкой, Калужской, Могилевской губерній: кого мнѣ любить будети; жонки йдути, обѣдати несути, и т. п.

О древне-кіевскомъ говорѣ, говорѣ полянъ, мы имѣемъ крайне скудныя свѣдѣнія. Самые авторитетные памятники этого говора— Мстиславова грамота 1130 г., два Сборника Святославовыхъ 1073 г. и 1076 г. и Тріодь Моисея кіевлянина XII—XIII в. Можно бы думать, что этотъ говоръ имѣлъ изрѣдка замѣну *ѣ* черезъ *и*; по крайней мѣрѣ въ Сборникѣ 1073 г. мы читаемъ: ниции вмѣсто нѣции, въ вѣри вм. въ вѣрѣ, исцили вм. исцѣли; но всѣ эти примѣры свободно можно считать описками, происшедшими отъ небрежности переписчика.

Объ особенностяхъ древняго переяславско-черниговскаго говора, говора сѣверянъ, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было данныхъ, нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Можно только упомянуть, что авторъ Несторовой лѣтописи видѣлъ въ сѣверянахъ племя родственное съ новгородскими кривичами («сѣверо—отъ словенъ»), что малоруссы XVII в. видѣли въ коренныхъ жителяхъ Чернигова «московскихъ» людей, что всего вѣроятнѣе считать потомками ихъ—сильно а́кающихъ жителей Брянскаго и Путивльскаго уѣздовъ.

Съ теченіемъ времени, при постепенныхъ измѣненіяхъ въ звукахъ, говоры русскаго языка пріобрѣли новыя особенности, которыя уже несравненно болѣе прежняго обособили ихъ другъ отъ друга.

V. Звуки древне-русскаго языка.

Попробуемъ опредѣлить, каковы были звуки русскаго языка въ началѣ его историческаго существованія, и укажемъ, какими буквами они означались въ нашемъ старомъ алфавитѣ.

Гласные. Звукъ *а* произносился очень открыто. Онъ означался послѣ твердыхъ согласныхъ черезъ *а*, послѣ мягкихъ согласныхъ и *j*—отчасти черезъ ꙗ, отчасти черезъ ѧ. Въ нѣкоторыхъ древнихъ рукописяхъ двѣ послѣднія буквы употребляются безразлично, но въ большинствѣ—ꙗ употребляется послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ, для означенія *ja*, а ѧ только послѣ согласныхъ.

Звукъ *о* также произносился открыто, т. е. близко къ *а*; вслѣдствіе этого въ иностранныхъ словахъ, перешедшихъ въ русскій языкъ, на мѣстѣ иностраннаго *а* иногда является неударяемое *о*: *О*р'када=Аркадія Остр. Ев.; *О*ндроникъ, *О*ѳонасии Стихирарь XII в. Акад. Наукъ 32, 137 об.; о родѣ саракиньстѣ *о*гаринѣхъ Кормчая XII в. (Синод. Б. № 227) 13 об.; *О*льксандрию Житіе Нифонта 1219 г., *О*лексию тамъ же, запись; *О*нания, *о*кровустия= ἀκροβουστία Апостолъ 1220 г. 3, 19; на *о*нтипасху Погодинское Ев. XIII в. № 13, л. 175, и др., а на мѣстѣ иностраннаго закрытаго *о* (особенно долгаго) встрѣчается и неударяемое, и ударяемое *у*: ті*у*нъ = старо-сканд. þiôn, *у*кс*у*съ (Студійскій Уставъ по сп. XII в.)=греч. ὄξος, р*у*га=греч. ῥόγα. Онъ передавался на письмѣ обыкновенно буквою *о*, рѣдко буквою ѡ.

Звукъ *е*, изображавшійся буквою *е* послѣ согласныхъ и ѥ послѣ *j*, звучалъ приблизительно такъ, какъ онъ теперь звучитъ въ великорусскомъ нарѣчіи, смягчая предыдущій согласный; вслѣдствіе этого въ рукописяхъ, какъ сѣверно-, такъ и южно-русскихъ, въ древнѣйшихъ чаще, въ болѣе позднихъ рѣдко, попадаются случаи употре-

бленія, вмѣсто буквы *е*,—буквы ѥ: Остромирово Ев.: гнѥтѫть 100;
Святославовъ Сборникъ 1073 г.: клѥвета 29 об., умножитѥ 35 об.,
о именѥ 247 об.; Минея 1095 г.: камѥни 24, весѥлися 70, сло-
весѥ 89, вьсѥвиньноѥ 111, вьседьрьжитѥлеви 165; Минея 1096 г.:
сѥ 11, равьночьстьнѥ 84, богатѥ 140, будѥть 159, спасѥния 210;
Слова Григорія Богослова XI в.: гнѥтуться 167 об.; Путятина Ми-
нея XI в.: въсплѥскаша 12, на колѥсе 12 об., плѥтоша 23, апо-
столѥ 31, 35, дѣлѥсемь 34, дѣлѥсы 37 об., възлѥтъ 37 об., въ
пелѥнаахъ 96, ѥлѥнь 97, Ѥлѥну (вин.) 87 об., сътнѥтевъ 12 об.,
в'сеслав'нѥ (зват.) 23, трѥпетомъ 24 об., посерѥдѣ 81 и др.; Га-
лицкое Ев. 1144 г.: оклѥветаите 119 об.; Добрилово Ев. 1164 г.:
облѥщь, възлѥже, погыбнѥть, станѥть, знамѥныѥ, будѥть; Панте-
леймоново Ев. XII в.: обратитѥся 56 об., отъдадитѥ 68, блудитѥ
83, творитѥ 94, зорѥте 94, вървѥши 111 и др.; Христинопольскій
Апостолъ XII в.: прівѥдеть 84; Тріодь Саввина до 1226 г.: клѥ-
вѥтааху 91 и т. п. (-лѥ- и -нѥ- часто); Луцкое Ев. XIV в.: Фи-
липѥ (зват. пад.), тебѥ, всѥю. Нѣкоторыя рукописи, напр. Тріодь
Моисея кіевлянина XII—XIII в., имѣютъ ѥ вмѣсто *е* послѣ соглас-
ныхъ очень часто. Въ началѣ словъ *е* имѣло передъ собой *j*, кромѣ
нѣкоторыхъ словъ, гдѣ оно произносилось безъ *j*, т. е. такъ, какъ
произносится *е* въ нашихъ это, эдакъ. Эти слова, какъ показываютъ
рукописи, строго различающія *е* и ѥ (Юрьевское Ев. около 1120 г.
и друг.),—слова *є*теръ, *е*да, *е*дъва, *є*ще, *е*зеро, *е*и (да).

Звукъ *ѣ* былъ близокъ къ *е* по своему качеству, но произносился,
повидимому, болѣе закрыто, приближаясь къ *и*; онъ отличался отъ
е своей долготою; это былъ, кажется, единственный долгій звукъ въ
русскомъ языкѣ древнѣйшаго періода. Срв. др.-русск. названіе города
Вендена К*ѣ*сь, К*и*сь (въ спискахъ 1-й Новгородской лѣтоп.) и ло-
тышск. Cēsis (съ *и* изъ болѣе древняго *ѣ*). Въ древнѣйшихъ руко-
писяхъ онъ изрѣдка смѣшивается съ *е*. Остромирово Ев.: н*е*сть 26;
Святославовъ Сборникъ 1073 г.: в*е*рую, руц*е*, о господин*е*, съвѣд*е*-
тель; Минея 1095 г.: обр*е*тъ 50, прѣм*е*нно 132; Минея 1097 г.: на
тѣл*е* 305, посред*е* 317, възлет*е*ла 335, въ утроб*е* 381. Въ нотныхъ
кондакаряхъ, гдѣ буквы въ словахъ повторяются согласно тому, какъ
они должны были повторяться или протягиваться въ пѣніи, мы на-
ходимъ такія написанія, какъ гр*ѣее*ховъ (Кондакарь XII в. Троицкой
Лавры, л. 4). Кромѣ буквы *ѣ*, въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.

употребляется іотированный *ѩ*=*jѣ*; въ другихъ же для означенія *jѣ* пишется или просто *ѣ*, или ѥ: Архангельское Ев.: ѥждь=ѣжь, ѥсти=ѣсти.

Звукъ *у* звучалъ такъ же, какъ онъ звучитъ теперь. Онъ изображался послѣ твердыхъ согласныхъ обыкновенно черезъ *оу*, рѣже черезъ ȣ, т. е. такъ же какъ и въ греческомъ, и въ церковно-славянскомъ алфавитахъ, рѣдко (только въ древнѣйшихъ рукописяхъ) черезъ ѫ. Послѣ мягкихъ согласныхъ и *j* для означенія звука *у* употреблялись буквы *ю*, ѭ и ѵ (т. е. *ѵ*, ижица). Послѣднюю букву, какъ знакъ отличный по значенію отъ *у*, мы находимъ только въ рукописяхъ XI — XIII вѣковъ (не во всѣхъ): Минея 1096 г.: л*ѵ*бъвьнии 7; Архангельское Ев. 1092 г.: вьс*ѵ* Галилѣю 27; Путятина Минея XI в.: княз*ѵ* 31 об., зар*ѵ* 39, 43, пустын*ѵ* 58, земл*ѵ* 55 и др.; Добрилово Ев. 1164 г.: сътвор*ѵ*, узр*ѵ*, мор*ѵ*; Погодинское Ев. XIII в. (Публ. Библ. № 13): пустын*ѵ*, глагол*ѵ*, л*ѵ*тѣ, изгон*ѵ*, л*ѵ*бодѣи 33 об., 34, 37 об. и т. п.

Звукъ *ъ* въ доисторическій періодъ исторіи русскаго языка произносился какъ краткое закрытое *о*. У греческихъ писателей онъ передается иногда черезъ *ου*, и, напримѣръ, у Константина Багрянороднаго (во 2-й половинѣ X вѣка) мы находимъ названіе днѣпровскаго порога Νεσσουπῆ =наше не съпи. Въ началѣ историческаго періода звукъ *ъ* въ однихъ случаяхъ звучалъ уже почти такъ же какъ *о*, въ другихъ былъ очень краткимъ глухимъ звукомъ, близкимъ къ исчезновенію. Въ рукописяхъ XI в. мы, кажется, иногда уже имѣемъ дѣло съ *ъ* буквою, не означающею никакого звука; такъ, можетъ быть, въ Остромировомъ Ев. въ словѣ народъ *ъ* уже не что иное, какъ графическій знакъ безъ звукового значенія.

Звукъ *ь* въ доисторическій періодъ исторіи русскаго языка произносился какъ краткое закрытое *е*. Въ началѣ историческаго періода онъ въ однихъ случаяхъ приближался къ звуку *е*, въ другихъ былъ очень краткимъ глухимъ звукомъ, близкимъ къ исчезновенію. У Константина Багрянороднаго онъ или передается буквою ε: названіе днѣпровскаго порога Βερούτζη=βράσμα νεροῦ (кипѣніе воды)=наше вьручи=церковно-славянское вьрѫшти, имен. ед. причастія женск. р. отъ глагола *вьрѣти* кипѣть; или совсѣмъ опускается: Νεασήτ=неясыть, что̀ указываетъ на краткость *ъ* въ концѣ словъ. Въ памятникахъ русскаго языка, начиная съ поло-

вины XI в., буква ъ повидимому иногда уже не обозначаетъ звука и есть только графическій знакъ, указывающій на мягкость предшествующаго согласнаго.

Звукъ *и* въ древности произносился приблизительно такъ, какъ теперь звучитъ въ великорусскомъ нарѣчіи, смягчая предыдущій гласный. Въ началѣ историческаго періода, находясь послѣ гласныхъ и *j* (особенно въ концѣ словъ), онъ иногда былъ очень кратокъ и близокъ къ исчезновенію, которое послѣдовало, вѣроятно, одновременно съ исчезновеніемъ ъ и ь; такимъ образомъ, въ словѣ, напримѣръ, благы*и* Остромирово Ев., *и* какъ гласный звукъ, можетъ быть, уже не существовало, а буква *и* означала *j*, который нѣкогда находился передъ *и*; иначе говоря, благы*и* звучало не благы*ји*, какъ въ доисторическій періодъ, а благы*ј*. Вопросъ о томъ, всегда ли въ періодъ написанія первыхъ дошедшихъ до насъ рукописей *и* въ началѣ словъ имѣло передъ собою *j*, или не всегда, по отсутствію данныхъ, неразрѣшимъ. Случаи замѣны *и* черезъ *ы* въ словахъ съ префиксами въ родѣ възыграся (Архангельское Ев. 1092 г. 126 об.; тамъ же: в*ы* истину 1 об., в*ы* имя 7, 33, в*ы* истиньнѣмь 66), на нашъ взглядъ, ничего не доказываютъ: *ы* въ нихъ можетъ вести свое происхожденіе изъ *ьи*; *ы* послѣ предлоговъ, въ родѣ к *ы*ному царю Пантелеймоново Ев. XII в. 114 об.; в *ы*нѣхъ областьхъ Кормчая XII в. (Син. Б. № 227) 22; из *ы*стлѣния Праздники XII—XIII в. (Типогр. Б. № 331) л. 74 об.; в *ы*ную землю смоленскій договоръ ок. 1230 г.; в *ы*номь манастыри Прологъ 1356 г. 31, в *Ы*ндѣи, въ *ы*нъ грѣхъ тамъ же 35, 41; в *ы*справу договоръ Новгорода съ Тверью 1368—1371 г.; из *ы*стьбы Новгородская лѣтопись XIV в. 11, с *ы*нѣми 192; в *ы*ныхъ Измарагдъ XIV в. (Румянц. Муз.), какъ будто указывающее на произношеніе начальнаго *и* безъ іотаціи,—относится ко времени не ранѣе второй половины XIII в. и не даетъ никакого права дѣлать заключенія о болѣе древней эпохѣ. Звукъ *и* передавался на письмѣ буквами *и* и *і*, которыя употреблялись съ одинаковымъ значеніемъ.

Звукъ *ы* въ древности произносился приблизительно такъ, какъ онъ теперь произносится въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, и не смѣшивался съ звукомъ *и*, хотя до извѣстной степени былъ близокъ къ нему. Въ нотныхъ кондакаряхъ, гдѣ буквы повторяются согласно съ ихъ повтореніемъ при пѣніи, весьма обычны

написанія въ родѣ *ныи*иня, ѥдином*ыи*ильно (Кондакарь XII в. Троицкой Лавры). Звукъ *ы* означался буквами **ъı** и **ы**; изъ нихъ послѣдняя до конца XIV вѣка употребляется рѣдко, въ немногихъ древнѣйшихъ рукописяхъ (Святославовъ Сборникъ 1073 г., Пандекты Антіоха XI в., Реймское Евангеліе XI в.), а съ XV вѣка входитъ въ постоянное употребленіе.

Согласные. Согласные звуки большею частію произносились приблизительно такъ, какъ мы произносимъ ихъ теперь, и означались тѣми же буквами, которыми означаются теперь.

Звукъ *г* въ древности произносился по-великорусски, т.-е. какъ латинское g, а не какъ h. Это видно изъ того, что иностранныя слова, имѣющія h, при передачѣ ихъ по-русски, теряли это h: ст.-сканд. *H*akun—въ Несторовой лѣтописи и Печерскомъ Патерикѣ передается черезъ *Я*кунъ; срв. подобное же опущеніе h въ сѣверно-русскихъ актахъ: новгородская грамота въ Ригу 1301 г.: *И*нчя *О*лчять=*H*inze *H*oltzatus (*ч* по-новгородски — вмѣсто *ц*). — Когда появилось h—что случилось едва ли ранѣе XII вѣка—и такимъ образомъ стали существовать два звука, g и h, во всѣхъ памятникахъ сѣверной, московской Руси и въ книгахъ юго-западной, литовской Руси ихъ не различали на письмѣ и изображали одною и тою же буквою *г*; но въ грамотахъ литовскихъ князей и польскихъ королей и въ разнаго рода актахъ и памятникахъ юго-западно-русскаго законодательства XIV в. и позднѣе для h сохранили букву *г*, а g стали передавать черезъ сочетаніе *кг*: *кг*дѣ, литовская грамота 1375 года; *Кг*едроитьскии князи, грамота 1392 года.

Звукъ s=дз въ русскомъ языкѣ старшей исторической эпохи не существовалъ и буква s, употреблявшаяся впрочемъ рѣдко (обыкновенное ея употребленіе — съ числительнымъ, а не съ звуковымъ значеніемъ), всегда означала звукъ *з*.

Шипящіе *ж* и *ш* и свистящій *ц* въ древности произносились, вѣроятно, всегда мягко, т. е. такъ, какъ они произносятся у насъ въ до*жж*и, ѣ*жж*ю, пу*шш*ю, *шш*явель и въ малорусскихъ вули*ця*, Гри*ць*; вслѣдствіе этого буквы *ж*, *ш*, *ц* въ нашихъ древнѣйшихъ памятникахъ нерѣдко сочетаются не только съ буквою *ю*, какъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ, но и съ буквою *я*, даже съ ѥ. Такъ, въ Галицкомъ Ев. 1144 г. и въ Ев. XII—XIII в. Ярославск. Спасо-Преображ. монастыря постоянно послѣ шипящихъ и *ц* пи-

шется *я*, въ Уставѣ Студійскомъ XII в. Син. Библ., въ новгородскомъ Ев. 1355 г. и въ Новгородской лѣтописи XIV в. — очень часто; въ Минеяхъ 1095—1097 гг. и въ Пантелеймоновомъ Ев. XII в. мы между прочимъ находимъ: приложѥниѥ, въ нихъ жѥ, сажѥния, душѥвьныя, улицѥю и т. п.

Звукъ *ч* въ древности звучалъ вполнѣ мягко, т. е. болѣе мягко, чѣмъ теперь въ литературномъ русскомъ языкѣ; вслѣдствіе чего послѣ *ч* мы находимъ въ старшихъ памятникахъ какъ *ю*, такъ и *я*, ѥ.

Сложный звукъ *щ* въ древности состоялъ или изъ *шч*, какъ въ современныхъ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, или изъ *ш̓ш*, какъ въ современномъ литературномъ русскомъ языкѣ. Въ словахъ Григорія Богослова XI в. мы находимъ написанія им*жиче*, отвѣ*гича* и т. п.; въ Луцкомъ Ев. XIV в.: и*шьчю*ть 88 об.; въ грамотѣ Витовта ок. 1392 г.: лови*шча*, у лови*шче*хъ; въ печатномъ Ев. Тяпинскаго XVI в.: е*сче*, отпу*сча*емъ, опу*сч*оною, и др. Современныя великорусск. пер*ча*тка изъ пер*шча*тка (*шч*, *щ* изъ *ст*), *ча*нъ изъ дъ*щ*анъ (отъ дъска) и др. также указываютъ на существовавшее нѣкогда въ русскомъ языкѣ (въ великорусскомъ нарѣчіи) произношеніе *щ* какъ *шч*. Рядомъ мы имѣемъ: и*щ*ьдъше (=из-ш-) Остромир. Ев. 99; и*щ*ьлъ, и*щ*ьдыи Толстовскій сборн. XIII в. 50, 190 и т. п.; съ*щ*ествие Ев. 1357 г. 25; здѣсь *щ* должно быть=*шш*.

Звукъ *ф* существовалъ въ русскомъ языкѣ древнѣйшаго историческаго періода только въ иностранныхъ словахъ: греческихъ, скандинавскихъ; при этомъ въ греческихъ словахъ (можетъ быть, согласно съ греческимъ простонароднымъ произношеніемъ того времени) вмѣсто него иногда являлся звукъ *п*: *п*арусъ φᾶρος. Звукъ *ф* передавался не только буквою *ф*, но и буквою *ѳ*, такъ что обѣ эти буквы произносились одинаково. Вслѣдствіе этого мы находимъ въ древнѣйшихъ памятникахъ *ф* вмѣсто *ѳ* греческихъ словъ и наоборотъ: Святославовъ Сборникъ 1073 г.: *ѳ*илиписиомъ 90, сапь*ѳ*иръмь 104, анъ*ф*ракъсъ 121 об., *Ф*ермодонты рѣкы 153, сера*ѳ*има 242 и др.; Минея 1096 г.: ана*ф*ома ἀνάθεμα 78, Сте*ѳ*ана 91; Минея 1097 г.: Пьрѳурие 329, Онисиѳоре 330, *Ѳ*илипа и Варъ*ф*оломеа 372; Стихирарь ок. 1163 г.: Е*ѳ*рема 38, *ѳ*евраря 39, Тру*ѳ*она 39, *ѳ*ѵникъ 43 и др. Въ нотномъ Кондакарѣ XII—XIII в. Публичной Библіотеки *ф* вмѣсто *ѳ* и наоборотъ пишется даже въ греческихъ фразахъ, написанныхъ славянскими буквами: о *ф*еос му 114, докса си о

ѳеосъ 116, проѳитiкон 84 об. Сравни въ *средне-болгарскомъ* Евангелiи XII—XIII в. (Румянц. М. № 1690): скоръѳиꙗ, газоѳилакиꙗ, Аѳтонома, Троѳима. Большинство рукописей XIII и XIV вв. почти не знаетъ буквы ѳ, замѣняя ее постоянно буквою ѳ, за исключенiемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ она имѣетъ числовое значенiе (впрочемъ: мѣсяца того же въ .ѳ., въ .ѳ. лѣто царства ѥго, Прологъ 1383 года 106 об., 121 об.).

~~VI.~~ II История гласныхъ звуковъ.

Исчезновеніе глухихъ. Важнѣйшимъ событіемъ въ древней исторіи звуковъ русскаго языка было исчезновеніе глухихъ ъ и ь и чистаго *и* въ концѣ и иногда въ серединѣ словъ. Уже въ древнѣйшихъ русскихъ рукописяхъ — Остромировомъ Ев., Святославовыхъ Сборникахъ — мы находимъ опущеніе ъ и ь: книгамъ вмѣсто кънигамъ, съгнѧвъ вм. съгънѧвъ, тькмо вм. тькмо, кто вм. къто, створити вм. сътворити, все вм. вьсе, и т. п. Но такъ какъ древнѣйшія наши рукописи суть списки, часто непосредственные, съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, гдѣ опущеніе ъ и ь — явленіе обычное, то на основаніи приведенныхъ примѣровъ и имъ подобныхъ мы не имѣли бы права дѣлать какія-либо заключенія, если бы эти примѣры не находили себѣ подкрѣпленія въ данныхъ памятниковъ XI и XII вв. съ чистымъ русскимъ языкомъ, каковы надпись на Тмутороканскомъ камнѣ (здѣсь читается: князь, не кънязь) и Мстиславова грамота; сверхъ того, какъ указано выше, у Константина Багрянороднаго, слѣдовательно, еще въ концѣ X в., — названіе днѣпровскаго порога написано Νεασήτ, съ согласнымъ на концѣ. Всѣ эти данныя, взятыя вмѣстѣ, даютъ основаніе думать, что во второй половинѣ XI вѣка какъ (во многихъ случаяхъ) глухіе, такъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ) и чистое *и* уже исчезли изъ произношенія и перестали слышаться въ живомъ говорѣ. Глухой ъ исчезъ безслѣдно; ь оставилъ по себѣ слѣдъ въ мягкости предшествующаго согласнаго; послѣ *и* остался *j*, который нѣкогда находился между *и* и предшествующимъ гласнымъ.

Звуки ъ и ь исчезли въ концѣ словъ всегда, даже и тогда, когда на нихъ было удареніе: *родъ*, *миръ* (сравни въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в.: *родо́-сь* 13, *миро́-сь* 46 об.), *сынъ* (сравни

литовск. sunùs), *остръ* (сравни литовск. aštrùs), *ночь* (сравни литовск. naktìs и соврем. русское *ночéсь*, которое образовалось изъ *ночь-съ*), *дънь* (сравни соврем. *днесь* изъ *дьнь-сь*). Въ этихъ словахъ и др. мы, конечно, имѣемъ дѣло съ дѣйствіемъ аналогіи—съ дѣйствіемъ вліянія словъ съ неударяемыми ъ и ь въ концѣ на слова съ ударяемыми глухими въ концѣ. — Что касается до глухихъ въ серединѣ словъ, то они исчезли вездѣ, гдѣ были безъ ударенія и гдѣ стеченіе согласныхъ не требовало сохраненія гласнаго звука: кто, многъ, все, брати. Срв. брóня (Псалтырь 1296 г., запись), блóха, дохну́ть (вдохнувъ, Псалтырь 1296 г., зап.), доска, мозгнуть, яблоко, нонѣ (Лаврентьевск. списокъ лѣт. 111, 114, 190, 196, 212, 216, 217, 247, 253; Румянц. Измарагдъ XIV в. 97; полоцкая грам. 1478 г.; зап.-русск. Четья 1489 г. 238; — срв. Минея 1097 г.: нънѣ 306, 398; Путятина Минея XI в.: нъня 68 об.; Христинопольскій Ап. XII в.: нънѣ 162; Синайскій Патерикъ XII в.: нънѣшьнюму 58 об.; церк.-слав. Син. Псалтырь: нънѣ 19), сосу́ — гдѣ *о* изъ ъ—; тревога, пестръ, теща, стекло, звенѣть, гнею́ (Кормчая ок. 1282 г.; изгнеѥть 558 об.; Паремейникъ 1378 г.: гнеющь 39; Измарагдъ XIV в.: гнꙑѥмъ, 1 л. мн., 43; Лаврентьевск. сп. лѣт.: изгнееть 80, и др.; срв. Прологъ 1262 г.: съгнꙑѥть 113; Новгородск. лѣт. XIV в.: гнꙑющема 82 и др.), остреé (Ев. 1339 г.: остреѥмь 120; Ев. 1354 г.: остреѥмь 116 об.; Ев. 1355 г.: острѣѥмь 87, и др.; срв. Добрилово Ев. 1164 г.: острꙑѥ 151; Пантелеймоново Ев. XII в.: острꙑѥмь 124, и др.),—гдѣ *е* изъ ь. Кромѣ того, есть основаніе думать, что и въ серединѣ словъ глухіе исчезли кое-гдѣ въ нѣкогда ударяемыхъ слогахъ. Вообще можно замѣтить, что при нахожденіи двухъ глухихъ въ двухъ смежныхъ слогахъ въ серединѣ слова, обыкновенно исчезъ тотъ изъ нихъ, который стоялъ ближе къ концу слова: соврем. нѣмецкій изъ нѣмьчьскыи, собрать изъ събьрати, чернецъ изъ чьрньць.

Звукъ *и* исчезъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлъ передъ собою гласный+*j*, именно въ концѣ словъ (иногда подъ удареніемъ): въ формахъ именит.-винит. п. единств. ч. муж. р. (мо*j* изъ мо*jú*; срв. моя́, моé), дат.-мѣстн. ед. ч. женск. р., род. мн., 2-го лица ед. повелит. накл., и въ серединѣ словъ — тамъ, гдѣ онъ былъ безъ ударенія и гдѣ группировка согласныхъ не препятствовала его исчезновенію. Памятники письма обыкновенно сохраняютъ здѣсь

букву *и* (какъ сохраняютъ въ большинствѣ случаевъ и буквы ъ и ь), которая такимъ образомъ означаетъ уже не гласный *и*, а согласный *j*; но встрѣчаются изрѣдка и случаи отсутствія буквы *и* и вмѣстѣ отсутствія какого-либо изображенія звука *j*: Пандекты Антіоха XI в.: поучая *Тимоѳь* глаголааше 30 об.; Пантелеймоново Ев. XII в.: ты же шьдъ *възвѣща* царство божиѥ 116 об.; Ев. XII—XIII в. Моск. Никольскаго мон. № 150: дадите ѥ ѣсти 33; Житіе Нифонта 1219 г.: станяше бъдръ на молитвѣ *своѥ* 15 об., чьсо ради, господи *мо*, не възриши 35 об.; Ев. 1317 г.: како ты *июдѣ* сы 12 об.; Пантелеймоново Ев. XII в.: *убоtеся* 39 об.; Прологъ 1383 г.: *разумѣте* (повел.) 130 об.; договоръ вел. кн. Семена Гордаго съ братьями: *Олексѣ* Петровичь.

Должно замѣтить, что съ теченіемъ времени, вслѣдствіе вліянія однихъ словъ и формъ, въ серединѣ которыхъ глухой сохранился и потомъ перешелъ въ *о* и *е*, на другія слова и формы, утратившія въ серединѣ свой глухой,—*о* и *е* появились тамъ, гдѣ мы ихъ не ожидали бы видѣть. Такъ, вслѣдствіе вліянія формъ собрать и т. п., мы имѣемъ, рядомъ съ древними сборъ, сбираю (=съб-), — новыя соборъ, собираю; вслѣдствіе вліянія формъ войти, сойти, подойти, войду и т. д. мы говоримъ: вошелъ, сошелъ, подошелъ (сравни вшить, спить и т. п.); вслѣдствіе вліянія формъ им. ед. мохъ, сотъ, лобъ, ротъ, лесть, ропотъ (изъ мъхъ, сътъ, лъбъ, ротъ, льсть, ръпътъ) у насъ слышатся формы род. ед. и другихъ падежей моху, сота (др.-русск. ста), лести (Лаврентьевск. сп. лѣт.: лсти 249 и др.), ропота (Христинопольск. Апостолъ XII в.: безъ ръпта 85); малор. и бѣлор. моха, лоба, рота. Появленіе словъ въ родѣ соборъ, совѣтъ, совѣсть (Лаврентьевск. сп. лѣт. постоянно: сборъ, свѣтъ, свѣсть), содержу—по памятникамъ относится къ XII в. (гал.-вол. Добрилово Ев. 1164 г.: соволкъше 238; гал.-вол. Типографское Ев. № 6), но становится вполнѣ обычнымъ только со второй половины XIII в. Кормчая ок. 1282 г.: сосудъ 559 (рядомъ: съсудъ); Пандекты 1296 г.: совокупления 26,—пляи 32 об.,—пляяся 40 об., солиявъ 84. Такъ же произошло *о* въ предлогахъ передъ именами: великорусск. пѣсенн. в*о* пиру, в*о* бесѣдѣ, к*о* матушкѣ, с*о* инымъ, книжн. (изъ церковныхъ книгъ) в*о* вѣки, в*о* имя, в*о* едино, с*о* отцемъ. Это *о* по памятникамъ относится также къ XII—XIII в.: Добрилово Ев. 1164 г.: в*о* имя 65 об.; Типографское Ев. XII—XIII в. № 6: в*о*

имя, *ко* Іисусу; Житіе Нифонта 1219 г.: *во* истину 65 об.; Кормчая ок. 1282 г.: *со* Оркадиіємь, *со* игуменомь 524; Пандекты 1296 г.: *во* истину 34 об., *во* уставныя часы 122 об., *во* умѣ, *со* инѣми 139 об., *со* оружии 141 об., *во* имя 142 об., *ко* обоимъ 144 об. и др.; въ концѣ XIII и въ XIV в. оно уже обычное явленіе; Ев. 1323 г.: *во* имя 7, 8 об., 30 об., *во* истину 9, 15 об., 17, и др.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ у однихъ говорящихъ сохранились въ произношеніи глухіе, у другихъ исчезли; вслѣдствіе этого мы находимъ рядомъ формы съ глухимъ гласнымъ (изъ котораго потомъ образовалось *о* или *е*) и формы безъ гласнаго звука; такъ, форма неопредѣленнаго накл. звучала и чьстити (откуда наше честить), и (чаще) чтити (откуда наше чтить; Слова Григорія Богосл. XIV в. Син. Библ.: чтить, чтять, почтившаго и т. п.); форма неопредѣленнаго накл. звучала и кръстити (откуда наше крестить), и крстити (откуда соврем. народное кстить); названіе города *Пльсковъ* превратилось съ одной стороны въ Пльсковъ, откуда Плесковъ, съ другой въ Плсковъ (съ мягкимъ *л*), откуда *Псковъ*. То же мы видимъ въ Добрянескъ (Лаврентьевск. сп. лѣт.) и Брянескъ (изъ Дъбряньскъ), Смоленескъ и Смолнескъ (съ мягкимъ *л*; изъ Смольньскъ), богатество и богатство (изъ богатьство), пехать, пехнуть (Паремейникъ 1378 г.: пехаете 72 об.; Лаврентьевск. сп. лѣт.: спехнуша 73) и пхать, пхнуть (изъ пьхати, пьхнути), бервно̀, берно̀ и бревно́ (Ев. 1317 г.: бьрно, брьвно—ь=*е*—30, 74, 74 об.; Ев. 1339 г.: бревно; Ев. до 1362 г. Тип. Библ.: беревна 64; Ев. 1370 г.: бревно 27 об.; Ев. 1399 г.: бревна, берьвно 28 об., бревьна 68 об.; печатн. Ев. Тяпинскаго XVI в.: бервена;—изъ бьрьвьно), мо́лния, молнея́ и молонья́ (изъ мълньй). Форма *мъю* (такъ изрѣдка она пишется въ старыхъ памятникахъ: Юрьевское Ев. около 1120 г.: умъж 173 об.; Ев. XII—XIII в. Рум. Муз. № 104: умъють 59; Кормчая ок. 1282 г.: мъіеться 489, и др.) дала съ одной стороны мо́ю (изъ мъ́ю), съ другой—мъю́ (изъ мъю́; Домострой: мъють 87). Слово *дверъ* имѣетъ въ однихъ (немногихъ) древнихъ памятникахъ формы косвенныхъ падежей двери, дврехъ (Галицкое Ев. ок. 1266 г.; Кормчая ок. 1282 г.), тогда какъ другіе имѣютъ двери, вѣроятно,—двери́ (какъ Чудовской Новый Завѣтъ XIV в.), дверехъ, при современныхъ двери и др.

Къ числу случаевъ, гдѣ еще въ древности сохраненіе или исчезновеніе глухихъ создало варіанты словъ и формъ, не слѣдуетъ относить такихъ, какъ формы имен.-вин. п. Полотескъ, Курескъ, Мценескъ (обычны въ древнихъ текстахъ, даже въ великорусскихъ текстахъ XVII в.), при формахъ косвенныхъ падежей Полотска (=Полоцка), Курска, Мценска и т. д. (съ мягкимъ согласнымъ передъ *ск*), такъ какъ современныя формы им.-вин. п. Полоцкъ, Курскъ, Мценскъ — поздній, образованныя подъ вліяніемъ формъ косвенныхъ падежей. Точно также въ древности, повидимому, не существовало тѣхъ формъ косвенныхъ падежей *жреца́*, *жнеца́*, *чернеца́*, *чтеца́* и т. д., которыми пользуемся мы, а употреблялись только формы *жерца́*, *женца́*, *черенца́*, *четца́* и т. д., изъ *жърьца́*, *жьньца́*, *чьрньца́*, *чьтьца́* и т. д., при формахъ им.-вин. ед. *жрецъ*, *жнецъ*, *чернецъ*, *чтецъ*, изъ *жърьць*, *жьньць*, *чьрньць*, *чьтьць* (но уже издревле: кузнеци Слова Григорія Богосл. XIV в. Син. Библ. 28, им. мн., мертвьца Тріодь 1311 г. 2 об. и т. п., мудреца, изъ *кузньци*, *мьрьтвьца́*, *мудрьца́*); эти формы всего скорѣе — новообразованія, явившіяся подъ вліяніемъ формъ им.-вин. ед. Послѣднее, кажется, можно сказать и о формахъ *тестя* и т. д., *чести* и т. д.; во всякомъ случаѣ памятники имѣютъ отъ *тьсть* форму род. п. тсти, цьти, сти, тстя, цьтя (Пандекты 1296 г.: Иофора *сти* своıего 38 об.; Ипатскій сп. лѣт.; Скорина, Бытіе, 55; Исходъ, 9 об.; срв. соврем. бѣлорусское *ция*, *сия*), а отъ *чьсть* форму того же пад. чсти, чти (Кормчая ок. 1282 г.: *чти* приложити; Рязанск. Кормчая 1284 г.: о *чти* 14 об., 53 об., 60; Лаврентьевск. сп. лѣт.: въ *чти*; Домострой: *чти* достойны; во *чти*; Слово о п. игоревѣ).

Слѣдствія исчезновенія глухихъ. Исчезновеніе глухихъ звуковъ и *и* имѣло важные результаты и произвело цѣлый рядъ фонетическихъ измѣненій; эти измѣненія произошли преимущественно въ области согласныхъ звуковъ, но коснулись также и гласныхъ. Въ области гласныхъ произошли слѣдующія явленія.

Удлиненіе **о** *и* **е**. Въ одномъ изъ древне-русскихъ говоровъ — въ говорѣ галицко-волынскомъ — исчезновеніе глухихъ и *и* повело къ образованію долгихъ звуковъ. Когда въ слогахъ предыдущихъ тѣмъ, гдѣ были глухіе или *и*, находились звуки *е* или *о*, эти послѣдніе, вслѣдствіе исчезновенія глухихъ и *и*, подверглись замѣстительному удлиненію, и *е* стало произноситься долго, близко къ

древнему *ѣ*, а *о* стало звучать какъ долгое *о*. Въ древнѣйшихъ памятникахъ галицко-волынскаго письма, изъ которыхъ старшіе относятся къ половинѣ XII в. (надпись на крестѣ св. Евфросиніи 1161 г. и Добрилово Ев. 1164 г.), долгое *е* изображается буквою *ѣ*, долгое же *о* обыкновенно не отличается отъ краткаго *о*, и только изрѣдка мы видимъ на мѣстѣ его двойное *о*: *оо* (которымъ однако могъ изображаться и дифтонгъ *уо*): Галицкое Евангеліе ок. 1266 г.: *воо*вьця = овца, *воо*вьчихъ = овчихъ; Поликарпово Ев. 1307 г.: *воо*тця=отца; Ипатскій сп. лѣт., новгородскаго письма, но списанный съ гал.-вол. оригинала: *воо*тчину 544. Въ нихъ употребленіе новаго *ѣ* на мѣстѣ древняго *е* отличается болѣе или менѣе значительною послѣдовательностью и является въ такихъ словахъ, какъ п*ѣ*щь, ш*ѣ*сть, с*ѣ*дмь, кам*ѣ*нь, рем*ѣ*нь, перст*ѣ*нь, учит*ѣ*ль, дѣлат*ѣ*ль, мат*ѣ*рь, неб*ѣ*съ, вес*ѣ*лые, кам*ѣ*ные, кор*ѣ*ные, знам*ѣ*ные, хвал*ѣ*ные, з*ѣ*лые, въ н*ѣ*мь, въ н*ѣ*и, *ѣ*и, въ вс*ѣ*мь, въ вс*ѣ*и, въ тво*ѣ*мь, въ тво*ѣ*и, гдѣ *ѣ* образовалось изъ *е* черезъ удлиненіе, имѣвшее своей причиной исчезновеніе конечнаго *ъ*, *ь* и *и*. Въ тѣхъ случаяхъ, когда глухой звукъ сохранился или когда его не было, удлиненія не произошло, и *е* и *о* остались безъ перемѣны, такъ что въ памятникахъ мы читаемъ: пещи, шести, на камени, учителя, матере, небеса и т. п. Въ дальнѣйшемъ развитіи галицко-волынскаго говора долгое *е* дало въ однихъ случаяхъ *і* (съ предыдущимъ мягкимъ согласнымъ), въ другихъ, перейдя въ *ō*, образовало тѣ же дифтонги, что̀ и *ō* изъ древняго *о* (но съ предыдущимъ мягкимъ согласнымъ): *уо*, *уэ*, *уи* и др., и монофтонгъ *і*.

Удлиненіе *е* и *о* имѣло мѣсто не во всѣхъ случаяхъ, гдѣ было исчезновеніе глухихъ; такъ, современный языкъ показываетъ, что его не было въ словахъ на *енько*, *енька*, *онько*, *онька* (можетъ быть, здѣсь *е* и *о* изъ *ь* и *ъ*?), что нерѣдко оно отсутствовало въ словахъ съ полногласіемъ: *волосъ*, *голодъ*, *голодний*, *берегъ*, *передъ*, *берестъ* (им. ед.). Впрочемъ сохраненіе *о* и *е* въ полногласныхъ формахъ легко можетъ быть объясняемо вліяніемъ косвенныхъ падежей (какъ въ годъ, медъ и др.).

Кромѣ указанныхъ исключеній, есть еще рядъ исключеній другого рода, явившихся вслѣдствіе дѣйствія аналогіи, вліянія другихъ формъ.

Въ цѣломъ рядѣ словъ (существительныхъ) въ именительн. пад. ед. ч. глухой звукъ сохранился и потомъ перешелъ въ *о* или *е*; таково слово таково слово *ледокъ*, нѣкогда бывшее съ *ъ* (*ледъкъ*); таково слово *вечерокъ*, нѣкогда также имѣвшее *ъ* (*вечеръкъ*); таковы же формы род. пад. мн. ч. *дорожекъ*, *березокъ* (*е* и *о* въ концѣ изъ *ь* и *ъ*), и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, когда глухой звукъ сохранился, должно бы ожидать сохраненія краткихъ звуковъ *е* и *о*; но такъ какъ въ формахъ другихъ падежей тѣхъ же словъ образовались долгіе звуки, то подъ вліяніемъ этихъ формъ явились долгіе звуки и здѣсь; такъ, рядомъ съ формою *ледъкъ*, была форма родит. пад. *ледъка*, гдѣ глухой исчезъ, а краткій гласный перешелъ въ долгій (*лёдка*); рядомъ съ формой *дорожькъ*, была форма именит. пад. *дорожька*, гдѣ вслѣдствіе исчезновенія глухого звука явилось долгое *о* (*дорōжка*). Такимъ образомъ *о* и *е* въ нѣкоторыхъ случаяхъ удлинились тамъ, гдѣ *ъ* сохранился. Отсюда получились въ современномъ малорусскомъ языкѣ формы въ родѣ *лiдокъ*, *пiдвечiрокъ*, формы род. мн. *дорiжокъ*, *берiзокъ* и т. п.

Въ другомъ рядѣ словъ (всего чаще прилагательныхъ) произошло обратное явленіе. Формы ихъ имен. ед. муж. р. сохранили глухой, и онъ потомъ перешелъ въ *о* или *е*: *отецъ*, *воленъ*, *годенъ*; другія ихъ формы утратили глухой и должны были получить удлиненіе предшествовавшихъ глухому *о* или *е*; но подъ вліяніемъ формъ имен. ед. муж. р. въ нихъ сохранились краткіе гласные: *отця*, *вольно*, *годно* и т. п. Точно также рядъ глагольныхъ формъ испыталъ исчезновеніе глухого: *печешь*, *печетъ*, *печемъ*, неопред. накл. *печь*. Оно должно было произвести удлиненіе *е* предыдущаго слога, но его не произвело: соврем. малор. *печешь* (не *печiшь*), *печетця*, *печемъ*, *печь*; впрочемъ въ древнѣйшихъ галицко-волынскихъ памятникахъ (между прочимъ въ надписи на крестѣ 1161 г.) встрѣчается *печѣть* и т. п., а въ молдавскихъ документахъ XIV—XV в., языкъ которыхъ богатъ малорусскимъ элементомъ, мы находимъ: *слюбуюмъ*, *хочумъ*, *имаюмъ*, *вѣдаюмъ* (Уляницкій; здѣсь *ю* изъ *ē*). Причина этого—вліяніе другихъ формъ, въ которыхъ исчезновенія глухихъ не было и *е* сохранилось безъ измѣненія: 3 л. ед. *пече*, 1 л. мн. *печемо*, 2 л. мн. *печете*, 2—3 л. дв. *печета*, неопред. н. *печи*.

Надо имѣть въ виду, что исчезновеніе глухихъ оказало свое дѣйствіе также на предлоги-префиксы, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они были въ сложеніи съ именами и глаголами, такъ и тогда, когда они стояли отдѣльно. Въ древнихъ памятникахъ есть слово *бѣздьна* (бѣздьну, Галицкое Ев. 1283 г. 51 об.; бѣзденъ, род., Тріодь XIII в. Син. Библ. Усп. № 8; Бѣзна, галицкая грам. 1366 г.) гдѣ *ѣ* образовалось изъ *е* подъ вліяніемъ исчезновенія *ь* послѣ *д* въ современномъ украинскомъ говорѣ мы находимъ *пiдъ* столомъ, изъ *подъ* столомъ, гдѣ *i* изъ *ō*; въ Словахъ Ефрема Сирина 1492 г. мы читаемъ: *бѣс* печали, гдѣ *ѣ* явилось подъ вліяніемъ сочетаній въ родѣ *бѣздьна*; въ Сборникѣ к. XVI в. Син. Библ. № 937: п*у*шло, д*у*стался (срв. соврем. галицк. д*i*стати и т. п.). Въ послѣднемъ случаѣ (какъ и въ *бѣс* печали) мы имѣемъ дѣло съ дѣйствіемъ аналогіи, съ вліяніемъ однихъ словъ на другія.

Также надо имѣть въ виду, что исчезновеніе глухихъ не осталось безъ дѣйствія на собственныя имена, перешедшія къ намъ не ранѣе X вѣка изъ греческаго языка, какъ показываютъ и данныя памятниковъ: галицкая грамота 1378 г.: Фед*у*тъ, Нест*ю*ръ, и современные малорусскіе говоры: украинск. В*i*вдя (изъ др.-русск. Овьдокья или Овъдокья), Х*i*вря (изъ др.-русск. Ховьронья или Ховъронья), *I*вга (изъ др.-русск. Евьгенья) и др.

Наконецъ слѣдуетъ отмѣтить одно слово, гдѣ, вслѣдствіе исчезновенія глухаго, удлинилось *о*—такъ называемый соединительный гласный. Это укр. мак*i*тра, сѣв.-малор. мак*уо*тра макотерка, изъ мак*о*-тьра.

Можетъ быть, кромѣ *е* и *о*, въ галицко-волынскомъ говорѣ, при тѣхъ же условіяхъ, подверглись удлиненію и всѣ другіе гласные, не восходящіе къ глухимъ; но ни древніе памятники, ни современные малорусскіе говоры не даютъ намъ относительно этихъ гласныхъ достаточно ясныхъ указаній.

Возникновеніе новыхъ глухихъ **ъ** *и* **ь** тамъ, гдѣ ихъ раньше не было, имѣло своею причиною ослабленіе (а потомъ исчезновеніе) глухихъ звуковъ въ концѣ словъ, результатомъ котораго иногда явились неудобопроизносимыя сочетанія согласныхъ. Новые глухіе мы видимъ въ огънь, откуда ог*о*нь (древн. *огнь*), угъль, откуда уг*о*ль (древн. *угль*), вълъхъвъ, откуда волх*о*въ (Чудовской сб. XIV в. № 23, лл. 169 об., 172 об.), мьрътъвъ, откуда мерт*о*въ (Ев. 1393 г. 144 об.; древн. *мьрътвъ*), молитъвъ, род. мн., откуда молит*о*въ

(Рязанск. Кормчая 1284 г. 80 об., 174; древн. *мслитвъ*), помысьлъ, откуда помыселъ (древн. *помыслъ*), остъръ, остёръ (древн. *остръ*), хытъръ, хитёръ (древн. *хытръ*), тѣсьнъ, тѣсенъ (древн. *тѣснъ*), любьзънъ, любезенъ (древн. *любьзнъ*), дъсъкъ, досокъ, земьль, земель, капьль, капель, сестъръ, сестёръ (древн. *дъскъ, земль* и т. д.), др.-русск. седьмь (Слово Ипполита объ антихристѣ XI—XIII в.), а также, подъ вліяніемъ подобныхъ словъ и формъ,—въ словахъ и формахъ угольный, уголёкъ, др.-русск. молитовникъ, земельный, земелька, капельный, капелька, др.-русск. седьмый (съ нотою на ь, въ Тріоди XIII в. Синод. Б. Усп. № 8), искорка, весельце, весёлко и т. п. Качество новаго глухаго зависѣло отъ вліянія словъ съ сходными окончаніями, имѣвшими древніе глухіе; напримѣръ, въ *тѣснъ* возникъ ь (а не ъ) вслѣдствіе вліянія бѣдьнъ, плотънъ и т. п. Повидимому, были слова, въ которыхъ вслѣдствіе разныхъ вліяній въ однихъ говорахъ возникъ ъ, въ другихъ ь; срв. соврем. великор. узолъ и узелъ, сосонка и сосенка.

Кромѣ глухихъ, кое-гдѣ возникли прямо чистые гласные; по крайней мѣрѣ, объ *о* въ началѣ словъ, тамъ, гдѣ происшедшее вслѣдствіе исчезновенія глухихъ стеченіе согласныхъ было неудобно для произношенія, есть основаніе думать, что оно не восходитъ къ болѣе древнему ъ: Лаврентьевскій сп. лѣт.: в день овторникъ, подъ 1305 г.; бѣлорусск. Познанскій сборникъ XVI в.: на *о*второкъ, ув *о*второкъ; современн. сѣв.-великорусск. *о*вторникъ, малор. в*і*второкъ (*і* изъ *о* не изъ ъ), бѣлор. *о*второкъ.

Образованіе плавныхъ гласныхъ. Исчезновеніе глухихъ повело также къ образованію плавныхъ гласныхъ (сонантовъ). Въ древнерусскомъ языкѣ плавные гласные первоначально были, кажется, во всѣхъ говорахъ, тамъ, гдѣ прежде плавный согласный имѣлъ *послѣ* себя глухой, т. е. въ группахъ въ родѣ согласный$+$*ръ*$+$согласный. Въ великорусскомъ нарѣчіи можно указать, какъ на имѣвшія когда-то плавный гласный,—на слова *Псковъ, кстить*, несомнѣнно изъ П*л*сковъ (съ мягкимъ *л*), П*ль*сковъ, к*р*стити (Лаврентьевск. сп. лѣт.: еси х*р*стилъ 243; новгородск. Апостолъ 1391 г.: к*р*стихомься 79 об.), к*рь*стити; сверхъ того, псковской Трефолой 1446 г. имѣетъ воск*р*сити 52, изъ воск*рь*сити, а новгородск. Ев. XIV в. Рум. Муз. № 434—ск*р*жетъ 44 об., изъ ск*рь*жьтъ. Можно еще отмѣтить падежныя формы сравнит. степ. *лѣпліи*: лѣпшии, — ихъ и др. въ

Лаврент. сп. лѣт. 241, 242, лепьших въ Новгородск. лѣт. XIV в., изъ лѣпльшии и т. д. Для западно-русскихъ говоровъ мы имѣемъ данныя въ формѣ крви въ Псалтыри 1296 г.: мужа *крви* 6 об., взиская *крви* ихъ 17, отъ мужь *крви* 115 об., и въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.: розлитье *крви*, и т. п., и въ словѣ крвавый, въ томъ же Статутѣ. Впрочемъ примѣры изъ Статута могутъ быть отнесены на счетъ польскаго вліянія (срв. польскую ф. род. ед. k*r*wi). Въ древнемъ галицко-волынскомъ говорѣ нѣкогда также были случаи образованія плавнаго гласнаго: Галицкое Ев. 1144 г.: х*р*'щахуся 5 об., х*р*'щеньѥ, х*р*'щю 6 и т. п.; Христинопольскій Апостолъ XII в.: хр'щеньѥ 30; Галицкое Ев. 1283 г.: воск*р*сниѥ 2 об., въ уск*р*шѣньѥ 6 об., въск*р*шю 10, вск*р*си 69 об.; жена к*р*воточива 35 об., на ут*р*ници 99; Поликарпово Ев. 1307 г.: к*р*ве, к*р*ви; Луцкое Ев. XIV в.: къ*л*неться. Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ гласный, по всей вѣроятности, не составлялъ слога и произносился какъ польскій *r* въ k*r*wi и т. п. Въ настоящее время плавные гласные въ серединѣ словъ встрѣчаются только на юго-западной окраинѣ территоріи русскаго языка—у галицкихъ лемковъ: к*р*ви, к*р*стити.

Памятники показываютъ, что въ нѣкоторыхъ словахъ плавные гласные очень рано превратились въ слоги *ър, ьр* и т. д., откуда *ор, ер* и т. д. Ростовское Житіе Нифонта 1219 г.: г*ър*тань 43 об.; Апостолъ 1220 г.: г*ър*тань 21; Псалтырь 1296 г.: г*ор*тань 7, 38 об. и др., соврем. великорусск. г*ор*тань (изъ г*р*тань, г*ръ*тань; срв. въ зап.-русск. Четьѣ 1489 г.: г*ры*тань); соврем. великор. ст*ер*жень, при ст*ре*жень (изъ ст*ръ*жень).

Плавные гласные, образовавшіеся въ началѣ словъ и формъ (если находившіяся передъ ними въ фразѣ слова и формы оканчивались на согласный), иногда превратились въ слоги *ор, ол* или *ир, ил*: великор. *ор*жаной, *ол*ьняной (или *ол*ьляной), в*ол*ьготный, изъ *ръ*ж—, *лъ*н—, *лъ*г—; бѣлор. *Ор*ша, изъ др.-русск. *Ръ*ша (Новгородск. лѣт. 7, Лаврент. сп. лѣт. 163); др.-русск. *Ол*ьто (зап.-русск. Радзивиловск. и Академическ. списки лѣт. XV в., при *Лъ*то въ Лаврентьевск. сп. лѣт. 163); малорусск. украинск. *ір*вати, *ір*жати, *іл*ьняний, *Іл*ьвів (г. Львовъ; срв. въ Ев. 1283 г.: праведнаго *Ил*ва 133, въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV вв.: *ил*вовьскый), *Ир*па (рѣка въ Черниговской губ., на которой нѣкогда былъ г. Ропескъ);

бѣлор. *иржа* (ржавчина; печатн. Ев. Тяпинскаго XVI в.: черъвякъ и *иржа* грізеть), и др.

Исчезновеніе чистыхъ **о** *и* **е**. Вслѣдствіе исчезновенія глухихъ, при склоненіи образовались съ одной стороны—падежныя формы съ такъ называемыми бѣглыми *о* и *е* (изъ *ъ* и *ь*) и съ другой—падежныя формы безъ этихъ *о* и *е*, напримѣръ: сонъ и сна, сну; песокъ и песку, пескомъ; ленъ и льна, льну; конецъ и конца, концю. Чередованіе большого количества формъ съ *о* и *е* съ формами безъ *о* и *е* повело къ тому, что нѣкоторое количество словъ, имѣвшихъ древнее *о* или *е*, стали выбрасывать эти звуки въ косвенныхъ падежахъ ед. ч. и во множеств. числѣ. Такимъ образомъ образовались при склоненіи формы безъ *о* и *е*: ровъ (*о* древнее), старая форма родит. пад. рова, новая—рва; ледъ (*е* древнее), старая форма род. п. леда, новая — льда; камень, старая форма род. п. камене, новая—камня. То же произошло со словами потолокъ (срв. притолока), просторонъ (=ц.-сл. пространъ; Галицк. Ев. 1283 г.: просторона врата), ремень (духовная Дмитрія Донскаго: безъ ремени, съ ременемъ), гребень (сборн. Имп. Публ. Библ. XV в. Q. I. 1000: желѣзными гребени 104 об.), корень, перстень, плетень, селезень, пепелъ, хохолъ (пол. chochoł, чешск. chochol), шесть, олень, урокъ (на великорусскомъ сѣверѣ род. п. шти, ольня́, урка́) и т. п. Новыя формы развились въ однихъ русскихъ говорахъ въ большемъ числѣ, въ другихъ въ меньшемъ; легко замѣтить, что великорусскіе говоры имѣютъ ихъ больше, чѣмъ малорусскіе и бѣлорусскіе. Появленіе этихъ формъ относится ко времени недалекому отъ эпохи исчезновенія глухихъ; въ новгородск. Милятиномъ Ев. 1215 г. мы находимъ: *сьмне* (род. отъ *сьмя*) 62 об.; въ ростовскомъ Житіи Нифонта 1219 г.: на *камъни* 75 об., 131 об. (тамъ же камѣние 66, 71 об. и др.; однако сравни въ церк.-слав. Синайской Псалт.: на камні 84, имни 136, камьньѣ 227); въ новгородскомъ Прологѣ 1262 г.: въ *рвѣ* 31 об., 74; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: отъ *шти* епископъ 132, *шти* на дьцять лѣтъ 177 об.; въ Пандектахъ 1296 г.: въ *рвы* 41 об.; въ Псалтыри 1296 г. (вѣроятно, западнорусской): въ *рвѣ* 183.; въ Словахъ Григорія Богосл. XIV в. Син. Библ.: *рва* 139 об.; въ Евангеліи 1358 г.: прежде *штии* (читай: шти) день пасхи 157; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в.: по *шти* 150 об.; въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: стадии *шти* десятъ 2 об.; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: во *рвѣ*, *ръва*, *рва*, 132, 99,

168; въ Прологѣ 1432 г. Публ. Библ.: перстънемъ (тв.) 146; въ Домостроѣ: алтынъ пяти — *шти* 118; въ сѣв.-великор. грамотѣ 1571 г.: *уркомъ* Ак. Юр. 56.

Замѣна **и** *чрезъ* **е.** Исчезновеніе чистаго *и* послѣ гласныхъ въ серединѣ словъ послужило къ тому, что при склоненіи одни падежныя формы этихъ словъ стали звучать съ *j* вмѣсто *и* (точнѣе: вмѣсто *jи*), между тѣмъ какъ другія сохранили древнее *и*. Такимъ образомъ получилось чередованіе формъ съ *j*: за*й*ма (род.), за*й*му (дат.), злодѣ*й*ска, злодѣ*й*ску, бо*й*ця (род.), поко*й*на (женск. р.), тро*й*ка, тро*й*кою, я*й*це, я*й*ца и т. д., и формъ съ *и* какъ неударяемымъ, такъ и ударяемымъ: за*и́*мъ (им.), злодѣ*и*скъ (им.), бо*и́*ць, поко*и*нъ, тро*и*къ (род. мн.), я*и́*ць, очень сходное съ чередованіемъ формъ безъ *е* и формъ съ *е*, въ родѣ льна—л*е*нъ, Курьска—Кур*е*скъ, купьця—куп*е*ць, сильна́—сил*е*нъ, крошка—крош*е*къ, крыльце—крыл*е*ць. Послѣднее оказало вліяніе на первое, слѣдствіемъ чего было появленіе въ немъ *е* вмѣсто *и*: за*е́*мъ, злодѣ*е*скъ, Можаѥскъ (духовная Ив. Калиты), бо*е́*ць, поко*е*нъ, стро*е*нъ, тро*е*къ, я*е́*ць. Формы съ *е* появились у насъ очень рано; такъ, въ Добриловомъ Ев. 1164 г. мы читаемъ: июдѣѥскъ, самарѣѥскъ, галилѣѥскъ; въ Ев. 1317 г.: июдѣѥскъ 3 об., и т. п.; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: переѥмъ; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: отъ богоубиѥць 265 об.; въ Измарагдѣ XIV в.: отъ запоѥць 51 об.; въ Пандектахъ 1296 г.: отчеубиѥць 165; въ Ев. 1358 г.: злыѥ-тъ рабъ 62; въ Прологѣ XIV в. Син. Б. № 247: подвижныѥ-сь старець 278 об. Но это не помѣшало нѣкоторымъ формамъ съ *и* сохраниться до нашего времени: московское я*и́*цъ (рядомъ съ великорусск., бѣлор. и малор. я*е́*цъ). Формы съ *е* вмѣсто *и* одного ряда словъ передали это *е* своимъ производнымъ; такимъ образомъ эти послѣднія стали звучать также съ *е* вмѣсто *и*: великор. за*ё*мный, во*е́*нный, тро*е*чка, я*е́*чко. Рядомъ мы встрѣчаемъ: вза*и́*мный, во*и́*нственный, я*и́*чко, я*и́*чница. Изъ формъ съ *е* другого ряда словъ это *е* перешло въ ближайшія формы тѣхъ же словъ, такъ что получилось: великор. пріёмъ—пріёма, пріёмы и т. д., водоёмъ—водоёма и т. д.

Переходъ глухихъ въ чистые. Мы указали, гдѣ глухіе ъ и ь исчезли. Во многихъ случаяхъ глухіе сохранились и потомъ перешли въ чистые: ъ въ *о*, ь въ *е*. Переходъ ъ и ь въ *о* и *е* произошелъ не одновременно съ исчезновеніемъ ъ и ь: памятники XI в.

и начала XII в., имѣющіе сравнительно немало словъ безъ ъ и ь, или совсѣмъ не знаютъ замѣны ъ и ь черезъ *о* и *е*, или даютъ крайне ограниченное число ея примѣровъ, которые всѣ однородны съ находящимися въ церковно-славянскихъ памятникахъ и потому могутъ считаться за перешедшіе въ русскіе списки изъ церковно-славянскихъ оригиналовъ; только Минея 1095 г. имѣетъ такой случай, подобныхъ которому нѣтъ въ церковно-славянскихъ текстахъ: жестосерьдымъ 122. Онъ указываетъ, можетъ быть, только на близость ъ къ *о*, ь къ *е*. Данныя памятниковъ второй половины XII в. дѣлаютъ несомнѣннымъ, что въ это время ъ и ь уже перешли въ *о* и *е*. Мы читаемъ въ новгородскомъ Стихирарѣ 1157 г.: цьркоwь, цьркови, сладокъ, троическую, неплодове, вьртепе, начатокъ, съвокупляѥться и т. под.; въ надписи на крестѣ 1161 г.: кровь; въ галицко-волынскомъ Добриловомъ Ев. 1164 г.: испервасъмерти, плоть, исполнь, весь (vicus), силенъ, агнець, темницю, от съмерти, ко мнѣ, со мною. Рядъ памятниковъ, написанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ древней Руси съ конца XII по конецъ XIV вв., чаще или рѣже употребляетъ буквы ъ и *о*, ь и *е* безразлично, одну вмѣсто другой; къ нимъ принадлежатъ договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г., Галицкое Ев. 1283 г., нѣкоторыя изъ двинскихъ грамотъ XIV—XV в., нѣкоторыя изъ галицкихъ (южнорусскихъ) грамотъ того же времени.

Вмѣсто замѣны ъ и ь чрезъ *о* и *е*, въ нѣкоторыхъ словахъ, послѣ *р* и *л* (если изъ нихъ почему-нибудь не образовалось плавныхъ гласныхъ), мы видимъ замѣну ъ и ь черезъ *ы*; такъ, мы читаемъ въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.: кривавый, крывавъ, гдѣ мы видимъ *ы* на мѣстѣ древняго ъ (*ри* надо читать какъ *ры*); въ галицко-волынскомъ Житіи Саввы Освященнаго XIII в.: яблыко 5 об., 6; въ галицко-волынскомъ Луцкомъ Ев. XIV в.: скрыжетъ (*ы* на мѣстѣ ь); въ галицкой грамотѣ 1424 г.: дрыва, изъ дръва; въ западно-русскомъ Сборникѣ XV в. (Румянц. Муз. № 406), списанномъ съ южно-русскаго оригинала: слызы, изъ слъзы; въ западно-русской Четьѣ 1489 г.: грытань, изъ гртань, дрыжаху, изъ дръжаху; въ западно-русской Псалтыри XVI в. (Рум. Муз.): брыви 14 об., дрыжали 16,—ти 18 об.; въ западно-русскомъ печатномъ Ев. Тяпинскаго XVI в.: стривожился, дрижачи, скришивше скленіцу, блыщачися, скригичеть зубы своими; въ западно-русскомъ Познан-

скомъ сборникѣ XVI в.: стр*ы*мя (=стрьмя), покр*ы*пилъ; въ Погодинскомъ и Хлѣбниковскомъ спискахъ лѣт. XVI в.: бр*ы*нѣ (=брънѣ; Лѣтопись по Ип. сп. 595); въ южно-русскомъ Лексиконѣ Памвы Берынды XVII в.: стр*ы*жѣнь (=стрьжень). Повидимому, переходъ *ъ* и *ь* въ *ы* первоначально имѣлъ мѣсто только въ неударяемыхъ слогахъ; сравни въ гал.-волын. Тріоди XIII в. Синод. Библ. Усп. № 8: тр*о*сть, сл*е*зъ, и т. п.

Замѣна глухихъ черезъ *ы*, нерѣдкая въ западно-русскихъ и южно-русскихъ памятникахъ, въ памятникахъ сѣверно-русскихъ неизвѣстна; она почти неизвѣстна и въ современныхъ великорусскихъ говорахъ; срв. въ говорахъ бѣлорусскихъ: кр*ы*вавый, кр*ы*ви́, род. отъ кровь, др.-русск. кръвь, кр*ы*шка=крошка, кръшька, прогл*ы*чу=глочу, глъчю, тр*ы*стинка=трост—, тръст—, бл*ы*хъ, род. отъ бл*о*ха, др.-русск. блъха; въ говорахъ малорусскихъ: кр*и*вавий, чорнобр*и*вий, др*и*ва (дрова), др*и*жати, кр*и*шка и т. п.

Переходъ *е* въ *о*. Древнее *е*, вмѣстѣ съ нимъ и *е* изъ *ь*, послѣ мягкихъ согласныхъ и *j* мало-по-малу стало переходить въ *о*.

Это новое *о* мы встрѣчаемъ уже въ памятникахъ XII—XIII в., кіевскихъ и неизвѣстнаго происхожденія (ч*о*ловѣка, Святославовъ Сборникъ 1073 г. 179, вѣроятно, описка): въ Словѣ Ипполита объ антихристѣ XII в.: съкаж*о*мъ 22, блаж*о*нъ 99, муж*о*мъ 21, бывъш*о*мъ 24, звѣздочьтьц*о*мъ, хытрьц*о*мъ 5, раздѣливъш*о*мъся (дат.) 40, държащ*о*мъ 164; въ Житіи Епифанія Кипрскаго XII в.: врѣж*о*нъ, вреж*о*нъ 4 об., съврьш*о*нъ 52 об., отпущ*о*нъ 56 об., пущ*о*нъ 61, осуж*о*нъ 58, движ*о*мъ (прич.) 66 об., имущ*о*мъ (дат.) 1 об., служащ*о*мъ 13 об., путьникомъ пришьдъш*о*мъ и вино носящ*о*мъ 13 об., шьдъш*о*мъ 21 об., вѣровавъш*о*мъ 33, врач*о*мъ 68 и др.; въ Лѣствицѣ XII в. (Рум. Муз. № 198): борющ*о*муся 10 об., носящ*о*му 12 об., рекш*о*му 14 об., нерасужающ*о*мъ (дат.) 6, въспрѣщающ*о*мъ (дат.) 54 об.; въ Тріоди Моисея кіевлянина XII—XIII в.: приꙗмш*о*му 37, стоящ*о*мъ 73 об., поживъш*о*мъ 26 об., сърящ*о*мъ (1 л. мн.) 35 об.; въ Толстовскомъ сборникѣ XIII в.: ꙗлиномъ устрьмльш*о*мъся на Троаду и съвъкупльш*о*мъся 184 об. Необходимо имѣть въ виду, что изъ приведенныхъ примѣровъ въ значительной части (во всѣхъ формахъ дат. п. ед. и мн.) *о* можетъ быть объясняемо какъ слѣдствіе не перехода *е* въ *о*, а вліянія формъ твердаго склоненія на формы мягкаго склоненія.

Въ памятникахъ галицко-волынскаго говора XII—XIV в. случаи употребленія *о* изъ *е* также встрѣчаются: въ Христинопольскомъ Апостолѣ XII в.: имущому 85; въ Выголексинскомъ сборникѣ XII—XIII в.: движющомуся; въ Поликарповомъ Ев. 1307 г.: послѣдующому; въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV вв. пришодъши, чорныи, ничого, чоботомъ, у Зудечовѣ. Относительно галицкихъ грамотъ надо впрочемъ имѣть въ виду, что въ нихъ замѣтно вліяніе офиціальнаго литовско-русскаго языка стараго времени—бѣлорусскаго нарѣчія, и что нѣкоторые изъ приведенныхъ случаевъ употребленія *о* могутъ быть отнесены на счетъ бѣлорусскаго вліянія.

Въ памятникахъ западно-русскихъ мы также находимъ случаи употребленія *о* изъ *е* (вѣроятно, въ нихъ *о* только подъ удареніемъ звучало какъ *о*); такъ, въ западно-русскихъ грамотахъ XIV—XV вв. мы читаемъ: нашого, чотыриста, чоломъ, чого; въ одномъ изъ западно-русскихъ памятниковъ XV в.—въ Четьѣ 1489 г.—употребленіе *о* вмѣсто *е* встрѣчается сравнительно очень часто, между прочимъ, въ такихъ случаяхъ, въ какихъ въ грамотахъ оно почти не встрѣчается: поведаючо, даючо, радуючося, молячося, поючо, учинившо, слышавшо и т. п.; въ печатномъ Ев. Тяпинскаго XVI в. употребленіе *о* вмѣсто *е* также очень часто: жоны (род.), чужоложницою (тв.), чотырнаднать, мовечого (род.), крічачого, сердцо и т. п.

Если мы обратимся къ памятникамъ полоцко-смоленскимъ, то и тамъ найдемъ *о* изъ *е*, именно въ смоленскихъ грамотахъ 1284 г., гдѣ читается: вашому, нашому, немьцомъ; въ полоцкой вкладной XIV в. (въ Погодинскомъ Ев. № 12): ажо, и въ полоцкой грамотѣ князя Ануфрія конца XIV в.: Соменьцо озеро.

Въ близкихъ къ этимъ памятникамъ памятникахъ средне-русскихъ: ростовскихъ, рязанскихъ, московскихъ и друг., *о* изъ *е* сравнительно часто. Мы читаемъ въ Учительномъ Ев. Константина Болгарскаго XII—XIII в. (вѣроятно, ростовскомъ): съвьршонъ 68 об., приключьшомъся (дат.) 79 об., жонъ и дѣтиі 81, намъ приступающомъ 82, сущомъ 84 об., вълѣзъшомъ 85, крьщонъ 86, вѣрующому 88 об., приходящомъ 89, ѥжо 107 об., чоловѣчьскыи 211, чоловѣка 123; въ Житіи Нифонта 1219 г.: сопущому 125 об., умьршому 126 об.; въ Апостолѣ 1220 г.: въставъшому 33, вѣрующому 51, творящому 64 и др.; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: ащо 37 об., триженцомъ 174 (дат. мн.), хотящому 63, 97, оскверньшо-

муся 67, миящому 76 (и еще нѣсколько подобныхъ формъ дат. ед.); въ Ев. 1354 г.: ни о комъ *жо* 68, врачовъ, глаголашо бо, ащо 72 об., шедшо, он *жо* 74, бѣ *жо* ядущихъ 78 об.; въ Ев. 1357 г.: рожоною 3 об., лжомъ свѣдителемъ 137 об., 144 об.; въ Ев. 1358 г.: *жонъ*; въ московскомъ Ев. 1393 г.: шодъ 47, пришодъ 41 об., 45, 45 об., 68, 95 об., 100 об., 103, 116, пришодше 43 об.; пришодшо 46 об., 72, пришолъ 42 об., собрашо, одежою 69 об.; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: пришодъшема (дв.) 26, доступившо 268; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в.: *жолчью* 17 об.; въ Паремейникѣ XIV в. (Троицк. Лавры № 3): пищою 18 об., пищота 25 об., 36 об., развращоно 31, напишотъ 34, щодръ 35, низъшодъ 46. Сверхъ того, *о* изъ *е* мы находимъ въ старшемъ московскомъ памятникѣ — въ духовной Ивана Калиты: Данилищова свободка, Матфѣищовьское село.

Въ памятникахъ новгородскихъ замѣна *е* черезъ *о* также встрѣчается: Прологъ 1262 г.: зъвавъшому 49, пришьдъшому 54, пославъшому 67 об., съшьдшому 124; Кормчая ок. 1282 года: лежащому 445 об.; Ев. 1355 г.: *жонъ* 46 об., шодъ 60 об., 90, шодъше 77, шодъша 83, ошодшима 64, жерцомъ 66 об.; договоры Новгорода съ тверскими князьями XIV в.: Торжокъ, рубежомъ, чорныхъ, новгородцовъ; грамота къ нѣмцамъ 1392 г.: купьцовъ, купьчовъ; Сильвестровскій сборникъ XIV в.: пришолъ ѥсмь 56 об., тяжокъ 164 об.; Новгородская лѣтопись XIV в.: Тържъкъ 161; двинская рядная XIV—XV в.: княжоостровьчовъ (род.).

Изъ приведенныхъ примѣровъ можно было бы заключить, что переходъ *е* въ *о* произошелъ только послѣ шипящихъ и *ц*; но въ нѣкоторыхъ памятникахъ встрѣчаются обмолвки, которыя показываютъ, что онъ имѣлъ мѣсто и послѣ другихъ мягкихъ согласныхъ звуковъ. Древне-русскіе писцы не умѣли передавать *о* послѣ этихъ согласныхъ (точно такъ же, какъ не умѣемъ передавать и мы), и потому, если рѣшались изображать *о*, должны были или прибѣгать къ какому-либо особому способу изображенія этого *о*, или отказываться отъ изображенія мягкости согласнаго. Мы читаемъ въ новгородскомъ Ев. 1270 г.: дньотъ=днётъ=дьнь-тъ; въ новгородск. Ев. до 1362 г.: **Ѥ**леоны 155 = Елёны, сравни Олёна; въ коломенск. Палеѣ 1406 г.: **Ѥ**леона, **Ѥ**леонѣ 41; въ новгор. Прологѣ 1356 г.: яромъ 83 об.=ярёмъ; въ новгородскомъ Ев. XIV в. Тип. Б. № 11:

серобро, запись; въ новгородской грамотѣ 1392 г.: на сомъ Поморьи, по сому доконьцанию; въ полоцкой грамотѣ княгини Андреевой к. XIV в.: князя Семона; въ двинскихъ грамотахъ XIV—XV в.: озора, за моромъ, рублов; въ Ипатск. сп. лѣт.: въ Кановѣ 268 (=въ Капёвѣ). Въ послѣднихъ примѣрахъ *о* передаетъ звукъ *о*, но остается не переданною на письмѣ мягкость согласныхъ.

Если мы обратимся къ современному русскому языку, то увидимъ, что въ малорусскомъ нарѣчiи употребленiе *о* вмѣсто *е* сравнительно рѣдко и ограничивается довольно небольшимъ количествомъ случаевъ, которые невозможно подвести ни подъ какое опредѣленное правило; можно только сказать, что *о* изъ *е* является наиболѣе часто тогда, когда за *е* слѣдуетъ твердый согласный; его мы видимъ обыкновенно послѣ шипящихъ и iота: украинск. жовтий, нiчого, чорний, чобiтъ, чоловiкъ, вчора, шовковый, моего (рядомъ: желати, жену, 1 л. ед., Боже, зв., вже, чесати, чепурний, чепкий, бiльше, шепнути, щепати и др.); но есть случаи употребленiя *о* изъ *е* и послѣ другихъ согласныхъ: украинск. лёнъ, слёзи, трёма, сёмий. Въ малорусскомъ нарѣчiи употребленiе *о* изъ *е* не находится въ зависимости отъ ударенiя и равно можетъ быть и въ ударяемыхъ, и въ неударямыхъ слогахъ.

Въ нарѣчiяхъ бѣлорусскомъ и южно-великорусскомъ, которыя а́каютъ, *о* на мѣстѣ древняго *е* въ настоящее время зависитъ отъ ударенiя и является лишь тогда, когда находится подъ ударенiемъ въ концѣ слова или въ серединѣ слова передъ твердымъ согласнымъ. Впрочемъ, въ бѣлорусскихъ говорахъ съ неполнымъ а́каньемъ (юго-западныхъ) встрѣчается *о* и безъ ударенiя въ такихъ случаямъ, какъ се́рцо, зе́ллё, пе́ръё.

Въ говорахъ сѣверно-великорусскихъ употребленiе *о* изъ *е* сходно съ употребленiемъ его въ говорахъ бѣлорусскихъ и южно-великорусскихъ, т.-е. его мы слышимъ постоянно подъ ударенiемъ въ концѣ словъ и въ серединѣ словъ, когда за нимъ слѣдуетъ твердый согласный звукъ; но сверхъ того, мы находимъ значительное количество случаевъ *о* изъ *е* въ слогахъ неударяемыхъ, по преимуществу также въ концѣ словъ или передъ твердыми согласными. Напримѣръ, слышится въ олонецкомъ говорѣ: жона́, племя́нничокъ, кре́стничокъ, чоловѣкъ, ёго́, ёму́, по́лё, сёстра̀, о́зёро, игу́мёнъ (Онежскiя былины, записанныя Гильфердингомъ); въ пермскомъ

говорѣ: платьё, мóжотъ, тоскуёшь, ищошь, постой жо; въ говорахъ Тверской и Владимирской губ.: нёсу, тёпло, стёкло, сидитё, пойдём-тё.

Если мы сопоставимъ случаи употребленія *о* изъ *е* въ древнерусскомъ языкѣ съ случаями употребленія его въ современномъ русскомъ языкѣ, то увидимъ, что первоначально въ бѣлорусскомъ и великорусскомъ нарѣчіяхъ *о* образовалось изъ *е*, когда это *е* находилось въ концѣ слова или когда за нимъ слѣдовалъ твердый согласный звукъ, безразлично, имѣло ли оно на себѣ удареніе, или было неударяемымъ. Но съ теченіемъ времени, когда началось аканье, въ тѣхъ говорахъ, бѣлорусскихъ и великорусскихъ, гдѣ оно имѣло мѣсто, неударяемое *о* изъ *е* исчезло, перейдя въ *а*. Такимъ образомъ, въ этихъ говорахъ сохранилось только ударяемое *о*, которое является во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда находится въ концѣ словъ или въ серединѣ словъ передъ твердыми согласными. Къ послѣднимъ въ эпоху образованія *о* изъ *е* еще не принадлежали шипящіе и *ц* и потому мы имѣемъ великор. мятежъ, смежный, чешетъ, брешетъ, головешка, щебечетъ, печь, плещетъ, лещъ, отецъ, молодецъ и т. п.; случаи съ *о* на мѣстѣ *е* въ родѣ платёжъ, ёжъ, ёжиться, одёжа (рядомъ: одежа), лепёшка (рядомъ: лепешка), идёшь (рядомъ: идешь), тёща (рядомъ: теща), не смотря на свою многочисленность, почти всѣ могутъ быть легко объяснены дѣйствіемъ аналогіи, получившимъ особенную силу послѣ отвердѣнія *ж* и *ш*.

Изъ правила употребленія *о* изъ *е* въ великорусскихъ говорахъ въ концѣ словъ и въ серединѣ словъ передъ твердыми согласными подъ удареніемъ—есть много исключеній, которыя распадаются на двѣ группы: въ однихъ мы видимъ сохраненіе *е*, гдѣ ожидали бы видѣть *о*; въ другихъ находимъ *о*, гдѣ ждали бы *е*.

Къ случаямъ, гдѣ сохранилось *е*, прежде всего относятся слова, вошедшія въ народный языкъ изъ книжнаго языка, отчасти церковно-славянскаго происхожденія: вредъ, членъ, пещера, всéнощная, вертепъ, жéртва, ковчегъ, крестъ, небо, небесъ, блаженъ, шествовать, левъ (хотя собственное имя звучитъ: Лёвъ), житіе, королева, предметъ (послѣднія два слова—полонизмы,=польск. królowa, przedmiot),—и малоупотребительныя собственныя имена въ родѣ Орестъ, Афиногенъ, Парменъ, Мамелфа, Манефа (при Пётръ, Олфёръ, Оксёнъ, Савёлъ, Ѳёкла, Матрёна, Олёна). За этими случаями нужно поставить тѣ, въ которыхъ за *е* нѣкогда слѣдовалъ мягкій согласный

звукъ, теперь въ московскомъ говорѣ уже отвердѣвшій: почтенный (изъ почьтеньныи), душевный, плачевный, царевна, любезный, бѣлозерскій, земскій, женскій, судебный, учебный (иногда, впрочемъ, говорятъ и учобный), жемчугъ (изъ жьньчюгъ). Сюда же относится рядъ словъ со 2-мъ полногласіемъ, гдѣ *р* теперь въ московскомъ говорѣ звучитъ уже твердо: верхъ, первый, серпъ, стерва, четвергъ, ущербъ (=вьрьхъ, вьрьхъ...). Далѣе слѣдуютъ слова съ дѣйствительнымъ или мнимымъ отрицаніемъ *не*: нéводъ, нéнависть, нéхотя, нéдоросль, нéучъ, нéслухъ; весьма возможно, что здѣсь *е* сохранилось подъ вліяніемъ тѣхъ случаевъ употребленія отрицанія подъ удареніемъ, въ которыхъ за *е* слѣдуетъ мягкій согласный, т. е. случаевъ въ родѣ невидаль, нечеть, нехристь; сравн. великорусск. щелка (рядомъ съ щолка) при щéль, щепка; щéпы при щепь, отместка при месть, шесть (бѣлор. шость), нашестка при шестикъ, бѣлор. елка (рядомъ съ великор. ёлка) при ель. Еще далѣе—слова съ префиксомъ *без*: бéзтолочь и т. п. (срв. бéзъ году, бéзъ дыму и т. п.). Наконецъ, передъ нами сѣв.-великор. формы 2 л. мн. на *é*: естé, спитé, хотитé, рядомъ съ которыми обычны формы на *ö*: сѣв.-великор: спитё, хотитё и т. п., стар. сѣв.-великор. естё (суздальская грамота 1621 г.: есто=естё Ак. Арх. Э. III, 167), бѣлор. стоицё, сидзицё и т. п.; вѣроятно, *е* сохранилось первоначально въ формахъ возвратнаго залога, въ родѣ видитéся, а потомъ перешло и въ формы дѣйствительнаго залога, въ родѣ видитé.

Слѣдующіе случаи сохраненія *е* принадлежатъ къ числу мнимыхъ исключеній, гдѣ мы пишемъ *е*, но гдѣ надо было бы писать *ѣ*: блѣскъ (срв. польск. blask), брѣдъ, брѣзгать, трѣскъ, трѣскать (ѣсть; срв. малор. трíскать), вѣтхій, вѣтошь (Кормчая ок. 1282 г.: вѣтъхы мѣхы, ризѣ вѣтъсѣ 38; лит. вѣтхыи 588; Ев. 1339 г.: вѣтъхы мѣхы, ризѣ вѣтъсѣ 38; лит. vētušas; рядомъ ц.-слав. ветъхъ, сѣв.-великор. вётхой, пол. wiotchy, лат. vetus), ночлѣгъ, (Лаврентьевскій сп. 155: ночлѣгъ; срв. малорусск. ночлíгъ,—га), опѣка (срв. малор. опíка), пѣкарь, пѣстъ (срв. польск. piast), клѣстъ (корень тотъ же, что въ клѣть, клѣтка, клѣщи и т. п.; въ другихъ славянскихъ языкахъ въ этихъ словахъ находимъ звуки, восходящіе къ *ѣ*: сербск. клиjешти), мѣлкій (Лаврент. сп. лѣт. 295: мѣлка; срв. церк.-слав. мѣлъкъ, малорусск. мíлкий, польск. miałki), вѣкша (срв. др.-русск. вѣкъша), нѣкогда (=нѣтъ времени), нѣкому, нѣкого и т. п. (здѣсь *нѣ*=нѣсть, 3 л. наст. вр.; срв. сѣв.-великор. éкогда, éкому = есть когда, есть кому), формы

род. и вин. п. личныхъ и возвратнаго мѣстоименій менѣ́, тебѣ́, себѣ́ (здѣсь виденъ результатъ вліянія другихъ древне-русскихъ формъ род. ед. съ *ѣ*: землѣ, душѣ), нарѣчіе вообще, вобче́ (здѣсь мѣстн. п.; срв. въ Русск. Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: въ обчи, 33). Сверхъ того, не слѣдуетъ считать исключеніями тѣхъ словъ, которыя у насъ иногда пишутся съ *е*, какъ безмѣнъ (малор. безмі̂нъ,—і̂на, польское bezmian, ясно указываютъ на *ѣ*); лѣса, лѣ́ска (сравни ц.-сл. лѣса, рѣшотка, польск. laska, вѣтка); лѣкарь (нѣтъ ни малѣйшаго основанія писать *е*). Нарѣчный суффиксъ *дѣ* въ словахъ гдѣ, нигдѣ, вездѣ пишется нами вполнѣ правильно съ *ѣ*, какъ онъ является и въ древне-русскихъ (сѣверно-русскихъ) памятникахъ. Онъ въ разныхъ славянскихъ парѣчіяхъ имѣетъ различный видъ: въ церковно-славянскомъ и малорусскомъ онъ звучитъ *де*, въ сербскомъ и великорусскомъ *дѣ*.

Другаго рода исключенія, гдѣ *о* является вмѣсто ожидаемаго *е*, всѣ объясняются болѣе или менѣе легко дѣйствіемъ аналогіи. Такъ, *о* вмѣсто *е* въ формахъ зовёте, идёте (2 м. мн.), зовётъ, идётъ (3 л. ед.) можетъ быть объяснено вліяніемъ формъ зовёмъ, идёмъ и др.; точно такъ же объясняются случаи въ родѣ на клёнѣ, въ чернозёмѣ, на берёзѣ (срв. клёнъ, чернозёмъ, берёза), ёй, моёй (дат.), (при ей, моей; срв. сѣв.-великор. ёму, моёму), горшочекъ (при горшечекъ; срв. горшокъ), щочка (срв. що́ки, мн.), рублёвикъ (срв. рублёвый), тётя (срв. тётка), околёсица (срв. колёса), ранёшенько, бѣлор. ранёсенько (срв. ранёхонько), бѣлёшенько, бѣлор. бѣлёсенько (срв. бѣлёхонько); точно такъ же, наконецъ, объясняются и тѣ случаи, гдѣ *о* стоитъ не на мѣстѣ *е*, а на мѣстѣ *ѣ*: её, тоё, самоё, всеё (при ее́, тое́ и т. д.; род. и вин. пад.); здѣсь, по всей вѣроятности, оказали вліяніе существовавшія нѣкогда формы род. и вин. пад. менё, тебё, себё (а можетъ быть, и формы тѣхъ же пад. на *ого, ово*: *того, тово*). Случаи въ родѣ звёзды, гнёзда, вёдра (то же въ бѣлорусск.), рядомъ съ которыми слышится звѣ́зды, гнѣ́зда, обязаны своимъ происхожденіемъ аналогіи другихъ существительныхъ: чередованія звѣзда́—звёзды, гнѣздо́—гнёзда, вѣдро́—вёдра были вызваны чередованіями въ родѣ жена́—жёны, сестра́—сёстры, весло́—вёсла. Наконецъ, аналогіею объясняется также форма пріобрёлъ: чередованіе пріобрѣту—пріобрёлъ было вызвано чередованіями въ родѣ мету—мёлъ, веду—вёлъ.

Здѣсь должно указать на нѣсколько мнимыхъ исключеній. Въ формѣ сёдла (мн.), равно какъ въ осёдланъ, осёдлый, — *о* явилось правильно (древн. седьло; въ Поученіяхъ Кирилла Іерусал. XII в.: бе-седьла 117 об., въ церк. - славянск. Супрасльской рукописи: осєдьлати; *ѣ* здѣсь писали у насъ уже въ XIV в.: сѣдло Лаврент. сп. лѣт. 63; осѣдлавъ, осѣдла Паремейникъ 1378 г. 65 об., 99; осѣдлаѥть Палея 1406 г. 70), срв. сѣв.-великор. и бѣлор. бесёда и сѣв.-великор. сусёдъ (корень *сед-*). Форма цвёлъ также правильна, ибо *о* образовалось изъ *е*, а *е* изъ *ь* (цвьтѫ, цвьлъ). Въ формѣ бёгъ (прош. вр. отъ *бѣжать*) *о* также правильно, ибо восходитъ къ древнему *е* (срв. сѣв.-малорусск. *бюо*гъ, гдѣ дифтонгъ изъ *ē*, *е*). Въ словахъ зёвъ, позёвывать, поддёвка, надёвывать (при поддевка, надéвывать) *о*, можетъ быть, также восходитъ къ *е*. Въ словѣ рёдька, какъ оно звучитъ въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, *о* образовалось изъ *е*; срв. въ Пандектахъ Никона Черногорск. 1296 г.: редьковь 82 об., малор. редька, польск. rzodkiew, гдѣ *о* изъ *е*. Въ сѣв.-великорусск. сверёпъ *о* можетъ быть оправдано польскимъ swierzopa, swierzopka кобыла (*о* изъ *е*). Въ формѣ ослёпъ (она слышится въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ) *о* восходитъ къ *ь*: срв. церк.-слав. ослѣплъ; въ Житіи Епифанія Кипрскаго XII в.: око ослѣпло 15.

Замѣчательно, что русское *е* не перешло въ *о* въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ *е* не было никакого согласнаго (даже јота), т.-е. въ началѣ словъ; въ великорусскомъ нарѣчіи слышится: это, эво, эдакъ, а не *о*то, *о*во, *о*дакъ, въ бѣлор.—гэтотъ, гэтакъ и т. п.

Время начала перехода великор. и бѣлор. *е* въ *о* можно опредѣлить приблизительно. Это—та эпоха, когда *ѣ* еще существовалъ какъ отдѣльный звукъ, отличный отъ *е*, но когда, послѣ исчезновенія глухихъ *ъ* и *ь* или перехода ихъ въ *о* и *е*, нѣкоторые изъ бывшихъ передъ ними твердыхъ согласныхъ успѣли ассимилироваться съ мягкими согласными слѣдовавшими за ними и смягчиться; *е* передъ подобными смягченными согласными не перешло въ *о*: великорусск. рѣшéтчатый, изъ рѣшетъчатый (срв. рѣшотка изъ рѣшетъка), лéхче, изъ льгъче (срв. лёгкій), шéпчешь, изъ шьпъчешь (срв. шопотъ), умéршій, изъ умьръш-, жéще, изъ жестъче.

Въ галицко-волынскомъ говорѣ, кромѣ перехода въ *о* древняго *е* и *е* изъ *ь*, совершился, также передъ твердыми согласными и

јотомъ, переходъ въ *о* — безъ сомнѣнія, долгое—*ē*, или новаго *ѣ*. Примѣровъ этого перехода въ памятникахъ довольно много (укажемъ на формы дат. мн. жьрьц*о*мъ въ Ев. XII—XIII в. Никольскаго монастыря № 150 л. 82, извольш*о*мъ, отрѣкающ*о*мъся въ Выголексинскомъ сборникѣ, ѥдущ*о*мъ въ Поликарповомъ Ев., лъж*о*мъ съвѣдителемъ 127 об., врач*о*мъ 42, отрочищ*о*мъ 29, купьц*о*мъ 58 об., младѣньц*о*мъ 59, жерц*о*мъ 67, 99, 104, старц*о*мъ 133 об., 139 об., 146 об. въ Бучацкомъ Ев. XIII—XIV в., бывъш*о*мъ въ Житіи Саввы XIII—XIV в. 411, смущающ*о*мъ 327, влѣзущ*о*мъ 271, младѣнц*о*мъ 126, 141 об., старц*о*мъ 107 об. въ Ев. Верковича XIV в. (Публ. Б.), на формы имен.-вин. ед. ковьч*о*гъ въ Ев. Никольскаго мон. л. 74 об., размѣш*о*нъ въ Поликарповомъ Ев., веч*о*ръ 84 об., блаж*о*нъ 28 об., полож*о*нъ 6, 139, възлож*о*нъ 6, 55, отверж*о*нъ 45 об., прокаж*о*нъ 100 об., въпрош*о*нъ 56, сверш*о*нъ 73, украш*о*нъ 64 об., съмѣш*о*нъ 136, исѣч*о*нъ 139, развращ*о*нъ 51 въ Бучацкомъ Ев., ураж*о*нъ въ Житіи Саввы 148, веч*о*ръ, въсаж*о*нъ, осуж*о*нъ, полож*о*нъ, прокаж*о*нъ, отлуч*о*нъ, исеч*о*нъ, раздрѣш*о*нъ, смѣш*о*нъ, развращ*о*нъ въ Ев. Верковича, на формы род. мн. врач*о*въ 10, десять прокаж*о*нъ мужь 66 об. въ Бучацкомъ Ев., врач*о*въ 125, бъч*о*лъ 150, ж*о*нъ въ Ев. Верковича, на формы 1 л. мн. мо́ж*о*мъ 98, реч*о*мъ 85, хощ*о*мъ 90 об., вънмещ*о*мъ 51 въ томъ же Ев. Верковича, гдѣ *о* должно быть объясняемо изъ *ē*), и это *ō* очень рано перешло въ дифтонги и *у*.

Переходъ *ō* въ дифтонги и *у*. Долгое *о*, и ударяемое, и неударяемое, развившееся въ галицко-волынскомъ говорѣ съ одной стороны изъ краткаго *о* (послѣ твердыхъ согласныхъ), съ другой—изъ *ē*, или новаго *ѣ*, которое въ свою очередь возникло изъ краткаго *е* (послѣ мягкихъ согласныхъ),—мало-по-малу стало произноситься закрыто и приближаться къ *у*; наконецъ оно перешло въ дифтонги *уо́*, *у́о* и т. п. и въ *у*. Указывающія на это данныя находятся уже въ старшихъ рукописяхъ галицко-волынскаго происхожденія: Типографское Ев. XII—XIII в. № 6: вечеръ суб*у*тныи, щ*ю*дръ; Галицкое Ев. около 1266 г.: июдѣ*ю*мъ (дат.); галицкія грамоты XIV—XV вв.: унук*у*мъ (дат.), др*у*здъ, добров*у*льно, торг*у*вля, у Бышк*у*въск*у*и граници, Фед*у*тъ, з*у* дубровами, по н*ю*и, на сво*ю*и, по божь*ю*мъ нарожѣнъѣ, у наш*ю*мъ, грош*ю*въ, Нест*ю*ръ, чт*ю*нъ; молдавскія грамоты XIV—XV в.: при т*у*м-то, быхумъ, слюбу*ю*мъ, хоч*у*мъ (1 л. мн.).

Это *у* мы находимъ въ Пересопницкомъ Ев. 1561 г.: тв*у*й, ст*у*й, в краснумь одѣаніи, нюсль (ъ=ѣ), уздоровлюнь, юй, по *сюй* сторонѣ, женцюмь (дат.), злодѣювь (род.); въ Сборникѣ конца XVI в. Син. Библ. № 937: зв*у*нъ, д*у*стался, п*у*шло, скин*ю*нъ съ неба и т. п., а также въ литературныхъ памятникахъ южно-русскихъ XVII и XVIII вѣковъ, львовскихъ и кіевскихъ: Наука объ уніи нач. XVII в.: (Рум. Муз. № 376): кост*ю*лъ, по н*ю*й; Плачъ альбо ляментъ 1615 г.: въ славѣ добр*у*й, въ дому сво*ю*мъ, въ н*ю*й, о н*ю*мъ; Вирши Берынды на Рождество Хр. 1616 г.: свѣдк*у*въ, старц*у*въ, въ н*ю*й, *ю*й, въ вс*ю*мъ, и т. п.; Вирши Кассіана Саковича 1622 г.: п*у*лночныи, крол*ю*мъ (дат.), непріятел*ю*мъ,—*л*ювъ, въ н*ю*й и др.; интерлюдіи Георгія Конискаго XVIII в.: в*у*нъ, пост*у*й, т*у*лко и т. п. Срв. въ Протестаціи запорожскихъ казаковъ 1610 г.: язык*у*въ, вязн*ю*въ (Акты Ю. и З. Р. II). Мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобы опредѣлить, какой именно звукъ переданъ здѣсь черезъ букву *у*: дифтонгъ, или *у* долгое, кромѣ одного указанія Галицкаго Ев. 1283 г., памятника, къ сожалѣнію, крайне богатаго описками: азъ *о*тьци (=*у* *о*тьци=въ отьци) 24, 24 об. (три раза), говорящаго въ пользу дифтонга *уо* (срв. въ томъ же Ев.: идѣте *у*гнь вѣчныи 61=*у* *о*гнь). Срв. приведенные выше (стр. 51) случаи употребленія *оо* на мѣстѣ *о*: *оо*вьця=овца Галицк. Ев. ок. 1266 г. и др.

Современные сѣверно-малорусскіе говоры (вмѣстѣ съ сосѣдними бѣлорусскими) имѣютъ и дифтонги *уо, уэ, уи* (к*уо*нь, к*уэ*нь, к*уи*нь, сво*юо*й, сво*юэ*й, и т. п.), и *у* (кунь, муй, сво*ю*й), и *и̯, ы* (мий, мый). Южно-малорусскіе говоры на мѣстѣ *ō* имѣютъ *і* съ твердымъ или мягкимъ предыдущимъ согласнымъ (к*і*нь, м*і*й), которое развилось изъ *ō* при посредствѣ дифтонговъ, между прочимъ — дифтонга *уі*: к*і*нь, и которое по памятникамъ восходитъ къ XVI в.: Пересопницкое Ев. 1561 г.: в*и*дповѣдаю; описаніе Черкасскаго замка к. XVI в.: гак*и*вница, маког*и*нъ (Арх. Ю.-З. Р. VII, I).

Кромѣ *у* изъ *ō*, въ галицко-волынскомъ говорѣ древней эпохи развилось—повидимому, въ очень ограниченномъ количествѣ случаевъ—*у* изъ неударяемаго древняго *ŏ*: Галицкое Ев. 1283 г.: ск*у*зѣ 51 об., 57 (изъ ск*о*зѣ), *у*брѣтоша 51 об.; Луцкое Ев. XIV в.: ск*у*зѣ; грамота 1378 г.: м*у*настырь. Срв. соврем. сѣверно-малорусск. *у*гонь, г*у*лубка, т*у*бі, с*у*бі и т. п.—Формы неопред. накл. въ родѣ куп*у*вати, таньц*ю*вати, мал*ю*вати сюда не относятся: они обязаны своимъ *у* вліянію формъ наст. вр.: куп*у*ю, таньц*ю*ю, мал*ю*ю.

Отожествленіе *ѣ* **съ** *е.* Какъ мы уже сказали, въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка есть то или другое количество случаевъ употребленія *е* вмѣсто *ѣ*, которое свидѣтельствуетъ о взаимной близости этихъ звуковъ. Въ послѣдующихъ по времени памятникахъ, какъ южно-, такъ и сѣверно-русскихъ, замѣна *ѣ* черезъ *е* встрѣчается болѣе часто: гал.-волынск. Добрилово Ев. 1164 г.: св*е*тъ, в*е*си (2 л.), обр*е*тая, н*е*кыи, б*е*сы, на мѣст*е*, па м*е*стѣ и др.; новгородскій Стихирарь 1157 г.: сем*е*не, измен*е*ние, обр*е*те, прегрешении, т*е*сныи, многотьрпеливе, на дрѣв*е*, прѣпетыи и т. п.; надпись на западно-русскомъ Рогволодовомъ камнѣ 1171 г.: доспенъ; при этомъ въ южно-русскихъ, въ частности въ галицко-волынскихъ памятникахъ обратная замѣна, замѣна *е* черезъ *ѣ*, совсѣмъ или почти совсѣмъ отсутствуетъ, а въ памятникахъ новгородскихъ, наоборотъ, *ѣ* вмѣсто *е* древняго и *е* изъ *ъ* является столь же часто, какъ и *е* вмѣсто *ѣ*. Стихирарь 1157 г.: съм*ѣ*рти, кор*ѣ*не, пов*ѣ*лѣная, па неб*ѣ*си, тьзоим*ѣ*нитьница, на кол*ѣ*сници, безм*ѣ*здьника, прин*ѣ*сти, рожьш*ѣ*ю (твор.), пьрвѣ*ѣ*, иж*ѣ* и друг. Это обстоятельство показываетъ, что на сѣверѣ Руси, въ частности—въ Новгородѣ, въ второй половинѣ XII в. различіе между *е* и *ѣ* было слабѣе, чѣмъ на югѣ Руси. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи галицко-волынскій говоръ продолжалъ различать *ѣ* и *е*, прочіе же русскіе говоры пошли по другому пути.

Древніе новгородскій и псковской говоры, вмѣстѣ съ отпрыскомъ перваго—двинскимъ говоромъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *ѣ* не совпалъ съ *и* или по крайней мѣрѣ не приблизился къ *и* (всего чаще въ серединѣ словъ при послѣдующемъ твердомъ согласномъ), въ XII—XIII в. утратили сколько-нибудь замѣтное различіе между *ѣ* (въ гн*ѣ*въ, д*ѣ*лаю и т. п.) и *е* (въ *е*ль, д*е*нь и т. п.). Отсюда въ однихъ новгородскихъ и псковскихъ памятникахъ полное смѣшеніе буквъ *ѣ* и *е* и употребленіе *ѣ* какъ на мѣстѣ *е*, такъ и на мѣстѣ того *о*, которое образовалось изъ *е* (т.-е. *ё*); въ другихъ—употребленіе *ѣ* только на мѣстѣ *е* (такъ что на мѣстѣ *ё*—за очень рѣдкими исключеніями—пишется *е*).

Къ числу первыхъ памятниковъ принадлежитъ первая часть Новгородской лѣтописи (здѣсь, между прочимъ, форма им. ед. ср. р. вс*ѣ*=всё) и новгородскій договоръ 1265 г. (здѣсь, между прочимъ: на вс*ѣ*мъ, на ц*ѣ*мь=на всёмъ, на чомъ, вс*ѣ*му=всёму). Къ числу

вторыхъ, болѣе многочисленныхъ, принадлежатъ, между прочимъ, новгородскіе Стихирарь 1157 г. (выписки выше), Пантелеймоново Ев. XII в. (здѣсь ведѣть, 3 л. ед., изидѣ, 3 л. ед., родѣ, зв., и др.), Требникъ гр. Шереметева XIV в. (здѣсь: правѣденъ, правѣдныхъ, двѣрѣць, род. мн., вѣнѣць, смѣрти, тѣрпя, одѣржима, сдѣржа и т. п.), Ипатскій сп. лѣт. (здѣсь: Смолѣнескъ, Киевѣць, полочанѣ, изъ лодѣй, пѣрвѣе, умѣршю, грѣкы и т. п.).

Современные говоры сѣвера Россіи, потомки древнихъ новгородскаго и двинскаго говоровъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *ѣ* не перешелъ въ *и* или не приблизился къ *и*, имѣютъ на мѣстѣ *ѣ*—звукъ *е*, обыкновенно болѣе или менѣе закрытый; такимъ образомъ *ѣ* въ сѣв.-великор. *дѣлаю* и т. п. произносится какъ наше *е* въ *ель*, *хорошéнько* и т. п.

Западно-русскій и средне-русскій говоры также въ XII—XIII в. утратили сколько-нибудь замѣтное различіе между *ѣ* и *е*. Смоленская грамота 1229 г. имѣетъ совершенно безразличное употребленіе буквъ *ѣ* и *е*: дѣревъмь, остапѣться, будѣть, утвѣрдять, дѣржати и т. п.; вс*е*мь, т*е*мь, ѥхати и т. п.; то же можно сказать о западнорусскихъ грамотахъ XIV—XV вв.; только въ нихъ употребленіе буквы *ѣ* значительно сокращается въ пользу употребленія буквы *е*; западно-русскія грамоты XVI в. и печатный Литовскій Статутъ 1588 г. имѣютъ букву *ѣ* лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, въ видѣ исключенія, безъ всякой послѣдовательности. Средне-русскіе памятники XIII и XIV вв. вообще держатся традиціонной (въ главномъ церковно-славянской) орѳографіи, въ частности традиціоннаго употребленія *ѣ*, но представляютъ интересныя исключенія, указывающія на отсутствіе для нихъ писцовъ различія между *ѣ* и *е*. Духовныя московскихъ великихъ князей и Лаврентьевскій сп. лѣт., въ большинствѣ случаевъ сохраняющіе *ѣ*, постоянно имѣютъ Володим*е*ръ (имя) и Володим*е*рь (названіе города), хотя галицко - волынскіе тексты (Слова Ефрема Сирина 1492 г.: Володимѣра, запись; Ипатскій сп. лѣт., новгородскій списокъ съ галицко-волынскаго оригинала: Володимѣръ 576, Володимѣрь 400 и др.) и данныя сербскаго и чешскаго языковъ дѣлаютъ несомнѣннымъ нахожденіе *ѣ* во второй части этихъ словъ. Причина постояннаго употребленія *е* въ Володим*е*ръ и т. п. заключается съ одной стороны въ томъ, что церк.-славянскіе тексты не имѣютъ ни этого, ни подобныхъ ему словъ,

съ другой стороны въ томъ, что въ древнемъ Кіевѣ данное слово звучало съ *и* (срв. чара Володим*и*рова въ надписи на чарѣ XII в.; Володим*и*ръ въ началѣ Поученія Мономаха), такъ что писцы московскихъ грамотъ XIV в. и Лаврентьевскаго сп. лѣт., произносившіе его иначе, чѣмъ произносили древніе кіевляне, — должны были при письмѣ руководиться своимъ средне-русскимъ выговоромъ; а послѣдній не далъ имъ указанія на *ѣ* какъ на звукъ отличный отъ *е*. Средне-русскіе памятники XV—XVII вв. (по преимуществу московскіе) вообще не дѣлаютъ различія между *ѣ* и *е*, и мы можемъ говорить о полномъ отожествленіи въ это время *ѣ* и *е*. Надо имѣть въ виду, что многіе изъ средне-русскихъ памятниковъ XV—XVII вв. (книги) удерживаютъ традиціонное употребленіе *ѣ* вездѣ, гдѣ оно указывается церковно-славянскимъ языкомъ (съ незначительными изъятіями въ родѣ бр*е*гъ, вр*е*дъ, вр*е*мя, чл*е*пъ, вл*е*ку и т. п., при пл*ѣ*нъ), и допускаютъ употребленіе *е* вмѣсто *ѣ* лишь въ тѣхъ словахъ и формахъ, которыя или совсѣмъ неизвѣстны въ церковно-славянскихъ текстахъ, или встрѣчаются въ нихъ очень рѣдко: въ д*е*верь (такъ уже въ Лаврентьевск. сп. лѣт. 12), е*е* (род.-вин. ед.; такъ уже всегда въ духовныхъ московскихъ великихъ князей и иногда въ Лаврентьевск. сп.), добры*е* (им.-вин. мн.; въ духовной в. кн. Ивана Ивановича: душевны*ѣ*, числены*ѣ*, куплены*ѣ*; въ Лаврентьевск. сп.: убогы*ѣ*, дики*ѣ*, лежачи*ѣ* и т. п.) и др. Въ другихъ средне-русскихъ памятникахъ XV—XVII вв. (особенно въ московскихъ грамотахъ) употребленіе *ѣ* и *е* смѣшанное; можно отмѣтить частое употребленіе *е* вмѣсто *ѣ* при отсутствіи ударенія (въ мир*е*, рядомъ: въ селѣ́).

Современные бѣлорусскіе говоры и тѣ изъ великорусскихъ, которые не знаютъ ни перехода *ѣ* въ *и*, ни цоканья и вообще не могутъ считаться потомствомъ древняго новгородскаго говора,—уже не знаютъ различія между *ѣ* и *е* и на мѣстѣ древняго *ѣ* имѣютъ подъ удареніемъ—звукъ *е*, то открытый (въ дѣ́лать), то закрытый (въ дѣ́литъ), а безъ ударенія—тѣ же звуки, которые въ нихъ образовались на мѣстѣ неударяемаго *е*.

Вслѣдствіе того, что традиціонное употребленіе и различеніе на письмѣ буквъ *ѣ* и *е* въ главномъ было сохранено великоруссами XV—XVII вв., мы продолжаемъ употреблять букву *ѣ* въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, гдѣ ее знаютъ памятники XI—XII вв., за исключе-

ніемъ небольшаго ряда словъ: брежжиться (ц.-слав. пробрѣзгъ), ведро (древп. вѣдро; Р. Правда по сп. ок. 1282 г. 4, Пандекты 1296 г. 112, Лаврентьевск. сп. лѣт. 126), верея (древн. верѣя; Минея 1096 г. 192), песокъ (древн. пѣсъкъ), семья (древн. сѣмия; Златоструй XII в. 171; Жит. Ниф. 1219 г.), темя (древн. тѣмя; Кормч. ок. 1282 г. 590; малор. тім́я), деверь (древн. дѣверь), дремать, дребезгъ, прилежно (древн. прилѣжьно), колебать, колеблю (древн. колѣбати, колѣблю), купель (древн. купѣль), колыбель и др. (см. еще выше, стр. 64). Въ этихъ словахъ мы видимъ *ѣ* въ церковно-славянскомъ языкѣ; сравни сербск. колибати, пиjесак, дриjемати, польск. w*ia*dro, wierz*a*ja, p*ia*sek, drob*ia*zg. Слово древній и т. п. имѣютъ древнее *е*: др.-русск. древле, древьнь звучали иногда съ *е*, иногда съ *ѣ*; срв. съ послѣднимъ — *і* изъ *ѣ* въ чешскомъ dříve. Сверхъ того, мы несогласно съ традиціею употребляемъ *е* вмѣсто *ѣ* въ сѣкира, древн. секыра (Лаврент. сп. лѣт. 227); срв. древн. сокыра Паремейникъ 1271 г. 80, польск. s*o*kiera, латинск. s*e*curis съ ĕ; и въ брѣю, брадобрѣй, змѣй, змѣя; древнія формы послѣднихъ словъ были брью,—бръи, змья, откуда брею,—брей, змея (Обиходъ церковный XIV в. Рум. Муз. № 284: змею 14, Паисіевъ сборникъ XIV—XV в.: змеі 164 об., им. ед., змеева свиста 152, и др.), съ *е* изъ *ь*, какъ въ пей, вей, бей (повелит. н.), клей (им. ед.). Что до *ѣ* въ именахъ Алексѣй, Сергѣй и т. п., вмѣсто *е*, которое въ большинствѣ случаевъ образовалось изъ болѣе древняго *ь* и которое мы пишемъ въ цѣломъ рядѣ сходныхъ именъ: Авдей, Федосе́й, Настасе́й, Моке́й, Пелаге́я, Опраксе́я и т. п., то употребленіе его здѣсь объясняется аналогіею: окончаніе *ѣй*, съ *ѣ*, именъ въ родѣ Варфоломѣй, Фадѣй, Елисѣй, Матвѣй (*ѣ*=греческ. $\alpha\iota$) перешло въ имена Алексѣй, Сергѣй. Время появленія этого *ѣ*—очень древнее: церк.-слав. Супрасльская рукопись: Василѣа 494; Юрьевское Ев. ок. 1120 г.: Иѥремѣѥмь 188; Житіе Епифанія XII в.: Дорофѣи 97; Галицкое Ев. ок. 1266 г.: Иѥремѣѥю 143; но онъ получилъ особенное распространеніе въ нашей ороографіи съ XIV в.: такъ, мы читаемъ въ Румянц. Лѣствицѣ XIII в. № 199: Тимоѳѣю 20 об.; въ Ев. 1317 г.: Мария Иосѣина 103 об., Иеремѣѥмь 104, 114 об., Ѥремѣя 120 об. (при Тиверея 116 об.); въ духовныхъ московскихъ великихъ князей: Патрекѣи, Олексѣи, Тимофѣи, Аньдрѣи (при Дмитрею); въ московскомъ Ев. 1339 г.: обрѣтохомъ Меисѣю=Мес-

сію 5 об., Меисѣя 18, Алексѣя 207, Ѥремѣя 207 об.; въ новгородскомъ Прологѣ 1356 г.: Терентѣя, Вѣкентѣя 94 об.; въ грамотѣ Олега Рязанскаго послѣ 1356 г.: Ѥремѣи, Манасѣя; въ Ев. 1358 г., писанномъ въ московской области: Сергѣя, Алексѣя, Ѥремѣя; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: Евдокѣи 400; въ юго-западно-русской грамотѣ 1376 г.: Олексѣя; въ Паремейникѣ 1378 г.: пророчьства Ѥремѣина 3 об., при Ѥремѣи 117; въ Ев. 1393 г.: Сергѣя 187 об. (рядомъ Вякентея), сына Варахѣіна 58; въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: Сергѣя, Феодосѣя, Фалелѣя, Ѥвдокѣи; въ Новгородской лѣтописи: Тимофѣю 225, Еремѣя 244; въ Паисіевомъ сборникѣ XIV—XV в.: Сергѣю 149 (но: Мокарей 160 об. и др., Меркурей 150); въ двинской рядной XIV—XV в.: Левонтѣю. Сравни малорусск. Олексій, Овдій, Овсій и т. п.

Переходъ ѣ въ и. Древній ѣ, сохранившись въ галицко-волынскомъ говорѣ XII в. какъ отдѣльный звукъ и не отожествившись съ е, сталъ мало-по-малу приближаться къ древнему и. Буква и на мѣстѣ буквы ѣ, передававшая звукъ, хотя и не тотъ самый, который передавался обыкновенно буквою и, но все-таки до извѣстной степени близкій къ нему,—является въ галицко-волынскихъ книгахъ съ конца XIII в.: Галицкое Ев. 1283 г.: видяше 11 об. (=вѣд—), пинязь 40 об., никы 57 об. (=нѣкыи); рядомъ: исконѣ 1 об., 10 об.; Поликарпово Ев. 1307 г.: виденья, окаменило, свидѣные, видивъ; Путенское Ев. XIV в.: при вечери 4, ицѣливша 95 (болѣе раннее и на мѣстѣ ѣ въ Галицкомъ Ев. 1144 г.: въ попели 23, въ попели 27, и въ Добриловомъ Ев. 1164 г.: въ сбори и на стегнахъ 187,—внушаетъ сомнѣніе). Галицкія грамоты XIV—XV вв. имѣютъ ее уже сравнительно часто: свидци, пасиками, слузи нашему, лисы, привисити; то же можно сказать о молдавскихъ грамотахъ, въ языкѣ которыхъ иногда силенъ малорусскій элементъ: 1393 г.: роздиляючися, дитемъ; 1436 г.: дидичу, намискомъ (=намѣсткомъ), наслидуючи, виру. Сверхъ того, мы читаемъ въ московскомъ Ев. 1339 г., списанномъ съ галицко-волынскаго оригинала: видихомъ 4 об., видисте 9 об., увидѣвъ отъ кентуриона 10 и т. п., въ законѣ моисѣѥви 26 об., заприти 45 об., 55 об., 69 об., колиблемы 93, свидение 106, умиѥте 108, сквозѣ сиание 147, оприснокъ 166 об., заматеривши 206 об., мнивши 213 об., изволися мни хужьшю 208. Это, по нашему мнѣнію, не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что

писцы галицко-волынскихъ памятниковъ XIV—XV вв. произносили *ѣ* болѣе или менѣе близко къ *и*, можетъ быть, какъ дифтонгъ *іе*.

Новый *ѣ*, т.-е. то *ē*, которое въ галицко-волынскомъ говорѣ образовалось изъ *ĕ* вслѣдствіе исчезновенія глухихъ и которое первоначально было нѣсколько отлично отъ древняго *ѣ* (новый *ѣ*, какъ мы видѣли, передъ твердыми согласными могъ переходить въ *ō*, а древній *ѣ* не зналъ перехода въ *ō*), въ тѣхъ словахъ, гдѣ онъ сохранился, скоро совпалъ съ древнимъ *ѣ* и потому имѣлъ одну съ нимъ судьбу, т. е. подобно ему перешелъ въ звукъ близкій къ *и*. Въ Галицкомъ Ев. 1283 г. мы читаемъ: уч*и*ные 47, уч*и*ньи 73 (при уч*ѣ*ные), въ отечествьи сво*и*мь 134; въ Путенскомъ Ев. XIV в.: о словеси мо*и*мь 26, у дому сво*и*мь 27, 92, на селѣ сво*и*мь 222, во очеси тво*и*мь 57, кр*ѣ*нъ с*и*льныхъ (=кринъ сельныхъ) 60, нестро*и*нья 121, по убь*и*ньи 220; въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV вв. ш*и*сть, ш*и*стдесять, ш*и*стьцятого, нарож*и*нье; въ молдавскихъ грамотахъ: 1436 г.: безъ противл*и*ня; 1448 г.: потверж*ы*нье, гдѣ *ы* образовалось изъ новаго *ѣ*; сравни въ Добриловомъ Ев. 1164 г.: с*ѣ*льнаго, ш*ѣ*сть, въ рож*ѣ*ньи, знам*ѣ*ние; въ Типографскомъ Ев. № 6 XII—XIII в.: о имени тво*ѣ*мь.

Въ настоящее время въ одной части малорусскихъ говоровъ на мѣстѣ *ѣ*, какого бы происхожденія онъ ни былъ, слышится звукъ *і*, т. е. краткое мягкое *и*, очень близкое къ великорусскому *и* и отличное отъ малорусскаго *и*—потомка древняго *и*, если передъ нимъ нѣтъ *j*. Въ другой части малорусскихъ говоровъ (по преимуществу въ говорахъ сѣверно-малорусскихъ) и древній, и новый *ѣ* иногда одинаково рефлексируются или мягкимъ *е*, болѣе или менѣе отличнымъ отъ обычнаго *е*, или дифтонгами *íе*, *íé*.

Кстати замѣтить, что въ тѣхъ малорусскихъ говорахъ, гдѣ *ѣ*=*і*, есть нѣсколько случаевъ появленія *і* не на мѣстѣ *ѣ*, а на мѣстѣ *и*. Таковы, между прочимъ, слова въ родѣ ум*і*рати, зб*і*рати, к*і*вати, гдѣ *і* замѣнило собою древнее *и* и *ы*, перейдя въ эти глаголы изъ глаголовъ въ родѣ л*і*тати, пом*і*тати; таковы формы дат. ед. на *ові*, *еві* (въ родѣ волов*і*; сравн. въ Путенскомъ Ев. XIV в.: ерѣев*ѣ* 59; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: къ королев*ѣ*, Романов*ѣ*, Рюриковѣ 333, 386), *і* которыхъ, вѣроятно, перешло въ эти формы изъ формъ дат. п. на *ѣ* (жен*ѣ*, берез*ѣ*, тоб*ѣ*); таковы слова, заимствованныя изъ польскаго языка, въ которыхъ *і* передаетъ польское *і* или мягкое *е*: пан*і*,

(польск. pani, великорусск. панья), вірша (польск. wiersz), сокіра (польск. sokiera).

Мы видѣли (стр. 35), что *ѣ* въ древнемъ новгородскомъ говорѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ приближался къ *и* или даже совпадалъ съ *и*. Трудно сомнѣваться въ томъ, что писцы новгородскихъ памятниковъ XIV в. уже произносили въ этихъ случаяхъ *и* на мѣстѣ *ѣ*.

Большая часть современныхъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ имѣетъ теперь *и* на мѣстѣ *ѣ* только въ серединѣ словъ передъ мягкими согласными: нев*и*́сте (дат. п. отъ нев*е́*ста=нев*ѣ*ста), хот*и*́ть (при хот*е*лъ). Въ меньшей части этихъ говоровъ, на территоріи болѣе или менѣе близкой къ Новгороду, *и* на мѣстѣ *ѣ* болѣе или менѣе послѣдовательно слышится какъ передъ мягкими, такъ и передъ твердыми согласными въ серединѣ словъ, а также въ концѣ словъ: нев*и*́ст*и* (дат. п.), нев*и*́ста (имен. п.), хот*и*лъ.

Звукъ *и*, замѣнявшій собою *ѣ* въ старомъ новгородскомъ говорѣ и перешедшій изъ него въ современные сѣверно-великорусскіе говоры, не находится въ непосредственной связи съ малорусскимъ *і*.

Аканье и связанныя съ нимъ звуковыя явленія. Такъ называемое *а́канье*, составляющее отличительную особенность современныхъ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ, состоитъ въ слѣдующемъ.

Древнія неударяемыя *а* и *о*, послѣ искони твердыхъ согласныхъ, въ однихъ случаяхъ—въ московскомъ и ближайшихъ говорахъ чаще, въ другихъ а́кающихъ рѣже,—звучатъ глухо и значительно приближаются къ *ы*, такъ что слышится глухой звукъ, который мы можемъ обозначить условно черезъ *ъі*: на́ д*ъі*мъ=на́ домъ, в*ы́*с*ъі*дка=вы́садка; въ другихъ случаяхъ — въ московскомъ и ближайшихъ говорахъ рѣже, въ другихъ чаще—*а* сохраняется, а *о* (если не сохраняется, какъ въ юго-западныхъ бѣлорусскихъ говорахъ, послѣ ударенія: до́бр*о*г*о*, при г*а*сп*а*д*а*ра́) болѣе или менѣе приближается къ *а*: *са*ди́ть, са́д*а*, сл*а*ва́=сл*о*ва, д*а*бро́. Тѣ же *а* и *о* (также *о* изъ *е*, т.-е. *ё*) послѣ мягкихъ согласныхъ, въ однихъ случаяхъ (въ соотвѣтствіе *ъі* послѣ твердыхъ согласныхъ)—въ московскомъ и ближайшихъ говорахъ чаще, въ другихъ рѣже—звучатъ какъ *и*: св*и*то́й, п*и*то́къ, ч*и*сы; б*и*ру=бёру́, беру́; нич*и*во́=ничово, ничего; въ другихъ случаяхъ—въ московскомъ говорѣ рѣже, въ другихъ чаще—*а* сохраняется и *о* (если не сохраняется) приближается къ *а*: московск. по́л*я*=по́л*я* (род.) и по́л*ё*, поле (им.-вин. ср. р.); наш*а*=наш*а* (имен.

ж. р.) и нашо, наше (им.-вин. ср. р.); курск. и бѣлор. святáя, чaсы, бярý, ничагó.

Различіе въ произношеніи неударяемыхъ гласныхъ находится въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій. Напримѣръ, сохраненіе *а* и образованіе *а* изъ *о*: сáд*а* (род. п.), слóв*а*=слово, бар*á*на, з*а*дóкъ, сил*а*чá,—въ московскомъ говорѣ имѣютъ мѣсто тогда, когда *а* находится или въ началѣ словъ, или въ концѣ словъ, или въ серединѣ словъ непосредственно передъ слогомъ ударяемымъ; глухое *ы* изъ *а* и *о*: пад*ы*лъ, вдов*ы*ль, с*ы*пагѝ, з*ы*хатѣлъ, д*ы*рагóй, является въ серединѣ словъ или непосредственно послѣ слога ударяемаго, или въ слогѣ второмъ передъ ударяемымъ.

Первые слѣды аканья въ памятникахъ относятся лишь къ XIV в. Смоленская грамота 1229 г., почти совсѣмъ свободная отъ традиціонной ороографіи, имѣя рядъ другихъ особенностей смоленскаго говора, не имѣетъ ничего похожаго на аканье. То же можно сказать и о другихъ смоленскихъ грамотахъ XIII в. Рязанская Кормчая 1284 г., придерживающаяся впрочемъ традиціонной ороографіи, равнымъ образомъ не представляетъ такихъ данныхъ, которыя бы можно было связывать съ аканьемъ. Старшій памятникъ съ слѣдами аканья — написанное въ Москвѣ Ев. 1339 г. (списанное съ гал.-волынск. оригинала): как*а* ты глаголеши 16 об., отъ господа бысть се и ѥсть дивн*а* въ очью нашею 73, 129, аще ожениться, любодѣянья творить 125, въ *а*пустѣвшии земли, запись. Ев. 1354 г., написанное въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, представляетъ разнообразныя данныя, между прочимъ нѣсколько случаевъ употребленія *и* вмѣсто *ѣ* (по-новгородски) и нѣсколько случаевъ употребленія *а* вмѣсто *о*: всаж*а*нъ 5 об., на веч*а*рехъ 71 об., веч*а*ряю 123, ж*а*лаше 130 об. (рядомъ: ни о комъ ж*о*, глагола*шо* и др.); повидимому, писецъ этого Ев., жившій въ Переяславлѣ, списывалъ съ оригинала новгородскаго письма (изъ котораго взялъ новгородскія особенности), а говорилъ по-московски. Духовныя грамоты московскихъ великихъ князей, написанныя для своего времени грамотно, не даютъ достовѣрныхъ случаевъ аканья. Можно упомянуть только о Бр*о*шевую (вин. ед., названіе деревни) въ духовной Ивана Калиты и Бр*а*шевая (названіе той же деревни) въ духовныхъ вел. кн. Ивана Ивановича, Димитрія Донскаго, Василія Дмитріевича; удареніе этого слова, вѣроятно, было не на первомъ слогѣ; о К*о*луга (корень к*а*л) и о Шаг*а*тью (твор.

ед., названіе деревни; рядомъ: Шаготью) въ духовной (второй) Донскаго; сверхъ того: далъ есмь князю въ Лопастны мѣста Новыи Городокъ, въ духовной Ивана Ивановича. Многочисленные и уже несомнѣнные случаи аканья находятся въ памятникахъ лишь самаго конца XIV в., писцы которыхъ, не различая звуковъ *а* и *о* безъ ударенія, ставили буквы *а* и *о* одну вмѣсто другой: московское Ев. 1393 г.: покл*а*нятся 22, Сим*а*нъ 34, къ Сим*а*ну 81 об., прик*а*снуся 45, об*л*ажать 109 об. (=*ложа́ть*), д*а*ящимъ 113 об., пр*а*дающимъ 156, верт*а*градъ 171, нарицаямая 186, домъ украшенъ и помятенъ 41 об., приступиша фарисѣі глаголющ*а* 46 об., научите крестящ*а* я во имя 183, ангелъ мыяш*а*ся 12, отроковица лежаш*а* 68 об., глаголаш*а* имъ (3 л. ед.) 74, пояс*а*ш*а*ся самъ 28, фарисѣі моляш*а*ся 126, Марьа сблюдаш*а* 191 об.; пол*о*гаѥть 6 об., 95 об.,—гаху 9 об.,—гахуть 73,—гаю 19 об.,—гають 71 об., вл*о*гають 26, предл*о*гають 75,—гаѥмая 92, възл*о*гая 110, вл*о*галища 82, зап*о*да 101, нен*о*видяхуть 107 об., привяз*о*но 109, 130, 135 об., обяз*о*нъ 147 об., пос*о*гаеть 118 об.,—ють 124 об., помаз*о*вшия 146, т*о*лантъ 126 об., Арим*о*фѣя 9, сам*о*рѣіскъ 16,—яныни 16, 16 об.,—янѣхъ 16 об.,—яне 17 об.,—янинъ 18, отъ Сам*о*рия 16 и т. п.; коломенская Палея 1406 г.: мьл*а*ньямъ=молоньямъ 3, пог*а*рять 17, п*а* роду 20, порящая по вздуху 20, зад*о*вити 31; грамота полоцкаго архіепископа Θеодосія 1392—1415 г.: писани*я* ваш*а* дошло до менѣ. Памятники второй половины XV в. и XVI в. имѣютъ *а* вм. *о* (и рядомъ *о* вм. *а*) уже нерѣдко, хотя впрочемъ огромное большинство ихъ, и книги, и грамоты разнаго рода, московскія и западно-русскія, упорно придерживаются старой орѳографіи; въ полоцкомъ договорѣ съ Ригою 1478 г. мы читаемъ: п*а* веснѣ, п*а*сле (надо читать: пасле́), *а*бою сторонъ, ст*а*ить, д*а* Ильина дня; въ западно-русской Четьѣ 1489 г.: пот*а*пталъ, п*а*ганый, к*а*рабль, н*а*ября, рад*а*ватися, к*а*р*а*мольное, мол*а*пья, покояньемъ, уд*о*ляимося; въ Ев. 1527 г., написанномъ въ селѣ Новомъ, подъ Вязьмою (Публ. Библ.): въ к*а*рабли 10 об., к*а*раблю 19, к*а*рабль 33 об., пророчеств*а*ва 34, н*а*гама 35 об., врата адова не уд*а*лѣють еи 37, ник*а*го 38 об., не до седмь кратъ но д*а* седмьдесятъ 41, к*а*торого 50, к*а*кошь 53; отъ востокъ и зап*о*дъ 18, до зап*о*дъ 54 об., д*о*лече 34; ту будеть сердц*а* ваш*я* 15, бѣ разрушеніе ея веліа 17 об., призвати на покаяні*а* 20, взыде трьні*а* 29, сѣав'шу добр*ая* семѣ 30, въ скончані*а* вѣка 31, скврь-

лить человѣка исходящае изъ устъ 34, за невѣр'ствіа ваша 39, он не хотѣша 41 об., продаждь имѣніа твое 43, проповѣсться сие еуангеліа 54, явится знаменіа 54 об. и др.; въ Сборникѣ XVI в. Син. Библ. Чудовск. № 264, написанномъ едва ли не въ Москвѣ: чюдотворцавъ (род.), изобличихамъ, саборнѣ, наугородецъ, бѣ слова паносно, митраполитъ, совакупи саборъ, паповъ, съ таварыщи, потачиша, арла, яго, яму, сіе настоящея средостѣніе, въ послѣднея время и др. (чрезвычайно часто; Русск. Ист. Библ., VI, 785—788; Библіографич. матеріалы, собр. А. Н. Поповымъ, № XVIII); въ западно-русской Псалтыри XVI в. Рум. Муз.: на дарозе 7, троскать, уздаровить 10, така есть 14; зо брата 7 об., коране 8, поклодаючие 9 об., заклодаеть 13 об., долеко 13, довалъ 16 об., мешкоють 16 об., спроведливость 19 об. и др.; въ зап.-русск. Тайная Тайныхъ XVI в. Виленск. Публ. Библ.: во облаженнии 4, облажения 24, здаровье 5 об., пративно 8, дапытывался 19, стрягохъ тя 6, слияніа сыро 24, будетъ ли слияния ихъ горяче 28; наказание 2,—ю 4, 9, укозалъ 9, довати 3, довай 14 об., здовая 9, выдовати 9 об., достовай 9, слышолъ 40 об. и др.

Рядомъ съ аканьемъ, южно-великорусскіе и бѣлорусскіе говоры имѣютъ два другихъ явленія: 1) измѣненіе неударяемаго *е* (какъ древняго, такъ и образовавшагося изъ *ъ*, *ѣ*, вообще *е* не перешедшаго въ *о*, *ё*) послѣ мягкихъ согласныхъ, *j*, шипящихъ и *ц*—въ *и* или звукъ близкій къ *и*; 2) измѣненіе неударяемаго *а* послѣ мягкихъ согласныхъ, *j*, шипящихъ и *ц*—въ *и*, *е* или въ звуки близкіе къ *и*, *е*: 1) московск. *миня́* (=меня), *ниде́*ля (=недѣля), *дили́*ть (=дѣлить), *ищо́* (=еще), *цыди́*ть (=цѣдить), на *ме́сти* (=на мѣстѣ) и т. п.; 2) московск. *пи*тью́ (=пятью), j*ив*и́ть (=явить), *шы*га́ть, *шэ*га́ть (=*ша*гать). Акающіе говоры представляютъ здѣсь значительное разнообразіе: въ однихъ, слабо акающихъ,—какъ въ московскомъ—эти явленія широко распространены; въ другихъ, сильно акающихъ,—извѣстно лишь первое изъ нихъ; такимъ образомъ эти говоры ограничиваются измѣненіемъ неударяемаго *е* въ *и*, и то только передъ мягкими согласными (здѣсь: *ми*не́, род. ед., *ни*де́ля, но: *я*му́, пятью́, *я*ви́ть, *ша*га́ть и т. п.). Памятники, имѣющіе *а* вмѣсто *о*, обыкновенно имѣютъ и *е* вмѣсто *а*: надпись на монетахъ кн. Андрея Можайскаго конца XIV в.: печать кнежа (=княжа́); Ев. 1354 г.: видеща 50; Ев. 1393 г.: стезающемася 2 об., не істезаи 85, истезаю 106, іерусалимьленъ

14 об., плесасте 38, прозебаѥть 66 об., гражене 107 об., кладезь 117; Палея 1406 г.: кладезю 73; указанный договоръ 1478 г.: рижене, о чесехъ; коломенскій Прологъ 1481 г. Публ. Библ.: почета (=почата́), запись; Четья 1489 г.: светого 11, паметь 255 об., колодези 212 об., везати 229 и др.; Ев. 1527 г.: девети 40 об., по пѣнезу 44 об., пѣнезь 49 об. и т. п.; зап.-русская Псалтырь XVI в. Рум. Муз.: мыслеть, загледають, пенезеи и т. п.; зап.-русское печатное Ев. Тяпинскаго XVI в.: мовечи, хотечи, мекина, предуть (=пряд—), ермо (=ярмо́), береме, знаме и др.; Литовскій Статутъ 1588 г. Съ другой стороны въ тѣхъ же памятникахъ появляется *и* вмѣсто *е* (и наоборотъ); Ев. 1339 г.: Моисѣи на-нь же вы уповаите 6, аще чудесъ не видите, не имати вѣры яти 10 об., радости вашия 176 об., губу наполнину оцт(а) 185, въ пишимыхъ книгахъ 208; Ев. 1354 г.: дондиже (постоянно), ащи 133, и доселѣ ни имать быти 154 об.; духовная Дмитрія Донского: стариший путь, старишего, старишему (удареніе повидимому, на *а*), Скирменовъское, Гуслеця (названія селъ; срв. въ духовной Ив. Калиты: Скирминовьскоѥ, Гуслиця, гдѣ *и*, по всей вѣроятности, неударяемое); Паремейникъ 1378 г.: аще не послушаите мене, оружьѥ вы поясть 8 об., бесѣдуить 33, всия земля (род.) 45, 55, 55 об., 74 об., отъ земля нашия 78 об., взищить (3 л. ед.) 66 об., видѣхомъ и съвидительствуимъ 120 об.; Служебникъ преп. Сергія XIV в.: сирафимомъ 5 об. (при серафимъ 18 об. и др.), хирувими 33,—ъ 5 об., хировимъ 49 (при хъровимомъ 5 об. и др.), помяни градъ в немже жительствуимъ 38 об., ниспослить (съ о́ ?) намъ благодать 39 об., мою съмерть възвѣщаете, мое воскресение исповѣдаите 60 об., о игумени отьци нашемь 23; рядомъ: невидьмый 40 об.,—ме (зв.) 56; Ев. 1393 г.: глаголиши 2,—лится 3 об., да вы чюдитися 7, ѥгда възнесете сына тъгда разумѣїте 15 об., родітиля 21, одиржимы 30, в зимли 60, Якова Зивидѣова 34, съ Зивидѣомь 34, —я 61 об.,—ова 82, въ попели 38 об.; рядомъ: из венограда 110 об. (это Ев. имѣетъ также *и* вмѣсто *я* и наоборотъ: всѣхъ галилѣинъ 101 об., кто ѥсть ударявыи тя 132 об.); Ев. 1399 г.: вы не вѣсте ни помышляите 16, горе вамъ яко възрыдаите и въсплачетеся 68; Палея 1406 г.: повешини 19, зижить 29, поглаголить 63; духовная в. кн. Василія Дмитріевича: по матери моие животѣ; полоцкій договоръ 1478 г.: тяглицовъ (имен. ед. тяглецъ); Четья 1489 г.: клипися 5 об., мертвица 35, лестицемъ.

Приведенныя данныя показываютъ, что аканье и связанныя съ нимъ звуковыя явленія въ XV—XVI вв. имѣли уже значительные размѣры, близкіе къ размѣрамъ современнаго аканья.

Должно имѣть въ виду, что существованіе аканья засвидѣтельствовано памятниками также для Пскова XIV—XVI в. (псковской Измарагдъ 1500 г. гр. Уваровыхъ: великаго Новограда, при Александрѣ Воладимеровичь, запись, и др.) и что кіевскій говоръ первой половины XVI в. также есть основаніе считать акающимъ. Во всякомъ случаѣ въ Помянникѣ Кіево-Печерской Лавры этого времени, состоящемъ почти изъ одних собственныхъ именъ, мы читаемъ: *А*нисифоръ, *А*нисимъ (при *О*н-), *А*нофрей (при *О*н-), *А*лизаръ, *А*лиферій, *А*ксинія (при *О*кс-), Ф*а*тіанъ, Р*а*дивонъ, Ол*ик*сіа (при Алексѣй), С*и*ливанъ, пани Н*и*мила, *Е*линархъ (при *И*лин-), рядомъ съ другими яркими слѣдами южно-великорусской фонетики.

Въ XIV и XV вв. нашъ сѣверъ вообще и Москва въ частности уже имѣли опредѣленную орѳографію. Аканье оказалось не въ состояніи ее поколебать. Вслѣдствіе этого при помощи нашего правописанія можно съ нѣкоторою точностью опредѣлить, гдѣ въ древнее время произносилось *о*, *е*, *а*. Однако не всегда. Въ нашу орѳографію, при всей ея вѣрности преданію, вкралось не мало ошибокъ, особенно въ тѣхъ словахъ, которыя болѣе или менѣе рѣдко встрѣчались въ старомъ литературномъ языкѣ.

Мы употребляемъ теперь *а* вм. *о* въ цѣломъ рядѣ словъ, взятыхъ изъ церковно-славянскаго языка: въ словахъ съ префиксомъ *раз-*, въ словахъ расту, растеніе (вмѣсто росту, ростеніе), работа, ракита, заря (послѣднее слово въ церковно-славянскомъ языкѣ звучало не только заря, но и зоря; сравни польск. zorza, чешск. zoře, соврем. сѣв.-великор. зоря, южно-великорусск. зо́рю, вин. ед., зо́ри, зо́ренька, малорусск. зоря), въ формахъ род. пад. ед. ч. прилагательныхъ *аго*, *яго*, вм. *ого*, *его*; здѣсь наше аканье не только не внесло въ нашу орѳографію ничего новаго, но и способствовало утвержденію старыхъ церковно-славянскихъ написаній. Въ другихъ случаяхъ аканье послужило къ употребленію неправильныхъ, ничѣмъ съ сравнительно-этимологической точки зрѣнія не оправдываемыхъ написаній, именно въ словахъ: калачъ вм. колачъ, при сѣв.-великор. колачъ (Домострой: колачи; расходная книга Никона 1652 г.: колачи); срв. чешск. koláč, сербск. колач; касатка вм. косатка (срв. коса и т. п.);

барсукъ, при др.-русск. борсукъ, срв. польск. borsuk; *лапта* (названіе дѣтской игры), срв. чешско-словацк. и хорватск. lopta; *стаканъ*, срв. др.-русск. достоканъ (духовная вел. кн. Ивана Ив.), стоканъ, сѣв.-великор. стоканъ (*о* изъ *ъ*); *завтракъ*, *завтракать*, срв. въ Лаврентьевскомъ сп. лѣтоп. 128, 149, въ Словѣ о полку иг. и въ свадебномъ чинѣ XVII в. при Домострoѣ 192: заутрокъ, заутрокати, польск. zajutrek (*е* изъ *ъ*), род. пад. zajutrka; *карманъ*, срв. древне-русск. собственное имя Корманъ въ грамотѣ 1541 г., въ 1-й Псковской лѣтописи и въ одной изъ Новгородскихъ лѣтописей, а также южно-русск. мѣстное названіе въ актѣ 1424 г.: in villa Cormanicze in Premisliensi districtu (Akta gr. i ziemskie, VII, 65), словацкую фамилію Krman, польск. областн. korman покрышка для платья отъ дождя (Rozprawy Akad. Krakowsk., VII), великор. областн. корма мотня у невода; *крапива*, срв. кропива въ Прологѣ XIII—XIV в. Тип. Библ. № 372, л. 13, въ Домостроѣ 120, Кропивна въ духовной Дмитрія Донского, *укропъ* и т. п.; *тарагорить*; *тароватый*; *паромъ*, срв. чешск. pram; *качанъ*, срв. кочень; *бразда́* вожжа («бразды правленія»), срв. ц.-слав. брѣзда, въ Прологѣ Погодина Публ. Библ. № 59, XIV в.: брозды въ уста вложеше; здѣсь *а* явилось очень рано (браздами и уздою, Псалтырь 1296 г.), вѣроятно, вслѣдствіе смѣшенія этого слова со словомъ *бразда*=борозда; названія: *Вазуза*, *Масальскъ*, *Кашира* и т. п., срв. въ Новгородской лѣтописи: Возуза 167, Мосальскъ 229, въ духовной в. кн. Ивана Ивановича: Кошира; собственныя имена: *Алёна*, *Авдотья*, *Алфёръ* и т. п., срв. въ памятникахъ до XVII в. (постоянно): *Олена*, *Овдотья* и т. п.; фамиліи: *Анучинъ*, *Апухтинъ*, *Ахлёстышевъ* и т. п. Слово *баранъ* имѣетъ древнее *а*, точно также какъ *боранъ* (очень часто въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ памятникахъ разнаго времени) имѣетъ древнее *о*.

Рядомъ съ *а* на мѣстѣ *о*, мы находимъ также *о* на мѣстѣ *а*, несогласное съ древнимъ произношеніемъ, въ словахъ: *ласковъ*, срв. церк.-слав., др.-русск. и малорусск. ласкавъ; Житіе Нифонта 1219 г.: ласкавымь 121; Апостолъ 1220 г.: ласкавую 15; но уже въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣт.: ласковъ 444, и въ Паремейникѣ 1378 г.: ласковыи 64; *оводъ*, срв. въ Житіи Ѳеодосія Печерскаго XII в.: оваду и комаромъ, овада и комара 11, польск. owad.

Буква *е* вмѣсто *я* (*а*) пишется теперь между прочимъ въ словахъ:

тетива, срв. ц.-слав. тѧтива, въ Амартолѣ XIV в.: тятивы 120 об., въ южно-русск. печатн. Столпѣ цнотъ 1658 г.: тятива, соврем. сѣв.-великор. (олонецк.) тятива, польск. cięciwa; ястребъ (ястрёбъ,—а въ Толкованіи на кн. Іова 1394 г. Син. Библ., л. 81; соврем. сѣв.-великор. ястрёбъ), срв. въ Златоструѣ XII в.: о ястрябѣхъ, въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: ястрябъ 21, въ Бесѣдахъ папы Григорія XIII в.: ястрябъ 25 об., въ Лѣствицѣ 1334 г.: ястрябля вида 136 об., въ Ипатскомъ сп. лѣт.: ястрябомъ 437, ср.-болг. ястрѧбъ, польск. jastrząb; десна́, откуда им. мн. дёсны, род. мн. дёсенъ; срв. въ рукописи XIV в. Публ. Библ. F. I. п. 42: ни взора, ни дяснъ 107 об., въ Погодинскомъ сб. XV в. № 852: дясны 232; ст.- чешск. dásna (Святовитск. сборн. 313), dásen (*a* изъ ѧ), ст.-польск. dziąsna, dziąsła; ремесло, откуда реме́сла, реме́сленный; срв. въ сѣв.-великор. грамотѣ 1650 г.: ремясло, ст.-польск. rzemięslnik (Шарошпатацк. Библія 147, 213 и др.); колодезный, колодезникъ, при колодецъ изъ колодезь, подъ вліяніемъ словъ на *ецъ*; срв. ц.-сл. кладѧзь, въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: колодязь 125, въ грамотѣ Свидригайла 1403 г.: отъ колодязя до колодязя, въ двинской закладной XIV—XV в.: колодязь; въ ячея, яче́йка, срв. въ Чудовск. Нов. Завѣтѣ XIV в.: ячая 131; въ Воронежъ (названіе рѣки и города), срв. въ Академич. спискѣ лѣт. XV в. Вороняжь (Лѣт. по Лавр. сп. 487); вѣроятно, въ петля́ и пе́тля; срв. ц.-сл. пѧто. Слово *рѣ*сница пишется теперь съ буквою *ѣ* вмѣсто *я*; срв. ст.-русск. рясница (Тихонравовъ, Пам. отреч. р. лит. II, 359), ст.-русск. фамилію Рясницинъ (грамота 1556 г. въ Доп. къ Акт. Ист. I. 76), польск. rzęsna.

Сверхъ этого, мы пишемъ *и* вмѣсто *е*, *ѣ* въ св*и*рѣпъ (постоянно съ *и* уже въ Палеѣ 1406 г.), при ц.-слав. и др.-русск. свирѣпъ; въ м*и*зинецъ, при др.-русск. м*ѣ*зинъ (Лаврентьевск. сп. лѣт.: людье м*ѣ*зинии 359), малорусск. мізинець, сербск. мезимац, чешск. mezinec; въ св*и*дѣтель, при ц.-слав. и др.-русск. съв*ѣ*дѣтель; въ снигирь, при чешск. snĕhula, польск. snieguła; въ витня, улизнуть, колѣн*и* (съ *и* въ Мстижскомъ Ев. 125 об.), двѣст*и* и, вѣроятно, въ энклитикѣ *биш*ь (срв. наше произношеніе неударяемаго *вѣдь*: *ви*ть), при др.-русск. бешью Жит. Саввы Освящ. XIII в., бехма Выголекс. сборникъ XII—XIII в., Ефремъ Сиринъ 1492 г., ц.-слав. бѣшиѭ, бѣшиѩ (Супрасл. рук.), бѣхъма. Слова потч*и*вать (=по-

чьщ*и*вати, основа та же, что въ чьстити, корень *чьт*; срв. утрачивать, отсвѣчивать и т. п.) и его производныя пишутся нами съ *и* правильно. Въ этомъ глаголѣ мы имѣемъ архаическое образованіе съ краткимъ гласнымъ (*ъ*) въ корнѣ, однородное съ нашими выпёхивать (*е* изъ *ъ*; кор. *пьх*), расчосывать, вымётывать, вылётывать, затрогивать, др.-русскими подъкопывати (Ев. 1383 г. 14, 14 об.), перекопывати (2-я Новгородск. лѣт. 104), вношивати (Сборникъ XVI в. Рум. Муз. № 2515, л. 183) и т. п. Древняя форма настоящаго времени этого глагола потч*иваю* употребляется великоруссами наравнѣ съ ея сокращеніемъ потч*ію* (откуда потч*ую* подъ вліяніемъ тоск*ую* и т. п.): почщ*иваѥтся* Григорій Богословъ XIV в. 142 об.; потщ*иваху*, кн. Паралипоменонъ въ переводѣ съ лат. Погод. № 84; потч*ивай* сосѣдъ сосѣда, Пушкинъ; вынувши изъ кармана табакерку, ты потч*иваешь* дружелюбно; не угощай и не потч*ивай* никого, Гоголь, Мертв. Души. Въ XVI, XVII и XVIII вв. она употреблялась почти исключительно: потч*иваетъ*, потч*иваютъ*, Домострой и свадебный чинъ при немъ XVII в. 117, 174, 181, 191 (рядомъ потч*ивати* 103, 170); подч*иваетъ*, протоп. Аввакумъ (VIII, 6); попотч*иваю*, Аблесимовъ, Мельникъ (изд. Смирдина, 25), попотч*иваютъ*, Эминъ, Непостоянная фортуна 1763 г. (I, 17), Рабенеръ, Сочиненія 1792 г. (I, 141), потч*ивая*, Фильдингъ, Томасъ Іонесъ 1787 г. (I, 6); срв. сѣв.-великор. потщ*ую*, изъ потщ*ую*. Срв. сербск. глаголъ дотк*ивати*, настоящ. дотк*ивам*, оканчивать тканье, образованный тожественно съ потч*ивать* (корень *тък*).

Благодаря аканью, въ а́кающихъ говорахъ вообще и въ сильно а́кающихъ въ частности явилось значительное число случаевъ чередованія *а* безъ ударенія (изъ *о*) и *о* съ удареніемъ: *а*кнó—*ó*кны, с*я*ло—с*ё*лы, в*а*дá—в*ó*ды, м*я*тлá—м*ё*тлы. Они повели къ возникновенію въ нѣкоторыхъ словахъ *о* на мѣстѣ ударяемаго *а* и къ образованію чередованія стараго *а* безъ ударенія съ новымъ *о* съ удареніемъ: великор. к*а*ймá — к*ó*ймы, п*а*льтó—п*ó*льты, д*я*снá—д*ё*сны, бѣлор. кр*ó*сонька при кр*а*сá, шт*ó*ники при шт*а*ны́ и т. п. Въ формѣ к*ó*титъ (отъ к*а*чу, к*а*тить)—*о* болѣе или менѣе древне; срв. малорусск. к*о*тити, чешск. k*o*titi, польск. k*o*cić się, pok*o*tem; то же, кажется, можно сказать объ *о* въ пл*ó*титъ (рядомъ: пл*á*титъ), въ с*ó*дитъ (рядомъ: с*á*дитъ), бр*ó*нитъ (отъ бр*а*ни́ть), д*ó*ритъ (отъ д*а*ри́ть) и т. п., слышимомъ въ великорусскихъ какъ а́кающихъ, такъ и

о́кающихъ говорахъ и извѣстномъ въ говорахъ бѣлорусскихъ; срв. древнія чередованія *а* и *о* въ ц.-слав. ск*а*четъ и въск*о*читъ и т. п., *ѣ* и *е* въ ц.-сл. л*ѣ*жетъ и л*е*житъ и т. п.

Къ явленіямъ такъ называемаго а́канья не слѣдуетъ относить *е* въ словѣ лебедь. Это слово является съ *е* въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.; въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи оно звучитъ леб*і*дь и лебедь, рядомъ съ леб*і*дка, леб*ю*одка; въ современныхъ великорусскихъ говорахъ мы слышимъ лебёдушка, лебёдка, гдѣ *ё*=*о* указываетъ на древнее *е*. Такимъ образомъ *е* въ лебедь нужно считать древнимъ и если и происшедшимъ изъ *а*, то все таки не имѣющимъ связи съ а́каньемъ и образовавшимся много раньше появленія а́канья. Слово лебедь родственно съ польскимъ łab*ę*dź, чешск. lab*u*ť, сербск. лаб*у*д (*ę* и *у* изъ *ѫ*); въ нашемъ леб*я*жій *я* восходитъ къ *ѧ*. Кромѣ этого слова, въ великорусскихъ говорахъ, какъ а́кающихъ, такъ и о́кающихъ, есть нѣсколько глагольныхъ формъ, въ которыхъ, вмѣсто ожидаемаго *а*, мы имѣемъ *е* и *о* подъ удареніемъ; эти формы—запречь, запрёгъ, при запряжка и т. п., и трёсъ, при тряска и т. п. Находящаяся въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ форма запр*юо*гъ (при запрягу) имѣетъ дифтонгъ *уо*, который указываетъ на древнее *е*; при великор. трёсъ существуетъ малорусское украинск. тр*і*съ, волынск. тр*уо*съ (при трясу), гдѣ *і*, *уо* происходятъ также изъ болѣе древняго *е*. И въ томъ и въ другомъ случаѣ звукъ *е* не можетъ быть поставленъ въ связь съ а́каньемъ. Вѣроятно, здѣсь мы имѣемъ дѣло со старымъ явленіемъ, возникшимъ благодаря вліянію такихъ глагольныхъ формъ, какъ лягу—лёгъ (древнее л*е*глъ), л*е*чь, сяду—с*ѣ*лъ, въ которыхъ чередуются *а* и *е*.

Великорусскіе а́кающіе говоры, какъ мы видѣли, имѣютъ болѣе или менѣе часто *и* вмѣсто неударяемаго *е*, какого бы происхожденія это *е* ни было. Великорусскіе о́кающіе говоры, повидимому не всѣ, но многіе, знаютъ это употребленіе *и* вмѣсто *е* въ серединѣ словъ передъ мягкими согласными. Памятники XIV в. имѣютъ *и* вмѣсто *е* рѣдко; новгородское Ев. 1355 г.: бе-щ*и*сти (=безъ чести) 51 об., новгородскій Тактиконъ 1397 г.: възд*и*ржание 17 (рядомъ: возд*ѣ*ржания), бесч*и*стья 103 об.; новгородскій Требникъ гр. Шереметева XIV в.: въ т*и*рпинии 40, окт*и*нья (=ектенія) 118 об., -ия 121, предътица (род.) 40, твор*и*ць 68 об., растоцин*а*я 75, прегреш*и*ния

118, в. бещ*и*стии 139 об.; грамота новгор. посадника въ Ригу 1418—1420 г.: на его брата на Орт*и*мью, съ Орт*и*мьею (то же лицо въ грамотѣ новгор. архіепископа въ Ригу 1418—1420 г. именуется: Ортѣмья); сѣверно-великорусскій Погодинскій сб. нач. XV в. № 872: испирва 228, т*и*рьня 231 об., т*и*рнях 236, до дьв*и*рии 233 об., дв*и*ри (род. ед.) 233 об. (дважды), родит*и*лема моима 231 об.; псковской Прологъ 1383 г.: створ*и*ние; псковское Лукино Ев. 1409 г.: тр*и*тьея (род.). Лишь часть приведенныхъ данныхъ имѣетъ *и* на мѣстѣ *е* несомнѣнно безъ ударенія; въ прочихъ возможно или необходимо видѣть *и* съ удареніемъ. Это послѣднее *и*, вмѣстѣ съ спорадическимъ *и* въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ: щ*и*ль (=щель), д*и*нь (=день), дв*и*рь, л*и*бедь и т. п., можетъ быть легко объяснено въ связи съ *и* вмѣсто *е* безъ ударенія. Напримѣръ, *и* въ ч*и*сть, дв*и*рь могло явиться на мѣстѣ *е* съ удареніемъ подъ вліяніемъ *и* въ ч*и*стьной (=честной), дв*и*ри́ (=двери́, род.-дат. ед.). Но необходимо имѣть въ виду, что новгородскіе, псковскіе и вообще сѣверно-русскіе памятники XIV и слѣдующихъ столѣтій, имѣющіе *и* вмѣсто *ѣ*, обыкновенно имѣютъ спорадически и *ѣ* вмѣсто *и* и въ значеніи *и*: с*ѣ*ла=сила и т. п. Отсюда возможность, у маловнимательныхъ писцовъ, случаевъ употребленія какъ *и* вмѣсто графическаго *ѣ*, на мѣстѣ *е*: твор*и*ць вмѣсто твор*ѣ*ць=творець, такъ и *е* вмѣсто графическаго *ѣ*, на мѣстѣ *и*: кад*е*льница вмѣсто кад*ѣ*льница=кад*и*льница. Срв. въ Тріоди 1311 г.: кад*е*льницю 71 об.; въ Прологѣ 1356 г.: пр*е*сный другъ 84 об.; въ Прологѣ 1383 г.: друж*е*ною. Такъ какъ рукописи новгородскаго происхожденія въ XIII—XV вв. обращались въ средней Россіи и здѣсь переписывались, то 1) *и* на мѣстѣ *е* и 2) *ѣ* и *е* на мѣстѣ *и*, явившіяся графически въ нѣкоторыхъ не народныхъ словахъ, перешли въ памятники средне-русскіе вообще и московскіе въ частности и вмѣстѣ — въ средне-русское произношеніе этихъ словъ. Коломенская Палея 1406 г. имѣетъ: апр*ѣ*ль 12 (срв. соврем. великор. апр*е́*ль), кум*ѣ*ръ 62 и др.; Лаврентьевск. сп. лѣт.: друж*е*ною 150, 219; Кіевскій Помянникъ первой половины XVI в. (о которомъ см. стр. 18): Евг*и*нія (срв. въ Ипатск. сп. лѣт. Офрос*ѣ*нья 422; срв. также соврем. южно-великор. Алг*и́*нья), Огроф*ѣ*на, —*е*на (при Огроф*и*на; срв. соврем. южно-великор. Аграф*е́*на, малор. Горп*и́*на=Агриппина), Окул*е*на.

Переходъ *е* **въ** *а*. Въ части галицко-волынскаго говора перешло въ *а* то *е*, которое звучало послѣ *j* въ формахъ им.-вин. ед. средн. рода: Типографское Ев. XII—XIII в. № 6: умноженья, куръглашѣнья; Галицкое Ев. ок. 1266 г.: куроглашенья; Житіе Саввы Освящ.: ослушания наше створи 87 об. (здѣсь еще: Софроньяву чадь 122); Ев. Верковича XIV в.: умножения 48; Слова Ефрема Сирина 1492 г.: весѣлья; Пересопницкое Ев. 1561 г.: то есть выображеня и написаня, вышло выреченя, нападеня (часто). Оно сохраняется во многихъ малорусскихъ говорахъ и въ настоящее время: каміння, насіння, зілля, весілля и т. п. (—ння, —лля изъ —нья, —лья).

Обще-русское *е* изъ древняго *е* и изъ *ь* и сѣверно-русское *е* изъ *ѣ*, какъ неударяемое, такъ и ударяемое, въ старомъ псковскомъ говорѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ—подвести которые подъ общіе законы мы не можемъ—съ теченіемъ времени стало произноситься столь открыто, что наконецъ или очень приблизилось къ *а*, или даже отожествилось съ *а*. Псковскіе памятники XIV—XV вв. имѣютъ уже значительное количество случаевъ употребленія буквъ *а* и *я* на мѣстѣ *е*, *ѣ*: Апостолъ 1309—1312 г.: сѣеться въ нечьстия; Параклитикъ 1369 г.: при посадницѣ при Костромя, поите исправливающя (запись), прославихъ твоя божество (почти несомнѣнно: твоя́), всемирноя слово, на покаяния, солнца омрачашеся, в пучиня, въ чревя, въ вратяхъ, лютя, агняца, колясницами; Прологъ 1383 г.: пришьствия Христово, оружие своя, дѣтища сыи, повѣдаша старець, срѣтя, идя (аор.), покаяниямь, учителямъ (твор. ед.), на мѣстя; Лукино Ев. 1409 г.: имя моя, сердца ваше, еща далеча, ястя (2 л. мн.) и др.; Трефолой 1446 г.: довляеть 6 об., ангелы сбирающа вся языкы 66 об., господне пришествия 152 об.; приписка 1468 г. въ Стихирарѣ 1422 г.: въ обитель на Завелицья; Палея 1494 г.: при великомъ князи царя (почти несомнѣнно: царя́) всея Русі, запись. Время перехода псковского *е* въ *а* мы, за недостаткомъ памятниковъ, не можемъ опредѣлить даже приблизительно; но несомнѣнно, онъ начался задолго до XIV в., въ то время, когда еще не успѣло развиться *о* изъ *е*, и въ XIV в. былъ уже законченъ.— Необходимо имѣть въ виду, что псковской говоръ въ XIV—XV вв. былъ акающимъ (см. выше) и что многіе изъ приведенныхъ случаевъ употребленія *а*, *я* на мѣстѣ *ѣ*, *е* вполнѣ объясняются аканьемъ.

Великорусскіе говоры, можетъ быть, потому что въ нихъ широко распространился переходъ *е* въ *о*, не знаютъ перехода ударяемаго *е* въ *а*, а переходъ неударяемаго *е* произошелъ въ нихъ чрезъ посредство *о* и не имѣетъ, такимъ образомъ, никакого отношенія къ выше указанному явленію псковскаго говора. Звукъ *а* въ формахъ сравнительной степени: Евангеліе 1357 г., написанное въ сѣв. Галичѣ: легч*а*я будеть 33, дважды; Ев. 1358 г., написанное, кажется, въ московской области: лжѣ*я* ѥму бысть 11 об.; Ев. 1393 г., написанное тамъ же: легча*я* будеть 70 об.; Ев. 1399 г., написанное, вѣроятно, тамъ же: легча*я* будеть 33, 59; Домострой по сп. XVI в.: множа*я* 76, крѣпчя*я* 124; письма Петра Великаго: скоря*я*; современн. великорусск. крѣпча*я*, сильня*я*, красня*я*, сильнѣ*я*, краснѣ*я*,—едва ли не есть результатъ ассимиляціи конечнаго *е* съ предшествующимъ *а* (легча*я*) и послѣдовавшаго затѣмъ дѣйствія аналогіи (лжѣ*я*); срв. сѣв.-великорусск. дѣл*а*ть, игр*а*ть изъ дѣл*ае*ть, игр*ае*ть чрезъ посредство дѣл*аа*ть, игр*аа*ть.—Звукъ *а* въ великорусско-бѣлорусск. кром*я́*, окром*я́* (Ев. Тяпинскаго: кром*я* жонъ̓), въ великорусскомъ опосл*я́* и въ великор.-бѣлоруск. нельз*я* (въ Ипатскомъ сп. лѣт.: нѣлз*я* 439, нелз*я* 461; въ зап.-русск. Псалтыри XVI в. Рум. Муз.: нелз*я* 154 об.; въ Лютеранск. Катихизисѣ 1562 г. нѣсколько разъ: нельз*а*), при кро́м*ѣ*, по́сл*ѣ*, древне-русск. нѣльз*ѣ* (Святославовъ Сб. 1073 г. 6, 130; Богословіе Іо. Дамаскина XII в. 188. и др.),—неясенъ по образованію; срв. съ кром*я*—польск. kromi*a*, моравск. krom*a*, съ опосл*я*—малорусск. післ*я*, съ нельз*я*—старую форму имен. ед. льз*я*: Пандекты Антіоха XI в.: кая *льзя* ѥсть 87 об.; ст.-сербск. не бо ѥ льз*а* извѣщати, не бѣ льз*а* жити (словарь Миклошича); ст.-польск. nielz*a* (Żywot Jozefa, Рея; Proteus 1564 г. и др.); современн. словацк. lz*a*, моравск. jz*a*=lz*a* (Bartoš); срв. окончанія въ ц.-сл. трѣб*ѣ* и въ пол.-чешск. třeb*a*; срв. наконецъ др.-русск. нельг*а*=нельзя (Новгородск. лѣт. XIV в.: нелг*а* 24); но въ всякомъ случаѣ сомнительно, чтобы онъ произошелъ изъ *ѣ*.—Формы съ ударяемымъ *а* въ родѣ великорусскихъ сѣм*я́*нъ, врем*я́*нъ, плем*я́*нникъ, стрем*я́*нный, безъим*я́*нный (Пушкинъ) обязаны своимъ *а* вліянію формъ им.-вин. на *мя*: сѣм*я*, врем*я* и т. п. Срв. въ новгородскихъ Праздникахъ XII—XIII в. (Тип. Б. № 330): плам*я*ньныя стрѣлы 44 об.; въ Ев. 1354 г.: знам*я*нии сихъ 4 об., знам*я*нья 6 об., 9, знам*я*на (аор.) 11 и т. п.; въ Ев. 1357 г.: зна-

мяпья 123 об., знамянавше 58, 151 об. и др.; въ Ев. 1393 г.: сѣмяпъ 44, 66 об., сѣмяни 90, времяни 101, 126 и др.; въ Ев. 1399 г.: времяна 24 об.; въ Лаврентьевскомъ сп.: по времяпѣхъ, времяньныхъ, пламяпь, знамянья, имяна, племяни и т. п. Др.-русск. доколя (грамота литовскихъ князей 1350 г.), соврем. малор. вiдкiля имѣютъ *а* заимствованное изъ формъ род. ед. муж. р. Сравни въ средне-болг. вставкѣ въ Зографскомъ Ев.: отътол*а* 24; въ Архангельскомъ Ев. 1092 г.: докол*а* 6 об.

Впрочемъ нѣкоторые изъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ въ настоящее время начинаютъ склоняться къ произношенію неударяемаго *е* послѣ шипящихъ близко къ *а* или какъ *а*: *жа*нихъ и т. п. (при *жо*на́).

Переходъ *а* **въ** *е*. Звукъ *а* въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ находился послѣ твердыхъ согласныхъ и имѣлъ на себѣ удареніе, сохранился безъ измѣненія во всемъ русскомъ языкѣ, причемъ остался попрежнему открытымъ звукомъ. Не то было съ *а* послѣ мягкихъ согласныхъ и *j*, какъ неударяемымъ, такъ и ударяемымъ: оно во многихъ случаяхъ ассимилировалось съ предыдущимъ мягкимъ звукомъ и перешло въ *е*.

Псковскiе памятники XIV и XV вв., имѣющiе нерѣдко *а* вмѣсто *е*, имѣютъ также рядъ случаевъ употребленiя *е* вмѣсто *а*, показывающихъ, что *е* вм. *а* въ псковскомъ говорѣ того времени было весьма распространено. Мы читаемъ въ Параклитикѣ 1369 г.: твоѥго хвалениѥ, страшнаго помышлениѥ, из истлѣниѥ, иного прибѣжищ*е*, ѥдинаго законодавьц*е* (род. ед.), провѣщ*е*лъ, мѣдвеную, клятва прибабн*ѣ*я; въ Прологѣ 1383 г.: отъ смѣрениѥ, отъ святилищ*е*, многа исправлениѥ, своя дѣяниѥ (им.-вин. мн.), стариц*ѣ* (им. ед.), въ стькл*ѣ*ници; въ Параклитикѣ 1386 г.: въпиѥше, кровью излиѥною, смер*е*яся, потр*е*сеся; въ Трефолоѣ 1446 г.: из ыстлѣнi*е* 113 об., цвѣте (зв.) не ув*ѣ*дающеи 93 об., доконца*е* (причаст.) 101 об. и др. Приведенные примѣры показываютъ, что псковское *е* изъ *а* слышалось обыкновенно (но не всегда) или въ концѣ словъ, или въ серединѣ словъ при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ. Время, когда закончился въ псковскомъ говорѣ переходъ *а* въ *е*, не можетъ быть нами опредѣлено за неимѣнiемъ псковскихъ памятниковъ ранѣе XIV в.

Старый новгородскiй говоръ, повидимому, также зналъ этотъ

переходъ. Данныя старшихъ новгородскихъ памятниковъ: Минея 1095 г.: въждедая 201, сугражениъ 222; Минея 1097 г.: дивѣщеся 380; Путятина Минея XI в.: болѣщинмъ 98; Стихирарь Академіи Наукъ XII в.: учещую, могли бы указывать на глубокую древность новгородскаго *е* изъ *а*, если бы ихъ можно было считать достовѣрными, т. е. не ошибками и не описками. Данныя новгородскихъ памятниковъ послѣдующаго времени: Трефолой 1260 г.: святого Георгиѥ; Кормчая ок. 1282 г.: освящеѥть 462 об.; Ев. до 1362 г.: Ѥмилиѥна 160; Новгородская лѣтопись: до Днѣпрѣ 197 (сравни. отъ Днѣпря 198, Днѣпрю 158); Ев. XIII—XIV в. Публ. Библ. (F. 17): знамениѥ велика (мн.) 42, имѣя притяжения многа 45; Требникъ гр. Шереметева XIV в.: печаль приѥт мя 87, просвѣщеѥть 98,—въ большинствѣ случаевъ не совпадаютъ съ тѣмъ, что мы находимъ въ современныхъ потомкахъ стараго новгородскаго говора, и также не внушаютъ довѣрія; только притяжения, освящеѥть могутъ передавать особенность живаго языка и указывать на существованіе въ немъ *е* изъ *а*.

Нынѣшніе сѣверно-великорусскіе говоры, знающіе мѣну *ц* и *ч*, почти всѣ знаютъ и послѣдовательное употребленіе *е* изъ *а*, въ слогахъ какъ неударяемыхъ, такъ и ударяемыхъ, почти исключительно при послѣдующемъ мягкомъ согласномъ: петь=пять (но пятой), потерели (но потерялъ), грезь, печель, хозеинъ. Чередованіе *е* и *а* въ однихъ и тѣхъ же корняхъ и словахъ (петь и пятой, потерели и потерялъ) повело въ этихъ говорахъ къ появленію *а* на мѣстѣ *е* (*ѣ*) въ словахъ въ родѣ развя́ртывать, распля́тывать, прясной, помялышко, по преимуществу въ слогѣ съ послѣдующимъ твердымъ согласнымъ.

Нынѣшніе южно-великорусскіе говоры, болѣе или менѣе сильно акающіе, равно какъ и близкіе къ нимъ говоры бѣлорусскіе, знаютъ однородное употребленіе *е* изъ *а*, но не послѣдовательное, а спорадическое, болѣе или менѣе рѣдкое: апе́ть, гле́дя (глядя), руме́ниться, пакае́ніе (=покаяніе) и т. п. Срв. въ зап.-русск. Четьѣ 1489 г.: непреетелю 206; въ зап.-русск. Лютеранскомъ Катихизисѣ 1562 г.: неприетеля 177 об.

Сверхъ великорусскихъ говоровъ, мягкое *е*, или *є*, изъ *а* послѣ мягкихъ согласныхъ и *j* извѣстно въ нѣкоторыхъ западныхъ малорусскихъ говорахъ: галицк. тежко, жель, им. ед. шабле, род. конє

(отсюда кое-гдѣ *і*: *жіль*, *жіти*, *чісто*=жаль, жати, часто; сравни въ Виршахъ Кассіана Саковича, напечатанныхъ въ Кіевѣ въ 1622 г.: молч*ѣ*ня=молчанье). Здѣсь оно является какъ безъ ударенія, такъ и подъ удареніемъ, безразлично въ слогахъ съ послѣдующими мягкими и въ слогахъ съ послѣдующими твердыми согласными. Время появленія этого *е* мы не въ состояніи опредѣлить; всѣ данныя галицко-волынскихъ памятниковъ, начиная съ Добрилова Ев. 1164 г., которыя имѣютъ *е* вмѣсто *а*, не внушаютъ довѣрія.

Ассимиляція гласныхъ. Мы уже упомянули (стр. 87) объ ассимиляціи *е* съ предыдущимъ *а* въ сѣверно-великор. формахъ сравнит. степени крѣпч*ая*, сильн*яя*; она здѣсь произошла несмотря на нахожденіе между ассимилировавшимися гласными *j*. Однородные спорадическіе случаи ассимиляціи гласныхъ двухъ сосѣднихъ слоговъ слова извѣстны въ русскомъ языкѣ издревле. Уже древнѣйшіе русскіе памятники знаютъ ск*ь*рьбь, скьрбь, ск*е*рбь (*е* изъ *ь*), рядомъ съ скърбь (=ц.-слав. скръбь); м*ъ*дъ*лити, м*е*длити, м*ъ*дъльнъ (Юрьевск. Ев. XII в. 2 об.; обще-слав. мъдл-; срв. въ московскихъ грамотахъ XVI—XVII вв. мотчаніе, изъ мъдъчаніе, замедленіе); т*ъ*нъкъ (Святослав. Сборн. 1073 г. 149 об., 150; Учител. Ев. Константина Болгарскаго XII в. 242 об., Житіе Нифонта 1219 г. 43 об. и др.; ц.-слав. тънъкъ, ср.-болг. тенокъ, польск. cienki); з*о*лоба (Святослав. Сборн. 1073 г. 94, 105, 113 и др.), рядомъ съ зълоба, обще-слав. зълоба; т*е*лесе, -и, -а и т. д., т*е*лесьнъ и т. п., при тѣло (ц.-слав. тѣлесе и т. д.); д*е*лесе, -и и т. д., при д*ѣ*ло (ц.-сл. д*ѣ*лесе и т. д.); б*ѣ*сѣда, -овати (Святослав. Сборн. 1076 г., Архангел. Ев. 1092 г., Юрьевск. Ев. XII в., Тріодь Моисея кіевлянина и др.; обще-слав. бе*с*ѣда); гр*а*тань (Лѣствица XII в. Рум. Муз., гал.-волынск. Часословъ XIV в. Публ. Библ.), рядомъ съ гртань, обще-слав. гртань; ч*а*лядь, -инъ Ев. 1393 г. 100 об., Лаврентьевск. сп. лѣт. 53, 48), рядомъ съ челядь.

Галицко-волынскіе памятники XIII—XIV вв. имѣютъ б*а*гать, б*а*гатьство (Указатель ев. чтеній XIII—XIV в. при Галицк. Ев. 1144 г.; Тріодь XIII в. Син. Б. Усп. № 8); срв. современн. малор. б*а*г*а*тий, г*а*р*а*здъ, г*а*р*я*чий при сѣв.-великор. богатый, гораздо, горячій.

Средне-русскіе и западно-русскіе памятники XIV—XVII вв. (особенно московскія грамоты XVI—XVII вв.) имѣютъ т*а*тр*а*ть (между прочимъ въ записи зап.-русск. Сборника 1490 г. Уваров.

№ 613), при тетрать, *Савастьянъ* (между прочимъ въ Прологѣ 1262 г. 97 об., въ надписи 1344 г. на переплетѣ Ев. XIV в. и въ духовной Дмитрія Донского), *Гарасимъ*, *Ганадей*, *Малапья*; срв. современн. отчасти великорусскія, отчасти обще-русскія имена *Савастья́нъ*, *Гара́симъ* и т. п.

Изъ другихъ случаевъ ассимиляціи гласныхъ стоитъ отмѣтить: обще-русск. *сиди́шь*, *сиди́ть* и т. д., при др.-русск. *сѣжю*, *сѣдишь*, *сѣдить* и т. д., ц.-слав. *сѣждѫ*, *сѣдиши*, *сѣдитъ* и т. д., неопр. *сѣдѣти*; изъ формъ, гдѣ послѣ ассимиляціи явилось два *и*, *и* послѣ *с* перешло въ формы 1 л. ед. и 3 л. мн., неопредѣл. накл., причастія и др., такъ что теперь слышится великокор. *сижу́*, *си́дя* (*сидящю* въ Паисіевомъ сборн. к. XIV в., л. 35), малор. *сижу*, *сидіти*;—великор. *тепе́рь*, *тепе́ре*, *тепе́ре-ча*, малор. *тепе́ра*, *тепре́*, бѣлор. *цепе́ръ*, рядомъ съ *топерь*, *топе́ре* и т. д., при ц.-слав. *топрьвое* (двѣ формы ср. р.; Поученія Кирилла Іерусал. XII в.: видить сего *топрьвоѥ* ѥгоже видяаше и прѣжде 27), др.-русск. *топьрьво*, *топерво* (Чудовск. Нов. Завѣтъ 15, Лаврентьевск. сп. лѣт. 119, Ипатск. сп. лѣт. 199, 380 и др.), откуда, по отпаденіи конечнаго *о* и конечнаго *в*, съ одной стороны—*топерьвъ*, *топерь*, *топеревъ*, *топере*, съ другой, послѣ ассимиляціи *о* съ *е*,—*теперьво*, *теперь* и т. д.;—обще-русск. *цолова́ти*, откуда современн. сѣверно-великор. *цолова́ть*, *цюлова́ть*, *цолую* и т. д., малор. *цюлува́ти*, рядомъ съ *цілувати*, при ц.-слав. и др.-русск. *цѣловати*; формы съ *о* появляются въ памятникахъ XIV в. (полоцкая грамота 1399 г.) и обычны въ грамотахъ XVI в. (грамота 1547 г.: *цолую*, *-ешь*, *-овавъ*, *цоловалники*; грамота 1568 г.: *цолованью*; Акты Юридич. 51, 294);—великор. *ребёнокъ*, рядомъ съ *робёнокъ*, при др.-русск. *робъ*, *роба*, *робенъкъ*; срв. старо-польск. *robionek* (Шарошпатацк. Библія 150).

Ассимиляція гласныхъ, о которой здѣсь идетъ рѣчь, состоитъ въ томъ, что при нахожденіи въ двухъ сосѣднихъ слогахъ сло́ва болѣе или менѣе близкихъ другъ къ другу гласныхъ, одинъ изъ этихъ гласныхъ отожествляется съ другимъ. Обыкновенно болѣе сильнымъ гласнымъ является второй; повидимому, всегда болѣе слабый гласный бываетъ безъ ударенія.

Отпаденіе и выпаденіе чистыхъ гласныхъ. Кромѣ глухихъ *ъ* и *ь*, ослабли и потомъ исчезли изъ произношенія также другіе гласные, неударяемые.

Изъ *начальныхъ* гласныхъ подвергся послѣдовательному отпаденію въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ неударяемый звукъ *и*, какого бы происхожденія онъ ни былъ, по преимуществу передъ одиночными согласными или легкими для произношенія группами согласныхъ. Несомнѣнно, сначала *и* составляющее слогъ перешло въ *и* не составляющее слога, а потомъ исчезло (срв. ниже переходъ *у* составляющаго слогъ въ *у* не составляющее слога). Юго-западно-русскія и западно-русскія грамоты XIV и XV вв. уже часто имѣютъ *мѣти* вмѣсто *и*мѣти, *мати* вмѣсто *и*мати, *меновати* вм. *и*меновати и *зъ*, *съ* (*зо*, *со*) вмѣсто *изъ* (*изо*): грамота Свидригайла 1422 г.: служити мѣетъ; грамота Свидригайла 1472 г.: верху менованая мѣста, и т. п. Сверхъ того, можно указать на не *мамъ* царя, пия крови мъю (ъ=о) мать живъта, мьзды не мате, вѣру мѣте мнѣ въ Галицкомъ Ев. 1283 г. 111 об., 10, 61 об., 24; на нѣ мате= не *и*мате въ галицко-волынскомъ Бучацкомъ Ев. XIII в. 50 об., и на незмѣньному въ зап.-русской (вѣроятно) Псалтыри 1296 г. 108 об. Современные малорусскіе говоры имѣютъ *мати*, *ма́ю*, *ма́ешъ* и т. п. вмѣсто *и*мати, *и*ма́ю, *грати* вмѣсто *и*грати, *ськати* (искать въ головѣ) вмѣсто *и*скати, *голка* вмѣсто *и*голка, *наче* вмѣсто *и*наче и др.; сверхъ того, въ нѣсколькихъ словахъ мы находимъ слѣдъ отпавшаго начальнаго *и* въ *j*: мати *й* синъ (при *и*: отець *и* синъ). Бѣлорусскіе говоры знаютъ отпаденіе начальнаго *и* въ общемъ въ тѣхъ же словахъ, въ какихъ и малорусскіе говоры; великорусскимъ говорамъ, за исключеніемъ немногихъ смежныхъ съ бѣлорусскими, переходныхъ, это явленіе чуждо.

Такъ какъ предлогъ-префиксъ *изъ* въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ сталъ употребляться въ однихъ случаяхъ безъ *и*, въ другихъ съ *и* и часто звучать одинаково съ предлогомъ-префиксомъ *съ*, то произошло полное смѣшеніе *изъ* и *съ*, т. е. употребленіе *изъ*, *зъ* (*зо*) съ значеніемъ *съ*. Мы находимъ въ Галицкомъ Ев. 1283 г.: другъ къ другу *и*стязашася 121; въ Луцкомъ Ев. XIV в.: *и*́створи, *ис* нимь, не *ис*ъблажнитеся; въ грамотѣ литовскихъ князей 1350 г.: тягатися *ис* королемь, поити *ис* татары; въ галицкой грамотѣ 1371 г.: божіемъ *и*створѣньемъ, торговля *и*сталася; въ грамотѣ Витовта 1383 г.: *з* лѣсомъ, *з* лугами; современн. малорусск. *і*съ тобою, *і*зняти (=сняти) и т. п. Должно замѣтить, что въ галицкихъ грамотахъ XIV в. еще обычно древнее *съ* (*со*); такъ, въ грамотѣ 1366 г.: *со* всѣмъ, *с* колодяземь, *с* мѣстичи.

Изъ другихъ гласныхъ отпали: начальное *е* (*je*) или *о* въ великор. *рябъ*, *рябчикъ*, *рябина* и т. п., при малорусск. (галицк.) *орябокъ* (срв. ц.-слав. ѥрѧбь, польск. jarzębina и др.) и въ малор. *ще*, при др.-русск. ѥще, *още*; начальное *о* въ великор. *ружье́* при др.-русск. *оружьѥ* (еще у Кантемира и В. Майкова *ружье* употребляется въ значеніи оружіе вообще; печатн. Книга о ратномъ строеніи 1647 г.: ружье; московск. грамота 1676 г.: бердыши или иное какое ружье, Доп. къ Акт. Ист. VII, 71); начальное *у* въ *серязь*, *серьги*, при др.-русск. *у*серязь (Скорина: выпялъ есмь серязи, Бытіе, 42; печатн. Лютеранскій Катихизисъ 1562 г.: по златой серазе 92; духовныя московск. вел. князей XIV в.: серьга).

Къ числу случаевъ отпаденія *конечныхъ* чистыхъ гласныхъ прежде всего нужно отнести отпаденіе *ѣ*, или, точнѣе, *е* образовавшагося изъ *ѣ*, въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ формахъ род. пад. ед. именъ прилагательныхъ и мѣстоименій женск. рода, т. е. въ формахъ въ родѣ доброѣ (собственно: добро*jѣ*), синеѣ, тоѣ, вашеѣ. Его результатомъ было образованіе формъ съ *j* на концѣ: доброј, синеј, тој, вашеј, которыя употребляются нами теперь; впрочемъ, формы на *ѣ* еще сохранились до настоящаго времени, особенно въ языкѣ пѣсенъ. Когда сталъ исчезать въ нихъ конечный *ѣ*, сказать трудно, такъ какъ въ старыхъ памятникахъ *j* передавался буквою *и*, и нѣтъ возможности опредѣлить, гдѣ *и*=*и* и гдѣ *и*=*j*. Старшій памятникъ, намъ извѣстный, гдѣ мы можемъ указать отсутствіе *ѣ*,—новгородское Евангеліе до 1362 г.: радости ваш*е* никто же възметь 125; здѣсь писецъ не сумѣлъ передать на письмѣ *j* и не означилъ его никакою буквою; новгородская грамота 1392 г.: купцовъ *се* сторонѣ поморья (рядомъ: безо всяко*и* хитрости); полоцкая грамота 1465 г.: ваш*е* милости слуга. Малорусскіе говоры сохранили здѣсь *і*, *е*=*ѣ*: добро*і*, добро*е*. Кромѣ формъ род. п., мы не находимъ конечнаго *ѣ* въ частицѣ *вѣдь*, нѣкогда бывшей формою 1-го л. ед. перфекта вѣдѣ: Лаврентьевскій сп. лѣт.: то вѣд*ѣ* яла вы рота 269. Эта форма употребляется въ значеніи *вѣдь* также въ церк.-славянской Супрасльской рукописи; срв. старо-чешск. vědě=enim (Виттембергская Псалтырь XIV в.: cso vědě mně=quid enim); съ остаткомъ древняго значенія *вѣдь* является въ современномъ не́ *вѣдь* какой. Равнымъ образомъ отпалъ конечный *ѣ*—далеко не всегда—въ нарѣчіяхъ докол*ѣ*, отколѣ, досел*ѣ* и т. п., сквоз*ѣ*; первое изъ нихъ безъ *ѣ* находится уже въ Новгородской лѣтописи: доколь 142.

Формы творит. п. ед. словъ женскаго рода и личныхъ и возвратнаго мѣстоименій во многихъ случаяхъ въ великорусскихъ говорахъ утратили конечное *у*, сохранивъ бывшій передъ нимъ *j*: жено*й*, добро*й*, изъ жено*ю*, добро*ю*. Случаи, гдѣ отсутствуетъ это *у*, встрѣчены нами въ Житіи Нифонта 1219 г.: молитв*о* и постъмь 66 об.; въ Апостолѣ 1220 г.: Христовою сил*о* вѣща 41 об.; въ Ев. XIII в. Публ. Библ. (F. I. п. 9): со мн*о* ѥсте 11; въ Прологѣ 1356 г: онъ же третиц*е* пославъ бѣсы 32; въ Лаврент. сп. лѣт.: хочю имѣти миръ с тоб*о* твердъ 70; въ Прологѣ Син. Библ. XIV в. № 247: постомь и молитв*о* милостынею смѣреньемь 34; въ Паремейникѣ 1378 г.: приятъ милоть свою и удари ѥ въ воду 7 об. (срв.: простре Моисѣ руку 6); въ новгородской грамотѣ 1392 г.: за олексѣево*и* пецатью; въ Служебникѣ препод. Сергія к. XIV в.: молитва надъ кутье*и* 49 об.; въ двинской рядной XIV—XV в.: дворяниномъ Матуто*и* Мартынкомъ; въ коломенской Палеѣ 1406 г.: узою то*и* держаться 5, съ Захарье*и* 11; въ сѣв.-великорусск. сборн. Погодинскомъ нач. XV в. № 872: намерзоша телеса ихъ зимо*и* 189; въ Прологѣ 1432 г.: съ озарьин*о* чадью 151. Въ первыхъ и въ послѣднемъ примѣрахъ писцы не сумѣли изобразить *j*, оставшагося въ концѣ словъ по исчезновеніи *у*; въ остальныхъ примѣрахъ писцы передали *j*, по обычаю, черезъ *и*. Отпаденіе конечнаго *у* имѣло также мѣсто въ двухъ нарѣчіяхъ: домо*ю*, доло*ю*, образовавшихся въ великорусскихъ говорахъ изъ древнихъ дом*овъ* (новгородская грам. 1189—1199 г. по сп. XIII в., смоленскій договоръ ок. 1230 г., новгородскій Прологъ 1262 г., Новгородская лѣт.), дол*овъ* (срв. малорусск. дом*івъ*, дол*івъ*, чешск. dom*ův*, dol*ův*) по образцу формъ творит. ед. и еще сохраняющихся въ живомъ употребленіи; литературный языкъ знаетъ лишь формы безъ *у*: домо*й*, доло*й*, появившіяся относительно поздно (грамота 1666 г.: домо*и*, рядомъ съ домо*въ*, Акты Юрид. 319). Кромѣ формъ твор. ед. и нарѣчій, отпаденіе *у* мы наблюдаемъ въ *нѣ ту*=нѣсть ту; оно произошло не позже XIV в.: Лаврентьевскій списокъ лѣтописи: наряда въ неи нѣтъ; договоръ Димитрія Донскаго съ Ольгердомъ 1372 г.: мира нѣтъ, воины нѣтъ; грамота кн. Андрея Полоцкаго до 1399 г.: нѣтъ. То же мы видимъ въ великорусскихъ формахъ 1-го л. ед. наст. вр. ча*ю* (у Хемницера: я ча*ю*, всякій знаетъ), благодарству*ю*, пожалу*ю*, которыя обыкновенно произносится ча*й* (у Крылова, гр. А. Тол-

стого и др.: я чай), благодарствуй, пожалуй («пожалуй, я это тебѣ сдѣлаю»; но пожалуй-ста—2 л. повелит. накл.), и въ малорусской формѣ дат. ед. чому въ тѣхъ случаяхъ, когда эта форма употребляется какъ нарѣчіе, въ значеніи зачѣмъ; сравни съ малорусск. чомъ древне-русское чему, напримѣръ, въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣт.: *чему* ты не казаше сыновъ своихъ 269.

Отпаденіе конечнаго *е* мы видимъ часто въ формахъ сравнительной степени въ родѣ скорѣ*й*, сильнѣ*й* изъ скорѣ*je* и т. д. и въ близкомъ къ нимъ нарѣчіи развѣ*й* изъ развѣ*je*. Оно восходитъ къ XIV в. Ев. 1339 г.: не имамъ сдѣ вящи*и* 5 хлѣбъ 96; грамота литовскихъ князей 1350 г.: не усхочеть миру далѣ*и* держати; Ев. 1354 года: отраднѣ*и* будеть земли содомьстѣи неже граду тому 37 об., разви*и* женъ 53 об., развѣ*и* словеси 63; Ев. 1355 г.: земли содомьстѣи легъча*и* будеть неже тобѣ 34; Ев. 1358 г.: Туру и Сидону легча*и* будеть 41, церкве болѣ*и* ѥсть сдѣ 42, добрѣ*и* бо ти ѥсть 55, да первѣ*и* насытяться чада 79, что ѥсть удобѣ*и* рещи 88 об., вдовица множа*и* всѣхъ въверже 132, ученикъ грече скорѣ*и* Петра 219 и др. Буква *и* здѣсь означаетъ, безъ сомнѣнія, *j*. Малорусскіе говоры имѣютъ опущеніе *е* въ формахъ сравнит. ст. въ родѣ більшъ, бульшъ, дальшъ, скорішъ=великор. больш*е*, дальш*е*, скорѣйш*е*. Кромѣ указанныхъ формъ, конечное *е* отсутствуетъ теперь или всегда, или обыкновенно въ великор. лишь=др.-русск. лиш*е* (лиш*е* по пятидесятъ золотникъ Лаврент. сп. лѣт. 48, Ипатск. сп. лѣт. 30), авось=др.-русск. а вос*е* (Ипатскій сп. лѣт.: Изяславу ос*е* его Володимирь готовъ 270; грамота ок. 1454 г.: а вос*е* приставъ твои; Мейчикъ, 193), здѣсь=др.-русск. сьдѣс*е* (грамота ок. 1461 г.: имешь жити здѣс*е*, Акты Археогр. Эксп. I, 51), ужъ=уж*е*, въ обще-русск. жъ=ж*е*. По памятникамъ, отпаденіе здѣсь *е* относится къ XIII в.: договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г.: а*ж* бы (нѣсколько разъ); духовная новгородца Климента XIII в.: было *ж* бы ми чимъ заплатити; грамота литовскихъ князей 1350 г.: держати исполна *жь*, тую *жь* правду; Прологъ 1356 г.: бѣ бо ужь преставилься 7; Ев. до 1362 г.: ѥльма *ж* другъ ми приде 70. Нарѣчіе прочь, вѣроятно, во многихъ случаяхъ (но не всегда: малорусск. пріч, пол. oprócz изъ древняго прочь) образовалась изъ проче: грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: пошли прочь, договоръ Полоцка съ Ригою ок. 1330 г.: отступи прочь, Новгородская лѣтопись: прочь 195, 209,

224, 230, рядомъ съ проче 239, 244, 261, 264, 319. Форма 3 л. ед. *дѣѥ* сначала утратила *е* и превратилась въ *дѣй*, а потомъ потеряла и *j*: *дѣ*, *де* (очень часто въ московскихъ документахъ XVII в.). Наконецъ должно отмѣтить малорусскія формы 2 л. мн. повелит. н. въ родѣ іdітѣ = идѣте. Данныя галицко-волынскихъ памятниковъ XII—XIII вв.: въ путь не идѣть и въ градъ не въходите, отъ смокве научиться притъчи, Добрил. Ев. 1164 г. 249, 202, и т. п., не внушаютъ довѣрія (въ нихъ встрѣчается употребленіе ъ въ значеніи *о*, ь въ значеніи *е*); Памва Берында въ своемъ Лексиконѣ даетъ носѣть, любѣть. Мягкость въ этихъ формахъ *т* говоритъ за значительную древность отпаденія ихъ *е*.

Отпаденіе конечнаго *а*, обще-русское, мы видимъ въ мѣстоименномъ элементѣ *ся* въ возвратныхъ формахъ глаголовъ: найтись, сдѣлалось, удалось и т. п. Исчезновеніе здѣсь конечнаго гласнаго восходитъ къ XIV в.: новгородская грамота 1373 г.: учинилось, договоръ Риги съ Полоцкомъ 1405 г.: надеючесь. Стоитъ отмѣтить еще великор. хоть изъ хотя и покáмѣстъ изъ по ка мѣст*а* (вин. мн.), малор. зась прочь (древн. за ся; Радзивиловскій списокъ лѣт.: идите за *ся*=Лаврент. сп. лѣт.: опять 83).

Конечное *о* всегда или часто потеряно рядомъ нарѣчій и частицъ: тутъ (древн. и соврем. тут*о*), вотъ (древн. вот*о*, от*о*, малор. от*о*), вонъ (древн. вон*о*, он*о*), какъ, такъ (древн. как*о*, так*о*), тамъ (древн. и соврем. там*о*), камъ, сѣмъ (древн. кам*о*, сѣм*о*), которыя встрѣчаются безъ *о* въ памятникахъ XIV вѣка: договоръ Полоцка съ Ригою ок. 1330 г.: какъ вѣрхъ, тако исподъ; грамота литовскихъ князей 1350 г.: где смолвять, тутъ будеть судъ; Прологъ 1356 г.: створи же такъ ѥпископъ 11 об., какъ ѥси дѣлъ 67 об.; Лаврентьевскій сп. лѣт.: такъ буди 76; Ипатск. сп. лѣт.: позрѣвъ семь и сѣмъ 512.

Конечныя *и* и *ы* иногда утрачены въ энклитической частицѣ *ли*: двинская рядная XIV—XV вв.: виноваты ль ѥсте; Луцкое Ев. XIV в.: ты ль ѥси; Четья 1489 г.: видите ль, вѣруете ль, во мнѣ ль; въ *бы*: печатн. зап.-русск. Ев. Тяпинскаго XVI в.: есьли не были бъ укорочены; и въ нарѣчіи (изъ вин. дв.) обáпол*ы*: Житіе Нифонта 1219 г.: дьржаше копиѥ обаполъ ѥго 69; холмская вкладная 1376 г.: обаполъ Бугу; Лаврентьевскій сп. л. (срв. старо-чешск. obapol въ Святовитскомъ сборникѣ 24). Сверхъ того, конечное *и* могло отпадать въ формахъ дат. ед. личныхъ мѣстоименій *ми* и *ти*: Паремей-

никъ XIII в. Тип. Биб. № 157, списанный съ галицко-волынскаго оригинала: сътвори *мь* ядь 61 об.; Луцкое Ев. XIV в.: приведите *мь* и сѣмо, аще не бы *ть* дано; Ипатскій сп. лѣт.: абы *мь* далъ Богъ, абы мь вѣдомо было, абы мь не зрѣти, досадила *мь* погань, земля *ть* опасена, отъ брата *ть* ото Льва, ци мала *ть* своя земля 591, 611, 613, 592, 573, 600, 601; Скорина: мало ли *ть* еще Быт. 54 об. Кажется, формы *мь*, *ть* извѣстны только въ галицко-волынскихъ и западно-русскихъ памятникахъ; съ теченіемъ времени они или вышли изъ употребленія, или, можетъ быть, вошли въ составъ сложныхъ частицъ. Во всякомъ случаѣ въ составѣ великорусскихъ нѣту*ть* (Русская Правда по сп. ок. 1282 г.), при нѣтут*и*, тут*о*тка (Ипатск. сп. лѣт.: туто*ть* ю дати 595) можно видѣть потомство формы *ть*. Современныя великорусскія мать, дочь, пустынь образовались изъ древнихъ мат*и*, доч*и*, пустын*и* подъ вліяніемъ словъ женск. р. на ъ: кость, ночь и т. п.

Отпаденіе конечнаго *и*, повидимому, имѣло мѣсто также въ сѣверно-великорусскихъ формахъ творит. п. мн. на *ми*: новгородск. Милятино Ев. XII в.: грѣшьникы пріемлеть и съ нимь ѣсть 26; новгородск. Служебникъ XIV в. Рум. Муз. № 399: со всими боящимися тебе и хранящимъ заповѣди твоя 33 об.; сѣверно-русскій Сборникъ Погодина нач. XV в. № 872: обрѣтоста съ нимъ (съ мучениками) стража 191. Современные говоры сѣверно-великорусскіе (почти всѣ) и бѣлорусскіе (нѣкоторые) знаютъ формы твор. п. мн. на *мъ* какъ нѣчто обычное: дѣлать рукамъ, говорить съ вамъ и т. п.

Выпаденіе гласныхъ *въ серединѣ словъ*, болѣе или менѣе общее всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, очень рѣдко и можетъ быть указано прежде всего въ словѣ *десять*, которое въ сложеніи съ другими числительными и при потерѣ ударенія, очень рано начинаетъ появляться въ сокращенномъ видѣ: *дьсять*, откуда *тцять*, *тцать*. Мы находимъ его безъ *е*, между прочимъ, въ новгородскомъ Ев. 1270 г.: ѥдиного надьсять, ѥдиного надьсяте (нѣсколько разъ); въ новгородскомъ же Паремейникѣ 1271 г.: дванадьсять 62 об.; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: въ трьтьѥі надцять главѣ 40 об., штнадьцять или семинадьцять 177 об.; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: тринадьсять; въ договорѣ Новгорода съ тверскимъ княземъ 1314 г.: полу трьтиядчати; въ Новгородской лѣтописи: полъ пятадьсятъ 96; въ галицко-волынской Тріоди XIII в. Синод. Б. Усп. № 8: обана-

дьсять 116, 143 об., тридьсять 130 об.,—ти 138; въ галицко-волынскомъ же Бучацкомъ Ев. XIII в.: дьванадьсяте 2 об., 12 об., два— 32, 32 об., 45 об., 57 об., 67 об., осмьнадьсяте 49 об., 59, осмоѥ— 59 об. и др.; въ галицко-волынскомъ же Путенскомъ Ев. XIV в.: обѣманадьсять 22, 57, 66. Въ настоящее время это числительное безъ ударенія звучитъ во всемъ русскомъ языкѣ *тцять*, *тцать*. Затѣмъ можно считать обще-русскимъ выпаденіе гласныхъ въ словѣ *четырнадцать*, изъ четыр*е*- или четыр*и*-, и въ древне-русскихъ сложныхъ собственныхъ именахъ. Мы находимъ: Святъславъ въ Новгородской лѣт. XIV в. 287, 288 (при Свят*о*-), въ Мусинъ-Пушкинскомъ сборникѣ 1404 г. 31, въ Словѣ о полку игор.; въ грамотѣ 1386 г. князь смоленскій Юрій называетъ себя: Святъславичь; Рославъ, изъ Ростьславъ, Рост*и*славъ, въ дополненіи къ Новгородск. лѣт. XIV в. (подъ 1402 г.); срв. соврем. названіе города Рославль (=древн. Рост*и*славль); Выславьское (село) изъ Вышесл- въ духовной в. кн. Ивана Ив.; и т. п. Затѣмъ можно считать древнимъ выпаденіе *о* въ древне-русскомъ названіи города Полоцка: Полтескъ, при Пол*о*тескъ (между прочимъ въ Лаврентьевск. сп. лѣт. **239**). Великорусскіе говоры болѣе или менѣе часто опускаютъ гласные въ ны́нче, по́нче при древнемъ нын*ѣ*ча (Паремейникъ XII—XIII в. Типогр. Библ. № 157, л. 57), современныхъ нон*е*ча, нонь, нынь; жерло́ при древнемъ жер*е*ло (Прологъ 1262 г., Прологъ 1356 г., Лаврентьевскій сп. лѣт., Ев. Тяпинскаго XVI в.), ц.-слав. *жрѣло*; скорлупа́ при древнемъ скор*о*лупа (Сборникъ XIV в. Общ. ист. и др. 75, 83), ц.-сл. ск*ра*лупа; горноста́й (Ипатскій сп. л. 346) изъ гор*о*ностай, срв. ст.-чешск. h*ra*nostaj, ст.-пол. g*ro*nostaj.

Выпаденіе гласныхъ въ серединѣ формъ можно отмѣтить въ только бѣлорусскихъ формахъ род. и дат. ед. мо*й*го, мо*й*му и т. п., изъ мо*е*го, мо*е*му.

Великорусскіе говоры вообще склонны къ опущенію въ серединѣ словъ неударяемыхъ гласныхъ. Въ южно-великорусскихъ говорахъ въ словахъ въ три и болѣе слога вполнѣ легко опускается гласный во второмъ слогѣ передъ ударяемымъ или послѣ ударяемаго и въ слогѣ слѣдующемъ за ударяемымъ: гвори́ть, млоде́цъ, понмаря́ (род.), вертено́, пердава́ть, Хрито́нъ, изъ Хар-, и́сподволь, ко́лколъ, хо́тца (=хочется), ба́чка (=батюшка) и т. п. (В. Майковъ: перрядить, Соч. 314, вы́крабкался 212). Мы всегда или часто

употребляемъ: стойло изъ стóяло (срв. польск. stadło съ *а* изъ *oja*), тыщóнка (при тыща изъ тысяча), сутолка, притолка (при сутолока); фамиліи Кармалинъ изъ Коромолинъ, Карташовъ (Корташь, прозвище, въ грамотѣ 1631 г. Акты Юр. 181) изъ Короташовъ, и т. п. Нѣкоторые сѣверно-великорусскіе говоры также имѣютъ выпаденіе гласныхъ: веретнó изъ веретенó, вúдла изъ видѣла.

Слово заяцъ во всемъ русскомъ языкѣ измѣнилось въ заецъ (по образцу боецъ, пропоецъ и т. п.; Кирилло-бѣлозерскій Сборникъ Спб. Дух. Ак. ок. 1492 г.: заецъ 488) и стало склоняться какъ большая часть словъ на *ецъ*: зайца и т. д. Это склоненіе существовало уже въ XVI в.: прибавленіе къ Домострою XVI в.: заицы 144, 146; Житіе преп. Сергія, написанное Пахоміемъ, въ сп. XVII в. (изд. Общ. др. письм.): заици 79. Впрочемъ гласный могъ здѣсь сохраняться до сравнительно поздняго времени: въ припискѣ къ Волоколамскому Часослову XVI в. № 81 (Моск. Дух. Ак.): Игнатія Заецева; у протопопа Аввакума: заяцовъ (VIII, 38); у Сумарокова: и много заяцовъ весьма по тѣмъ мѣстамъ (басня «Совѣтъ боярскій»). Малорусскіе говоры еще сохраняютъ формы: заець, заеця и т. д.

Кстати замѣтимъ, что древне-русское, весьма обычное въ памятникахъ ръку, ръчеши (уже въ Архангельскомъ Ев. 1092 г. 10 об., 54), ръка (причаст.), откуда рку, рка и т. п., не имѣетъ ничего общаго съ только что указанными случаями выпаденія гласныхъ. Въ этомъ глаголѣ образованіе *ъ* относится къ древнѣйшей, обще-славянской эпохѣ; чешскій языкъ имѣетъ řku, řka и т. п., ст.-польскій—rzkąc, rzkomy; въ средне-болгарскомъ Карпинскомъ Ев. XIII в.: ръче 54 об.—То же можно сказать о предлогѣ *для*, который, вѣроятно, родственъ съ предлогомъ *дѣля*, но восходитъ къ обще-слав. дъля; срв. польск. dla.

Стяженіе гласныхъ. Древнѣйшіе случаи стяженія относятся къ до-исторической эпохѣ. Мы не знаемъ въ памятникахъ ни одной формы имперфекта въ родѣ дѣлаахъ, которую бы можно было считать принадлежащей древне-русскому языку, и всегда находимъ только дѣлахъ, со стяженіемъ *аја* въ *а*. Точно также очень рано мы встрѣчаемъ формы имперфекта въ родѣ имяхъ, со стяженіемъ, рядомъ съ имѣяхъ, безъ стяженія.—По всей вѣроятности, стяженіе *ыи*, *ии* въ формахъ членныхъ прилагательныхъ началось въ глубокой древности (почитающихъ—въ записи Остромир. Ев.). Современ-

ныя бѣлорусскія формы им. ед. муж. р. до́бр*ы*, худ*ы́*, 2 л. повелит накл. *би* (=бей), *би́*те (=бейте) должны были получить стяженіе *ыи*, *ии* въ *ы*, *и* еще тогда, когда всякое *и* было еще гласнымъ, не исчезало. Обще-русскія формы твор. ед. до́бр*ы*мъ и т. п., со стяженіемъ, обычны въ памятникахъ съ болѣе или менѣе чистымъ русскимъ языкомъ, начиная съ старшаго—съ смоленскаго договора 1229 г. Они теперь господствуютъ въ русскихъ говорахъ. Но рядомъ съ ними въ памятникахъ встрѣчаются и формы безъ стяженія; такъ, въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт., при огромномъ большинствѣ первыхъ формъ, имѣются и вторыя: священ*ыи*мъ (тв.) 437. Современные сѣверно-великорусскіе говоры имѣютъ формы безъ стяженія довольно часто: до́бр*ыи*мъ и т. п.; современные южно-великорусскіе говоры уже не знаютъ формъ безъ стяженія въ разговорномъ языкѣ, но еще сохраняютъ ихъ въ языкѣ пѣсенъ.—Обще-русскія формы глаголовъ в*ы*му (неопред. н. выняти), в*ы*маю и т. п., со стяженіемъ, находятся въ памятникахъ съ XIV в. (въ духовной Дмитрія Донскаго: в*ы*муться, в*ы*малъ). Они обычны въ говорахъ (при в*ыни*маю и т. п.).—Изъ отдѣльныхъ словъ очень древнее стяженіе имѣетъ нарѣчіе *вънезапу* съ производными. Церковнославянскій языкъ имѣетъ это слово въ видѣ вънез*аа*пж, вънез*аа*пж; древне-русскіе памятники съ сколько-нибудь обрусѣвшимъ языкомъ (кромѣ нотныхъ книгъ) знаютъ только вънез*а*пу и т. п.; между прочимъ Ипатскій сп. лѣт.: изнезапы 360.

Изъ болѣе позднихъ случаевъ прежде всего слѣдуетъ отмѣтить формы род. и дат. ед. притяжательныхъ мѣстоименій м*о*го́, м*о*во, м*о*му́, со стяженіемъ, распространенныя въ великорусскихъ и малорусскихъ говорахъ (часто рядомъ съ м*ое*го́ и т. д., безъ стяженія); ими пользовался Кантемиръ (Соч. I, 121); въ древнихъ памятникахъ они неизвѣстны (Псалтырь XIV в. Рум. Муз. № 327: чаяхъ спасения твого, едва ли не описка). Затѣмъ можно указать на сѣверно-великорусскія глагольныя формы въ родѣ игр*а*ть = игр*ае*ть, игр*а*мъ = игр*ае*мъ. Древность стяженія здѣсь гласныхъ подлежитъ сомнѣнію; по крайней мѣрѣ относящіяся сюда извѣстныя намъ данныя памятниковъ (Рязанская Кормчая 1284 г.: подоб*а*ть 50; Ев. 1357 г.: иже на кровѣхъ да не слез*а*ть възятъ же еже есть въ храминѣ 123 об.; Ев. 1358 г.: моляше и фарисѣи да обѣд*а*ть у него 102; Лаврентьевск. сп. лѣт.: послуш*а*мъ 181, 1 л. мн.) ка-

жутся намъ не заслуживающими довѣрія, описками. Наконецъ къ числу случаевъ стяженія гласныхъ слѣдуетъ, кажется, отнести 1) южно-великорусскія (калужск., орловск., курск.) и бѣлорусскія формы род.-дат.-мѣстн. ед. женск. р. тэй (=той), однэ́й (=одной), твор. тэ́ю, однэ́ю и т. п., худэ́й, слѣпэ́й, яке́й, худэ́ю и т. д., въ основаніи которыхъ легли сравнительно позднія формы *тое́й*, *одное́й* и т. п. (объ нихъ см. ниже), и 2) малорусскія формы им.-вин. ед. средн. р. *те*, *худе́* и т. п., изъ *тое́*, *худое́* и рядомъ съ *тое́*, *худо́е*, откуда подъ вліяніемъ нестяженныхъ формъ произошли малор. *тее*, *худе́е*; срв. сѣв.-малор. *мей*=моеи (дат.-мѣстн. ед.) и т. п.

Изъ отдѣльныхъ словъ стяженіе гласныхъ наблюдается въ великорусскихъ отчествахъ женск. р. въ родѣ Андре́вна, Никола́вна, изъ Андре́евна, Никола́евна, и т. п., въ великор. *ба́ринъ* изъ *боя́ринъ* (рядомъ съ великор. *боярышникъ*), сѣв.-великор. *чать* (между прочимъ у Ломоносова), *чалъ* изъ *ча́ять*, *ча́ялъ*.

Измѣненія гласныхъ при вліяніи однихъ формъ и словъ на другія—въ русскомъ языкѣ издревле обычны. О нѣкоторыхъ изъ нихъ намъ уже пришлось упомянуть; теперь укажемъ на слѣдующія.

Въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ мѣстоименіе *онъ* часто звучитъ *ёнъ*, *ёна*, *ена́*, *яна́*, множ. ч.—*ёны́*, *ены́*, *енѣ́*, *яны*, *янѣ*; срв. въ звенигородской грамотѣ до 1491 г.: а *енъ* не искалъ, Акты Юр. 13. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ на форму *онъ* формъ косвенныхъ падежей: *ёму*, *ему*, *яму*, *ее́*, *яе́* и т. д.

Мѣстоименный элементъ *ся* въ великорусскихъ глаголахъ часто звучитъ *си*: сажу*си*, сади*си*, попал*си*. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ однихъ глаголовъ съ возвратнымъ мѣстоименіемъ на другіе. Нѣкоторые глаголы, сочинявшіеся съ дательн. пад., нѣкогда имѣли при себѣ форму дат. п. мѣстоименія *си*: жалити *си*, съжалити *си*, сътужати *си* Жит. Саввы Осв. XIII в., судити *си* Галицкое Ев. 1144 г., Юрьевское Ев., препинати *си*, прѣтъкнути *си* Лѣствица XII в. (Рум. Муз. № 198) 129, годити *си* Патерикъ Синайскій XII в. 45, угаждати *си* Пандекты 1296 г. 43, съгрустити *си* Амартолъ XIV в. 67, сотснути *си* Лаврентьевск. сп. лѣт. 282 (но: съжалиша*ся* Жит. Ѳеод. Печ. XII в. 41 об., съжали*ся* Ев. 1339 г. 67, съжаляшеть*ся* Новгородская лѣт. 227). Вліяніе ихъ послужило причиною того, что *си* замѣнило собою *ся* и въ рядѣ

другихъ глаголовъ, сочинявшихся издревле съ винит. пад., напримѣръ, въ възвратитися: възвратиси Лаврент. сп. лѣт. 328.

Малорусскія формы прош. врем. и неопредѣл. накл. имѣютъ звукъ *у* на мѣстѣ великорусскаго *ы*: б*у*въ, б*у*ла́, б*у*ли, б*у*́ти, заб*у*въ, заб*у*ла и т. п. Въ старшихъ памятникахъ малорусскаго парѣчія подобныхъ формъ не встрѣчается, и только въ Луцкомъ Ев. и въ Ев. Верковича XIV в. мы находимъ причастіе заб*у*венъ (=забъвенъ), показывающее, что формы б*у*лъ и др. въ то время могли уже существовать. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ формъ будущ. врем., имѣющихъ *у*: б*у*ду, б*у*демъ и т. д., на формы съ *ы*.

Древне-русскіе памятники (гал.-волынск. Ев. 1283 г., Лаврентьевск. сп. лѣт. 112, 113, и др.) изрѣдка имѣютъ *Я*русалимъ вмѣсто *Иѥ*русалимъ, *Е*русалимъ; въ новгородскихъ Писцовыхъ книгахъ 1495 г. мы читаемъ: *Я*рофѣйко (II, 716); въ сѣверно-русскихъ грамотахъ XVI—XVII вв. обычно: *Я*рофей, *Я*рофій и т. п. (Акты Юр. 445, 336; Доп. къ Акт. Ист. II, 94; IV, 261; X, 20 и др.) вмѣсто *Е*рофей; въ южно-русскихъ документахъ XVI—XVII вв.: *Я*рмола (Арх. Ю.-Зап. Р. VII, 1, 591; VII, 2, 143, и др.) вмѣсто *Е*рмола, *Я*химъ (Арх. V, 1, 140, и др.) вм. *Е*вхимъ, *Е*вфимъ. Современные сѣверно-великорусскіе говоры имѣютъ *Я*рофей, *Я*рофій; въ современныхъ малорусскихъ говорахъ слышатся *Я*рмо́ла, *Я*ре́ма, *Я*вдоха (Евдокія), *Я*втухъ (Евтихій) и т. п. Здѣсь передъ нами слѣдствіе вліянія русскихъ словъ съ корнями *яр*, *яв* на заимствованныя слова съ начальными *ер*-, *ев*-.

III ~~VII~~. Исторія согласныхъ звуковъ. (44 sp.)

Слѣдствія исчезновенія глухихъ. Исчезновеніе глухихъ гласныхъ въ серединѣ и концѣ словъ повело къ цѣлому ряду измѣненій въ области русскаго консонантизма. Значительное количество согласныхъ, прежде отдѣленныхъ другъ отъ друга глухими, по исчезновеніи этихъ послѣднихъ очутились рядомъ и должны были подвергнуться ассимиляціи, диссимиляціи, отвердѣнію и т. п.; многіе согласные въ послѣднихъ слогахъ словъ, раньше имѣвшіе послѣ себя глухіе гласные, когда эти глухіе исчезли, сдѣлались конечными звуками.

Ассимиляція и диссимиляція. Старшіе примѣры ассимиляціи и диссимиляціи по памятникамъ относятся по преимуществу къ XIII и XIV вв., но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что большая ихъ часть явилась въ языкѣ много раньше.

Должно думать, что согласные глухіе (отзвучные) *с*, *к*, *т* и др. во всемъ русскомъ языкѣ перешли въ соотвѣтствующіе звонкіе (звучные) *з*, *г*, *д* и др. тотчасъ послѣ того, какъ—съ исчезновеніемъ ъ или ь—соприкоснулись съ слѣдовавшими за ъ, ь звонкими (кромѣ *в*):

Прологъ 1262 г.: *з*дравъ (изъ *съ*дравъ); Кормчая ок. 1282 г.: *з*дѣ, вѣ*з*дѣ, *з*доровиѥ, *з*бираютъ, *з* горчицами; Рязанская Кормчая 1284 г.: *з*дѣ, *з*борище, *з*дравѣи; Пандекты 1296 г.: *з*дравиѥ, *з*де; Поликарпово Ев. 1307 г.: *з*драва, *з*дѣла, *з*бора, *з*будется; Ев. 1355 г.: ве*з*дѣ, въ *з*борици, *з*дѣ, *з* горы; Ев. 1357 г.: *з*дѣ, *з*дѣла, *з* безаконьники, *з*будуться; Лаврентьевскій сп. лѣт.: *з*борная, *з* дѣтьми, *з* Бѣла озера, *з* горъ, *з* голода, и т. п.;

Житіе Нифонта 1219 г.: *г*дѣ (изъ *къ*де), нѣ*г*дѣ; Рязанская Кормчая 1284 г.: *г*де, нѣ*г*дѣ; Псалтырь 1296 г.: *г*дѣ; Ев. 1354 г.: *г*дѣ,

ингдѣ; Лаврент. сп. лѣт.: *г* Дорогобужю; Палея XIV в.: *г* дѣдомъ, и т. п. (соврем. великор. *h*дѣ, *h* дому);

Ев. 1354 г.: та*д*бы (изъ та*ть*бы); Лаврентьевскій сп. лѣт.: сва*д*бѣ (соврем. великор. сва*д*ьба, сва*д*ебка, рядомъ съ сва*т*ьбу Святославовъ Сб. 1076 г., съ сва*т*ъ, сва*т*ать);

Амартолъ XIV в.: два*ж*ды; Ев. 1355 г.: двое*ж*ды 103 об.; Псалтырь XIV в. Публ. Библ. F. 2: многа*ж*ьды (соврем. великор. два*ж*ды, три*ж*ды и т. п., рядомъ съ дъва*ш*ьды Архангельское Ев. 1092 г.; дъва*ш*ьды Пандекты Антіоха XI в.; три*ш*ьды Уставъ Студійскій XII в.; мънога*ш*ьды Святослав. Сборн. 1073 г.);

Ев. 1317 г.: заблу*ш*шаго 25 об. (изъ —*ж*ьшаго; соврем. великор. ни*ш*шій, изъ ни*ж*ьшій; низшій—ошибочное правописаніе).

Вѣроятно, къ нѣсколько болѣе позднему времени относится начало перехода согласныхъ звонкихъ въ соотвѣтствующіе согласные глухіе передъ слѣдующими согласными глухими,—можетъ быть, ко второй половинѣ XIII в. (въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. мы еще находимъ ризкии). Во всякомъ случаѣ въ настоящее время этотъ переходъ свойственъ не всему русскому языку, а лишь великорусскимъ (и то едва ли всѣмъ), бѣлорусскимъ и западно-малорусскимъ говорамъ. Восточно-малорусскіе говоры знаютъ его лишь отчасти.

Поликарпово Ев. 1307 г.: у*с*кими; Ев. 1358 г.: у*с*кими 35, 198, у*с*ка 35 об.; Сильвестровскій Сборникъ XIV в.: у*с*ку 185 об.; Прологъ 1383 г.: тя*ш*кою 134 об.; Мстижское Ев. XIV в.: у*с*ка 31 об.; духовная Дмитрія Донскаго: Желѣскова слободка, ис Торъ*ш*ку; Тактиконъ Никона Черног. 1397 г.: тя*ш*ько 21 об.,—*ш*коѥ 33 об.; Измарагдъ XIV в. Рум. Муз. и Паремейникъ XIV в. Троицк. Лавры № 4: тя*ш*ко; Псалтырь XIV в. Публ. Библ. F. 14: тя*ш*косердні 10; Ев. 1393 г.: по*т*ъкопати 59; Минея XIV в. Рум. Муз. № 1205: сла*т*кими; Паремейникъ XIV в. Тр. Л.: гла*т*кы; Новгородская лѣт.: Блу*т*киничь (срв. Блу*д*ъ); Палея 1406 г.; рѣ*т*ка; духовная в. кн. Василія Дмитр. ок. 1424 г.: коро*п*ку; Четья 1489 г.: свѣ*т*ки 55; Слово о п. иг.: рѣ*т*ко; Лѣтопись Аврамки 1495 г.: на Сковоро*т*кѣ 90, мор*т*кѣ куньи 159; Домострой XVI в. имѣетъ глухіе вмѣсто звонкихъ очень часто: обрѣ*с*ки, ло*ш*ки, но*ш*ки, пиро*ш*ки, изрѣ*т*ка, жи*т*кая; срв. въ Лѣствицѣ XIV в. Публ. Библ. О. 12: недоста*д*ку 8;

Лаврентьевскій сп. лѣт.: дулѣ*п*ьскимъ (при дулѣ*б*ъ), вите*п*ьскаго

355 (откуда Витепескъ 392), воевотьство 150; Тактиконъ Никона Черног. 1397 г.: гратьстии 39; Путенское Ев. XIV в.: тивѣрьять-скаго 14; Палея 1406 г.: сопьства 206 об.; срв. въ Ев. 1393 г.: Іюда Скаріодьскыи 34 об.,—иодьскаго 63 об.;

Лѣствица 1334 г.: пьчела (изъ бьчела); духовная вел. кн. Ивана Ивановича: с опча (изъ обьча); Ев. 1357 г.: пчелъ, опщеѥ; Лаврентьевскій сп. лѣт.: паропци, Зупцевъ, тчерь (=дъчерь), тъщерью, молотшюю; Чудовской Новый Завѣтъ XIV в.: пріопщитеся 156; Мстижское Ев.: пчелъ 22 (соврем. великор. пчела, малор. пчола, пщола); Прологъ XIV в. Син. Библ. № 249: черноприсца 91; срв. въ Ев. 1317 г.: подъщавъшеся 113 об.; въ Лѣствицѣ XIV в. Публ. Библ. О. 12: въкрадцѣ 75 об.

Должно замѣтить, что звонкое в передъ глухими согласными въ большей части великорусскихъ говоровъ перешло въ ф: фторой, ф томъ, а въ меньшей части великорусскихъ и во всѣхъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ или сохранилось, или—что чаще—перешло какъ въ не образующее слога ў, такъ даже и въ полное у.

Случаи измѣненія 1) согласныхъ звонкихъ въ глухіе подъ вліяніемъ предыдущихъ глухихъ и 2) согласныхъ глухихъ въ звонкіе подъ вліяніемъ предыдущихъ звонкихъ очень рѣдки: колижто гал.-волынск. Путенск. Ев. XIV в. 205, 220; куюжьто землю Ипатскій сп. лѣт. 189; пожжи Лаврентьевск. сп. лѣт. 411 (изъ жьди); кте псковское продолженіе XIV в. ц.-сл. Саввина Ев. и гал.-вол. Ев. Верковича XIV в. 129 об. (изъ къде); соврем. малорусск. бжола, бджола (изъ бъчела), різдво (изъ рожьство, розтво; въ южно-русск. грамотѣ 1387 г. слуги Панка: розтво, по розтве), великор. глубже, слабже, сѣв.-великор. несёшша, 2 л. ед. ч.

Затѣмъ мы знаемъ еще слѣдующія измѣненія тѣхъ согласныхъ, которые соприкоснулись между собою послѣ исчезновенія ъ или ь.

Звукъ к (древній и изъ г) передъ к диссимилировался и перешелъ въ х: Поликарпово Ев. 1307 г.: мяхкы; Ев. 1354 г.: мягки (г здѣсь=х), мяхкы, х конѥп притчи; Чудовской Новый Завѣтъ XIV в.: мяхкы 30, мяхка 23 об.; Лаврентьевскій сп. лѣт.: г кому (читай: х кому), г которымъ, г камени, г кудеснику, г Кыеву, хъ киевскимъ (современн. великор. мяхкій, лёхкій, х кому; отсюда мягокъ—съ г=лат. g—вм. мякокъ).

Звукъ к передъ т диссимилировался и перешелъ въ х: Поликарпово Ев. 1307 г., Лаврентьевскій сп. лѣт.: хто; грамота 1542 г.:

дехтярный Ак. Өед.-Чех. I, 88; лохтя Книга о ратн. строеніи 1647 г. (соврем. обще-русск. *х*то, великор. *х* тебѣ, *х* тому и т. п., кло*х*тать, при кло*к*отать, кохти, нохти, дёхтя, лохтя, род., ахтёръ, трахтиръ; срв. диссимиляцію *г* передъ *д* и переходъ *г* въ *h*: соврем. то*h*да и т. п.).

Звукъ *ч* передъ *т* диссимилировался и перешелъ въ *ш*: Добрилово Ев. 1164 г.: *ш*то 126; Галицкое Ев. 1283 г.: *ш*то 33 об.; полоцкая грамота ок. 1300 г.: *ш*то; Архивская Лѣствица XIII в.: *ш*то (соврем. великор. и бѣлор. *ш*то).

Группа *чч* (если не сохранилась) въ большинствѣ случаевъ перешла въ *тч*: великорусск. лазу*тч*икъ (ст.-русск. лазу*к*а), пору*тч*икъ (при пору*к*а, = поручитель, Уложеніе ц. Ал. Мих., грамоты XVI—XVII вв.), кабатчикъ, потатчикъ, крупи*тч*атый, косятчатое окно (при косякъ); въ небольшомъ числѣ случаевъ изъ группы *чч* получилось *шч*, откуда *щ*: великор. косящатый, сѣв.-велик. крупи*щ*атой, кирпи*щ*атой, кирпи*щ*икъ (вельская грам. 1619 г. Ак. Юр. 96), пору*щ*икъ (=поручитель, грамота 1636 г. Ак. Юр. 326), великор. пропа*щ*ій (=пропадъ*ш*-, прич. прош. вр.; документъ нач. XVIII в.: а невѣрка мнѣ въ томъ моемъ пропа*щ*емъ попѣ, Русск. Арх. 1887 г., № 11, стр. 422).

Звукъ *ч* передъ *ш* перешелъ въ *т*: духовная новгородца Климента XIII в.: лу*т*ьшип; Поликарпово Ев. 1307 г.: вя*т*ши 36; Лаврентьевскій сп. л.: лу*т*ши, лу*т*шиѣ; Новгородская лѣт.: вя*т*шихъ 253, 266,—ии 274.

Группа *тш*, какого бы происхожденія она ни была, въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ во многихъ случаяхъ перешла въ *тч*: псковск. Палея 1494 г. Рум. М.: лу*тч*е 15; Домострой XVI в.: лу*тч*іе (=лучь*ш*—) 55, покра*тч*і (=крадъ*ш*и, кра*тш*и) 74, скла*тч*и 105, въ ве*тч*аномъ платіи 71, ве*тч*аное поплатити, новое и ве*тч*аное 86, 89 (рядомъ ве*тш*ана 89, ве*тш*аново 90, сравн. ве*тъх*ъ), каша съ ве*тч*иною 55, ве*тч*инного 118 (рядомъ: ве*тш*ины, салца —ого 56); грамота 1611 г.: ве*тч*ины или свѣжины, Ак. Арх. Э. II, 247; соврем. великорусск. лу*тч*е, прише*тч*и (=шедъ*ш*и, ше*тш*и), ве*тч*ина (при ве*тш*ать).

То же произошло въ серединѣ словъ и съ группою *тщ*: грамоты XVI—XVII вв.: бра*тч*ина (при бра*ть*щина въ Кормчей ок. 1282 г., въ Псковской судной грамотѣ и др.; срв. бра*тш*ина въ грамотѣ м.

Кипріана 1391 г. Ак. Арх. Э. I, № 11), соврем. великор. бра*тч*ина, по*тч*ивать (см. стр. 83).

Группа *тщ* въ началѣ словъ отчасти перешла въ *тч* и затѣмъ въ *ч*, отчасти дала *щ*: великор. чапъ изъ *дъщ*апъ, *тщ*анъ; грамота XV в.: *тш*анъ Ак. Арх. Э. I, 29; грамота 1548 г.: *Тч*анниково (названіе деревни) А. А. Э. I, 207; Домострой: во *тщ*анехъ 140, *тч*аны 125; 2-я Новгородская лѣт. XVII в.: *чщ*аны 92; современное олонецк. *щ*анъ; великор. *ч*ехвалъ, *ч*ивый (разборчивый въ ѣдѣ), вятск. *щ*ивой (тароватый), малор. *щ*ирий (срв. польск. szczery) изъ *тъщ*—; великор. *щ*едушный изъ *тъщ*—.

Звукъ *ч* передъ *н* во всемъ русскомъ языкѣ перешелъ въ *ш*: запись Ев. 1394—1412 г. (Срезневскій, Св. и з. № XXVII): клю*ш*никъ; Домострой: обы*ш*ный, пшени*ш*ный, гре*ш*невая, бруспи*ш*ная; соврем. великор. Ильини*ш*на и т. п., коне*ш*но, ску*ш*но, дѣви*ш*никъ, помо*ш*никъ (изъ помочникъ), пустя*ш*ный, горяче*ш*ный, вѣроятно, бары*ш*ня; малор. серде*ш*ний, безпе*ш*ний, свi*ш*никъ; бѣлор. вѣ*ш*ный, ру*ш*никъ, помо*ш*никъ. Но великор. отли*ч*ный, со*ч*ный, то*ч*ный, но*ч*ной, обще-русск. на*ч*ну, ка*ч*ну и др. сохранили древнее *ч* подъ вліяніемъ родственныхъ словъ съ *ч*: отли*ч*ить, со*ч*ить, то*ч*ка, но*ч*ь и др.

Кромѣ этихъ случаевъ ассимиляціи и диссимиляціи, древнихъ и общихъ или всѣмъ, или большей части русскихъ говоровъ, можно отмѣтить еще нѣсколько, сопровождавшихся стяженіемъ или исчезновеніемъ согласныхъ и встрѣчающихся уже въ древнихъ памятникахъ.

Группы *жьс* и *шьс* (*щьс*) во многихъ случаяхъ перешли въ *з* и *с*: смоленская грам. 1229 г.: ризкии=ри*жь*скии; Новгородская лѣт. XIV в.: варязьская, ладозьскоѥ (читай: —*зьк*—); галицкая грам. 1375 г.: князьство (читай: князьтво); Ипатскій сп. лѣт.: мнискыи=мни*шь*скыи, Бозкъ=Бо*жь*скъ, названіе города; галицкая гр. 1409 г.: розество (читай: розтво; *е*=*ъ*); современн. малор. запорозький и т. п. (съ *з* мягкимъ), різдво (съ *д* изъ *т*);—Лѣствица XII в. Рум. Муз. № 198: мъноствы=мъно*жь*ствы; новгородская грамота ок. 1269 г.: городискымъ попомъ=городи*щь*скымъ; Рязанская Кормчая 1284 г.: мнискии образъ=мни*шь*скыи 153; срв. въ Житіи Нифонта 1219 г.: худо*ш*ьствъмь 106; въ Ряз. Кормчей 1284 г.: мни*ш*тии обѣти 172. Великорусское и бѣлорусское нарѣчія не имѣютъ *з* передъ *к*, *т* и

вообще передъ глухими согласными, и одни изъ ихъ говоровъ на мѣстѣ древнихъ *жьс*, *шьс* имѣютъ обыкновенно одно мягкое или твердое *с* (сѣверно-великорусскіе: риськой и т. п.), другіе — въ однихъ словахъ одно, въ другихъ два твердыхъ *с* (московскій говоръ: рисскый).

Ч, *т* и *д*, когда за ними слѣдовало *с*, стянулись вмѣстѣ съ нимъ въ *ц*: смоленская грамота 1229 г.: го*ц*кыи=го*ц*кыи=го*ть*скыи; новгородская грам. 1259—1263 г.: тыся*ц*ькымь, нѣмь*ц*кымь, любь*ц*кымь, го*ц*кыи, новгоро*ц*ьскыхъ; смоленская грам. 1284 г.: нѣме*ц*кыи, и т. п.; Ипатскій сп. лѣт.: *ц*пѣтася, повелит., =*тъсп*— (срв. пол. cpota=*тъсн*—), *ць*тя=*тьс*тя 492, *ц*тю 445; грамоты XV—XVII вв.: *Ц*на (названіе рѣки); срв. *Тъс*па въ договорѣ в. кн. Василія Дмитріевича съ Өедоромъ Ольговичемъ. А въ формахъ 3-го лица и неопредѣл. накл. *тс* дало *тц*: великор. несе*тц*а.

Но мѣстоименіе *чьсо*, по исчезновеніи *ь*, благодаря вліянію формъ *ч*ему, *ч*емъ и другихъ, сохраняющихъ *ч*, не превратилось въ *цсо*, *цо* (какъ въ западно-славянскихъ языкахъ), а образовало спачала, чрезъ ассимиляцію *с* съ *ч*,—*чшо*, потомъ *шшо*, *що* (въ великорусскихъ говорахъ), *шо*, *шчо* (въ малорусскомъ нарѣчіи). Срв. малор. вы*шче*, кра*шче*=вы*шьше*, кра*шьше*.

Но глаголъ *чьстити*, настоящ. *чьщу*, *чьстишь*, по исчезновеніи *ь*, благодаря вліянію словъ *ч*есть, по*ч*етъ и др. съ *ч*, превратился не въ *ц*тити, а въ *ч*тити (въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в. л. 71 об.), съ новыми формами настоящаго вр.: великор. *чту*, *ч*тишь и т. д., малор. *ччу*, *ч*тишь и т. д. (срв. древнюю форму по*чь*щенъ= почтенъ въ Лаврент. сп. л. 132, вмѣсто которой списки XV в. Радзивиловскій и Академическій имѣютъ: по*ч*тенъ). То же произошло съ формою род.-дат.-мѣстн. ед. отъ сущ. *чьсть*: *ч*ти Кормчая ок. 1282 г. и друг., и съ прилагательными *чьстивъ*, *учьстивъ*: не*ч*тивыи Псалтырь 1296 г. 3, 16, 72, *ч*тивыхъ, *ч*тивыя, *ч*тивыми Чудовской Нов. Завѣтъ 68, 70 об., соврем. великор. у*ч*тивый. Рядомъ, съ *е* изъ *ъ*: великор. *ч*естить, *ч*ещу, *ч*ести, не*ч*естивый. Срв. чешск. ctíti, úcta, uctivý.

С передъ послѣдующимъ *с* въ серединѣ словъ часто исчезло: смоленскій договоръ 1229 г.: рускии, у руской земли=русьскыи, и т. п. Памятники нерѣдко имѣютъ одно *с* вмѣсто двухъ (одного въ предлогѣ, другого въ началѣ имени; тотъ же договоръ: застапете своѥю

женою=съ своѭю, и т. п.); но здѣсь, какъ и въ другихъ сходныхъ случаяхъ, мы имѣемъ дѣло съ неточностью написанія, а не съ особенностью произношенія.

Должно замѣтить, что въ небольшомъ рядѣ случаевъ, гдѣ послѣ ассимиляціи или безъ ассимиляціи явились рядомъ два *с*, первый мягкій, второй твердый, и гдѣ затѣмъ не послѣдовало стяженія этихъ двухъ согласныхъ въ одинъ, тамъ возникла диссимиляція и переходъ перваго изъ нихъ въ *j*: бѣ*и*ство, т. е. бѣ*j*ство, изъ бѣ*жь*ство, бѣ*сь*ство (Ев. XII в. Публ. Библ. F. 10, л. 58; Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 17, л. 41 об.), современн. бѣлор. Лого*й*скъ (названіе города, др.-р. Лого*жь*скъ); срв. соврем. бѣлор. моло*й*ца, моло*й*цу (=моло*дьця*, моло*ць*ця, род.; моло*дь*цю, дат.), моло*й*чикъ, о*й*ца́, о*й*цу (=о*тьця*; отсюда о*й*тецъ), тре*й*ти (=тре*ть*ій, тре*тт*ій), сѣв.-малор. петна*й*цять (=—*дь*сять, —*ць*цять), польск. о*j*са (род. ед.,=о*ть*ця), га*j*са (=ра*дь*ця) и т. п.

Мягкое *н* передъ послѣдующимъ твердымъ *н*, находясь послѣ согласныхъ, также исчезло: Стихирарь 1380 г. Тр. Л.: пѣс*н*ою красотою 37 об.,=пѣс*нь*ною; кіевская Псалтырь 1397 г.: пламы ог*н*ыи 223 об.; Прологъ XIV в. Тр. Л.: злокоз*н*ый=-коз*нь*ныи; Толковый Іовъ 1394 г.: болѣз*н*амъ душамъ 2 (рядомъ: болѣз*нь*наго житья), въ бер*н*ахъ хлѣвинахъ 3 об. (=бер*нь*нахъ); Палея 1406 г.: болѣз*н*аго сердца 90 об.; сборникъ XV в. Публ. Библ. Q. I. 209: жиз*н*ая врата 28; соврем. великор. болѣз*н*ый, бо́яз*н*о (срв. ц.-слав. богобояз*нь*нъ), вѣроятно, сквер*н*ый Молитвенникъ к. XIII в. Ярославскаго Спасск. монаст. 192 и друг., Лаврент. сп. лѣт. 128 и др., Амартолъ XIV в. 62 и др., при сквер*нь*нъ. То же *н* передъ твердымъ или мягкимъ *н* послѣ гласныхъ или сохранилось, или перешло въ *j*: сѣв.-великор. ба*й*на, уменьшит. баенка (срв. прилагат. ба*нь*нъ, отъ баня), или перешло въ мягкое *л*: великор. оста*ль*но́й (при оста́*н*ный), пѣсе*ль*никъ, свяще*ль*никъ, соте*ль*ная бумажка, кухо*ль*ный мужикъ, москоте*ль*ный или москоти*ль*ной (въ грамотѣ 1634 г. Ак. Ист. II, 330; срв. москоти*нн*икъ въ грамотѣ до 1491 г. Ак. Юр. 14), десяти*ль*никъ (въ грамотахъ XVI в.), посла*ль*никъ (въ грамотахъ XVII в.), малор. лемковск. сі*ль*никъ (=сѣнникъ), пізи*ль*ний палецъ (=мизи*нн*ый) и т. п.

Ассимиляція согласныхъ и послѣдующаго j произошла въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ. Она имѣла слѣдствіемъ пере-

ходъ *j* въ мягкіе согласные (послѣ отчасти отвердѣвшіе): малор. *суддя* (изъ *судја*), *зілля* (изъ *зѣлје*), *камінння* (изъ *камѣнје*), *корінння*, *збіжжа* (изъ *збѡжје*) *гряззю* (твор. отъ грязь), бѣлор. *веселля*, *еллю* (=елью), *божжу* (=божью), *овеччю* (овечью), съ *помоччю*, даже *ззісй*=съѣси (2 л. ед.). Послѣ губныхъ согласныхъ *j* обыкновенно сохранился; впрочемъ бѣлор. *вороббём* (=—бьемъ), *рыббя* (=рыбья), *подлаввя* (=—вье). Два согласныхъ послѣ гласныхъ нерѣдко (особенно въ малорусскихъ говорахъ), послѣ третьяго согласнаго всегда,—стянулись въ одинъ: *весіля*, *каміня*; примѣры чего мы находимъ уже въ документахъ XIV—XV вв.: по божіимъ народ*женю* (=нароженью) галицкая грамота 1375 г., *богомоле* (=богомолье) вкладная 1376 г., *печатю* нашею (=печатью) галицкая грам. 1422 г.; срв. въ Бучацкомъ Ев. XIII в.: *печалю* и лестью 6. Это указываетъ на значительную древность ассимиляціи *j* съ согласными.

Ассимиляція согласныхъ и предыдущаго j произошла въ формахъ сравнительной-превосходной степени и въ ихъ производныхъ. Когда *j*, оставшійся послѣ исчезновенія *и*, оказался передъ *ш*, онъ могъ ассимилироваться съ этимъ согласнымъ; такимъ образомъ могло получиться двойное, или долгое *ш*, часто обозначаемое въ памятникахъ черезъ одиночное *ш*: Апостолъ 1220 г.: любопривѣ*ш*е быша 53 об.; Златоструй XII в.: старѣ*ш*ина 13; Ряз. Кормчая 1284 г.: старе*ш*ину 110, старѣ*ш*ины (род.) 160 об.; духовная Димитрія Донскаго: стари*ш*ии путь, сыну стари*ш*ему, брата стари*ш*его; Ипатскій сп. лѣт.: стари*ш*иньство 297, т. п.; въ современныхъ великорусскихъ говорахъ мы видимъ здѣсь *щ*: любя*щ*ій (=милый), изъ любѣ*jш*— (срв. форму сравнительной степени люб*я*е), худя*щ*ій (=очень худой), немудря*щ*ій; малорусскіе говоры имѣютъ формы сравнительной степени скорі*ше* (=скорѣйше) и т. п. Памятники указываютъ на однородную ассимиляцію *j* съ *с*: Тріодь 1311 г.: мужи галилѣсцѣи; Ирмолой 1344 г.: моисѣскы 37; Требникъ Шереметева XIV в.: житиская 3, житискыя 2 об., 107,—ую 109 об., мусикискимъ 161 об.; но современные говоры, кажется, не сохраняютъ ея даже въ остаткахъ.

Предлогъ-префиксъ *отъ* (иногда звучавшій и безъ *ъ* на концѣ) въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно передъ *б, г, д, з*,—ассимилировалъ свое *т* съ послѣдующими согласными и такимъ образомъ измѣнился въ *одъ*. Потомъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ другихъ предлоговъ-пре-

фиксовъ съ древнимъ *д*, въ родѣ *передъ*, *надъ*, *подъ*, этотъ предлогъ въ юго-западныхъ русскихъ говорахъ сталъ звучать съ *д* и передъ другими согласными и гласными: Архивская Лѣствица XIII в.: *од*инудь; галицкая грамота 1400 г.: безъ *од*вукупу; Радзивиловскій сп. лѣт. XV в.: *од*ошла (въ Лаврент. сп. л.: *от*— 141); Ефремъ Сиринъ 1492 г.: *одъ* вѣка; печатный Литовскій Статутъ 1588 г.: *од*ыймованье, *од*носити, *од*ъмовити и т. п.

Предлогъ-префиксъ *чересъ* передъ согласными *б*, *г*, *д*, *з* ассимилировалъ съ ними свое *с* и вслѣдствіе этого измѣнился въ черезъ. Потомъ, подъ вліяніемъ предлоговъ-префиксовъ съ древнимъ *з*: *без*, *из*, *роз*-, *въз*-, онъ во всемъ русскомъ языкѣ сталъ звучать передъ разными согласными и гласными съ *з*: современн. черезъ меня, черезъ окно. Это измѣненіе получило начало едва ли позже XV в.: двинская грам. XV в.: черезъ наволокы, черезъ Овинное озеро (Акты Калачова, I, 440); Кирилло-бѣлозерскій Сборникъ XV в. № 6—1083: чрѣзъ естьства 14 об.; срв. въ грамотѣ Кейстута послѣ 1341 г.: через Берестие, через Дорогычинъ (рядомъ: чересъ Мелникъ); въ Четьѣ 1489 г.: чресо всю недѣлю 2 об.

Выпаденіе согласныхъ. Стеченіе подъ рядъ нѣсколькихъ согласныхъ, образовавшееся послѣ исчезновенія глухихъ, повело иногда къ выпаденію одного или болѣе изъ нихъ, какъ въ серединѣ, такъ и въ началѣ словъ. Примѣры его, отличающіеся древностью:

царь изъ цьсарь (не позже XIII в.; но въ Прологѣ 1262 г. еще встрѣчается: цьсарьство);

ѥство изъ ѥстьство, Кормчая ок. 1282 г., Ряз. Кормчая 1284 г., Пандекты 1296 г., Прологъ 1356 г. и др.;

мущина изъ мужьщина; срв. женщина, деревенщина и т. п. слова, образованныя отъ прилагательныхъ на *-скъ*;

полтора изъ польвътора, Лаврентьевскій сп. л., Ипатскій сп. лѣт., Палея 1406 г.;

бьрно изъ бьрьвьно, Ев. 1317 г.; берно, Мстижское Ев. XIV в.;

возратитися изъ възвратитися, Ев. 1354 г., Ев. 1355 г., Лаврентьевск. сп. лѣт. и др.;

безмолствовати изъ безмълъвьствовати, Паремейникъ 1378 г.; срв. соврем. великорусск. чуство, здраствуй (безъ *в* передъ *с*);

стокъ изъ *в*ъстокъ, Лаврентьевск. сп. лѣт. 24; срв. соврем. сѣв.-великор. здохнуть, спотѣть и т. п. (безъ начальнаго *в*);

очнуться, малор. прошнутись изъ -*чх*нутися; срв. великор. прочу*х*аться и проч*х*нуться, проч*к*нуться, пі*шк*ни (молчи) изъ ни *чх*ни, бѣлор. оч*х*нутися;

гончаръ (при горъчарь Пандекты 1296 г. 162 об.) изъ го*рн*чар-, гъ*рън*ьчар- (при горнецъ, польск. garniec); срв.: съсуды гъ*рн*ьчаря въ Житіи Нифонта 1219 г. 132, у го*рн*чара въ московской грамотѣ до 1460 г. (Акты Калачова I, 554), Го*рон*чарьскый конецъ въ продолженіи 1-й Новгородской лѣтописи (печатн. изд. 355), ст.-пол. Ga*r*czarsko, чешск. h*rn*čiř;

сонце изъ съ*л*ньце (малор. и бѣлор. сонце, малор. сонечко);

малор. срібний изъ срѣб*р*ьныи; срв. два хресты серебная въ галицкой грамотѣ 1393 г.;

стоканъ изъ *д*ъстъканъ срв. *д*остоканъ въ духовной в. кн. Ивана Ив.; досканецъ (Державинъ) изъ дъс*тъ*каньць;

хорь изъ *д*ъхорь; сравни *д*хорѣ, вин. мн., Григорій Богословъ XIV в. Син. Библ. 17, совр. малор. *т*хіръ, польск. tchórz, чешск. tchoř;

берцовый изъ бе*д*рьцев- (срв. бедро);

зга изъ *ст*ьга; сравни *ст*ьзя;

изба изъ ис*тъ*ба (въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: ис*т*обка 56 и т. п. и рядомъ: в ызбѣ 265; въ Новгородской лѣтописи: ис*т*ьба); срв. нѣм. stube;

сверло изъ свърь*д*ьло; срв. свѣр*д*ьло въ Кормчей ок. 1282 г. 562, ц.-слав. свръ*д*ьло;

серце изъ сьрь*д*ьце, Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 17, л. 36; Ипатск. сп. лѣт.; соврем. великор. серчать (великор. сер*д*ечко и т. п.).

Особенно часто выпаденіе *т* и *д* между предшествующими *с*, *з* (если они принадлежатъ не префиксамъ) и послѣдующими *к*, *л*, *н*, *ц*, *j*, которое началось не позднѣе XIV в.: пославъ=пос*т*лавъ Лаврент. сп. лѣт. 63, исныи, исного, исному=ис*т*ьный въ грамотѣ Ягелла 1388 г., намѣсникъ въ полоцкой грамотѣ 1409 г., прелесникъ въ Четьѣ 1489 г. 223 об., посные, чесно, вмѣсно, лѣсница и т. п. въ Домостроѣ XVI в.; безна=без*д*ьна въ Палеѣ 1406 г. 2, Бѣзна, собственн. имя, въ галицк. грам. 1366 г., звѣзное Ипатск. сп. лѣт. Выпаденіе *т* и *д* передъ *к*, *л*, *н* свойственно, кажется, всѣмъ великорусскимъ и бѣлорусскимъ говорамъ (великор. невѣска, шеснадцать, склянка, слать=стлать, счасливъ, милосливъ, если=

е*сть* ли, поѣска, позно, исца́, род., спица, срв. *стъп*пцамъ колесьнымъ въ Успенскомъ Сборникѣ XII вѣка, ст.-чешск. stpice, при ст*о*пица, названіе нотнаго знака въ московскихъ пѣвческихъ книгахъ XVII в.,—и т. п.); а передъ *j*—однимъ великорусскимъ (счас*j*е, го́с*j*я, крес*j*янинъ, старос*j*ю, твор., гвоз*j*я).

Можно отмѣтить еще ст.-русск. перъ, соврем. перецъ, пряный, пряникъ, изъ древняго *пъ*пьрь (срв. бѣлор. *по*пряный и т. п.).

Значительное количество случаевъ отпаденія и выпаденія согласныхъ представляютъ намъ собственныя имена, изъ которыхъ нѣкоторыя такъ измѣнились, что трудно узнать ихъ первоначальную форму. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтоп. мы встрѣчаемъ названіе города Бряньскъ рядомъ съ *Дъ*бряньскъ (срв. въ грамотахъ московской 1496 г.: *Д*брянескъ Сб. Р. Истор. Общ., т. XXXV, 222, и зап.-русской 1504 г.: *д*брянскихъ Ак. З. Р. I); первая форма образовалось изъ второй чрезъ отпаденіе *д* (срв. *дьбрь*, *дъбрь*). Названіе города Псковъ (Новгородская лѣт.) произошло изъ П*ь*сковъ, П*л*сковъ; названіе города Спятинъ (въ галицкой грамотѣ 1398 г.: снятиньскыи)—изъ *Къ*снятинь.

Нѣкоторое количество случаевъ отпаденія согласныхъ приходится также на конецъ словъ. Всѣ причастія на *лъ* съ согласнымъ передъ *л* во всемъ русскомъ языкѣ утратили конечный *л*: умеръ, несъ, пекъ, и т. п. изъ древнихъ умьр*лъ*, нес*лъ*, пек*лъ*; срв. формы женск. р. умер*ла*, нес*ла*. Древнѣйшій примѣръ причастія безъ *л*, намъ извѣстный, примѣръ впрочемъ сомнительнаго достоинства, находится въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: тъ недугы наша приятъ и болѣзні понесъ 23 об. Далѣе, мы читаемъ въ Тріоди 1311 г.: развѣр*гъ* юси 21; въ Ипатскомъ сп. л.: увер*гъ* еси 180. Въ московскихъ актахъ XV—XVI вв. отсутствіе *л* въ причастіяхъ уже нерѣдко (грамота 1490 г.: тако ре*къ* посельской, и т. п.), но не постоянно (грам. 1518 г: сѣк*лъ* тотъ лѣсъ язъ, Ак. Юр.; грам. 1676 г.: пасти*глъ* казакъ, Доп. къ А. И. VII, 11). То же произошло съ нѣкоторыми причастіями на *лъ* и съ именами на *ль* съ согласнымъ передъ *л*; Ев. 1393 г.: прелом*ъ* 89 об.; соврем. великор. кора*пь* (=корабль), ру*пь* (=рубль), жура*фь* (=журавль), Яросла*фь*, заросъ (=зарос*ль*). Въ современныхъ великорусскихъ говорахъ мы часто (не постоянно) встрѣчаемъ отпаденіе конечнаго согласнаго въ тѣхъ случаяхъ, когда слово оканчивается двумя или болѣе согласными: мосъ вм. мос*тъ*, поѣсъ вм.

поѣзд*ъ*, шесь вм. шес*ть*, страсъ вм. страс*ть*, боясь вм. боязн*ь* и т. п. Сомнительно, чтобы оно отличалось древностью; впрочемъ мы читаемъ у Скорины: шерсь козью=шерс*ть*, Исходъ, 66 об. (опечатка?). Къ числу словъ, утратившихъ конечный согласный, едва ли не принадлежитъ великор. *рысь* (бѣгъ); срв. зап.-русск. рис*т*ію (твор. ед.) въ Сборникѣ XV в. Публ. Библ. Q. I. 391, л. 10 об.

Вставка согласныхъ. Рядомъ съ выпаденіемъ согласныхъ мы встрѣчаемъ въ серединѣ словъ и ихъ вставку. Случаи ея рѣдки и ограничиваются очень небольшимъ количествомъ словъ. Это — глаголъ *сърѣтати* съ родственными. Прологъ 1262 г.: ус*т*рѣтоша 2 об., ус*т*рѣте 114 и др.; Ев. 1339 г.: с*т*рѣтоша 10 об.; Ев. 1354 г.: с*т*рѣте, с*т*рѣтоста, с*т*рѣсти; Ев. 1355 г.: с*т*рѣте, ус*т*рѣтение; Путенское Ев.: с*т*рѣтѣнье 149; Новгородская лѣт.: ус*т*рѣте. ус*т*ретоша, ус*т*ретение и т. п. Срв. современн. великор. вс*т*рѣча, с*т*рубъ, с*т*рокъ (XVII в. Ак. Калачова III, 307), с*т*ражаться (XVI в. Ак. Юр. 132; при срывать и т. п. безъ *т*), малорусск. с*т*рітити и т. п. Сверхъ этихъ случаевъ, звукъ *т* былъ у насъ вставленъ въ церковно-славянскомъ словѣ *срамъ* съ производными, въ которомъ глухаго между *с* и *р* никогда не было. Мы читаемъ въ Стихирарѣ 1157 г.: пос*т*рамила 23 об.; въ Лѣствицѣ XIII в. (Рум. М. № 199) с*т*рамъ 12 об.; въ Прологѣ 1262 г.: пос*т*рамлься 32 об., пос*т*рамлени 60,—нъ 67, пос*т*рами 70, 70 об. и др.; въ Псалтыри 1296 г.: пос*т*рамисте, пос*т*рамлени, с*т*рамота и т. п.; въ Молитвенникѣ к. XIII в. Ярославск. Спасск. монаст.: с*т*рамотою 199; въ Тріоди 1311 г.: пос*т*рамити; въ Ев. 1339 г.: ус*т*рамляють 157 об., и т. п.

Кромѣ *т*, въ русскомъ языкѣ кое-гдѣ произошла вставка *д*: галицкія грамоты к. XIV в.: узоз*д*рять=възъзьрять; Пересопницкое Ев. XVI в.: узь*д*рѣль, поз*д*рѣль и т. п. (ь=ъ); бѣлозерская гр. 1667 г.: взоз*д*ря (Ак. Калачова II, 453); Котляревскій: уз*д*рівши (Энеида; срв. соврем. великор. зря, вóзриться), современное галицк. з*д*ріти и т. п.; соврем. сѣв.-великор. ж*д*рать; Кормчая ок. 1282 г.: доброн*д*равие 584 об.=-нравие, соврем. великор. н*д*равъ; великор. грамоты XVI—XVII вв.: кость ин*д*рогова (=инорогова; срв. въ кн. Іова 1394 г.: инърогъ 79 об.); соврем. великор. ин*д*рикъ-звѣрь. Въ словѣ *нравъ*, перешедшемъ въ русскій языкъ изъ церковно-славянскаго, глухаго послѣ *н* никогда не было. З*д*ракъ въ Толстов-

скомъ Сборникѣ XIII в. 21, можетъ быть, не принадлежитъ русскому языку. Срв. въ Ряз. Кормчей 1284 г.: нозри 161 об., современн. великор. нозри, безъ *д*.

Смягченіе и отвердѣніе согласныхъ. Твердые согласные, соприкоснувшись, послѣ исчезновенія слѣдовавшаго нѣкогда за ними ъ, съ мягкими согласными, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сами сдѣлались мягкими; наоборотъ, мягкіе согласные, когда, вслѣдствіе исчезновенія ь, соприкоснулись съ слѣдовавшимъ за ь твердымъ согласнымъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сами сдѣлались твердыми. Вполнѣ достовѣрные примѣры отвердѣнія и смягченія согласныхъ мы находимъ въ памятникахъ XII—XIII вв. и особенно XIV в.: въ Добриловомъ Ев. 1164 г.: нивъныхъ, вьзя, вьзяти; въ Житіи Ѳеодосія Печ. XII в.: пъхашети и 3 об., въ Пантелеймоновомъ Ев.: животъныи 16; въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: прискърьбьнъ 120 об.; въ Галицкомъ Ев ок. 1266 г.: снѣдъно, равъны, темъны, правъды, болъна, доволъно, альчьна, альчюща; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: послѣдъствуеть 12 об.; въ Псалтыри 1296 г.: ропьщють; въ Бучацкомъ Ев. XIII в. кинисъную 112; въ Поликарповомъ Ев. 1307 г.: мъзда, царъство, любъве, ропьщють; въ грамотѣ литовскихъ князей 1350 г.: ятъство; въ Прологѣ 1356 г.: гнѣвъную 51; въ Лаврентьевскомъ сп. л.: хрестънаго, -ымъ 353; въ московскомъ Ев. 1393 г.: животъныи 29, богатъства 43 об.; въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: окрестъная 82; въ Палеѣ 1406 г.: громъныи, зимъныя, умъному и т. п. (часто); въ записи Лѣтописи Аврамки 1495 г.: смоленъского, и т. п. Духовная Дмитрія Донскаго даетъ рядомъ: Оринин ьское (село), Фоминьское, Напрудьское, съ рудьскими, Устьмерьско, въ братьствѣ (съ мягкими согласными) и Малаховъское, Островъское, московъскихъ, Милолюбъскии ѣзъ (съ отвердѣвшими губными) и т. п. Московскіе памятники XVI—XVII вв. еще имѣютъ: Оболеньскіе, казаньскіе, мещерьскые, государьство (Царственная книга).

Постановка въ приведенныхъ словахъ ъ и ь показываетъ, что въ нихъ произошло измѣненіе качества согласныхъ: одни, прежде мягкіе, отвердѣли; другіе, прежде твердые, смягчились. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что старые русскіе писцы мало заботились объ обозначеніи мягкости и твердости согласныхъ въ срединѣ словъ передъ согласными, и даже въ лучшихъ московскихъ рукописяхъ XVII в. мы находимъ: во*л*ный, си*л*ный и др. (постоянно безъ ь послѣ *л*).

Данныя современныхъ русскихъ говоровъ (главнымъ образомъ великорусскихъ, отчасти бѣлорусскихъ) дополняютъ данныя памятниковъ и даютъ намъ кое-какія указанія на счетъ времени отвердѣнія согласныхъ въ разныхъ сочетаніяхъ. Такъ, обще-русск. душе*в*ный, любе*з*ный, подзе*м*ный и т. п. своимъ *е* свидѣтельствуютъ, что въ эпоху перехода *е* въ *о* твердое *н* еще не успѣло превратить предыдущихъ мягкихъ согласныхъ въ твердые; малор. во*л*ний, бі*л*ше, ті*л*ко, бѣлор. бо*л*ный и т. п. своимъ *л* (не *ў*) показываютъ, что отвердѣніе *л* совершилось послѣ перехода твердаго *л* въ неслоговое *у*. Число случаевъ употребленія твердыхъ согласныхъ на мѣстѣ древнихъ мягкихъ въ серединѣ словъ и мягкихъ на мѣстѣ древнихъ твердыхъ въ современномъ русскомъ языкѣ очень велико. Можно замѣтить, что южно-великорусскіе и бѣлорусскіе говоры имѣютъ больше отвердѣвшихъ согласныхъ, чѣмъ сѣверно-великорусскіе и малорусскіе. Можно также замѣтить, что твердые губные оказываются наиболѣе неспособными дѣйствовать на предыдущіе мягкіе (мы сохраняемъ мягкіе въ судьба, просьба, Вязьма и т. п.), а мягкое *л*—наиболѣе упорно сохраняющимъ свою мягкость.

Сверхъ того, мы имѣемъ нѣкоторое количество случаевъ отвердѣнія согласныхъ въ концѣ словъ.

Уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка въ окончаніи формъ 1-го л. ед. ч. (дамъ), творит. и мѣстн. ед. ч. мы иногда видимъ *ъ* вмѣсто *ь*, но этотъ *ъ* можетъ быть причисленъ къ числу особенностей правописанія церковно-славянскихъ оригиналовъ; въ болѣе позднихъ памятникахъ, съ XIII в., *ъ* вм. *ь*, конечно, имѣетъ другое значеніе—указываетъ на отвердѣніе конечнаго согласнаго. Его мы видимъ въ формахъ въ родѣ дамъ (1-е л. ед.), волкомъ (твор. ед.), въ томъ (мѣстн. ед.), и, напримѣръ, въ новгородскомъ Милятиномъ Евангеліи 1215 г. мы читаемъ: прѣдъ отцьмь вашимъ небесьнымъ 9 об., прѣдъ олтарьмъ 11, съ братъмъ твоимъ, съ супьремъ твоимъ 11 об., чимъ ся одежемъ 14 об., съ Зеведѣомъ 16 об., о друзѣмъ 20 об., на камени семъ 48 об., въздамъ 50 об., дамъ, прѣдамъ 80, и т. п. (часто). Находящіяся рядомъ формы съ *мь* (запись Галицкаго Ев. ок. 1266 г.: умомь грѣшнымь; рядная Тѣшаты XIV в.: Якымомь, на томь, и т. п.) свободно могутъ быть объясняемы ореографической традиціей. Въ настоящее время большая часть великорусскихъ говоровъ знаютъ конечное мягкое *м* только въ формахъ

именит.-винит. ед. (семь, восемь, озимь), благодаря вліянію формъ другихъ падежей съ мягкимъ *м*; а большая часть говоровъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ имѣютъ конечное *м* всегда твердое (въ Ипатскомъ сп. лѣт.: семъ; у Скорины: седмъ, осмъ, и т. п.).

Къ нѣсколько болѣе позднему времени относится отвердѣніе конечныхъ мягкихъ губныхъ въ русскихъ говорахъ, особенно въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ: Тактиконъ Никона Черногорца 1397 г.: влюбовъ 26 об., церковъ 27, 31, не удобъ 34 об. и т. п. (должно имѣть въ виду, что этотъ новгородскій памятникъ списанъ съ средне-болгарскаго оригинала); Ипатскій сп. лѣт.: кровъ, любовъ; Четья 1489 г.: въ церковъ 8,14, создана бысть церковъ 10 об., кровъ 35, ослабъ, ся не противъ, повелит., 33 об., 58 об. и т. п.; Познанскій сборникъ XVI в.: кровъ=кровь; Скорина: кровъ, голубъ; печатный Лютеранскій Катихизисъ 1562 г.: любовъ, церковъ и т. п.; Ев. Тяпинскаго; соврем. малор. и бѣлор. голубъ, кровъ, любовъ и т. п. Впрочемъ, конечное *въ* могло произноситься какъ *ў*.

Съ конца XIII в. въ сѣверно-русскихъ памятникахъ начинаютъ встрѣчаться формы 3-го л. ед. и множ. ч. наст. вр., вмѣсто ь, съ ъ на концѣ, показывающимъ, что конечное *т* этихъ формъ тогда произносилось уже твердо: Паремейникъ 1271 г.: расыплетъ 238, чтутъ 241 об.; Рязанская Кормчая 1284 г.: възметъ 122 об.; Ев. 1323 г.: живитъ 7 об.; Ев. 1339 г.: пиıетъ, възглаголютъ, исцѣлитъ 147 об., 149 об.; Ев. 1354 г.: стоитъ 2, достоитъ 17 об., 42 об., 43, успѣетъ ти ся 49 об., напоитъ, погубитъ 50 об., устроитъ 52 об., спитъ 103 и др; Ев. 1355 г.: просятъ 76, искусятъ и 89, смѣритъся 98, уморятъ 103, отпустятъся 151; Ев. 1357 г.: судитъ; Паремейникъ 1378 г.: родитъ, безмолъствитъ, щадитъ, зритъ, учитъ, избѣжитъ и др.; Ев. 1393 г.: поиметъ 55 об., слѣзетъ 106 об.; духовная Дмитрія Донскаго: вѣдаетъ, перемѣнитъ, имутъ, потянутъ; договоръ Полоцка съ Ригою 1405 года: казнятъ, емлютъ, пустятъ; Палея 1406 г. (часто). Можно еще отмѣтить въ галицкой грамотѣ 1378 г. (Владислава Опольскаго): лежитъ. Въ настоящее время твердое *т* въ формахъ 3-го л. слышится во всѣхъ сѣверно-великорусскихъ и въ части южно-великорусскихъ говоровъ, а также во многихъ говорахъ малорусскихъ (единственное исключеніе—форма суть, вѣроятно, уже не существовавшая въ живомъ языкѣ въ эпоху отвердѣнія конечнаго *т* и потому сохранившая въ литера-

турномъ языкѣ свой древній видъ; срв. книжную форму иматъ, находящуюся въ церковныхъ книгахъ XVI—XVII вѣковъ и современныхъ).

Одновременно съ формами 3-го л. на *тъ* начинаетъ встрѣчаться союзъ *атъ* (чтобы) въ видѣ *атъ*: атъ ходить Кормчая ок. 1282 г., атъ ны спляшеть, атъ самъ есть (=ѣстъ) Лаврентьевскій сп. лѣт. и др.

Кромѣ того, въ западно-малорусскихъ говорахъ отвердѣло конечное *т* въ формахъ 2-го л. мн. повелит. н.: галицк. берітъ (при украинск. берітъ; см. выше, стр. 96).

Много новѣе отвердѣніе конечнаго *н* въ великорусскихъ говорахъ въ нѣкоторыхъ формахъ род. мн.: пѣсе*нъ*, баше*нъ* и т. п. (при дереве*нъ* и др.).

Приведенныя данныя указываютъ на отвердѣніе конечныхъ мягкихъ согласныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ предшествовали гласные. Конечные мягкіе *м* и *т* съ предыдущимъ *с*, также безъ сомнѣнія мягкимъ (срв. погыбьнеть Архангельское Ев. 1092 г. 132), благодаря вліянію этого *с*, сохранили свою мягкость, и мы имѣемъ форму 1-го л. есмь и формы 3-го л. есть, вѣсть. Конечно, вліяніе формъ съ отвердѣвшими согласными не осталось безъ послѣдствій: началъ есмъ писати, кончалъ есмъ, запись Лаврентьевск. сп. лѣт.; снѣстъ, ястъ Ев. 1339 г. 147 об.; ѣстъ Ев. 1354 г. 107 об.; есмъ далъ, есмъ благословилъ, дастъ (рядомъ: дасть) духовная Дмитрія Донскаго; вдастъ Палея 1406 г., и т. п.; современн. великор. дастъ, ѣстъ.

Къ числу случаевъ смягченія согласныхъ звуковъ принадлежатъ случаи смягченія подъ вліяніемъ предыдущаго мягкаго согласнаго звука, случаи, имѣющіе мѣсто, между прочимъ, въ двухъ памятникахъ галицко-волынскаго говора XIV в. — въ Поликарповомъ Ев.: жидовьськы, и въ Луцкомъ Ев.: галелѣисьскую, сидоньсьскыя, гдѣ *с* смягчилось подъ вліяніемъ предыдущихъ *j* и мягкаго *н*. Подобные случаи теперь встрѣчаются въ малорусскомъ нарѣчіи и въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, главнымъ образомъ въ словахъ на *скій* и на *ство*.

Въ большей части случаевъ смягченіе согласныхъ было непереходное, т. е. состояло только въ измѣненіи качества звука; но въ нѣкоторыхъ мы имѣемъ смягченіе переходное, т. е. такое, которое имѣло результатомъ измѣненіе сущности звука. Обще-русскимъ мо-

жетъ считаться только одинъ случай переходнаго смягченія—*шлю*, древняя форма *сълю*; *ш* встрѣчается здѣсь съ XIII вѣка: грамота рижанъ ок. 1284 г.: *шлите*; Ев. 1339 г.: по*шлю* 12 об., 29 об.; Ев. 1355 г.: по*шли* 69 об., по*шлю* 134; Ев. 1357 г.; по*шлю* 22 об., 70; Ефремъ Сиринъ 1377 г. Кромѣ этого глагола, переходное смягченіе мы находимъ въ прилагательномъ о*шль*=о*сьль* (срв. въ Юрьевскомъ Ев. постоянно осьлъ, осьля); Ев. 1357 г.: на жребяти о*шли* 122 об.; Палея 1406 г.: челюсть о*шлю* 181; и, вѣроятно, въ словахъ *шляться* (въ курскомъ говорѣ еще *сляться*; корень тотъ же, что въ *шлю*) и *шти*=*сьти* (срв. ц.-слав. Похвал. слово Кириллу и Меѳ. по сп. XII в.: *сьти* медвьнии словеса ваю; др.-русск. *сытъ*, *сыта* и т. п.); грамота ок. 1510 г.: Иванъ *Ш*ти (прозвище; Ак. Калач. II, 416); Домострой и другіе великорусскіе памятники XVI и XVII вв.: *шти*, *штей*, *штямъ*; современн. великор. *шти* или, при ассимиляціи послѣдующаго согласнаго съ предыдущимъ,—*щи*.

Переходъ конечныхъ звонкихъ согласныхъ въ глухіе. Конечные звонкіе согласные *б*, *в*, *г*, *д*, *ж*, *з* съ теченіемъ времени во всѣхъ почти великорусскихъ, бѣлорусскихъ и западно-малорусскихъ говорахъ перешли въ глухіе, и такимъ образомъ явились: *п* вм. *б*: ло*п*ъ; *ф* вм. *в*: ло*ф*ъ (образованіе *ф* имѣетъ мѣсто только въ великорусскомъ нарѣчіи и чуждо бѣлорусскому и малорусскому, гдѣ *в* или сохраняется, или звучитъ какъ не образующее слога *ў*: ло*ў*); *к* вм. *г*=латинск. *g*: дру*к*ъ (московскій говоръ); *х* вм. *г*=лат. *h*: бо*х*ъ (московскій говоръ), дру*х*ъ (курскій говоръ); *т* вм. *д*: дѣ*т*ъ; *ш* вм. *ж*: но*ш*ъ; *с* вм. *з*: во*с*ъ.

Замѣна конечныхъ звонкихъ глухими почти не замѣчается въ древнѣйшихъ памятникахъ (какъ вовсе не замѣчается и въ современныхъ сѣверно-великорусскомъ яренскомъ и восточно-малорусскихъ говорахъ—украинскомъ и др.), но нѣтъ основанія думать, чтобы она получила развитіе въ очень позднее время. Мы читаемъ въ Кормчей ок. 1282 г.: калан*т*ъ 564 об. (рядомъ: калан*д*ъ); въ Псалтыри 1296 г.: отину*ть* 14 об.; въ Лѣствицѣ 1334 г.: отину*ть* 215; въ Словахъ Григорія Богослова XIV в., л. 7, и въ Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 17, л. 23: отину*ть*; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: пору*п*ъ 101; въ Ев. XIV в. Образцова, описанномъ Царевскимъ: я*ш*ь 67, повелит.; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: Сер*п*ь 3, Труб*чь*шь (род. Т-*жа*) 161, до*жть* 301; въ Лѣт. Аврамки 1495 г.: прише*ть* ратью

96=пришедъ; въ сѣв.-великор. Златоустѣ XVI в. Публ. Б. Q. I. 972: прахъ двири 233 об.; во 2-й Новгородской лѣт. по сп. XVII в.: телѣхъ 99,100 (четыре раза). Рядомъ: въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: Андронигъ апостолъ 27; въ грамотахъ XVI—XVII вв. и въ печатныхъ книгахъ XVII—XVIII вв. поперегъ. Въ современномъ русскомъ правописаніи мы не находимъ глухихъ на мѣстѣ звонкихъ, и, кажется, исключенія представляютъ собою только форма 2-го л. повелит. ѣшь и слово прыть; послѣднее едва ли не одного корня съ церк.-слав. прѧдати, прѧдь, съ малор. прудкий; *т* изъ формы имен. ед. прыть перешло въ формы косвенныхъ падежей: прыти, прытью. Срв. 1) др.-русск. и соврем. русск. столбъ, род. столба (отчества: Столбовичь въ Новгородской лѣт. подъ 1308 г., Столбовъ въ новгородск. Писцовыхъ книгахъ 1495 г.), при церк.-слав. стлъпъ; гал.-волынск. вертебъ, въ вертьбѣ въ Ев. Верковича XIV в. 103 об., 104 об.; соврем. ростовск. свирибый, тверск. вертебинище (Колосовъ), при ц.-слав. сверѣпъ, врътьпъ; 2) соврем. великор. тулупъ, род. -па, при малор. тулубъ, род. -ба; соврем. сѣв.-великор. шахъ, -ха (отсюда шахати), при московск. шакъ, -га (=шагъ).

Переходъ в *въ* у. Согласный *в*, имѣвшій послѣ себя глухой гласный, по мѣрѣ сокращенія этого глухого, во многихъ случаяхъ сталъ переходить и наконецъ (когда глухой исчезъ) перешелъ въ *у*. Собственно-новгородскіе памятники почти совсѣмъ не знаютъ *у* изъ *в*; можно указать: Кормчая ок. 1282 г.: *у*торникъ 522 об.; Новгородская лѣтопись XIV в.: пол*у*тора ста=полъ *в*ътора съта 45, *у*торникъ 214, 219; срв. словацк. *u*torok (*у* древнее, не изъ *в*?); Евангеліе 1355 г.: *у* праздьникъ 159 об. Двинскія грамоты XV в. имѣютъ *у* изъ *в* сравнительно часто: *у* Пикиничѣ земли, *у* томъ острови, *у* рѣкахъ, *у* лѣсѣхъ, *у* Яковле мѣсто, *у*нукъ, Уласей=Власій. Срв. въ большей части современныхъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ—въ новгородскомъ, онежскомъ, архангельскомъ, пермскомъ, вятскомъ—почти полное отсутствіе *у* изъ *в* (лишь изрѣдка *у*дова), а въ меньшей части—въ вельскомъ, яренскомъ, тотемскомъ, потомкахъ древняго двинскаго,—частое употребленіе *у* вм. *в*. Въ памятникахъ псковскихъ XIV в. случаи перехода *в* въ *у* болѣе часты: Параклитикъ 1386 г.: *у*кусивъшю, *у*звеличися, хотя и не составляютъ обычнаго явленія, какъ въ памятникахъ полоцко-смоленскихъ. Изъ послѣднихъ въ старшемъ—въ договорѣ Смолен-

ска съ Ригою 1229 г.—мы читаемъ: *у*здумалъ, *у* Ризѣ, *у*стоко (*о*=*ъ*), *у* Русе (*е*=*ь*)=*в*ъ Русь и т. п.; въ полоцкой грамотѣ ок. 1300 г.: *у* Полотеско, и т. п. Въ западно-русскихъ грамотахъ XIV в. и позже, выданныхъ литовскими князьями и польскими королями, *у* изъ *в* встрѣчается весьма часто; оно представляетъ самое обычное явленіе и въ современномъ бѣлорусскомъ нарѣчіи. Въ галицко-волынскихъ памятникахъ оно тоже весьма часто и встрѣчается уже въ древнѣйшемъ изъ нихъ—въ Добриловомъ Ев. 1164 г.: до*у*лѣѥть; Галицкое Ев. ок. 1266 г. имѣетъ *у* изъ *в* уже не разъ: *у*купѣ, *у*зяти, *у* шестую година, *у*лѣсти *у* корабль; Поликарпово Ев. 1307 г.: *у* водахъ, не *у*веди во искушѣньѥ, *у*нутрьняя, *у*торып; Луцкое Ев. XIV в.: *у* слѣдъ, *у*сходяща, видѣ*у*ше. Это *у* не рѣдко и въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи. Въ памятникахъ средне-русскихъ, не имѣющихъ особенностей новгородскаго говора, замѣна *в* черезъ *у* встрѣчается весьма рѣдко; такъ, напримѣръ, въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт. мы находимъ только: *у*нуки 64, 65. Въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, не знающихъ мѣны *ч* и *ц*, нѣтъ почти совсѣмъ замѣны *в* черезъ *у*; въ говорахъ южно-великорусскихъ въ однихъ (въ Московской губ.) ея также нѣтъ, въ другихъ — въ тульскомъ, калужскомъ, орловскомъ, курскомъ и т. д.—она встрѣчается довольно часто, но ограничивается предлогомъ-префиксомъ *въ* и немногими словами съ начальнымъ *в*: *у*дова, *у*нукъ, *у*сё=всё и т. п. Въ древнихъ памятникахъ кіевскихъ *у* изъ *в* нѣтъ.

Это *у* изъ *в* въ великорусскихъ памятникахъ (кромѣ двинскихъ) повидимому было обыкновеннымъ гласнымъ *у*, составляющимъ слогъ; такъ оно звучитъ въ соврем. великор. *у*нукъ, *у*дова, *у* городъ. Что до *у* изъ *в* въ памятникахъ двинскихъ и западно- и южно-русскихъ, то оно могло звучать или вездѣ какъ *у* не составляющее слога, или въ значительномъ большинствѣ случаевъ, подобно тому, какъ оно звучитъ въ современныхъ вологодскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ: *ў* городъ, ро*ў*ный, ло*ў* (=ловъ).

Рядомъ съ *ў* въ *ў* городъ и т. п. въ говорахъ, имѣющихъ *ў*, сохранилось древнее *в* (или образовавшееся изъ него *ф*): *в* городъ.

Переходъ *в* въ *ў* имѣлъ мѣсто также въ концѣ словъ: современн. малор. петро*ў*=петро*в*ъ, кро*ў*=кро*в*ь и т. п.

Переходъ *у* **въ** *в*. Гласный *у*, находясь безъ ударенія передъ гласными и согласными, тамъ, гдѣ стеченіе согласныхъ не требовало нахожденія полнаго гласнаго звука, во многихъ случаяхъ перешелъ въ *ӱ* не составляющее слога и передаваемое въ старыхъ текстахъ то черезъ *у*, то черезъ *в*; а это *ӱ* въ свою очередь перешло въ *в*.

Собственно-новгородскіе и средне-русскіе памятники, а за ними и большая часть современныхъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ, почти совсѣмъ не знаютъ *в* вмѣсто *у*: Ев. 1355 г.: евангелія въскресная за*в*треняя 147; Лаврентьевскій сп. лѣт.: за*в*тра 12; бѣлозерская грамота 1613 г.: передъ за*в*тренею Ак. Юр. 75; вологодская грам. 1641 г.: послѣ за*в*трени А. Ю. 370; современн. за*в*тра, за*в*треня, за*в*трокъ и т. п. Въ двинскихъ документахъ XV в. *в* изъ *у* болѣе часто: купи у Григорья, *въ* Обросима, у Степана *въ* Ивanова, купи *въ* Оврама *въ* Онтомановица, *въ* пецати стоялъ (Ак. Юр.), *в* людеи кунъ не имати, *в* пецати стояли (Ак. Калачева II, № 126). Современные потомки древняго двинскаго горора также знаютъ *ў* изъ *у*. Въ псковскихъ памятникахъ *в* вмѣсто *у*, кажется, не встрѣчается. Смоленско-полоцкія грамоты имѣютъ это *в* изрѣдка: смоленская грамота 1284 г.: *в* сѣбе=*у* себе; полоцкая грамота ок. 1300 г.: *во* отьца=*в* отьца=*у* отца. Въ западно-русскихъ памятникахъ XIV в. и слѣдующихъ *в* вмѣсто *у*—явленіе обычное. Нѣсколько случаевъ его употребленія представляетъ, между прочимъ, Псалтырь 1296 г.: да не въпаду пакы *в*добь въ тыя же грѣхы 124=*у*добь, кто *в*равнится господеви 185 об. (Синайская Пс.: *у*равьнитъсѧ), и *въ*молкоша волны... и възвеселишася яко *у*молкоша 236 (Синайская Пс.: *у*млъкѫ). Современные бѣлорусскіе говоры имѣютъ *ў* изъ *у* часто. Въ галицко-волынскихъ памятникахъ мы читаемъ: въ Галицкомъ Ев. ок. 1266 г.: *въ*мрете, *въ*мыся, во *въ*стѣхъ=въ устѣхъ, *въ*шима=ушима, *в*хо=ухо, *въ* отця=у отца; въ Поликарповомъ Ев. 1307 года: на*в*чи, съ *в*ченики, *въ*мреть, во *въ*тробѣ и т. п. Подобные случаи употребленія *ў* и *в* вмѣсто *у* мы встрѣчаемъ очень часто въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи. Памятники средне-русскіе, не знающіе мѣны *ц* и *ч*, имѣютъ *в* вмѣсто *у* рѣдко: Ев. 1354 г. (можетъ быть, московское): завтра еще мрачно зѣло въставъ 65; Ев. 1357 г. (писанн. въ сѣверн. Галичѣ): видѣхъ *въ* отца моꙗго 13 об.; письмо ц. Алексѣя Михайловича 1652 г.: за*в*треню, Ак. Арх. Э. IV, 79. Изъ современныхъ великорусскихъ говоровъ

тѣ, которые имѣютъ *у* изъ *в*, имѣютъ и *в* вмѣсто *у* и особенно часто употребляютъ *в* въ значеніи предлога-префикса *у*: *въ* мене, *въ* насъ; прочіе великорусскіе говоры знаютъ новое *в* только въ словахъ за*в*тра, за*в*трокъ, за*в*треня и производныхъ (срв. «да чу, и къ за*в*тренѣ звонятъ», Жуковскій).

Чередованіе *в* и *у* въ однихъ и тѣхъ же словахъ (*в*есь, им. ед., и *у*сего, род.; *в* огни и *у* домъ) вызвало также появленіе *ув* вмѣсто *в* и *у*. Это *ув* возникло въ юго-западныхъ русскихъ говорахъ довольно рано: гал.-вол. Типографское Ев. XII—XIII в. № 6: *ув*торыи; Луцкое Ев. XIV в.: *ув*есь народъ; Ипатскій сп. лѣт.: *ув*тягли 425 (рядомъ: утягли); гал.-вол. Поученія Ефрема Сирина 1492 г.: *ув* адъ; западно-русскіе акты XV—XVII вв. имѣютъ его нерѣдко; срв. въ Псалтыри 1296 г.: *въвъ* вѣкъ 218; въ Ев. Тяпинскаго XVI в.: *в'во* што, *в'во* сне, *във*ойдете и т. п. Современные бѣлорусскіе, малорусскіе и нѣкоторые южно-великорусскіе говоры имѣютъ болѣе или менѣе часто: *ув*есь=весь, *ув* огни=въ огнѣ, *ув* огня=у огня, то съ *ў*, то съ *у*.

Переходъ *у* (изъ *ю*) въ *ў*, *в*, между прочимъ, имѣлъ мѣсто въ формахъ твор. п. ед. словъ женск. р.; въ записи Кирилло-бѣлозерскаго Сборника XV в.: в лѣто 6971... написана бысть сіа книга моею худо*въ* рукою; въ грамотѣ до 1459 г.: свое*въ* дочерью (Ак. Калачова I, 848); въ припискѣ конца XV в. въ Румянцевскомъ Ев. № 188: чтобы мя пожаловалъ волостие*въ* 302 об.; въ грамотѣ XVI в.: въ межахъ съ монастырско*въ* деревне*въ* съ Троецко*въ* (Ак. Ѳед.-Чех. I, 125). Судя по тому, что изъ великорусскихъ говоровъ формы твор. ед. на *ў* имѣютъ лишь потомки древняго двинскаго говора, всѣ указанные нами памятники написаны въ предѣлахъ древней Двинской земли. Должно замѣтить, что то же *ў* въ формахъ твор. ед. словъ женск. р. и мѣстоименій личныхъ и возвратнаго знаютъ нѣкоторые западно-малорусскіе (карпатскіе) говоры: руко*ў*, мое*ў*, мно*ў* (срв. однородныя формы твор. п. въ старыхъ сербскихъ памятникахъ въ родѣ руко*въ*, мо*ѥвь* и т. п., рядомъ съ *у* изъ *в* вообще).

Переходъ *ý* въ *ў* и въ *в* какъ будто находится въ связи съ переходомъ начальнаго неударяемаго *и* составляющаго слогъ въ *и̯* не составляющее слога и затѣмъ или съ полнымъ исчезновеніемъ этого *и*, или съ переходомъ его въ *j* (см. выше, стр. 92).

Переходъ *л* **въ** *ў*. Твердое *л*, находясь передъ согласными или въ концѣ словъ, въ разныхъ русскихъ говорахъ перешло въ не составляющее слога *ў*, такъ что старое во*л*къ сталъ звучать во*ў*къ, старое да*л*ъ — да*ў*. Переходъ *л* въ *ў*, имѣющій самое обширное распространеніе въ современныхъ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, появляется въ юго-западно-русскихъ текстахъ сравнительно поздно: приписка к. XVI в. въ Ев. Слуцкаго Троицкаго монастыря: самъ своею рукою переписа*в*ъ, тотъ князь учини*в*ъ; приписка XVI—XVII в. Румянц. Ев. № 127: за до*в*гъ; Сборникъ XVI—XVII в. Син. Библ. № 937: небо сотворилъ словомъ..., небо змѣри*в*ъ пядию, море розли*в*ъ горстию 21 об.; печатныя южнорусскія изданія XVI—XVII в. (особенно Лексиконъ Памвы Берынды 1627 г.). Тотъ же переходъ имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ сѣверновеликорусскихъ говорахъ (главнымъ образомъ Вологодской губ.). Старыя великорусскія формы прошедш. врем. въ родѣ сгада*в*ъ ѥсмь (грамота Олега рязанскаго послѣ 1356 г.) къ нему не относятся; срв. современн. онъ пришетчи, онъ выспавшись.

Переходъ *в* **въ** *л*. Измѣненіе *в* въ твердое *л* произошло лишь въ немногихъ отдѣльныхъ словахъ въ великорусскихъ нарѣчіяхъ ко*л*ды, то*л*ды, завсе*л*ды (изъ ко*в*ды и т. д.) и въ рядѣ великорусскихъ же собственныхъ именъ. Нарѣчія являются съ *л* впервые въ грамотахъ XVI в.: въ суздальской грамотѣ 1556 г.: то*л*ды Ак. Ѳед.-Чех. I, 143; собственныя же имена—въ грамотахъ XV в.: грамота XV в.: О*л*тухъ (=Евтихій) Ак. Ѳед.-Чех. I, 5; новгородск. грамота 1567 г.: О*л*фимовъ Ак. Арх. Э. I, 311; соликамск. грам. 1609 г.: О*л*фимко Ак. Арх. Э. II, 151; срв. въ новгородскихъ Писцовыхъ книгахъ 1495 г.: О*л*фимъ (I, 550) и др. Кіевскій Помянникъ XVI в. не разъ имѣетъ собственныя имена съ *л*: Е*л*туфій, Е*л*химъ, Е*л*фимія. Современные южно-великорусскіе говоры имѣютъ А*л*дакимъ, А*л*дакéя, А*л*дотья (=Евдокія), А*л*гинья (=Евгенія). Срв. фамиліи А*л*патовъ (отъ Евпатій), О*л*суфьевъ (отъ Евпсихій), А*л*туховъ. Можно указать еще на олонецк. се*л*году (=сего году) и на шенкурск. во*л*торникъ (=во*в*торникъ). Должно замѣтить, что тотъ же переходъ *в* въ *л* существуетъ въ одномъ изъ польскихъ говоровъ: A*l*gustów (Wisła, III, 168).

Переходъ *г* **въ** *h* **и въ** *j*. Къ числу древнѣйшихъ обще-русскихъ измѣненій въ области согласныхъ принадлежитъ измѣненіе *г*=*g* въ *г*=*h*.

Какъ сказано выше, первоначально *г* произносилось у насъ какъ *g*; но очень рано вмѣсто него стало слышаться *h*: въ надписи на чарѣ князя Владимира Давыдовича до 1151 г.: *о*сподаря; въ галицко-волынскомъ Ирмолоѣ XII—XIII в.: бласловите, бласловленъ; въ полоцкой грамотѣ конца XIII в.: бласловляю, бласловѣнье. Эти написанія показываютъ, что въ приведенныхъ словахъ писцы не только произносили *г* какъ *h*, но иногда и опускали этотъ звукъ. Въ болѣе позднихъ памятникахъ мы нерѣдко замѣчаемъ отсутствіе *г* въ началѣ словъ *г*осподарь, *г*осударь, *г*осподинъ и т. п.: въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Ольгердомъ 1372 г.: отъ *о*спожына заговѣнья; въ договорѣ Новгорода съ Тверью 1371 г.: *о*сподаря; въ южно-русск. грамотѣ ок. 1386 г.: *о*сподаремъ; въ смоленской записи Исаака Сирина 1428 г. Публ. Б.: *о*сподарю (рядомъ: *го*сподарь); вкладная половины XV в. въ новгородскомъ Прологѣ 1432 г. Публ. Б.: за *о*сподаря; въ повѣсти объ Акирѣ XV в.: *о*сподинъ, -на; въ зап.-русск. Четьѣ 1489 г.: *о*сподарьскъ, *о*споже, и т. п. Такого рода исчезновеніе *г* могло имѣть мѣсто, конечно, только въ томъ случаѣ, когда *г* произносилось какъ *h*. Въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ *h* господствовало уже въ XIV в. Къ этому времени относится начало употребленія въ грамотахъ латинскихъ князей и польскихъ королей новаго знака для *г*=*g*—*кг*, который почти постоянно является въ словахъ, заимствованныхъ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ изъ польскаго и литовскаго языковъ (гдѣ *g*, не *h*): Скири*кг*айло, *Кг*едроитьскии князи, *кг*ды, и крайне рѣдко въ словахъ чисто русскихъ, въ родѣ *кг*дѣ. Если мы возьмемъ латинскія грамоты, писанныя въ Галиціи, то найдемъ въ нихъ въ большинствѣ случаевъ *h*, а не *g*: въ грамотѣ 1371 г.: *H*odovica; въ грамотѣ 1375 г.: *h*aliciensis; въ грамотѣ 1451 г.: *h*lubokigo; впрочемъ рядомъ съ *h* въ нихъ встрѣчается и *g*: грамота 1378 г.: mo*g*illa; грамота 1451 г.: hluboki*g*o, Jur*g*i=Юрій, Юргій; изъ послѣднихъ данныхъ несомнѣнно русское Jur*g*i указываетъ на то, что въ XIV и XV вв. въ малорусскихъ говорахъ, не смотря на господство *h*, кое-гдѣ еще оставалось *g*; срв. *к* въ словѣ роз*к*а=роз*г*а (Галицк. Ев. 1283 г. и Луцк. Ев. XIV в.), современн. украинск. різ*к*а, образовавшееся, конечно, изъ *g*, а не изъ *h*.

Въ современномъ великорусскомъ нарѣчіи одни говоры (южные) употребляютъ одно *h* (въ нихъ нѣтъ *g*), другіе знаютъ *h* въ боль-

шемъ количествѣ случаевъ, третьи въ меньшемъ, четвертые совсѣмъ его не знаютъ. Нашъ литературный языкъ употребляетъ *h* послѣдовательно въ словахъ *благодарить*, *благословлять*, *господь*, *господина*, *бога* (род.) и т. д., *богатъ* и т. п. и нерѣдко въ словахъ *мягокъ*, *лёгокъ*, *дёготь*, *ноготь* (вліяніе формъ мя*х*кій, дё*х*тя и т. д.); можно слышать изрѣдка также *голубь*, *горох*ъ и др. съ начальнымъ *h*.

Кромѣ этихъ словъ, великорусское нарѣчіе знало и отчасти знаетъ звукъ *h* въ формахъ род. ед. прилагательныхъ и мѣстоименій: хорошо*h*о, добро*h*о, чо*h*о; но съ теченіемъ времени это *h* въ значительной части говоровъ исчезло, такъ что явились сначала формы безъ *h*, до насъ дошедшія: хорошоо, доброо, чоо (изъ послѣдней южно-великор. не́ча=нѣчего; сравни форму род.-вин. ед. кождо въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в.: наумляя единого кождо 73 об., уды единого кождо ихъ 113 и т. п.), въ которыхъ потомъ на мѣстѣ *h* развилось *в* и такимъ образомъ получились современныя формы хорошо*в*о, добро*в*о. Срв. сербск. ру*в*о изъ руо, ру*х*о, псковск. *в*оспода (въ Погодинск. сп. Псковской лѣт. XVI в.; изъ осп—, *h*осп—), *в*оспожынъ (прибавл. XVII в. къ Домострою 148) изъ осп—, *h*осп—; бѣлор. *в*усли при *г*усли, великор. короводъ, караводъ при великор. и бѣлор. карагодъ, курагодъ (корогодъ: Скорина, Исходъ 61 об.; Лютер. Катихизисъ 1562 г.); др.-русск. по*в*остъ (Лаврент. сп. лѣт. 59) и соврем. сѣв.-великор. по*в*остъ при по*г*остъ; сѣв.-велик. мно*в*о при мно*г*о; срв. однако также великор. ко*в*да, ко*в*ды и т. п. изъ ко*h*да, бѣлор. ко*в*да, зеўзюля изъ зе*г*з—, рядомъ съ зезюля (при др.-русск. зе*г*зица Слово о п. иг.), малор. зоўзуля, рядомъ съ зозуля, сербск. т*в*ор (хорекъ), рядомъ съ т*х*ор, моравск. le*v*ký при le*h*ký; срв. *ф* изъ *х* (о чемъ см. ниже). Формы род. пад. съ *в* встрѣчаются уже въ московскихъ и сѣверно-русскихъ памятникахъ XV в.; такъ мы читаемъ въ записи новгородск. Пролога 1432 г. Публ. Библ.: велико*в*о Новагорода, рукою убого*в*ъ (*ъ*=*о*) калуѥра; въ надписи на крестѣ 1434 года: боголѣпно*в*о Преображения (Зап. Имп. Археол. Общ. X, 333); въ грамотѣ ок. 1445 г.: право*в*о (Акты Калачова I, 97); въ Лѣтописи Аврамки, написанной въ Смоленскѣ въ 1495 году: мужа мое*в*о 233.

Вѣроятно, звукъ *h* слышался нѣкогда также въ великорусскихъ собственныхъ именахъ Бо*г*уславъ, Бо*г*ухвалъ и Бо*г*ушь, которыя въ документахъ XV—XVI вв. пишутся уже Буславъ и Боушь; въ

двинской грамотѣ XIV—XV в.: Михаило Буславль (Ак. Юр. 117); въ 1-й Псковской лѣт. подъ 1500 г.: Ѳома Буславичь; въ грамотѣ XVI в.: Буславъ (Ак. Ѳед.-Чех. I, 197); въ грамотахъ XVII в.: Бухвалъ (Ак. Юр. 149, Собр. госуд. гр. и дог. III, 34); срв. фамиліи Бухвостовъ, Бухвастовъ, появляющуюся въ документахъ съ конца XV в., и Бухряковъ, извѣстную по документамъ XVII в.

Звукъ *h* въ началѣ и серединѣ словъ передъ согласными и въ концѣ словъ послѣ согласныхъ въ нѣсколькихъ словахъ отпалъ: де=*г*дѣ, *г*де (впрашаху *дѣ* царь ражаѥться, Ев. 1358 г. 202 об.; *дѣ* буду помялся, запись Апостола ок. 1389 г.), великор. кода, тода и т. п., оноды-сь, малорусск. тоді, иноді=ко*г*да, то*г*дѣ, малор. четверъ = четвер*г*ъ; срв. великор. спасибо, малор. спасибі = спаси (3 л. повел.) богъ.

Другое измѣненіе *г*=*g*, въ *j*, спорадическое, исключительно передъ *е* и *и*, по преимуществу въ заимствованныхъ словахъ,—свойственно одному великорусскому нарѣчію. Великорусскіе документы съ начала XV в. имѣютъ болѣе или менѣе часто: княини (рядомъ съ княгини); тѣ же документы имѣютъ: арханьилъ и т. п.; Лѣтопись по Академич. сп. XV в.: аньильскыи образъ (Лѣт. по Лаврент. сп. 490); Ипатскій сп. лѣт.: аньеломъ 189, аньела 190 и др.; Стихирарь 1380 г. и запись Минеи праздничной к. XIV в. Троицк. Л.: Ѥрмоена; запись новгородск. Пролога 1432 г. Публ. Библ.: калуѥра; грамота 1549 г.: на Ермана (Ак. Ѳед.-Чех. I, 115); современн. великор. княиня (при княгиня), аистъ (вѣроятно, изъ агистъ), енералъ и т. п.; срв. въ галицко-волынскомъ Ефремѣ Сиринѣ 1492 г.: у ѥваньѥльихъ 103, аньѥлъ 139 об., аньѥльскыи 151.

Мѣна *ф* **и** *х*. Звукъ *ф*, перешедшій въ русскій языкъ изъ другихъ языковъ, скоро былъ усвоенъ народомъ, но не вездѣ. Галицко-волынскій говоръ обнаружилъ мало способности къ усвоенію *ф* и сталъ замѣнять его или черезъ *х*, или черезъ болѣе близкое къ нему *хв*. Вслѣдствіе этого въ галицко-волынскихъ памятникахъ въ словахъ, перешедшихъ изъ греческаго языка, мы иногда находимъ какъ бы отсутствіе различенія буквъ *ф* и *х*, употребленіе *х* вмѣсто *ф* и наоборотъ—*ф* вм. *х*: Галицкое Ев. ок. 1266 г.: земля не*х*талимля, въ прѣдѣлѣхъ не*х*талимлихъ, Ѥри*ф*онъ, Амфило*ф*ья; Луцкое Ев. XIV в.: *Х*ролъ; галицкія грамоты XIV в.: *Х*ома, *Х*ролъ, *Х*одко, *Х*одоръ (срв. въ псковскомъ Параклитѣ 1386 г.: при попе Ѳодоре,

зап.; въ Ипатскомъ сп. л.: у Ѳодорка 595); галицкая грамота 1409 г.: Мало*фьи*; стоитъ еще отмѣтить въ Бучацкомъ Евангеліи XIII в.: Вар*хф*оломѣя 2 об.; въ Каменецъ-Стромиловскомъ Ев. 1411 г. (описанномъ Крыжановскимъ): Е*хв*ремъ, *хв*арисейска; срв. въ Кіевскомъ Помянникѣ XVI в. рядомъ: *Х*алелѣй, *Х*отимія, *Х*има, Мар*хв*а, Иоси*хв*ъ, Не*хв*едъ, Мало*ф*ей, Па*ф*омій. Современные малорусскіе говоры въ большинствѣ случаевъ замѣняютъ *ф* или черезъ *х*: *Х*ома, *Х*івря (=Февронія), *х*уторъ (=ст.-пол. *f*utor), или черезъ *хв*: *Хв*едоръ, *Хв*едько; только немногіе изъ нихъ имѣютъ *ф* и употребляютъ его, между прочимъ, вмѣсто *х* и *хв*: *ф*устка, *ф*орий, *ф*істъ (*хв*остъ).

Нѣкоторые великорусскіе говоры, напротивъ того, не только усвоили *ф*, но и обнаружили къ этому звуку нѣкоторое пристрастіе, такъ что стали замѣнять имъ *х* и *хв* (особенно *хв* черезъ посредство *хф*) и въ заимствованныхъ, и даже въ исконныхъ русскихъ словахъ. Мы читаемъ въ Рязанской Кормчей 1284 года: Анфило*ф*ии 1 об.; въ Румянцевскомъ Обиходѣ XIII—XIV в.: Мамел*ф*ы 90 об.; въ Ев. 1358 г.: Мамел*ф*ы, Анфило*ф*ья, *Ф*русанфа; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: Амфило*ф*ии; въ Ев. 1399 г.: ли*ф*ою 60; въ Прологахъ XIV в. Тип. Б. № 346 и № 348: Мамел*ф*а; въ Новгородской лѣт.: Т*ф*ѣрь 247 (при Тъ*хв*ѣрь 160, 167, Тъ*хв*ѣрца 164; срв. соврем. Ти*хв*инъ); въ Канонарѣ 1457 г. Син. Библ.: Стеѳане и Про*ф*оре 72; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: *ф*ронографъ 200, *ф*иниптомъ 395 (срв. *х*имипетъ въ припискѣ къ Мстиславову Ев. послѣ 1115 г., греч. χυμευτόν); въ Академическомъ сп. лѣт. XV в.: *ф*осту (Лѣт. по Лавр. сп. 114); въ описи домовой казны патр. Никона 1658 г.: ѳутынского, ѳилондарьскаго; въ вкладной XVII в. при Лѣствицѣ Рум. Муз. № 493: Ѳутынь монастырь; въ Путешествіи попа Лукьянова 1701 г. (по изд. Русск. Архива): Ли*ѳ*инъ=Лихвинъ; въ грамотахъ XVII в.: Ти*ф*инъ, Ли*ф*инъ. Стоитъ отмѣтить еще въ Сборникѣ XVI—XVII в. Публ. Б. (Q XVII. 67): о монастырѣ ти*хф*инскомъ; во 2-й Новгородской лѣт. XVII в.: Ти*хѳ*ина 370.

Современные южно-великорусскіе говоры (Орловской губ. и сосѣднихъ мѣстъ) имѣютъ *ф*остъ, *ф*оростъ и т. п.; въ однихъ сѣверно-великорусскихъ (Олонецкой губ.) слышится: *ф*астать, *ф*атать, а въ другихъ (Кирилловскаго уѣзда Новгородск. губ. и сосѣднихъ мѣстъ) даже добры*ф*ъ, тѣ*ф*ъ, *ф*то=кто. Литературный языкъ имѣетъ лишь

*ф*илинъ (повидимому изъ *х*илинъ: такъ читается это слово въ Румянц. Алфавитѣ XVII в. № 456, л. 476 об.; срв. фамилію Хилиновъ въ грамотѣ XVII в. Ак. Юр. 366) *ф*инифть, ка*ф*ельная печь (нѣм. ka*ch*el изразецъ), а московскій вульгарный говоръ еще—ку*ф*ня, пана*ф*ида, *ф*атера (изъ *кв*артера, черезъ посредство *хв*—), *ф*арталъ; срв. еще московск. ку*в*ши́нъ (точнѣе ку*ф*шынъ) и діалектич. великор. ку*к*ши́нъ (такъ пишется уже въ памятникахъ XVI в.), ку*х*ши́нъ и московск. ла*п*ша́ (можетъ быть, изъ ло*ф*ша) и діалектич. великор. ло*к*ша́, ло*х*ша́.

Другіе великорусскіе говоры имѣютъ замѣну *ф* черезъ *х*, одни рѣже, другіе (южные) чаще. Она есть и въ памятникахъ: Прологъ 1262 г. 82 об. и Прологъ 1356 г. 90 об.: въ Коло*х*онѣ; запись новгор. Октоиха 1457 г. Публ. Б: Пер*х*урья; современныя *Х*овронья (=Февронія), Пер*х*уръ (=Порфирій), Ва*х*ромей (Ва*ф*ромѣи Ев. 1393 г. 83=Вареоломей), Оста*х*ъ (=Евстаѳій), Доро*х*ъ (=Дороѳей). Древне-русское прос*к*ура или, какъ въ Кормчей ок. 1282 г., прос*х*ура 105 = прос*ф*ора, прос*ф*ура (Житіе Нифонта 1219 г. 167)—обязано своимъ *к*, *х* вліянію глагола прос*к*умисати προσκομίζειν и производныхъ и не находится ни въ какой связи съ случаями замѣны *ф* черезъ *х*; срв. въ старыхъ южно-славянскихъ памятникахъ прос*к*ура, современное сербск. прос*к*ура, новоболгарск. прос*к*уръ.

Бѣлорусскіе говоры стараго времени, можетъ быть, знали замѣну *хв* черезъ *ф*: Литовскій Статутъ 1588 г.: ли*ѳ*ою 88, у*ѳ*алена 244; Ев. Тяпинскаго: *ф*ороба, *ф*орый; зап.-русская Псалтырь XVI в. Рум. Муз.: по*ѳ*атили, ли*ѳ*у, *ф*оробы; однако можно видѣть въ этихъ словахъ съ *ф* и въ связанныхъ съ ними малорусск. и бѣлорусск. *х*ороба, *х*орый, съ *х*, —полонизмы: срв. старо-польск. li*f*a=лихва, *f*ała=хвала и т. п.; срв. также современн. польск. *chw*alić, *f*alić и *ch*alić, *chw*oina, *f*oina и *ch*oina и т. п. Современные же бѣлорусскіе говоры обыкновенно замѣняютъ *ф* черезъ *х* или *хв*.

Замѣна *ф* (=греч. φ, не ϑ) черезъ *п* и наоборотъ произошла не на русской почвѣ, а вѣроятно, на греческой: Оси*п*овъ, запись Трефолоя 1260 г.; Сте*п*анъ, Со*п*ронъ, Кіевскій Помянникъ XVI в., и т. п.; соврем. великор. Оси*п*ъ, Сте*п*анъ, малор. *П*или*п*ъ (въ грамотѣ Ягелла 1394 г.: *П*илипова руда), Су*п*рунъ; Огро*ф*ѣна, Огро-

*ф*ина (=Агриппина), Сера*ф*іонъ и др. Кіевскій Помянникъ XVI в., соврем. великор. Агра*ф*ена, Проко*ф*ій.

Срв. выше однородную замѣну *h* черезъ *в*: великор. ко*в*да, то*в*да, ко*в*ды и т. п., бѣлорусск. зе*в*зюля, зе*ў*зюля, малор. зо*в*зуля, зо*ў*зуля.

Смягченіе согласныхъ. Кромѣ указанныхъ ранѣе, въ историческое время существованія русскаго языка были еще случаи смягченія согласныхъ.

1. *Смягченіе гортанныхъ*, неорганическое и непереходное, имѣло мѣсто передъ *ы* и состояло въ томъ, что древніе твердые слоги *кы*, *гы*, *хы* превратились въ мягкіе *ки*, *ги*, *хи*. Начало этого явленія (если мы оставимъ въ сторонѣ фуник*и* Святославова Сборн. 1073 г., л. 231 об.) въ южно-русскихъ говорахъ относится по меньшей мѣрѣ къ первой половинѣ XII вѣка. Мы находимъ въ Юрьевскомъ Ев. ок. 1120 г.: к*и*пхъ 2 об., велик*и*п 173; въ Галицкомъ Ев. 1144 г.: птіцямъ небесьск*і*мъ 77; въ Добриловомъ Ев. 1164 г.: ник*и*и, въск*и*се, сек*и*ра; въ Лѣствицѣ XII в. Рум. Муз. № 198: велик*и*имп 2 об., ак*и* 69, 81, 83 об.; въ Богословіи Іо. Дамаскина XII в. Син. Библ.: пак*и* 49, плътьск*и* 96, ак*и* 151; въ Житіи Ѳеодосія Печерскаго по сп. XII в.: велик*и*и 16 об., пак*и* 41; въ Ев. 1283 г.; въ Житіи Саввы Освящ. XIII в. Изъ западно-русскихъ памятниковъ его имѣетъ старшій—договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г., гдѣ читается: ризк*и*и, латинеск*и*и, латинеск*и*мь, княг*и*ни, лих*и*и; въ болѣе поздней Псалтыри 1296 г. оно встрѣчается сравнительно часто: с наимьник*и* 26 об., истерг*и*и 38, ближник*и* 74 об., друг*и* 75, ближик*и* 78, ак*и* 116, 240, 252 об., 253, праздьник*и* 139 об., исък*і*дашася 152 велик*и*мі 221 об. Новгородскіе памятники имѣютъ *ки*, *ги*, *хи* (если не считать друг*и*ми въ Погодинскомъ Кондакарѣ XII в. № 43, л. 4)—со второй половины XIII вѣка: Кормчая ок. 1282 г.: нѣк*и*мъ 564, праздьник*и* 565, чиститèльск*и*хъ 565 об., кумирьск*и*хъ, римьск*и*мъ 566 об., к*и*иждо 567, К*и*ѥве, въ К*и*ѥвѣ 574 и др. (нерѣдко); Ев. 1355 г.: мног*и* 4 об., слуг*и*, пог*и*бнеть 6, нек*и*и 8 об., рек*и*и 11, рук*и*, пак*и* 17 об. и др. (очень часто); Прологъ 1356 г.: пог*и*бнути 3, пог*и*бають 6, мног*и* 49, ак*и* 69 об., 75, 78, владык*и* 79 об. и др. (нерѣдко); Новгородская лѣт. XIV в.: югърьск*и*и, друг*и*и 95,сътьск*и*и 116, заморьск*и*и 145, госпожиньк*и*нъ день 211; новгородская грамота 1372 г.: новгородск*и*хъ; гр. 1392 г.: заморьск*и*хъ; Тактиконъ Никона Черногорца 1397 г. (часто). Средне-

русскіе памятники: духовныя в. кн. Ивана Калиты и другихъ московскихъ князей, Ев. 1339 г., Ев. 1354 г., Ев. 1357 г., Ев. 1358 г., Стихирарь 1380 г., Лаврентьевскій сп. лѣт., Ев. 1393 г., Ев. 1399 г., имѣютъ смягченные гортанные болѣе или менѣе часто, нѣкоторые даже почти постоянно.

Должно думать, что это смягченіе происходило постепенно и что нѣкоторое время слоги *ки* и др. могли быть съ одинаковымъ основаніемъ передаваемы на письмѣ и черезъ *кы*, и черезъ *ки*; отсюда въ памятникахъ XII—XIII вв. колебаніе между *кы* и *ки*; такъ, мы читаемъ въ смоленской грамотѣ 1229 г.: смольнеск*ыи*, латинеск*ы*мь, Риг*ы*; но вѣроятно, къ XIV в. смягченіе гортанныхъ въ русскомъ яз. уже закончилось, и употребленіе послѣ гортанныхъ *ы*, напримѣръ, въ грамотѣ Кейстута ок. 1341 г.: Дорог*ы*чинъ, въ двинской грамотѣ XIV—XV в.: послух*ы* (рядомъ съ сорок*и*, вѣк*и*), въ московской грамотѣ 1447—53 г.: посельск*ы*мъ, симановьск*ы*и, верзневск*ы*мъ, и особенно въ рядной Тѣшаты нач. XIV в.: Як*ы*мъ, Домославъ Вѣкошк*ы*нъ,—должно быть отнесено насчетъ ореографической традиціи. Что до современнаго языка, то въ немъ еще находятся коекакіе остатки старыхъ не смягчившихся гортанныхъ — формы въ родѣ отыск*ы*вать, отпих*ы*вать (рядомъ съ отыск*и*вать и т. д.),— сохранившіяся благодаря вліянію существующихъ рядомъ съ ними родственныхъ образованій съ твердыми гортанными: ис*к*ать, пи*х*ать и т. д.; срв. въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: выиск*ы*вати 245, приск*ы*ваху 254 и др., въ Ипатскомъ сп. лѣт.: выполоск*ы*ваеть 199, въ Палеѣ 1406 г.: опух*ы*ваше 74 об., въ грамотѣ архіеп. Геннадія 1490 года.: обыск*ы*вати (Р. Ист. Библ. VI, 767).

Позднѣе неорганическое смягченіе гортаннаго *к* начало развиваться передъ разными гласными, обыкновенно въ исходѣ словъ, при предыдущемъ мягкомъ согласномъ или *j*-тѣ, исключительно въ памятникахъ великорусскаго происхожденія: въ двинскихъ грамотахъ XV в.: им. ед. староста купечк*еи* (*е=ё*) и т. п.; въ 2-й Псковской лѣт.; им. ед. опоцк*еи* (*е=ё*) и т. п. (срв. современн. сѣверно-великор. им. ед. молодецкёй и т. п.); въ письмѣ Герасима къ Іосифу Волоцкому 1489 г.: бочк*ю* (вин., М. Дух. Ак. № 144); въ Домостроѣ XVI в.: колк*е*, толк*е*, сколк*е*, легонк*е*; въ грамотѣ 1517 г. (московской): пожаловалъ есми Степанк*я* да Осифька да Володк*ю* да Ромашка, судятъ Степанк*я* да Осифько да Володк*е*

да Ромашко, а Степанкя да Осифько да Володкe да Ромашко (Ак. Арх. Э. I, 132—133); въ грамотѣ 1521 г.: Наскя сказываетъ (Ак. Ист. I, 187); въ грамотѣ 1543 г. (коширской): противъ Ѳедкя (Ак. Ѳед.-Чех. I, 101); въ грамотѣ 1548 г.: Ѳедькя Лаптя; въ грамотѣ 1547 г. (муромской): Ивашкя Шевякъ; въ грамотѣ 1673 г. (тульской): Аниськя Сизовъ (Ак. Юр. 452, 247, 389); въ Книгѣ о ратномъ строеніи 1647 г.: синкю. Большая часть современныхъ южно-великорусскихъ говоровъ имѣетъ мягкое *к* при предыдущемъ мягкомъ согласномъ (кромѣ *ц* и *ш*, древняго и изъ *ж*) и *j*-тѣ: батькя, Васькя, Ванькя, чайкю, чайкёмъ, копѣйкя, толькя, легонькя, при головк*а*, Абрамк*а*, Ванюшк*а*, немножк*о* и т. п. Нѣкоторая часть сѣверно-великорусскихъ говоровъ также знаетъ смягченіе *к* при предыдущемъ мягкомъ (и при *ц*, *ш*) или *j*-тѣ. Таковы, между прочимъ, говоры Кадниковскаго и Тотемскаго уѣздовъ Вологодской губерніи, потомки древняго двинскаго говора, имѣющіе матушкя, матушкю, заморськёй, молодецкёй (им. ед.). Эти сѣверно-великорусскіе говоры, при смягченіи *к*, имѣютъ и смягченіе *х*: верьхю. Наконецъ смягченіе *к* произошло въ одной группѣ малорусскихъ говоровъ. Въ нѣкоторыхъ говорахъ мягкое *к* подверглось переходному смягченію и дало *т*: Ваньтя, чайтю.

Нѣтъ сомнѣнія, что смягченіе гортаннаго произошло вслѣдствіе вліянія предыдущаго мягкаго звука.

Кромѣ неорганическаго смягченія гортанныхъ, мы встрѣчаемъ въ памятникахъ кіевскихъ и великорусскихъ спорадическіе случаи смягченія гортанныхъ органическаго—*к* въ *т*, *г* въ *д*: въ духовной кіевскаго князя Андрея Владимировича 1446 г.: Овдотіи; въ описаніи кіевскаго замка XVI в.: Овдутья (Арх. Ю.-Зап. Р. VII, I); въ Кіевскомъ Помянникѣ XVI в.: Овдотія 7 и др., Поладія(=Полагія, великор. Палагéя) 5, 7, 22; въ спискахъ Кіевской лѣтописи (въ томъ числѣ въ Ипатскомъ): *Дюргий*, *Дюрдий* (при *Гюргий*); въ двинской грамотѣ XIV—XV в.: Лутьянъ (=Лукьянъ; Ак. Юр. 112); въ Лѣтописи Аврамки 1495 г.: Акатьевичь (отъ Акакій); въ спискахъ Новгородскихъ и Псковскихъ лѣтописей XV—XVII вв.: Жидимонтъ; въ записи Октоиха 1536 г. Тр. Л.: Поладьи и Микулѣ; срв. въ южно-русск. Дубенскомъ Ев. XVI в. Рум. Муз.: Оудотіи. Изъ современныхъ русскихъ говоровъ лишь великорусскіе имѣютъ собственныя имена съ переходнымъ смягченіемъ гортанныхъ: Овдотья,

Мар*т*ьянъ (=Мар*к*іанъ), Лев*те́*й (=Лев*к*ій), Ев*д*енья, и въ словѣ ан*д*елъ (срв. малорусск. Ни*ч*ипоръ); кромѣ того, въ рядѣ великорусскихъ говоровъ, то рѣже (въ заимствованныхъ словахъ), то чаще, слышится *т*елья=келья, бу*т*етъ, *ст*итъ=скитъ, *т*инуть, рукавич*т*и, *д*птара, з*д*инуть=сг- и т. п.; а нѣкоторые изъ этихъ говоровъ, окающіе, довольно послѣдовательно смягчаютъ каждое мягкое *к*, *г*.

Кстати замѣтимъ слѣдующее. Слово пау*т*ина (великор. и малор.-галицк.), которое обыкновенно считаютъ происшедшимъ изъ пау*к*ина и рядомъ съ которымъ существуетъ слово пау*ч*ина, происходитъ не отъ пау*к*ъ, а отъ другаго слова того же корня съ тѣмъ же значеніемъ=пау*т*ъ, существующаго теперь и съ значеніемъ паукъ (въ Ярославской губ.), но чаще съ значеніемъ оводъ. Въ словахъ ис*т*ецъ (отъ *исто*=капиталъ, древнѣйшее значеніе: собственникъ, заимодавецъ; срв. ст.-польск. iściec заимодавецъ), лас*т*иться, пус*т*ить—*т* не произошло изъ *к*.

Замѣчательно, что рядомъ съ смягченіемъ *к* и *г* въ *т* и *д* мы встрѣчаемъ въ великорусскихъ говорахъ спорадическіе случаи замѣны мягкихъ *т* и *д* мягкими *к* и *г*, исключительно въ заимствованныхъ словахъ: грамота XV в.: Костянь*к*инъ (Мейчикъ, 117); грамота 1654 г.: Іевъ *К*итовъ сынъ (Ак. Юр. 340); современн. московск. вульгарн. *К*итъ (=Титъ), апе*к*итъ, *к*іятръ, о́р*г*енъ (Островскій), Костян*к*инъ, *к*есемка, паш*ке́*тъ. Повидимому, мягкое *т* замѣнено черезъ *к* въ великор. с*к*ирдъ (въ грамотѣ 1518 г. Ак. Юр. 275): срв. малор. с*т*иртъ, бѣлор. с*т*иртъ, польск. s*t*yrt. Одинъ изъ малорусскихъ говоровъ (покутскій, въ Галиціи) послѣдовательно замѣняетъ каждое мягкое *д* и *т* черезъ *г* (=*g*) и *к*: *г*ідъ=дѣдъ, у ха*к*і=въ хатѣ и т. п.

2. Смягченіе **н.** Очень близко къ неорганическому смягченію гортанныхъ въ батькя неорганическое смягченіе согласнаго *н* въ исходѣ словъ при предыдущемъ мягкомъ согласномъ и *j*-тѣ, извѣстное въ большей части современныхъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ: им. ед. си́ль*нё*й, воль*ня*я, дово́ль*нё*, скуць*нё* и т. п. Одна изъ пѣсенъ, записанныхъ для Р. Джемса въ нач. XVII в. имѣетъ: ко силь*н*ему царьству.

Рядомъ съ смягченіемъ *н* мы видимъ при однородномъ условіи—при предыдущемъ твердомъ согласномъ—*отвердѣніе н*: им. ед. ниж*н*ой, лиш*н*ой, конюшн*а* и т. п.; оно извѣстно въ тѣхъ же говорахъ.

Вѣроятно, однородное смягченіе мы имѣемъ въ сѣв.-великор. штё, гдѣ *т* смягчилось подъ вліяніемъ предыдущаго мягкаго *ш* (=др.-р. чьто).

3. Смягченіе зубныхъ. Переходное смягченіе мягкихъ зубныхъ *д* и *т* въ мягкія *дз* (дифтонгъ) и *ц* рѣдко въ великорусскихъ говорахъ, и слова въ родѣ *дзѣци*, *церпѣць* встрѣчаются только въ немногихъ окающихъ говорахъ и лишь въ одномъ-двухъ акающихъ, прежде окавшихъ. Переходъ мягкихъ *д* и *т* въ мягкія *дз* и *ц*— явленіе свойственное большей части бѣлорусскихъ говоровъ, въ томъ числѣ говору ржевскому, Тверской губ., и нѣкоторымъ малорусскимъ говорамъ (Минской и Гродненской губ.), составляющимъ переходныя ступени отъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому. На бѣлорусской почвѣ онъ восходитъ, можетъ быть, къ сравнительно древней эпохѣ; но звуковая близость мягкаго *д* и мягкаго *дз*, мягкаго *т* и мягкаго *ц* даже теперь такъ велика, что не было надобности въ передачѣ этихъ *дз* и *ц* какимъ-нибудь способомъ. Понятно, не только въ грамотахъ XIII—XIV вв., но даже въ такихъ печатныхъ изданіяхъ, какъ Библія Скорины начала XVI в., Лютеранскій Катихизисъ 1562 г., Ев. Тяпинскаго, Литовскій Статутъ 1588 г., въ Познанскомъ Сборникѣ XVI в., въ грамотахъ и актахъ XVI в. мы не находимъ указаній на смягченіе зубныхъ. Правда, въ грамотахъ встрѣчаются изрѣдка формы въ родѣ сла*ц*ь, справи*ц*ь (грамота 1528 г.), но это, повидимому, не что иное, какъ обычные въ нихъ полонизмы. То же должно сказать и о большей части случаевъ употребленія *ц* въ западно-русскихъ грамотахъ XVII в., напр., о словѣ *ц*етревъ=тетеревъ—срв. польск. cietrzew, польское происхожденіе котораго не подлежитъ сомнѣнію. Только въ нѣсколькихъ зап.-русскихъ актахъ XVII в. мы встрѣчаемъ изрѣдка слова чисто-русскія съ *ц* и *дз*, гдѣ эти звуки могутъ быть относимы уже на счетъ русскаго языка и принадлежать тогдашнему произношенію бѣлоруссовъ: *Ц*имошка, Ар*ц*ёмъ.

Въ большей части современныхъ бѣлорусскихъ говоровъ совсѣмъ не существуетъ мягкихъ *д* и *т* передъ гласными: всѣ они перешли въ очень мягкія *дз* (дифтонгъ) и *ц*: *дз*ѣдъ, *дз*ерево, *ц*ѣсто и т. п. (кромѣ вопросительной частицы *ти*, гдѣ *т*, вѣроятно, новаго происхожденія—изъ *ч* или *ц*); равнымъ образомъ нѣтъ *д* и *т* передъ мягкимъ *в*: *дз*вѣ, *ц*вердзѣць.

Отвердѣніе согласныхъ передъ гласными *е* и *и* произошло въ галицко-волынскомъ говорѣ и сопровождалось отожествленіемъ *и* съ потомкомъ древняго *ы*. Благодаря ему, напримѣръ, древнее сочетаніе *те* (срв. малор. формы 2-го л. мн. повелит. н. берí*ть*, съ мягкимъ *т*, изъ берѣ*те*) превратилось въ сочетаніе близкое къ великор. *тэ* или даже съ нимъ тожественное; древнее сочетаніе *ти*—въ *ти* (съ среднимъ *и*, болѣе твердымъ, чѣмъ великор. *и*) или *ты*. Случаи употребленія *ы* вм. *и* и наоборотъ, указывающіе на отвердѣніе согласныхъ передъ *и*, являются въ галицко-волынскихъ памятникахъ уже съ XII в., но до XIV в. очень рѣдки и не внушаютъ къ себѣ довѣрія; такъ, въ Добриловомъ Ев. 1164 г. мы читаемъ: погуб*ы*выи, прос*ы*ти, съвѣтьн*ы*къ; въ Галицкомъ Ев. 1283 г. (съ южно-славянскими чертами): пуст*и*ню 51 об., ст*и*дяхуся 54 об., с*ы*ръ=сиръ 86; въ Поликарповомъ Ев. 1307 года: о назарян*ы*нѣ, седм*ы*жды; въ Луцкомъ Ев. XIV вѣка: съ н*ы*мь; въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV вв.: с*и*нъ, познавам*и* (1-е л. мн.), с болот*и*, под*и*мъя (род. ед.) и т. п.; въ молдавской грамотѣ 1436 г.: Владиславов*ы*, кролев*ы* (дат.). Современные малорусскіе говоры имѣютъ одинаково твердые согласные въ древнихъ *си*рота и *сы*ръ, *иди* (повелит.) и *ды*мъ, *ити* (неопредѣл.) и *ты*нъ и т. п.; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ даже древнее сочетаніе *ли* (*ли*хо) имѣетъ твердое *л*, то самое, что въ древнемъ сочетаніи *лы* (*лы*съ). Отвердѣніе не распространилось на гортанные, которые смягчились передъ *ы*: соврем. сѣв.-малор. рук*і* и т. п., но лишь въ части галицко-волынскаго говора (срв. соврем. украинск. рук*и*); сверхъ того, оно, конечно, не коснулось *j*-та: соврем. малор. *ї*ти (изъ *j*ити), по*ї*ти, укра*ї*на.

Кромѣ галицко-волынскаго отвердѣнія согласныхъ передъ *е* и *и*, въ русскихъ нарѣчіяхъ произошло еще отвердѣніе шипящихъ, *ц*, *р* и губныхъ.

1. Отвердѣніе шипящихъ и **ц**. Какъ сказано выше, шипящіе звуки въ древнѣйшую эпоху исторіи русскаго языка были мягки, т. е. произносились: *ж*—какъ наше *ж* въ словахъ ѣ*жж*ю, ви*жж*ять, *ш*—какъ наше *ш* въ *щ* (т. е. въ *шш*) въ словахъ пищю, пищять, *ч*=какъ наше *ч* въ плачю, туча. Мало-по-малу шипящіе начинаютъ отвердѣвать во многихъ говорахъ. Относящіяся сюда данныя, указывающія уже на полное отвердѣніе, находятся въ памятникахъ не ранѣе начала XIV в.: въ грамотѣ рижанъ въ Витебскъ ок.

1300 г.: слы*шы*шь; въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Ольгердомъ 1372 г.: ме*жы*, кня*жы*лъ; въ духовной Дмитрія Донскаго до 1389 г.: *жы*вите, *жы*рошкины, Сурожыкъ, *жы*вота, дер*жы*тъ; въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣт.: *жы*лами 172, *жы*ва 187, *жажы* 410; въ кіевской Псалтыри 1397 г.: *лжы* 79; въ тетради начала XV в. (въ Кирилло-бѣлозерскомъ Сборникѣ № 6—1083): *жы*зни, слу*жы*теля, *жы*тья, *жы*вый, па*жы*ть и др. 355 об., 357 об., 381. Послѣ XIV в. сочетаніе *ж*, *ш*, даже *ч* съ *ы* уже не рѣдкость; въ XVI—XVII вв. нѣкоторые писцы проводятъ его довольно послѣдовательно; нѣкоторыя печатныя изданія того же времени (а за ними и наши церковныя книги) имѣютъ слоги *жы*, *шы*, *чы* постоянно. Очевидно, къ XIV в. шипящіе *ж* и *ш* во многихъ говорахъ уже вполнѣ отвердѣли; тогда же или вскорѣ потомъ въ нѣкоторыхъ говорахъ (главнымъ образомъ, западно-русскихъ) произошло отвердѣніе *ч*. Современные русскіе говоры имѣютъ, одни въ большемъ, другіе въ меньшемъ количествѣ, твердые шипящіе. Литературный языкъ и большая часть великорусскихъ говоровъ произносятъ *ж* и *ш* твердо, а *ч* сравнительно мягко; нѣкоторые малорусскіе (западные) говоры отличаются обиліемъ мягкихъ шипящихъ.

Тѣ звуки, которые передаются у насъ черезъ букву *щ*, въ древности, какъ сказано выше, очень часто произносились какъ *шч*. Съ теченіемъ времени въ большинствѣ великорусскихъ и въ нѣкоторой части малорусскихъ говоровъ эта звуковая группа въ массѣ случаевъ, вслѣдствіе ассимиляціи второй ея части съ первою, перешла въ *шш* (т. е. въ долгое *ш*); изрѣдка, спорадически, вслѣдствіе диссимиляціи, она образовала *шт* (съ мягкимъ *т*): сѣв.-великор. *шт*юка=щука, е*штё*=ещо и т. п. (рядомъ съ *жд* изъ *жж*: пріѣ*жд*ять и т. п.); въ нѣкоторыхъ великорусскихъ, въ бѣлорусскихъ и въ большей части малорусскихъ говоровъ *шч* (откуда при цоканьѣ иногда *сц*, *шц*) сохранилось до настоящаго времени.

Сказанное имѣетъ въ виду только древнее *щ*=*шч* и то сравнительно рѣдкое новое *шч*, которое произошло изъ сочетанія разныхъ согласныхъ съ *ч* (разно*щ*икъ, объѣ*щ*икъ = ѣздьчикъ и т. п.). Новое *шч*, образовавшееся при сложеніи предлоговъ-префиксовъ съ именами и глаголами, обыкновенно сохраняется (оно не перешло въ *шш*): *ш ч*естью=съ честью, *ш ч*ѣмъ=съ чѣмъ (но *шш*ётъ счетъ, *шш*итать и т. п).

Двойное *ш*, т. е. *щ*, равно какъ и двойное *ж* въ ѣ*жж*ю, ви*жжя*ть, по*жж*е (отъ поздо), въ литературномъ языкѣ произносится мягко, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ двойное *ш* и двойное *ж* образовались при сочетаніи предлоговъ и префиксовъ съ именами и глаголами: *ж жо*нами, *жж*эчь, *ш шы*тьёмъ, *шшы*ть, и гдѣ оба *ж* и оба *ш* произносятся твердо. Находясь послѣ согласныхъ, мягкое двойное *ш* можетъ переходить въ простое *ш*, иногда сохраняющее свою мягкость: ям*ш*икъ, жен*ш*ина (рядомъ съ мор*щ*ить, топор*щ*иться, прель*щ*ять, хол*щ*ёвый), иногда звучащее уже твердо: тол*шы*на, Поль*ша* (малор. Поль*щ*а, польск. Polska), шер*ша*вый (при шер*сть*). Находясь же передъ согласными, двойное *ш* переходить въ простое *ш*, то мягкое, то твердое, въ зависимости отъ качества слѣдующаго согласнаго: жени*шь*ко, сыни*шь*ко и т. п., откуда жени*шка*, сыни*шка* и т. п. (изъ -*щь*ко; срв. ц.-сл. и др.-русск. уменьшительныя на *ище*: ц.-сл. жен*ище* γυναικάριον въ Христинопольскомъ Апостолѣ XII в., велблуд*ище*=верблюженокъ, др.-русск. Кузьм*ище*, Петр*ище*, срач*ица*=рубашонка въ Повѣсти о Дракулѣ и т. п.), кле*ш*ня (изъ клѣ*щь*ня; срв. кле*щ*и и т. п.), пе*ш*ня (ломъ для колки льда; срв. пѣ*сть* и т. п.), *ш*мель (срв. ст.-пол. *szcz*miel, великор. и малор. *ч*мель, *ч*міль), пригор*ш*ня (срв. въ Житіи Ѳеодосія Печ. по сп. XII в.: пригърш*щ*а), то*ш*нить, то*ш*но (срв. то*ск*а), пло*ш*ка (срв. въ московской грамотѣ 1484 г.: съ варниць пло*щ*окъ не емлютъ; въ московской грамотѣ 1473—1478 г.: ни куницы, ни пло*щ*ки, Ак. Арх. Э. I. 77), плю*ш*ка (названіе здобнаго хлѣбца; срв. плю*щ*ить), гор*ш*окъ, гор*ш*ка (гор*щ*ки Домострой; срв. бѣлор. и малор. гор*щ*окъ), пла*ш*мя (срв. ст.-русск. пла*щь*=пластинка). Изъ другихъ великорусскихъ говоровъ нѣкоторые согласны съ литературнымъ языкомъ, но въ большей ихъ части всякое двойное *ж* и двойное *ш* звучитъ твердо: ѣ*жжу*, *шшу*ка, причемъ двойное *ш* не только при согласныхъ (до*ш*ка=доска, срв. въ Новгородской лѣт. XIV в.: дъ*щь*ка 148, 149 и соврем. великор. до*щ*ечка; радо*ш*ный, хру*ш*ко́й=жесткій), но иногда даже между гласными и послѣ гласныхъ въ исходѣ словъ переходитъ въ простое *ш* (е*шо*).

Только что сказанное имѣетъ въ виду лишь *шш* изъ *шч*. Что до сравнительно-новаго *шш* (иногда изъ *жш*), то въ однихъ случаяхъ въ литературномъ языкѣ оно звучитъ мягко: сла*щ*е (изъ сла*жьш*е; срв. въ договорѣ Василія Темнаго съ Шемякою 1440 г.:

братья молощая), въ другихъ—твердо: вышшый (=вышьш-), нишшый (=нижьш-).

Вотъ нѣсколько историческихъ данныхъ относительно *щ*. Пандекты 1296 г.: видяшихъ 28 об., бывщихъ 36 об., искущаюши 58 об., тшится 102; Чудовской Новый Завѣтъ XIV в.: умерьшвена, умершвенье 101, умершвяеми 118 об., и т. п.; новгор. Ев. XIV в. Образцова, описанное Царевскимъ: терзающе, сходяшю, идушю, влагалиша, оправдищися, взяща, послущати; Амартолъ XIV в.: прельшенъ 7, 52 об., 69, прельшая 63, умершвеніе 10 об., смердяшии 55 об., толшею (твор.) 125, обрѣтъщимъся (дат.) 62 об.; Погодинск. Сборникъ нач. XV в. № 872: якоже можаще и хотяше 227 об.; сѣверно-русск. Златоустъ XVI в. Публ. Б. Q. I. 972: поропши 9, прельшаемъ 12, въземъще 254, бывщу 501 и т. п.; грамота 1630 г.: бояршина, монастыршина, Ак. Юр. 206; Космографія Бѣльскаго 1670 г. Публ. Б.: женшины 18 об.; Румянцевскій Сборникъ к. XVII в. № 16: обманшикъ 4. Сверхъ того, *ш* и *щ* часто смѣшиваются въ Лаврент. сп. лѣт. Взаимная мѣна *ш* и *щ* въ этихъ данныхъ ясно указываетъ на произношеніе писцами памятниковъ *щ*—какъ двойнаго или одиночнаго *ш*.

Малорусскіе и бѣлорусскіе говоры, сохраняющіе *шч*, имѣютъ это *шч* также на мѣстѣ древняго *шш* (*жш*): малор. солошчий, крашче (=крашьше) вишче, нишче и т. п. Мѣсто *шч* передъ согласными и въ нихъ можетъ занимать *ш* (рядомъ съ *ч*): малор. и бѣлор. дошка (при малор. дочка=доска), горшокъ, горшка (при малор. горщокъ).

Звукъ *ц* имѣлъ ту же судьбу, что и *ж*, *ш*; старшія данныя, указывающія на отвердѣніе, относятся также къ XIV в.: кіевская Псалтырь 1397 г.: языцы 84 об. Оно особенно сильно распространилось въ великорусскихъ говорахъ и здѣсь повело къ отвердѣнію согласнаго *с* въ возвратномъ мѣстоименіи при глаголахъ. Послѣднее во многихъ случаяхъ (въ формахъ 3-го лица ед. и множ. ч. и въ неопредѣленн. накл.), находясь послѣ глагола, какъ бы слилось съ нимъ, причемъ, подъ вліяніемъ конечнаго *т* этихъ формъ, *с* мѣстоименія стало звучать какъ *ц*: беретця, деретця, жмутця. Это новое *ц* раздѣлило судьбу древняго *ц*, т. е. съ теченіемъ времени также отвердѣло (беретца и т. д.), и затѣмъ оказало свое вліяніе на возвратное мѣстоименіе тамъ, гдѣ оно стояло послѣ глагольныхъ формъ

1-го и 2-го лица, и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ; результатомъ этого вліянія было отвердѣніе *с* въ *ся*, или переходъ *ся* въ *са*. Отвердѣніе звука *с* въ *ся* извѣстно въ памятникахъ XIV в.; такъ, въ Сильвестровскомъ Сборникѣ этого вѣка (Тип. Библ.) мы находимъ: насладиса; въ Ев. 1354 г.: въ своя *сы*; въ Академическомъ сп. лѣт. XV в.: въ своя *сы* (Лѣтопись по Лаврент. сп., 505); въ Лѣтописи Аврамки 1495 г.: ожениса 58. Сравни современн. великорусск. беруса, деруса, бересса и т. п., билсы, ударилсы; срв. также въ малорусскомъ пинскомъ говорѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ бѣлорусскихъ говорахъ: сподѣваюса, купаласа, отозвавса.

Нарѣчія *суда*, от*суда*, обыкновенно произносящіяся въ великорусскихъ говорахъ съ твердымъ *с*, не обязаны этимъ послѣднимъ отвердѣнію *ц*: въ церк.-славянскихъ памятникахъ мы находимъ постоянно сѫду; въ древне-русскихъ, рядомъ съ *сю*ду и т. п. (Архангельское Ев.: от*сю*дѣ; Ев. 1270 г.: от*сю*ду), встрѣчается и *су*ду: Святославовъ Сборникъ 1076 г.: отъ*су*ду 85 об. и др.; Архангельское Ев. 1092 г.: от*су*ду 17 об.; Юрьевское Ев.: отъ*су*ду 65 об.; Милятино Ев. 1215 г.: от*су*ду 3 об; Галицкое Ев. ок. 1266 г.: *су*ду и овуду. Эти нарѣчія, очевидно, отличны по образованію отъ нарѣчій *сю*да, *сю*ды и т. п. и, можетъ быть, древнѣе этихъ послѣднихъ; во всякомъ случаѣ они не находятся отъ нихъ въ зависимости.

2. *Отвердѣніе* р извѣстно во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ.

Великорусское нарѣчіе знаетъ лишь спорадическое отвердѣніе *р* передъ *и*, исключительно въ срединѣ словъ, повлекшее за собою переходъ *и* въ *ы*. Мы читаемъ въ Житіи Нифонта 1219 г.: к*ры*лы своими 122; въ Словѣ о полку игоревѣ: к*ры*чатъ; въ сѣверно-русскомъ Златоустѣ XVI в. Публ. Библ. Q. I. 972: к*ры*чание 13 об.; въ письмѣ ц. Алексѣя Михайловича 1652 г.: зак*ры*чалъ (Ак. Арх. Э. IV, 80); соврем. московск. г*ры*бъ (рядомъ съ г*ри*бъ), к*ры*ло, к*ры*нка (чаще: к*ри*нка), ск*ры*пѣть (Пушкинъ; чаще: ск*ри*пѣть), можетъ быть, п*ры*щъ, *ры*сь=бѣгъ, *ры*скать (срв. *ри*стати), можетъ быть, ба*ры*шня (изъ ба*ри*чна); великор. к*ры*къ, ст*ры*чь, *ры*нуться (В. Майковъ: рынувшись, Соч. 215), кап*ры*зный; южно-великор. т*ры*пáть (=трепать), к*ры*сáть (=кресать, объ огнѣ). Что до твердаго *р* въ т*ры*зна (Лаврент. сп. лѣт. 13), *ры*гать, *ры*кать, *ры*чать, ко*ры*сть, то оно явилось не на русской почвѣ: срв. ц.-слав. пат*ры*-

женніе, ст.-чешск. t*ry*zeň, чешск. *ř*ihnouti (при польск. *rzyg*nąć), польск. *ry*czeć (при ц.-сл. *ри*кати, чешск. *ř*íčeti), ст.-пол. ko*ry*šć (при ц.-сл. ко*ри*сть); отношеніе его къ мягкому *р* въ параллельныхъ образованіяхъ неясно.

Сѣверо-западные малорусскіе говоры и большая часть бѣлорусскихъ говоровъ имѣютъ отвердѣвшее *р* передъ всѣми вообще гласными и въ концѣ словъ.

Примѣры его встрѣчаются въ галицко-волынскихъ памятникахъ съ XII—XIII в.: Выголексинскій Сборникъ XII—XIII в.: г*ра*дуща; Архивская Лѣствица XIII—XIV в.: ухыщ*ра*ния; Луцкое Ев. XIV в.: раши*ра*ють; галицкая грамота 1378 г.: мунасты*ръ*; Ефремъ Сиринъ 1492 г.: об*ра*щеть, с*ра*щеть; но ихъ очень мало и они очень похожи на описки. Они появляются въ западно-русскихъ грамотахъ и книгахъ съ XV в.: договоръ Полоцка съ Ригою 1405 г.: сереб*ры*ны; грамоты XV вѣка: п*ры*язнь, п*ры*судили, звѣ*ръ*, звѣ*ру* и т. п.; Познанскій Сборникъ XVI в.: повѣт*рыю*, у мо*ра*, по мо*ру*, гово*ра*ть, рост*ра*съ, по*ра*докъ и т. п.; Литовскій Статутъ 1588 г.: го*ра*чий, отво*ра*ти, напе*ро*дъ, т*ры*, п*ры*ходили и др. (очень часто). Современные сѣверо западные малорусскіе говоры и значительное большинство бѣлорусскихъ совсѣмъ не знаютъ мягкаго *р*, и постоянная твердость *р* составляетъ одну изъ ихъ отличительныхъ особенностей.

3. Отвердѣніе губныхъ. Губные согласные по самой своей природѣ мало способны къ мягкому произношенію. Отсюда отвердѣніе ихъ въ старомъ галицко-волынскомъ говорѣ, начавшееся, вѣроятно, въ давнее время (его имѣютъ почти всѣ современные малорусскіе говоры), но не нашедшее себѣ отраженія въ старыхъ письменныхъ памятникахъ. Прежде мягкія *б, в, м, п* передъ *j* только отвердѣли, такъ что въ настоящее время *бью, пью* произносятся малоруссами какъ *бъю, пъю*. Тѣ же согласные передъ *а* и *у* (т. е. въ слогахъ *бя, бю* и проч.), прежде чѣмъ отвердѣть, выдѣлили изъ себя *j*, который отчасти сохраняется: *въяну, любъю, кормъю, пъять*, отчасти перешелъ въ мягкія *л* и *н*: *сплять*=спять, *мнясо*=мясо, *памнять, румняний, імня*. Одно слово *святий* съ производными сохраняетъ мягкое *в* если не во всѣхъ, то въ большей части малорусскихъ говоровъ.

Образованіе *дж* **изъ** *ж* **и** *тч* **изъ** *ч*. Звукъ *ж*, происшедшій изъ *д*, иногда замѣненъ въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ

дифтонгомъ *дж*: хо*дж*у, ви*дж*у, су*дж*у. Эта замѣна, имѣющая мѣсто въ большей части малорусскихъ говоровъ и во многихъ бѣлорусскихъ (въ сѣверо-западныхъ и южныхъ), извѣстна по памятникамъ лишь съ XVII в. (Лексиконъ Берынды). Впрочемъ (едва ли не напрасно) указываютъ на Ме*ч*ибожие въ Ипатскомъ сп. лѣт. 243 и видятъ въ *ч* этого слова неудачную передачу *дж*. Дифтонгъ *дж* является лишь въ тѣхъ образованіяхъ, рядомъ съ которыми существуютъ близко родственныя образованія съ *д*; его нѣтъ въ образованіяхъ, не имѣющихъ при себѣ родственныхъ образованій съ *д*: чу*ж*ий, а не чу*дж*ий, ме*ж*и, а не ме*дж*и, оде*ж*а, а не оде*дж*а. Такимъ образомъ этотъ дифтонгъ замѣнилъ собою *ж* вслѣдствіе вліянія на слова съ *ж* (хо*ж*у, ви*ж*у) родственныхъ словъ съ *д* (хо*д*ити, ви*д*ѣти); т. е. это *дж* есть какъ бы соединеніе вмѣстѣ двухъ согласныхъ одного и того же корня. Впрочемъ говоры галицкихъ горцевъ, сосѣдей поляковъ (у которыхъ mie*dz*y, cu*dz*y и т. п.), имѣютъ—благодаря польскому вліянію, въ нихъ вообще сильному—и чу*дж*ий, ме*дж*е.

Великорусск. народныя оби*жд*ать, уро*жд*ай и т. п. имѣютъ сочетаніе *жд* едва ли не сходнаго происхожденія съ малорусскимъ и бѣлорусскимъ дифтонгомъ *дж*.

Звукъ *ч* замѣненъ въ великорусскихъ говорахъ сочетаніемъ *тч*. Эта замѣна ограничивается нѣсколькими случаями: про*тч*ій, при*тч*ина (очень часто въ текстахъ XVII и XVIII вв.), въ пе*тч*ати (въ переводѣ книжки о Царьградѣ XVII в. Публ. Библ. Q. XVII. 21, л. 537), о проро*тч*ицахъ (въ статьѣ о сивиллахъ к. XVII в. Публ. Библ. Q. XVII. 2, л. 260), соврем. литерат. про*тч*ій, и объ ея происхожденіи трудно сказать что-нибудь опредѣленное. Срв. въ нѣкоторыхъ современныхъ южно-великорусскихъ говорахъ (мещовск.) *тц* вмѣстс *ц*: води*тц*а (им. ед.), пти*тц*а, ули*тц*а и т. п.

Опущеніе и вставка *в* **передъ гласными.** *Опущеніе в* имѣло мѣсто передъ *у* и встрѣчается въ памятникахъ великорусскаго происхожденія съ XIV в.: Ва*у*лы (=Вавилы) Ев. 1354 г. 158 об., Ев. 1357 г. 158 об., Ев. 1358 г. 194, Ев. 1393 г. 184 об.; зо*у*ща Ев. 1358 г. 51 об., 56 об.; ко Иса*у* брату, господеви моему Иса*у* Паремейникъ 1378 г. 9; воду жи*у* Ев. XIV в. Син. Библ. № 401, л. 18; ожи*у*ть, жи*у*ть, жи*у*ще, жи*у*щемъ, по*у* (=нову), Мара*у* (=Мораву), пилато*у* писанью (=пилатову), уста*у*, проти*у*, прозо-

*у*ть и др. Лаврентьевск. сп. лѣт.; позо*у*ть, — [illegible] грамота 1402 г. (Собр. гос. гр. и дог. I, 166).

Оно хорошо извѣстно всѣмъ великорусскимъ говорамъ и нѣкоторымъ бѣлорусскимъ, сосѣднимъ съ великорусскими (въ Смоленской губ.). Литературный языкъ имѣетъ зако*у*локъ (срв. заковыка, ковылять), опле*у*ха, приба*у*тка; въ московскомъ вульгарномъ говорѣ слышится: дѣ*у*шка, ко*у*шка, сороко*у*шка; другіе великорусскіе говоры имѣютъ: боко*у*ша, вѣко*у*ша, косо*у*ръ (кос[illegible]га); мѣстныя названія Дѣ*у*лино (Дѣ*у*нинское въ духовной Дмитрія Донскаго), Крі*у*ха, Лѣ*у*шино, Пла*у*тино, и т. п. Рядомъ, при вліяніи другихъ формъ, гдѣ *в* сохраняется: ре*в*у, жи*в*у, зо*в*у и т. п.

Спорадическая *вставка в* между гласными въ серединѣ словъ — явленіе въ русскомъ языкѣ довольно распространенное, по преимуществу въ заимствованныхъ словахъ передъ *о*: ти*в*унъ Русск. Правда; Роди*в*онъ Румянц. Обиходъ XIII—XIV в. 94; И*в*опа, И*в*онинъ Ев. 1317 г. 24, 24 об., 36 об., 43; Ѥле*в*опьстѣй Ев. 1357 г. 88; Ефи*в*опья, Фара*в*онъ, Ле*в*онъ, Семе*в*онъ и др. Лаврент. сп. лѣт.; Роди*в*оновичь духовная Дмитрія Донскаго; Ле*в*онтии двинская рядная XIV—XV в.; Си*в*онъ Псалтырь XIV в. Воскрес. монаст. № 5; леги*в*онъ Луцкое Ев. XIV в.; срв. современ. Роди*в*онъ, Лари*в*онъ, Ле*в*онидъ и т. п. Рѣже вставка *в* произошла передъ *а*: У*в*аръ псковск. Апостолъ 1309—1312 г., 109 об., И*в*анъ духовныя московскихъ вел. князей, Чудовск. Житіе Іо. Златоуста XIV в. и др., и т. п. Очень рѣдка она передъ *е*: соврем. великор. можже*в*ельникъ; срв. по можжеелнику Полн. собр. русск. лѣт. IV, 71, можеловой кустъ Ак. Юр. 166.

Кромѣ вставки *в*, произошла приставка *в* къ начальному *о* (изрѣдка и къ *у*): великорусск. въ *в*орду дух. Ивана Калиты; в *в*ордѣ, в *в*орду, *в*ото, *В*ольга (=Ольга) Лаврент. сп. лѣт.; возми *в*одръ, Ѥтери *в*отъ насъ Ев. 1354 г. 13, 3; въ *в*огнь Ефремъ Сир. 1377 г. 47; современн. великор. *в*отчина, *в*отчимъ, *в*осемь, *в*острый, *в*обла, *в*оспа (осъпа ц.-сл. Супрасл. рукоп.), *в*отъ, и т. п.; галицко-волынск. *в*овьца Галицкое Ев. ок. 1266 г., *в*овца Гал. Ев. 1283 г., Поликарпово Ев. 1307 г., Луцкое Ев. XIV в., *в*оовьця Галицкое Ев. ок. 1266 г.; *в*оотца, *в*олтарь Поликарпово Ев.; *в*ъть мертвыхъ Луцкое Ев.; современн. малорусск. *в*івця, *в*івтарь, *в*ітця (род. ед. отъ отецъ), *в*ідъ мене, *в*інъ=онъ и т. п. Въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ приставка *в* къ начальному *о* имѣла спорадическій ха-

рактеръ (срв. соврем. *в*острый и острый и др.); въ малорусскомъ же она произошла передъ каждымъ начальнымъ *ō* (вѣроятно, вслѣдствіе его закрытаго произношенія).

Ассимиляція и диссимиляція согласныхъ, находящихся въ разныхъ слогахъ, является лишь въ небольшомъ количествѣ случаевъ.

Явленія *ассимиляціи* состоятъ въ томъ, что изъ двухъ болѣе или менѣе близкихъ звуковъ, находящихся въ разныхъ слогахъ слова, одинъ ассимилируется съ другимъ. Они рѣдки и мы можемъ указать лишь на *ж*иждѫщеи въ Остромировомъ Ев. 79 об., *ж*ижителеви въ Минеѣ 1096 г. 306, 478, художьство *ж*ижительско въ Выголексинскомъ Сборникѣ XII—XIII в. 100, *ж*ижющю въ Прологѣ 1262 г. 76 об., съ*ж*ижю въ Поликарпов. Ев. 1307 г., *ж*ижющеи въ гал.-вол. Ев. Верковича XIV в. 86; на др.-русск. *з*егзица (Слово о полку иг.), въ *з*азуля, *з*езюля, *з*агозка, бѣлор. *з*езюля, малор. *з*азуля, *з*озуля, при др.-русск. *ж*егъзуля, *ж*егозуля (Толковая Палея), лит. gegužė кукушка; на великор. *з*елѣзо, *з*олѣзо, малор. *з*олізо, *з*алізо, при ц.-сл. и др.-русск. *ж*елѣзо; на бѣлор. *з*алозá (желѣза) при *ж*елоза и *ж*олоза въ Лѣтописи Аврамки 1495 г. 134, 135, 164, 177; на др.-русск. *м*урмане (вм. *н*урмане; Новгородск. лѣт. и друг.); на ст.-русск. *тв*ѣтъ (вм. *ц*вѣтъ; срв. въ Ипатскомъ сп. лѣт.: *цтв*ѣтокъ, недѣлю *цтв*ѣтную, по фотолитогр. изданію стр. 137, 138, 134); на соврем. сѣв.-великор. *Ш*аша (=Саша), *ш*ельшина (сельщина), можетъ быть, *ч*ечевица (др.-русск. *с*очевица), ма*н*енько (=маленько).

Явленія *диссимиляціи* извѣстны въ области *плавныхъ* согласныхъ.

Они имѣютъ мѣсто тогда, когда два одинаковыхъ плавныхъ звука (т. е. два *р*, два *л*) находятся въ разныхъ слогахъ слова, и состоятъ въ томъ, что одинъ изъ двухъ *р* замѣняется звукомъ *л*, а одинъ изъ двухъ *л*—звукомъ *р*. Мы читаемъ въ Новгородской Кормчей ок. 1282 г. и въ Служебникѣ преп. Сергія XIV в.: у*л*арь, изъ у*р*арь ὡράριον; въ Ев. 1357 г. февра*л*я; въ Прологѣ 1356 г. Тип. Б.: И*л*инархъ 78 об.; въ Стихпрарѣ XV в. Тр. Лавры № 409: стихпра*л*ь; въ грамотѣ 1500 г.: Се*л*игеръ (названіе озера; срв. въ Новгородской лѣт.: Се*р*егеръ 121, 166); въ грамотѣ 1546 г.: деревня *Л*атмирова (Ак. Ѳед.-Чех. I, 111); въ грамотѣ 1554 г.: Пе*р*рфилей (=Порфирій) Ак. Арх. Э. I, 247; въ спискахъ Псковской лѣт.: Лотыго*р*а, Латыго*р*а (названіе латышскаго народа; срв. въ грамотѣ 1264 г.: Лотыго*л*ьская земля, и т. п.); въ Кіевскомъ Помянникѣ

XVI в.: Верблюдъ (собств. имя; срв. ц.-сл. вельблѫдъ), Илинархъ. Современные великорусскіе говоры имѣютъ: верблюдъ, перепелъ, изъ пелепелъ (въ пѣсняхъ, записанныхъ въ началѣ XVII в. для Рич. Джемса: пелепелка, въ грамотѣ к. XV в. фамилія Пелепелкинъ, Ак. Калач. I, 639, соврем. пермск. пелепелъ, хорв. plepelica), пролубь, изъ прорубь, старовѣръ, изъ старо-, собственныя имена Илинархъ, Меркулъ (=Меркурій), Перфилій, Селигеръ, старое названіе московскаго урочища Чертолье (Черторъıє, срв. великор. Черторой, малор. Чорторыя и т. п.), рядъ новѣйшихъ заимствованныхъ словъ съ диссимиляціей: флигеръ, флюгеръ (=шведск. flögel), секлетарь, плепорція, лесора, колидоръ. Малорусскіе говоры рядомъ съ срібро=серебро имѣютъ также и срібло, рядомъ съ ребро—лебро, вмѣсто рицарь, рейстровый—лицарь, лейстровий; въ бѣлорусскомъ нарѣчіи слышится аларъ=орарь.

Диссимиляція плавныхъ необязательна: Прохоръ, прорубить, особенно тамъ, гдѣ удвоеніе или подобіе удвоенія: колоколъ, лелѣять, Фалелей, Варвара, Григорій.

При разсмотрѣніи случаевъ диссимиляціи плавныхъ можно замѣтить, что плавные находящіеся въ слогѣ съ удареніемъ болѣе сильны, чѣмъ плавные, удаленные отъ ударенія, что первые сохраняются и послѣдніе измѣняются: верблю́дъ, Илина́рхъ, Селиге́ръ и др. (впрочемъ не безъ исключеній).

Диссимиляція плавныхъ въ нѣкоторыхъ словахъ произошла послѣ ассимиляціи плавныхъ. Мы имѣемъ сначала Варфоромѣя Ев. до 1362 г. Тип. Библ. 156 (съ ассимиляціей), потомъ Валъфромѣй Ев. 1317 г. 30 об., Ев. 1358 г. 212 и др. (съ диссимиляціей; откуда: Вафромѣя Ев. 1393 г. 83 и др.; совр. Вахромей).

Измѣненія согласныхъ при вліяніи однихъ словъ на другія въ русскомъ языкѣ очень разнообразны.

Слова, стоящія по звуковымъ сочетаніямъ своего корня или суффикса одиноко, подвергшись вліянію чуждыхъ имъ словъ съ сходными сочетаніями, замѣнили нѣкоторые свои звуки звуками послѣднихъ. Древне-русское собственное имя Изяславъ съ XV в. начинаетъ являться въ текстахъ въ видѣ Ижеславъ (внукъ Ижеславль въ Прологѣ 1432 г. Публ. Б. 122); древне-русское названіе города Суждаль съ того же времени начинаетъ замѣнять свое *ж* черезъ *з* (срв. зьдати и т. п.); старыя проклажаться, иноходецъ, жабры, жек-

чугъ, *л*ишиться, сум*н*ѣваться и др. въ разное время превращаются въ великорусскихъ говорахъ въ про*х*лажаться, *в*иноходецъ, зябры (срв. зябнуть), *з*емчугъ (срв. земля); старыя Череповесь (изъ Череповси московск. грамота 1496 г. Ак. Арх. Э. I, 99), бърковьскъ, колодязь, ласто*в*ка (срв. малор. ластівка и т. п.), суроскій (изъ сурожьскыи) и т. п. подъ вліяніемъ многочисленныхъ словъ на *-ецъ*, *-очка*, *-овскій* измѣняются въ Черепове*ц*ъ, берко*в*е*ц*ъ, колоде*ц*ъ, ласточка, суро*в*скій; старое на-тоща*к*ъ подъ вліяніемъ формъ мѣстн. п. мн. переходитъ въ на-тоща*х*ъ, и т. п.

Слова заимствованныя измѣнились въ бо́льшемъ числѣ, чѣмъ исконныя русскія. Собственныя имена Константинъ, Ипполѵтъ, Степанъ, Аврамъ, Меѳодій, Глѵкерія въ древнихъ текстахъ являются въ видѣ Къ*сн*ятинъ (Новгородская лѣт. XIV в.), *П*ополутъ (Прологъ XIV в. Тип. Б. № 346, л. 247 об.) или Полю*д*ъ (Новгородск. лѣт.), *Щ*епанъ (Ипатск. сп. лѣт. 483), *Н*ефедій (Помянникъ XIV в. Тип. Б. 14 об.), *О*брамъ (*О*брамль мостъ Ипатск. сп. лѣт. 287), *Л*укѣрия (Прологъ 1432 г. Публ. Библ. 141 об.); срв. къснѣти, щепати, об-, лукъ; имя Іеремія звучитъ въ малорусскихъ говорахъ *В*еремія (срв. верема=время); городъ Стокгольмъ въ XVI—XVII вв. называется Сте*к*ольна; островъ Са*х*алинъ теперь извѣстенъ въ народѣ подъ названіемъ Со*к*олинаго; сверхъ того, пас*х*а измѣняется въ пас*к*а (пас*ц*ѣ, дат. п., Остромир. Ев.), *к*русталъ (Паремейникъ 1271 г.) въ *х*русталъ (Паремейникъ 1378 г. 80), *хр*усталь (Сказаніе о Бор. и Гл. XII в. 14; въ полатѣ *х*рустальнѣ Палея 1406 г. 46), *м*ефимонъ (Лаврентьевск. сп. лѣт.) въ *н*ефимонъ (XVI—XVII в.), соврем. великорусск. ефимонъ (срв. Ефимъ), сардо*н*икъ въ сердо*л*икъ (XVI—XVII вв.); новѣйшіе великорусскіе *н*екрутъ, *н*ебель, *в*еликатный, *п*ротуаръ и т. п.

Нерѣдко измѣненія звуковъ ограничиваются перестановкой. Такъ те*р*ё*з*вый (протерезвился, Осиповъ, Энеида на изнанку) превращается въ т*в*е*р*ёзый (т*в*е*р*езъ Лютер. Катихизисъ 1562 г. 150 об.), гусли я*в*о*р*чатыя (изъ я*в*о*р*а) превращаются въ я*р*о*в*чатыя, по*рт*омой въ п*р*о*т*омой *мж*урить въ *жм*урить (срв. твердый, ярый, про-, жму); про*к*л*и*р*о*съ, *к*л*ир*ошанинъ въ *кр*и*л*осъ, *кр*ы*л*осъ (съ *кр*и*л*ошаны Прологъ 1432 г. Публ. Б. 122 об.), Сильве*стр*ъ—въ Селивё*рст*ъ (срв. верста), Ве*н*е*д*ей (=Венедиктъ)—въ Ве*д*е*н*ей (срв. веду), *Л*е*н*идъ (=Леонидъ)—въ *Н*е*л*идъ (*Н*е*л*идко грамота 1453 г. Ак. Калач. II, 335).

Слова *Х*ристосъ съ родственными и *к*рьстъ, *к*рьстити, вліяя другъ на друга, измѣняются первыя въ *К*ристосъ, *к*рьстьяныи, *к*рьстианьскъ (Святославовъ Сб. 1073 г.; душамъ *к*рьстияньскамъ Остром. Ев.), *к*рестьянинъ, вторыя въ *х*рьстъ, *х*ристъ, *х*рьстити (*х*ристивыися, *х*риштаахуся Св. Сб. 1073 г.; по *х*рьстѣхъ, *х*рьстинамъ Уставъ церк. XI—XII в. Тип. Б.; *х*р'щяхуся, *х*р'щю, *х*р'щенье Галицкое Ев. 1144 г.).

Еще болѣе обычны измѣненія звуковъ въ однихъ словахъ подъ вліяніемъ другихъ словъ имъ близко-родственныхъ.

Между прочимъ, цѣлый рядъ прилагательныхъ на *ч*инъ, *ж*инъ, *ш*инъ, въ родѣ богороди*ч*инъ, мат*ч*инъ, оль*ж*инъ, сно*ш*инъ, подъ вліяніемъ существительныхъ съ *ц* и гортанными богороди*ц*а, мат*к*а, Оль*г*а, сно*х*а, замѣнили свои *ч*, *ж*, *ш* черезъ *ц*, *к*, *г*, *х* и превратились въ великорусскомъ нарѣчіи въ богороди*ц*ынъ (съ попы цари*ц*ины, Лавр. сп. л. 36), мат*к*инъ (Вѣкоши*к*ынъ въ рядной Тѣшаты XIV в., госпожинь*к*инъ день въ Новгородской лѣт. XIV в.), оль*г*инъ, сно*х*инъ. Другія русскія нарѣчія отчасти удержали древнія образованія (малор. мат*ч*инъ и т. п.).

Небольшой рядъ словъ съ *ж*: кня*ж*ья, дру*ж*ья, оль*ж*инъ (отъ Ольга), фря*ж*инъ, печенѣ*ж*инъ и т. п., подъ вліяніемъ формъ съ *з*: кня*з*и, дру*з*и, Оль*з*ѣ (дат.-мѣстн.), фря*з*и, печенѣ*з*и и т. п., замѣнили свое *ж* черезъ *з*: князья, друзья, ользинъ, вользинъ (Лаврент. сп. л. 58, 68), фрязинъ (Ак. Арх. Э. I, 3), печенѣзинъ (Лаврент. сп. л. 121) и т. п. Впрочемъ слово дру*ж*ья сохранилось и въ южныхъ (Курск., Ворон. губ.), и въ сѣверныхъ (Олонецк., Арханг. губ.) великорусскихъ говорахъ.

Другой небольшой рядъ словъ безъ префиксовъ съ начальнымъ гласнымъ подверглись вліянію тѣхъ же словъ съ префиксами и заимствовали у этихъ послѣднихъ *н*: не моглъ *н*яти князя Лаврент. сп. л. 458, ищепи *н*яти мужа Ипатск. сп. л. 438, вѣры не *н*яти грам. 1456 г. Ак. Арх. Э. I, 34, *н*ятци (плѣнники) зап.-русск. грамоты XIV—XV вв. и т. п., современ. великор. *н*утро, *н*утряной и т. п. срв. съ*н*яти, пере*н*яти и т. п., въ*н*утри и т. п.).

Возстановленіе согласныхъ въ предлогахъ-префиксахъ. Предлоги-префиксы *без*, *въз*, *из*, *раз*—*роз*, *об*, въ большемъ или меньшемъ количествѣ случаевъ еще въ обще-славянскомъ языкѣ оканчивавшіеся на согласный, — въ древнѣйшій періодъ исторіи русскаго языка

иногда были столь тѣсно слиты съ слѣдовавшими за ними именами и глаголами, что вслѣдствіе дѣйствія ассимиляціи и диссимиляціи, потеряли свои конечные согласные или лишили имена и глаголы ихъ начальныхъ согласныхъ. Такимъ образомъ слышалось: беза-конию(=без-законию), бе-зълобы (=без зълобы), обьртѣти (=об-вьртѣти), оболоко (=об-волоко) и т. п.; духовная новгородца Климента XIII в.: и-свинеи; Русск. Правда по сп. ок. 1282 г.: росѣчена, разнаменаѥть; галицкая грамота 1393 г.: и-стада; Новгородская лѣтопись XIV в.: и-Суждаля, и-своею руку, бе-своея братья, и-заморья, исѣкоша, ижгоша, ишли, обечерившися; Житіе Ѳеодосія Печерскаго по сп. XII в.: ишьдъ и т. п. (постоянно); смоленскій договоръ 1229 г.: ишлъ=ишло; грамота рижанъ ок. 1300 г.: обе-стился. Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ тѣхъ предлоговъ-префиксовъ, которые сохранили свои согласные звуки вполнѣ,— въ русскомъ языкѣ явилось стремленіе къ возстановленію предлоговъ-префиксовъ, утратившихъ свои конечные согласные, въ ихъ звуковой полнотѣ и къ отдѣленію ихъ отъ именъ и глаголовъ, и мы начинаемъ встрѣчать въ памятникахъ новыя звуковыя сочетанія: Тріодь Моисея кіевлянина XII—XIII вѣка: ра*сс*удити 14; Евангеліе 1270 г.: и*жьж*енуть 24; Кормчая ок. 1282 г.: бе*зз*лобье 458; Рязанская Кормчая 1284 г.: ра*сс*ужаеть 59 об., ра*със*ужения 310 об., и*жьж*енеться 328 об.; Пандекты 1296 г.: бе*зъ з*акона 36 об., бе*зъ с*его 49, бе*зъ с*вѣта 57 об., бе*зъ с*уда 166 об.; Толстовскій Сборникъ XIII в.: об*ъв*довѣша 111; грамота рижанъ ок. 1300 г.: и*зъ С*моленьска, и*зъ с*вѣта; Ев. 1323 г.: и*жьж*енеться 164; Ев. 1339 г.: бе*съ с*апогъ 167 об.; Евангеліе 1354 г.: и*сс*ыпати 32, и*сс*ыплють 107 об., ра*сс*ядуться 36, ра*сс*ыпаеть 43 об., 55, 99, ра*сс*ужати 51 об.; Ев. 1355 г.: и*със*ѣченъ 8 об., и*сс*ѣцѣте 82 об., ра*сс*ядутся 30 об., и*жж*енуть 73 об., 77, 148, и*жж*ившю 100; Чудовской Нов. Завѣтъ: и*жж*енуть 33, и*жж*ену 44 об.; Лаврент. сп. лѣтоп.: ра*със*ѣя 4; Ефремъ Сиринъ 1377 г.: ра*жьж*егъся 64 об.; Тактиконъ Никона Черногорца 1397 г.: ра*сс*ужденье 17 об., ра*сс*удно 45, ра*зъс*ѣкающе 66 об., о*бв*арено 16, 19, бе*з ж*енъ 38 и т. п.; Ев. 1393 г.: бе*съ с*кровища и бе*съ с*апогъ 157, бе*зъ с*апогъ 160 об., ра*зс*ужаті 48 об., і*жж*енеть 19, —нуть 30, —нутся 40 и т. п.; Апокалипсисъ XIV в.: и*съ с*воихъ мѣстъ 86; Служебникъ преп. Сергія XIV в.: о*бъв*ивъ 29; Мстижское Ев. XIV в.: ра*със*ядутся

32 об., росъсадить 59, исъсяче 65 об., 90 об., исъсѣците 98 об. и т. п.; Новгородская лѣтопись XIV в.: ізъ своего двора 301, изъ своеі земли 304; Палея 1406 г. Въ то же время стали исчезать формы въ родѣ изѣдати, отимати, отяти и т. п. и получили преобладаніе формы съ *j* послѣ префикса: изъѣдати, отъяти и т. п. Пандекты 1296 г.: изъяснити 93 об., изъѣде 70; грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: изъимали; Ев. 1317 г.: изъѣдають 95; Ев. 1357 г.: изъѣсть, изъѣдають; Новгородская лѣтопись: розъѣхашася 308, изъимаша 254, 257, изъима 257, 318, — ли 280 (рядомъ: изедаѥмы 222, 227); Амартолъ XIV в.: изъѥдъши 162, изъѣдять 166 об., изъимавъ 173 об.; Палея 1406 г. Въ современномъ языкѣ древнія образованія въ родѣ разинуть, разиня, разѣвать, Исады (пристань на Волгѣ), росолъ, бестыжій, ишолъ (съ значеніемъ: шолъ; то же въ сербскихъ и польскихъ говорахъ), обозъ, обернуть, обязать, отворить, обѣдъ встрѣчаются сравнительно рѣдко, и обыкновенно слышится у насъ: безъ *з*аботы, бе*зз*аботность, ис *с*ебя, ра*сс*удокъ, об*в*ить, об*в*ѣсить, объѣдаться, отъѣденный и т. п., съ возстановленнымъ согласнымъ въ предлогѣ-префиксѣ или въ началѣ слѣдующаго слова.

Великорусское нарѣчіе знаетъ слово, гдѣ возстановленіе префикса сдѣлано неудачно. Это—глаголъ ра*зз*орить и производныя. Корень ихъ—*ор-*, тотъ же, что въ церковно-славянскомъ и современн. сербскомъ об-*ор*-ити, и нѣкогда этотъ глаголъ звучалъ разорити, съ однимъ *з*. Нашъ народъ, не имѣя другихъ словъ съ тѣмъ же корнемъ, подъ вліяніемъ словъ съ корнемъ *зор-* въ *зоря*, *зоркій*, *озорной* и т. п., при возстановленіи согласнаго въ *роз-*, удвоилъ *з*. Двойное *з* въ ра*зз*орити повело къ образованію глагола *зорить* съ значеніемъ раззорять, существующаго во многихъ великорусскихъ говорахъ и проникшаго даже въ литературный языкъ: «чиновники вездѣ часовни и скиты *зорили*» (Печерскій, Въ лѣсахъ).

Предлоги-префиксы съ конечнымъ *з*, находясь передъ словами съ начальнымъ *р*, въ древности имѣли послѣ *з* вставное *д*: Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII в.: из-*д*-Ростова 1 об., въздраста 1, раз*д*рушить 6, из*д*рещи 9 (постоянно съ *д*); смоленскій договоръ 1229 г.: ръз*д*рушенъ, и т. п. Это *д*, изрѣдка, въ отдѣльныхъ случаяхъ, отсутствующее въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ (напримѣръ, въ Словахъ Григорія Богослова XI в.; въ Русской Правдѣ

по сп. XIII в. рядомъ: без ряду и без-*д*-ряду 14, 24), уже рѣдко въ памятникахъ конца XIII и XIV в. Прологъ 1262 г.: изрѣзаша, възревнова, изринути и т. п. (часто); Ев. 1323 г.: възрадоватися, възрыдати и т. п. (очень часто); Пандекты 1296 г. (часто); Ев. 1339 г. (во второмъ почеркѣ постоянно; первый почеркъ имѣетъ, также постоянно, -*здр*-); Лаврент. сп. лѣт. (часто); Паремейникъ 1378 г. (очень часто); Ев. 1393 г. (очень часто) и др.

Отпаденіе и выпаденіе согласныхъ и цѣлыхъ слоговъ произошло въ русскомъ языкѣ главнымъ образомъ въ двухъ группахъ словъ.

1) Слова, очень часто употреблявшіяся въ рѣчи, сократились, одни въ меньшемъ, другія въ бо́льшемъ размѣрѣ. Это, между прочимъ, — современн. великорусск. *топерь*, *теперь* (грамоты XVI—XVII в. нерѣдко: топер*е*, тепер*е*; письмо ц. Алексѣя Михайловича 1652 г.: топер*е*; Лютер. Катихизисъ 1562 г.: тепер*е*-чи)—из топерь*во*, топере*въ* (см. выше, стр. 91);—*надо*—изъ надо*бѣ* (дат. или мѣстн. п.);—*молъ*—изъ формъ 3-го л. ед. глагола молвить (грамота нач. XV в.: отмол*ы*лся = отмол*в*ился, А. Юр. 430; грамоты 1554 г. и 1643 г.: мол*ы*лъ Ак. Арх. Э. I, 251; Ак. Ист. III, 381; грамота 1610 г.: мол*ы*ти Ак. Арх. Э. II, 321; письмо ц. Алексѣя Мих. 1657 г.: да и то *молъ* Петру=мол*ви*, повел. н., Ак. Арх. Э. IV, 140),—*скать* (въ д*е*́-*скать*; срв. въ документѣ перв. полов. XVIII в.: угрожалъ ему—дамъ *скать* я тебѣ знать, Опис. дѣлъ Архива св. Синода, XVIII, стр. 522; въ «Пословицахъ» Ипп. Богдановича: зубки поприteръ не доживши *скать* лѣтъ, хоть *скать* домъ огнемъ гори; радъ бы *скать* Ѳомушка елку срубилъ; о *де* см. выше, стр. 96)— изъ ска́*ж*етъ, ска́*ж*утъ;—*съ* въ слушаю-*съ* и т. п. (царское слово Бориса Годунова: князь Ѳедоръ-*осу* Ивановичъ, князь Дмитрей-*осу* Ивановичъ, Ак. Арх. Э. II, 77; сочиненія протопопа Аввакума: я-*су*, простите, своровалъ, какъ-*су* мнѣ царя не жалѣть; письмо ц. Алексѣя Михайловича: ино-*су* я тебя благословлю; срв. современн. южно-великор. *су*)—изъ *осу́дарь*, *госу́дарь*;—*ста* въ пожалу(й)-*ста*, здоро́во-*ста*, спаси́бо-*ста*, я́-*ста* его и въ домъ не пущу и т. п. («всѣ ли здѣсь? спросилъ незнакомецъ. Всѣ ли-*ста* здѣсь? повторилъ староста. Всѣ-*ста*, отвѣчали граждане», Пушкинъ; «отбиваютъ мила дружка отъ меня, мила дружка *ста* Павлушка», «отступится доброй молодецъ *ста* Павелъ», вятск. нар. пѣсня; эта частица— въ Розыскномъ дѣлѣ о Шакловитомъ 1689 г. I, 24)—изъ *осуда́рь*, *госуда́рь*;—*г*ытъ, *гр*ытъ—изъ *говори́*тъ;—*ли*—изъ *гляди*, и т. п.

2. Слова и формы, имѣвшія рядомъ два вполнѣ или почти тожественныхъ слога, потеряли при нихъ одинъ: рыболове, им. мн., рыболовей, род. мн.,— изъ рыбол*ових* и т. д. (Лаврент. сп. лѣт. 160; московскія грамоты XV—XVI вв.), канархáти — изъ *канон*архати (въ московскихъ памятникахъ XV—XVII вв.), схимонáхъ—изъ схи*момо*нахъ, Вячóсловъ (фамилія)—изъ Вячó*славов*ъ (Илья Ивановъ сынъ Вячесловъ Ак. Юр. 458, 1608 г., Филька Вечесловъ Доп. къ Ак. Ист. XI, 35, 1684 г.), соврем. великор. шиворотъ—изъ ши*вово*ротъ (срв. въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в.: жестко*шиви*и 63=жестоковыйные), вѣроятно, соврем. великор. радушіе—изъ ра*доду*шіе, близор*у*кій—изъ близор*о*кій (подъ вліяніемъ слова р*у*ка), бли*зозо*рокій (срв. ц.-сл. прилагательное добро*зр*акъ и т. п.).

Мелкія явленія въ исторіи согласныхъ. 1. Въ древне-русскихъ памятникахъ названія мѣсяцевъ нерѣдко писались: септя*м*бръ, октя*м*бръ, ноя*м*бръ, декя*м*бръ. Происхожденіе буквы *м* въ этихъ словахъ неясно; вѣроятно, онъ явился у болгаръ, въ первое время существованія ихъ литературнаго языка, и употреблялся при *ѧ* для болѣе точной передачи греческаго сочетанія εμ. Наши памятники иногда имѣли *м* въ титлѣ, и, напримѣръ, въ Церковномъ Уставѣ XI—XII в. Тип. Библ. мы читаемъ сеп*м*тябръ. Вслѣдствіе неправильнаго чтенія такого сокращенія произошло неправильное написаніе (находящееся, между прочимъ, въ этомъ же Уставѣ) се*м*птябрь, откуда се*м*тябрь и наконецъ се*н*тябрь (Прологъ 1383 г. 123 об.; Путенское Ев. XIV в. 223, 227, 242; Ипатскій сп. л.). Въ виду этого не слѣдуетъ думать, что *н* въ данномъ словѣ образовалось изъ *п*.

2. Въ великорусскомъ нарѣчіи мѣстоименія этотъ, эдакій часто звучатъ э*ф*тотъ, э*х*тотъ, э*н*тотъ, э*с*тотъ, э*в*дакій, э*г*дакій и т. д. Наблюденіе надъ народнымъ употребленіемъ этихъ мѣстоименій показываетъ, что звуки *в* и *ф*, *х* и *г*, *н*, *с* являются въ нихъ всего чаще только въ извѣстныхъ случаяхъ. Именно, *в* и *ф* являются только тогда, когда впереди мѣстоименія находится предлогъ *въ*: *въ* э*ф*томъ мѣстѣ; *въ* э*в*дакомъ дѣлѣ; *н* является послѣ предлога *на*: *на* э*н*томъ мѣстѣ; *с* слышится послѣ предлоговъ *съ*, *изъ*: *съ* э*с*тимъ, *изъ* э*з*дакой дали; *х*, *г*—послѣ предлога *къ*: *къ* э*х*тому, *къ* э*г*дакому скоту. Если мы обратимся къ старымъ памятникамъ, то найдемъ, что указательная частица *э* прежде употреблялась отдѣльно отъ мѣстоименій, такъ же, какъ частица *ни* въ современныхъ *ни* въ

чемъ, *ни* къ кому и т. п.: Путешествіе попа Лукьянова 1701 г. (по изд. Русскаго Архива): *е* къ темъ къ цвѣтамъ 41. Въ старомъ бѣлорусскомъ нарѣчіи въ мѣстоименіи *ни*что, при отдѣленіи частицы *ни* отъ мѣстоименія *что* предлогомъ, иногда встрѣчается повтореніе этого предлога: Лютер. Катихизисъ 1562 г.: *в* ни *во* што 163; Литовскій Статутъ 1588 г.: *в* ни *во* што 72. Въ польскомъ языкѣ нѣчто подобное изрѣдка встрѣчается и теперь: *w* ni *w* czym, *z* ni *s* czym, *w* ni *we* cz (ни во что). То же было и въ великорусскомъ (отчасти также въ бѣлорусскомъ) нарѣчіи, и мѣстоименныя формы *въ э*ѳтомъ, *съ э*стимъ и т. п. образовались изъ *въ* э *въ* томъ, *съ* э *съ* тѣмъ, т. е. черезъ постановку предлога и передъ *э*, и послѣ *э*. Конечно, съ теченіемъ времени *э*ѳтотъ стало употребляться или безъ всякаго предлога, или съ другими предлогами (не *въ*), и т. д. (и е*н*то все дѣлалось въ среду, письмо ц. Алексѣя Мих. 1652 г. Ак. Арх. Э. IV, 79); но подобное употребленіе до сихъ поръ еще не получило широкаго распространенія.

3. Древне-русскій языкъ и современные русскіе говоры имѣютъ *ч* въ *ч*епь (=цѣпь) и родственныхъ: при*ч*епиться, *ч*епецъ, о*ч*епокъ (малор. о*ч*іпокъ), *ч*епуха. Эти слова, не смотря на тожество значенія, или совсѣмъ не родственны съ *ц*ѣпь и производными, или *ц*ѣпь вошло въ нашъ литературный языкъ изъ тѣхъ великорусскихъ говоровъ, которые замѣняютъ *ч* черезъ *ц* (цокаютъ). Наше *ц*апля (при южно-великор. и бѣлор. *ч*апля и при фамиліи *Ч*аплинъ), несомнѣнно, заимствовано литературнымъ языкомъ изъ цокающихъ говоровъ, точно также какъ фамилія *Ч*евкинъ (отъ *ц*ѣвка).

VIII. Главныя формальныя особенности русскаго языка.

Русскій языкъ въ древнѣйшую эпоху своего историческаго существованія владѣлъ большею частью тѣхъ формъ склоненія и спряженія, которыя находились въ церковно-славянскомъ языкѣ. Конечно, эти общія русскому языку съ церковно-славянскимъ формы имѣли русскую звуковую окраску, такъ что, напримѣръ, форма 3-го л. мн. ч. сигматическаго аориста въ русскомъ языкѣ звучала съ *а*, а не съ носовымъ ѧ на концѣ: падош*я* или падош*а*, а не падошѧ, а форма того же лица и числа имперфекта оканчивалась на *у*, а не на носовое ѫ: падах*у*, а не падахѫ. Но нѣкоторыя формы, извѣстныя въ церковно-славянскомъ языкѣ, отсутствовали въ русскомъ. Таковы, между прочимъ, формы сильнаго аориста типа *несъ* и формы сигматическаго аориста типа *нѣсъ*. Въ свою очередь русскій языкъ имѣлъ нѣкоторое количество формъ, не существовавшихъ въ церковно-славянскомъ языкѣ. Они слѣдующія.

Формы род. п. ед., им. и вин. п. мн. на *ѣ*. Имена женскаго рода съ основою на *а* такъ называемаго мягкаго склоненія (въ родѣ *земля*), имена прилагательныя членныя женскаго рода и мѣстоименія также женскаго рода въ русскомъ языкѣ имѣли формы род. п. ед. ч. съ окончаніемъ *ѣ*: земл*ѣ*, добро*ѣ*, моѥ*ѣ* (=ц.-слав. землѧ, добрыѧ, моѥѧ). Эти формы находятся уже въ старшихъ памятникахъ русскаго письма. Мы читаемъ въ Остромировомъ Ев.: в҃ недѣл*ѣ* 12=второй недѣли, г҃ недѣл*ѣ* 19, 21=третьей недѣли, великыя недѣл*ѣ* 152, 153; въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 года: отъ троиц*ѣ* 8 об., отъ не*ѣ* 155 об., нозѣ ѥ*ѣ* 169; въ Архангельскомъ

Ев. 1092 г.: великыя недѣлѣ 86 об., 88 об., святыя Еуфимиѣ 130, Анны пророчицѣ 157, жьдуще Захариѣ 167, святоѣ мученицѣ 169, пророка Илиѣ 169 об., и др.

Тѣ же имена и мѣстоименія въ русскомъ языкѣ имѣли формы именительнаго и винительнаго пад. мн. ч. на *ѣ*. Остромирово Ев.: бысть потъ юго яко каплѣ кръви каплѭщѧ на землю 160; Святославовъ Сб. 1073 г.: пътицѣ лѣтаѭть 129 об., приюмля душѣ человѣчьскы 156. Соотвѣтствующія церк.-слав. формы оканчиваются на ѧ: каплѧ, пътицѧ, стьзѧ.

Имена мужескаго рода съ основою на *о* такъ называемаго мягкаго склоненія (*конь*), имена прилагательныя членныя муж. р. и мѣстоименія также муж. р. въ русскомъ языкѣ образовывали формы вин. п. мн. ч. съ окончаніемъ *ѣ*. Формы на *ѣ* встрѣчаются уже въ старшихъ русскихъ памятникахъ. Святославовъ Сборникъ 1073 г.: вьсѣ помыслы 17 об., сицѣ даюмъ дары 49; Архангельское Ев.: дамь тобѣ ключѣ 168 об. Тѣ же формы въ церковно-славянскомъ языкѣ имѣютъ окончаніе ѧ: ключѧ, вьсѧ.

Въ болѣе позднихъ памятникахъ русскаго письма, XII, XIII и XIV вв. формы на *ѣ* встрѣчаются, въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ памятникахъ XI в.; при этомъ въ книгахъ, содержащихъ въ себѣ русскіе списки съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, они находятся рядомъ съ формами на *я*, *а*=ц.-слав. ѧ, въ родѣ земля, душ*а*=ц.-слав. землѧ, душѧ, а въ грамотахъ, писанныхъ на болѣе или менѣе чистомъ русскомъ языкѣ, безъ примѣси иль съ очень незначительною примѣсью церковно-славянскаго элемента, они господствуютъ, и при нихъ совсѣмъ не замѣчается формъ на *я*, *а*. Это показываетъ, что формы на *я*, *а*=церк. слав. ѧ—въ народномъ русскомъ языкѣ древняго періода не существовали и что присутствіе ихъ въ книгахъ всякаго рода, въ лѣтописяхъ и т. п. должно объяснять вліяніемъ церковно-славянскаго языка.

Если мы обратимся къ другимъ славянскимъ языкамъ, то увидимъ, что изъ нихъ въ сербскомъ и словинскомъ не было и нѣтъ формъ, соотвѣтствующихъ русскимъ формамъ на *ѣ*, и что формы род. ед. женск. р., имен. и винит. мн. женск. р., вин. мн. муж. р. въ этихъ языкахъ восходятъ къ болѣе древнимъ формамъ на ѧ. Напротивъ того, въ языкахъ чешскомъ, старомъ и новомъ, и словацкомъ названныя формы оканчивались и иногда оканчиваются на

е, соотвѣтствущее русскому *ѣ*: др.-чешск. ze svéj zemĕ, téj-to chvile, ve vše kraje, nade vše krále, mnohé zemé и т. п.; Пражскіе глаголическіе отрывки: прѣставеніе Богородицѣ, сиѣ (вин. мн. муж. р.); въ нихъ, какъ въ русскомъ языкѣ, мы не находимъ формъ, которыя можно было бы съ достаточнымъ основаніемъ возвести къ болѣе древнимъ формамъ на ѧ. То же можно сказать и о польскомъ языкѣ. Въ древнѣйшихъ памятникахъ его и отчасти въ современныхъ польскихъ говорахъ формы род. ед. женск. р., им. и вин. мн. женск. р., вин. мн. муж. р. оканчиваются на *e*: Молитвы 1375 г.: tworzyciel nieba i ziemie, z dziewice Marije, otpuści nasze winy, и такимъ образомъ соотвѣтствуютъ русскимъ формамъ на *ѣ*; формы на *ę*=ц.-слав. ѧ, если не принимать въ расчетъ нѣсколькихъ (очень немногихъ) ошибокъ и описокъ, не встрѣчаются въ памятникахъ, какъ не встрѣчаются и въ тѣхъ современныхъ польскихъ говорахъ, которые сохраняютъ въ концѣ словъ носовые гласные.

Происхожденіе *ѣ* въ разсматриваемыхъ теперь русскихъ формахъ не вполнѣ ясно. Мы не имѣемъ никакого основанія думать, что это *ѣ* произошло изъ ѧ; но возможно предположить, что это *ѣ* образовалось изъ того же сочетанія звуковъ, изъ котораго развилось церк.-слав. окончаніе данныхъ формъ ѧ.

Формы косвенныхъ падежей членныхъ именъ прилагательныхъ. Склоненіе членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій въ славянскихъ языкахъ имѣетъ два вида формъ: къ первому относятся тѣ, которыя образованы черезъ присоединеніе падежной формы члена (=мѣстоименія *и*) къ соотвѣтствующей формѣ имени; ко второму относятся тѣ, которыя произошли путемъ присоединенія падежной формы члена къ формѣ имени въ именит. ед. муж. рода. Такимъ образомъ въ древнихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ два ряда формъ, изъ которыхъ для насъ имѣютъ значеніе формы род., дат. и мѣстн. п. ед. и род.-мѣстн. дв. всѣхъ родовъ.

Церковно-славянскій языкъ для род. п. муж. и ср. р. членныхъ прилагательныхъ имѣлъ окончаніе *аато, яато, ато, ято*. Въ русскомъ языкѣ вмѣсто этого окончанія мы видимъ окончанія *ото* для прилагательныхъ съ твердою основою и *ето* для прилагательныхъ съ мягкою основою. Эти формы по своему образованію относятся ко второму виду. Въ памятникахъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, формы родит. пад. на *ото* и *ето* рѣдки; зато они по-

стоянно встрѣчаются въ памятникахъ съ чистымъ русскимъ языкомъ— въ грамотахъ, въ которыхъ формы на *аaго, аго* совершенно отсутствуютъ. Такъ, мы читаемъ въ смоленской грамотѣ 1229 г.: смольнеск*ого*, дѣтск*ого*, гочк*ого*, лучьш*его* и т. п., и не находимъ ни одной формы на *аго*. Въ виду этого можно думать, что формы на *аго* въ живомъ древне-русскомъ языкѣ въ историческое время или существовали въ незначительномъ числѣ, или—что болѣе вѣроятно—совсѣмъ не существовали. Если одни изъ современныхъ славянскихъ языковъ имѣютъ формы родит. ед. на *ого* (*ога*): сербскій, отчасти словинскій и верхне-лужицкій,—другіе имѣютъ формы на *его* (польск. *ego*, чешск. *ého*); ни тѣ, ни другіе не знали и не знаютъ формъ на *аго* или ихъ рефлексовъ.

Церковно-славянскій языкъ для род. пад. ед. женск. р. имѣлъ окончаніе *ыѧ, ѧѧ*. Въ старыхъ русскихъ памятникахъ этому окончанію соотвѣтствуетъ окончаніе *ыѣ, ѣѣ*, которое нѣкогда существовало въ живомъ русскомъ языкѣ. Послѣднее видно какъ изъ того, что оно и теперь встрѣчается (особенно въ пѣсняхъ) въ говорахъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ (очень рѣдко въ малорусскихъ), такъ особенно изъ того, что въ старыхъ грамотахъ и актахъ, до XVII вѣка включительно, мы находимъ его сравнительно часто, напр.: король... польск*ыи* землѣ, куявск*ыи* землѣ, добрянск*ыи* землѣ, поморск*ыи* землѣ (грамота польскаго короля Казимира 1361 г.), съ Скирменовъск*иѣ* слободки, съ Исконьск*иѣ* слободки (духовная Дмитрія Донскаго), переяславск*іе* соли (московская грамота 1432 г.), отъ Архангельск*іе* деревни (устюжская грамота 1555 г.), торгов*ые* цѣны, Пречист*ые* Богородицы, лишн*іе* волокиты (Уложеніе ц. Алексѣя Михайловича). Рядомъ съ формами род. п. женск. р. на *ыѣ, ѣѣ*, но чаще, чѣмъ эти послѣднія, мы встрѣчаемъ въ старыхъ памятникахъ формы на *оѣ* и *еѣ*. Они извѣстны съ давняго времени: Архангельское Ев. 1092 г.: свят*оѣ* мученицѣ 169; Минея 1097 г.: коньць утрьн*еѣ* 481; Успенскій Сборникъ XII в.: съмрьти тоѣ пагубн*оѣ*, на мѣстѣ ветъх*оѣ* деревян*оѣ* (церкви). Ихъ рефлексы (великорусскія формы на *ой, ей*) въ современныхъ русскихъ говорахъ господствуютъ. Современныя сербскія и словинскія формы род. ед. женск. р. на *е*, вѣроятно, восходятъ къ древнимъ формамъ на *оѧ*; современныя западно-славянскія формы того же падежа оканчиваются на рефлексы окончанія *еѣ*: *éj, ej, é, eje*; ни сербскій и словинскій, ни

западно-славянскіе языки, повидимому, не знали и не знаютъ формъ род. ед. женск. на *ыѧ* или *ыѣ*.

Формы дательн. п. ед. муж. и ср. р. въ церковно-славянскомъ языкѣ оканчивались на *уму*, *уму*, *юуму*, *юму*. Въ русскомъ языкѣ этимъ окончаніямъ соотвѣтствуютъ окончанія *ому* и *ему*, встрѣчающіяся въ Сборникѣ Святослава 1073 г.: благовѣрьн*ому* 90 об., ближьн*ему* 92 об., въземлюшт*ему* 93 об., прѣступаѭшт*ему* 139 об., врачьбн*ому* 140 об.; въ Сборникѣ Святослава 1076 г.: небесн*ому* 5, вышьн*ему* 6, създан*ому* 9, пьрв*ому* 54, ништ*ему* 81; въ Минеѣ 1096 г.: болѣзньн*ому* 94, бѣсовьск*ому* 154, дрѣвьн*ему* 207; въ Минеѣ 1097 г.: безаконьн*ому*, тих*ому* 315, възлюблен*ому* 330, сътворш*ему* 441, и др. Въ русскихъ грамотахъ мы видимъ исключительно эти послѣднія окончанія. Изъ памятниковъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, формы на *уму*, *уму* болѣе или менѣе часто попадаются только въ древнѣйшихъ, XI и XII вв.; памятники послѣдующаго времени имѣютъ ихъ рѣже и въ XIV в. они встрѣчаются въ самомъ незначительномъ количествѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ памятниковъ церковно-славянскаго происхожденія мы находимъ, вмѣсто формъ на *ому*, *ему*, формы дат. п. ед. съ двумя *о* или съ *ео*, которыя, конечно, не что иное, какъ подражанія формамъ церковно-славянскимъ съ двумя *у*; они особенно часто встрѣчаются въ русскихъ нотныхъ стихираряхъ, тріодяхъ и т. п. богослужебныхъ книгахъ XII—XIV вв. (напримѣръ, въ новгородскомъ Стихирарѣ XII в. Синод. Б. № 279: непрѣкосновеньн*оому* 50 об.), но находятся и въ такихъ памятникахъ, какъ Сборникъ Святослава 1073 г.: прѣчист*оому* 22 об., Архангельское Ев. 1092 г.: просящ*еому* 24 об. Все это показываетъ, что окончанія *уму*, *уму* въ живомъ русскомъ языкѣ въ историческое время не существовали. Въ сербскомъ языкѣ (а отчасти также и въ словинскомъ и верхнелужицкомъ) для дат. п. употребляются тѣ же окончанія *ому* и *ему*, что и въ русскомъ; въ западно-славянскихъ языкахъ мы обыкновенно находимъ окончанія *éти*, *ети*; ни въ тѣхъ, ни въ другихъ не было и нѣтъ окончаній *уму*, *уму* или ихъ рефлексовъ.

Формы дат.-мѣстн. п. ед. женск. р. въ церковно-славянскомъ языкѣ оканчивались на *ѣи* и *ии*. Въ древне-русскихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ и формы подобныя церковно-славянскимъ формамъ— формы на *ѣи*, но главнымъ образомъ въ тѣхъ изъ нихъ, которые

списаны съ церковно-славянскихъ оригиналовъ; въ грамотахъ онѣ не встрѣчаются; нѣкоторыя данныя лѣтописей (особенно Новгородской XIV в.: на Рогат*еи* улици 90, на Лубян*ѣи* улици 112, на Кулачьск*ѣи* 170; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: о задници боярьст*ѣи*) говорятъ въ пользу того, что они нѣкогда, въ маломъ числѣ, могли существовать въ живомъ древне-русскомъ языкѣ. Рядомъ съ ними въ памятникахъ находятся формы на *ои*, *еи*. Онѣ постоянно употребляются въ грамотахъ и нерѣдки въ спискахъ тѣхъ памятниковъ, въ которыхъ неособенно силенъ церковно-славянскій элементъ. Такъ, въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. мы читаемъ: по ногатѣ смольнеск*ои*, у руск*ои* земли и т. п.; срв. въ Словахъ Григорія Богослова XI в.: къ жив*ои* 269. Членныя формы на *ои*, *еи*, кромѣ русскаго, извѣстны также сербскому и отчасти словинскому и верхне-лужицкому языкамъ. Западно-славянскіе языки теперь имѣютъ обыкновенно формы на *éj*, *ej*, *é*, но въ древне-чешскомъ были формы и на *ѣи*.

Формы мѣстн. п. ед. муж.-ср. р. въ церковно-славянск. языкѣ оканчивались на *ѣмь* и *имь*. Въ русскомъ языкѣ, повидимому, существовали и эти окончанія (на что указываютъ данныя Русской Правды по сп. ок. 1282 г.: въ тиунѣ... ратаин*ѣмь* 4, о мѣсяцьн*ѣмь* рѣзѣ 11, въ свободн*емь* 19, и Новгородской лѣтописи XIV в.: въ Неревьск*емь* коньци 75, 145, на Ламьск*емь* Волоце 82, на Нов*емь* Търгу 82, 87); но рядомъ съ ними, и гораздо чаще, издревле употреблялись окончанія *омь* и *емь*. Они съ XII в. являются въ книгахъ часто, а въ грамотахъ постоянно. Что касается до другихъ славянскихъ языковъ, то сербскій языкъ зналъ, повидимому, обѣ эти формы. Въ чешскомъ и польскомъ языкахъ мы находимъ теперь только окончанія *ém*, *em*, но прежде эти языки—по крайней мѣрѣ чешскій—имѣли также и формы на *ѣмь*.

Формы род.-мѣстн. п. дв. ч. въ церковно-славянскомъ языкѣ имѣли окончаніе *ую* и *юю*. Въ древне-русскомъ книжномъ языкѣ эти формы, теперь уже не существующія, оканчивались не только на *ую*, *юю*, но и на *ою*, *ею*: Архангельское Ев. 1092 г.: о бѣсьн*ою* 31 об., дьнь свят*ою* мученику 133 об., свят*ою* безмьздьнику 137, 173, свят*ою* правьдьнику 139 об., свят*ою* отьцю, святою цьсарю 163; Минея 1096 г.: из мрачьн*ою* адовьн*ою* боку 139, мудр*ою* мученику 175, 179; Минея 1097 г.: чьстьн*ою* страдальцю 296, из дѣ-

вичьск*ою* и муженепскусьн*ою* боку 351. Существовали ли въ живомъ русскомъ языкѣ формы на *ую*, по неимѣнію данныхъ, нельзя рѣшить. Въ другихъ славянскихъ языкахъ мы теперь не находимъ формъ, соотвѣтствующихъ русскимъ формамъ родит.-мѣстн. п. дв. на *ою*, кромѣ лужицкихъ, гдѣ еще существуютъ формы этихъ падежей на *оји* и *еји*, и старо-сербскаго: свет*ою* праведьнику Волканово Ев. конца XII в. 180 об. Формы на *ую*, *юю* ни въ одномъ славянскомъ языкѣ, кромѣ церковно-славянскаго, повидимому, не были извѣстны.

Формы дат. и мѣстн. пад. *тобѣ, собѣ, тебе, себе.* Въ церковно-славянскомъ языкѣ формы дат. и мѣстн. п. ед. мѣстоименій 2-го л. и возвратнаго звучали тебѣ, себѣ. Обѣ эти формы существовали и существуютъ и въ русскомъ языкѣ, но рядомъ съ ними встрѣчаются довольно часто и формы т*о*бѣ, с*о*бѣ. Ихъ мы находимъ въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.: с*о*бѣ 162 об., 211, 233 об. и т. п.; въ Архангельскомъ Ев. 1092 г.: о с*о*бѣ 3 об., въ с*о*бѣ 40, къ с*о*бѣ 14 об., по т*о*бѣ 29 об., отпущаються т*о*бѣ грѣси 79, т*о*бѣ глаголю 79 об., къ т*о*бѣ 81 об. и др.; въ Минеѣ 1095 г.: о т*о*бѣ 178; въ Минеѣ 1097 г.: о с*о*бѣ 490. Въ современномъ сербскомъ языкѣ существуютъ формы только съ *е*: т*е*би, с*е*би, а въ современныхъ польскомъ и чешскомъ только съ *о*: t*o*bie, s*o*bie, t*o*bě, s*o*bě (словацк. t*e*be, s*e*be).

Тѣ же формы тѣхъ же мѣстоименій въ церковно-славянскомъ языкѣ имѣли въ концѣ всегда *ѣ*. Въ древне-русскомъ языкѣ, на ряду съ формами на *ѣ*, мы находимъ еще формы съ окончаніемъ *е*, т.-е. теб*е*, себ*е*, тожественныя съ формами родит. п. ед. Вѣроятно, эти формы первоначально имѣли значеніе только мѣстнаго пад. (срв. мѣстн. ед. небес*е*), но очень рано получили значеніе также и дат. п. Съ этимъ значеніемъ мы находимъ ихъ уже въ Сборникѣ Святослава 1073 г.: въ себ*е* 18 об., 63, къ теб*е* 31 об., 64, 65, 80, себ*е* пытажшту 16, вънемли себ*е* 37 об., вънимаи себ*е* 39, не обавися теб*е* 43 об., будеть теб*е* 101 об., и др., а также въ Архангельскомъ Ев. и въ Минеяхъ 1095—1097 гг. Они встрѣчаются такъ часто, что ихъ конечное *е* нельзя объяснять смѣшеніемъ звуковъ *ѣ* и *е*. Въ современныхъ славянскихъ языкахъ (въ томъ числѣ и русскомъ) они неизвѣстны, кромѣ, можетъ быть, сербскаго, гдѣ форма дат. обыкновенно звучитъ теб*е* (Караджичъ, Словарь, v. *тебе*).

Формы 2-го лица ед. ч. на *шь*. Церковно-славянскій языкъ имѣлъ для 2-го л. ед. ч. наст. врем. два окончанія *си* и *ши*. Въ русскомъ языкѣ окончаніе *си* существовало и существуетъ до настоящаго времени, а окончаніе *ши* является только въ тѣхъ старыхъ памятникахъ, которые списаны съ церковно-славянскихъ оригиналовъ или имѣютъ въ своемъ языкѣ церковно-славянскій элементъ. Въ грамотахъ и актахъ свѣтскаго характера, на мѣстѣ церковно-славянскаго окончанія *ши*, мы находимъ окончаніе *шь*; такъ, въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. мы читаемъ: посули*шь*; въ рижской грамотѣ около 1300 г.: вѣдае*шь*, слышы*шь*, дѣе*шь*, купи*шь*, емле*шь* и др. Изрѣдка *шь* встрѣчается и въ памятникахъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, и въ русскихъ сочиненіяхъ съ церковно-славянскимъ элементомъ въ языкѣ; такъ, въ Евангеліи XII в. кіевск. Церк.-Археологич. Муз. мы находимъ: тружаѥ*шь* 33 об.; въ Ев. XII—XIII в. Рум. Муз. № 104: прѣтъкне*шь* 63; въ Прологѣ 1262 г.: прѣмени*шь* 104; въ Кормчей ок. 1282 г.: изгуби*шь* 586 об., съхрани*шь*, буде*шь*, переступи*шь*, узри*шь* 587 об., стоі*шь* 592, служи*шь* 592 об., начне*шь* 596, дьржи*шь* 603 об. и др.; въ Пандектахъ Никона Черногорца 1296 г.: терпи*шь* 19 об., просъмради*шь* и оквасиш*ь* 41, послушаѥ*шь* 42, стяже*шь* 43 об., мни*шь* 71 об. и др.; въ Погодинскомъ Ев. XIII в. № 13: требуѥ*шь* 22 об. Что касается до другихъ славянскихъ языковъ, то формы на *шь* извѣстны въ древнѣйшихъ памятникахъ языковъ сербскаго, словинскаго, чешскаго, польскаго и лужицкихъ; ихъ мы находимъ и въ такъ наз. Фрейзингенской рукописи XI в.: vzovue*s*, zadene*s*, pride*s* (=взове*шь*, задѣне*шь*, приде*шь*), и въ нѣкоторыхъ средне-болгарскихъ памятникахъ: Иверское Ев. XII—XIII в.: спи*ш*'; Карпинское Ев. XIII в.: спи*ш* 103; Стаматовское Ев.: грѣде*шъ* (Срезневскій, Св. и зам. LXXXII, 43). Повидимому, ни въ русскомъ, ни въ другихъ славянскихъ языкахъ, кромѣ церковно-славянскаго, не было окончанія *ши*.

Формы 3-го лица ед. и мн. ч. на *ть*. Церковно-славянскій языкъ для формъ 3-го л. наст. вр. имѣлъ окончаніе *тъ*. Въ русскомъ языкѣ, почти во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ, преобладаютъ формы на *ть*, и, напримѣръ, Остромирово Ев. почти совсѣмъ не имѣетъ формъ на *тъ*; что же касается до грамотъ, то въ нихъ до конца XIV в. мы вовсе не находимъ формъ на *тъ*, такъ что

формы 3-го л. въ нихъ оканчиваются исключительно на *тъ*. Въ другихъ славянскихъ языкахъ теперь не существуетъ ни того, ни другого окончанія (только польск. jes*t* изъ **ѥстъ**, чешск. jes*t* или изъ **ѥстъ**, или **ѥсть**); но въ старыхъ памятникахъ сохранились нѣкоторые слѣды древнихъ формъ: такъ, въ польскихъ Петербургскихъ отрывкахъ XIV в., въ Флоріанской Псалтыри XIV в. и въ Молитвенникѣ 1527 г. мы видимъ форму jeść=ѥсть; въ чешскихъ глоссахъ XII—XIII в. находится большое количество формъ на *t* въ родѣ nudi*t*=нудить, osuzaje*t*=осуждаетъ, stanu*t*=станутъ; въ чешской Виттембергской Псалтыри XIV в. читается: su*t*=суть, zaplati*t*, otplati*t*=заплатитъ, отплатитъ, гдѣ *т*, можетъ быть, произносилось мягко, можетъ быть, твердо.

Точно также въ древнѣйшихъ русскихъ грамотахъ нѣтъ окончанія *тъ* и для 3-го л. ед. аориста. Въ церковно-славянскомъ языкѣ эта форма иногда оканчивалась на *тъ*: быс*тъ*, възя*тъ*; въ русскомъ мы имѣемъ—быс*ть*, дас*ть*, съ *ъ*, и възя, безъ *тъ* или *ть*. Формы въ родѣ възя*тъ*, весьма нерѣдкія въ русскихъ спискахъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, повидимому, никогда не существовали въ живомъ русскомъ языкѣ. Онѣ неизвѣстны (какъ и формы аориста на *ть*) также и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

Формы 3-го л. имперфекта въ церковно-славянскомъ языкѣ всегда оканчивались на *е* въ единств. и на ѫ во множеств. ч.: несѣаше, несѣахѫ (только въ церк.-слав. Саввиномъ Ев. одинъ разъ: запрещаше*тъ*, по изд. Срезневскаго 64). Въ русскомъ языкѣ, рядомъ съ формами на *е* и *у*, мы нерѣдко встрѣчаемъ также формы съ окончаніемъ *ть*; послѣднее, безъ сомнѣнія, перешло въ формы имперфекта изъ формъ наст. вр. Древнѣйшая форма имперфекта на *ть* находится въ Остромировомъ Ев.: муждаше*ть*; въ Архангельскомъ Ев. 1092 г. подобныя формы довольно часты: лежаше*ть*, стрѣжаху*ть*, угнѣтаху*ть*, моляху*ти* и (*и* изъ *ь*, вслѣдствіе ассимиляціи *ь* съ *и*—вин. ед. мѣстоименія); то же можно сказать о Юрьевскомъ Ев. и другихъ памятникахъ XII вѣка. Формы на *ть* встрѣчаются въ памятникахъ какъ южно-русскихъ, такъ и сѣверно-русскихъ, между прочимъ въ Новгородской лѣтописи по списку XIV в., и могутъ считаться общерусскими. Къ сожалѣнію, въ грамотахъ формъ имперфекта нѣтъ, и поэтому мы не можемъ сказать, насколько формы на *ть* были распространены въ живомъ русскомъ

языкѣ. Изъ другихъ славянскихъ языковъ формы имперфекта на *ть* (или на *тъ*) существовали нѣкогда въ сербскомъ и чешскомъ языкахъ. Въ сербскомъ Волкановомъ Ев. XII в.: хулаше*ть*, вьпрашаху*ть*, цѣловаху*ть* и т. п.; въ сербскомъ спискѣ Учительнаго Ев. Константина Болгарскаго XIII в.: глаголаху*ть*, отсилааху*ть* и т. п. (Starine, V, 38); въ чешскихъ глоссахъ XII—XIII в.: izbivachu*t*.

Формы 1-го лица мн. ч. на *ме* и *мо*. Въ церковно-славянскомъ языкѣ эти формы оканчивались или на *мъ*, или—рѣже—на *мы*. Русскій языкъ издревле знаетъ оба эти окончанія, второе по преимуществу въ формахъ ѥс*мы*, вѣ*мы*, да*мы* и ѣ*мы* (отмѣтимъ въ новгородской грамотѣ ок. 1260 г.: ес*мы*, въ грамотѣ рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: да*мы*, прода*мы*, въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: стои*мы* 269); но имѣетъ, кромѣ ихъ, еще два другихъ—*ме* и *мо*. Изъ нихъ первое извѣстно по преимуществу въ памятникахъ новгородскихъ, псковскихъ и смоленско-полоцкихъ: Прологъ 1262 г.: ѥс*ме* (до десяти разъ); Новгородская лѣтопись XIV в.: ѥс*ме* (часто), проливаи*ме* (повелит.) 37, 169; Слово о полку игор.: мужаи*мъ*ся (повелит.); псковской Апостолъ 1307 г.: ѥс*ме*; грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: ес*ме*; грамота Витовта 1399 г.: ес*ме*; новгородская грамота 1614 г.: выручили ес*ме*, Ак. Калач. II, 806; сверхъ того, въ Ев. 1358 г., написанномъ въ Московской области: нѣс*ме* 18; но встрѣчается въ нихъ рѣдко (главнымъ образомъ въ одной формѣ—ѥс*ме*). Оно существуетъ, кромѣ русскаго языка, также въ языкахъ средне- и ново-болгарскомъ, чешскомъ и словацкомъ. Окончаніе *мо* (изъявит. и повелит. накл.) извѣстно въ памятникахъ галицко-волынскихъ и западно-русскихъ, также въ современныхъ малорусскихъ говорахъ: галицкія грамоты XIV—XV вв.: приводи*мо*, чини*мо*, есь*мо*; Ефремъ Сиринъ 1492 г.: поразумѣи*мо*, работаи*мо*, поругаи*мо*, и т. п.; грамоты литовскихъ князей и польскихъ королей XIV—XVI вв.: чини*мо*, ес*мо* (часто); Четья 1489 г.: ес*мо*, буде*мо*, держѣ*мо*, празнуи*мо* и т. п.; Лютеранскій Катихизисъ 1562 г.: приступѣ*мо* 113 об., послухай*мо* 162 об.; Ев. Тяпинскаго: иди*мо* и др. Формы на *мо*, кромѣ русскаго языка, встрѣчаются также въ языкахъ средне- и ново-болгарскомъ, сербскомъ, словинскомъ и словацкомъ.

Кромѣ формъ 1 л. мн. на *ме* и *мо*, памятники русскаго языка имѣютъ еще одну форму того же лица и числа на *мя*: ес*мя*. Она

встрѣчается уже въ новгородской грамотѣ ок. 1375 г. (*ѥсмя* спустилѣ), въ двинскихъ рядной и закладной XIV—XV в., въ московскомъ Ев. 1393 г. (сѣмя овраамле *ѥсмя* 15 об.), въ Сборникѣ XIV в. Троицк. Л. (Пѣтуховъ, Древнія поученія на великій постъ, 35) и въ Ипатскомъ сп. лѣт. 580. Грамоты разнаго рода XV—XVII. в., писанныя въ предѣлахъ Московскаго государства, имѣютъ ее очень часто. Происхожденіе ея неясно, но во всякомъ случаѣ она не можетъ быть объясняема изъ *ѥсме*, такъ какъ переходъ конечнаго ударяемаго *е* въ *а* ни въ новгородскомъ, ни въ московскомъ говорахъ никогда не былъ извѣстенъ (срв. въ тѣхъ же старыхъ памятникахъ, гдѣ *есмя*, постоянное сохраненіе *е* въ *есте*; *естя*—по образу *есмя*—появилось не раньше XV в.: грамота 1503 г. Ак. Юр. 18). Сѣверно-великорусскій Златоустъ XVI в. Публ. Библ. (Q. 972) имѣетъ: самовластни *есма* добру 4 об. (съ отвердѣніемъ *м*).—Современные славянскіе языки не знаютъ формъ сходныхъ съ *ѥсмя*.

Имперфектъ на *яхъ*, *ахъ*. Въ церковно-славянскомъ языкѣ имперфектъ имѣлъ окончанія или полныя *ѣахъ*, *яахъ*, *аахъ*, *ѣаше* и т. д., или сокращенныя *ѣхъ*, *яхъ*, *ахъ*. Живой древне-русскій языкъ, повидимому, совсѣмъ не знаетъ полныхъ окончаній и употребляетъ только сокращенныя *яхъ* и *ахъ*: Святославовъ Сборникъ 1076 г.: *бяше* 129 об. (=ц.-слав. *бѣаше*, *бѣше*); Архангельское Ев. 1092 г.: г.: *идяше*, *живяше*, *съмяше* (=ц.-слав. *идѣаше*, *живѣаше*, *смѣаше*; въ послѣдней формѣ *ѣ* принадлежитъ корню), *сѣдяше*, *вѣдяше* и др.; Минея 1095 г.: *търпяше* 209, *идяше* 214; Минея 1096 г.: *идяста* 48. Памятники послѣдующаго времени и между ними лѣтописи имѣютъ формы имперфекта на *яхъ* и *ахъ* въ большомъ количествѣ, за исключеніемъ грамотъ, въ которыхъ вовсе не встрѣчается формъ имперфекта. Кромѣ этихъ формъ, древніе русскіе памятники знаютъ смѣшанныя формы имперфекта, представляющія собою соединеніе церковно-славянскихъ формъ на *ѣахъ* съ русскими на *яхъ* и оканчивающіяся на *яахъ*: Остромирово Ев.: *бяаше*, *идяаше*, *живяаше* и др. (часто); Святославовъ Сборникъ 1073 г.: *ведяаше*, *бяаху*, *идяаше*, *имяаше*, *богатяаше* и др. (часто); Архангельское Ев.: *сѣдяаше*, *бяаху*, *идяаше*, *хотяаше* и др. Конечно, подобныя формы—формы исключительно книжныя, чуждыя живому русскому языку.

Впрочемъ живому русскому языку въ историческое время были еще извѣстны кое-какія формы имперфекта на *ѣяхъ;* по крайней мѣрѣ формы въ родѣ им*ѣяше* упорно держатся въ русскихъ книгахъ даже второй половины XIV в. (напримѣръ, въ Ев. 1355 г., въ Лаврентьевск. сп. лѣт.). Также возможно, что въ то же время существовала имперфектная форма *бѣхъ* (рядомъ съ *бяхъ*). Она находится, между прочимъ, въ Новгородской лѣт. XIV в.: *бѣху* 43, *бѣше* 60, *беше* 202. Другіе славянскіе языки въ историческое время своего существованія имѣли и имѣютъ формы имперфекта близкія къ русскимъ формамъ. Должно замѣтить, что русскія формы имперфекта нерѣдко являются съ несмягченными зубными и свистящими и съ мягкими губными (безъ *л*): Пантелеймоново Ев. XII в.: сты*дя*ахуся 120; Златоструй XII в.: ло*мя*ху 104; Житіе Ѳеодосія Печерскаго XII в.: отъпу*стя*ше 14 об., распу*стя*ше 15, просла*вя*ше 13 об., ку*пя*ше 4 и т. п. Конечно, рядомъ съ этими сравнительно-новыми формами оставались въ употребленіи и древнія: хо*жа*ше, пу*ща*ше, люб*ля*ше. Сходныя формы встрѣчаются въ средне-болгарскихъ, древне-сербскихъ и старо-чешскихъ памятникахъ: исхо*дѣ*хж Слѣпченскій Апостолъ XII в. 1 об.; прѣ*тѣ*хуть (=прѣ*тя*хуть, ц.-сл. прѣ*шта*ахж), хо*дѣ*хуть Волканово Ев. XII в.; zcho*dě*še Святовитскій сборникъ 109.

Спряженіе имперфекта въ русскомъ языкѣ одинаково съ спряженіемъ его въ церковно-славянскомъ языкѣ; только формы 2-го и 3-го лицъ дв. ч. и 2-го л. мн. въ сѣверно-русскихъ (по преимуществу) памятникахъ XIII—XIV вв. иногда оканчиваются не на *ста*, *сте* или *шета*, *шете*, а на *шта*, *ште*: Житіе Нифонта 1219 г.: стоя*шьте* два мюрина 20, два хѣрувимъ стоя*ште* одесную 119; Толстовскій сборникъ XIII в.: бя*шта* 124 об.; Пандекты 1296 г.: поя*шта* 133; Ев. 1339 г.: идя*шть* (дв., *ъ*=*е*) 2 об., зря*шьте* (дв.) 10; Ев. 1357 г.: зря*шьта* 151 об., идя*шьта* 154 об., хожа*шьта* 167 об., бѣа*шьта* 175; Ев. 1358 г.: идя*шта* 3, бѣ*шта* 146 об., иска*шта* 204, чюдя*шта*ся 208 об.; новгородское Ев. XIV в. Рум. Муз. № 434: бѣ*шьта* 66 об.; Новгородская лѣт.: мышля*шьта* 129; псковское Лукино Ев. 1409 г.: бя*шьте*; Амартолъ XIV в. (вѣроятно, западно-русскій): творя*шта* 153, има*шьта* 154, бия*ште* 175 об. Мы не имѣемъ возможности опредѣлить степень древности подобныхъ формъ въ русскомъ языкѣ, но считаемъ нелишнимъ

указать на существованіе сходныхъ формъ въ старо-чешскомъ и въ современныхъ лужицкихъ языкахъ.

Давнопрошедшее. Церковно-славянскій языкъ имѣлъ давнопрошедшее или plusquamperfectum, состоявшее изъ аориста *бѣхъ* или имперфекта *бѣахъ* и причастія на *лъ*. Русскіе памятники знаютъ это давнопрошедшее: Житіе Ѳеодосія Печерскаго XII в.: приведоша разбоиникы, ихъже *бѣша яли* въ селѣ; *бѣ* въ искушении *былъ*; Лаврентьевскій сп. л.: обновлена бысть цьркы, яже *бѣ опогѣла* въ пожаръ, еще бо не *бяху ся утвердили* вѣрою, си не *бѣша слышали* словесе книжного; но рядомъ съ ними употребляютъ и другое, состоящее изъ прошедшаго сложнаго *былъ ѥсмь* и причастія на *лъ* (*ѥсмь* часто опускается): смоленскій договоръ съ Ригою 1229 г.: *ишлъ былъ* (=ишло было); новгородскій договоръ съ Тверью 1265 г.: что *былъ отъялъ* братъ твои; смоленская грамота 1284 г.: *ищьло было;* Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: Ярославъ *былъ уставилъ* и убити 19; грамота рижанъ ок. 1300 г.: *приготовилися есме были;* новгородскій договоръ съ Тверью 1305 г.: *дали ѥсме былъ;* галицкая закладная 1386 г.: *придалъ былъ*; Лаврентьевскій сп. л.: ударилъ еси пятою Новъгородъ и *шелъ еси былъ* на стрыя 363; Ипатскій сп. л.: хрестъ *есте были цѣловали* 349. Давнопрошедшее второго типа извѣстно, кромѣ русскаго, также сербскому, словинскому и западно-славянскимъ языкамъ.

Причастія настоящаго времени на *а*. Церковно-славянскія причастія наст. вр. дѣйств. зал. оканчивались въ имен. п. ед. муж. р. или на *ѧ*: люб*ѧ*, или на *ы*: ид*ы*. Формы на *ѧ*=*я* обычны во всѣхъ русскихъ памятникахъ, но формы на *ы* употребляются только въ тѣхъ памятникахъ, которые или списаны съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, или имѣютъ въ своемъ языкѣ въ томъ или другомъ количествѣ церковно-славянскую примѣсь. Памятники съ чистымъ русскимъ языкомъ, каковы грамоты, не знаютъ причастій на *ы* и вмѣсто ихъ, въ томъ же значеніи—имен. п. ед. муж. р.—, имѣютъ причастія на *а*: ид*а*, которыя появляются очень рано: Святославовъ Сборникъ 1073 г.: рек*а* 188 (=церк.-слав. рек*ы*), приснотек*а*и 247 (=ц.-слав.—тек*ы*и); Минея 1096 г.: зов*а* 44, 82, 120, 185, мог*а* 83; Минея 1097 г.: жив*а* 487; Минея XI в. (Публ. Библ. F. 36): с*а*и 9 (=ц.-слав. с*ы*и); Добрилово Ев. 1164 г.: чьт*а*и 80 об.; Житіе Ѳеодосія Печерскаго по сп. XII в.: дад*а*, пек*а* 17, ѣд*а* 25 об.;

смоленская грамота ок. 1230 г.: возм*а*; грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: мог*а*, постерег*а*; договоръ Новгорода съ Тверью ок. 1301 г.: жив*а*; духовная Ивана Калиты: ид*а*; галицкая грамота 1409 г.: прид*а*; галицкая грамота 1422 г.: стан*а*, и друг. Современный русскій языкъ не знаетъ причастныхъ формъ ни на *ы*, ни на *а*. Отсутствіе въ грамотахъ причастій на *ы* и постоянное употребленіе въ нихъ причастій на *а* позволяетъ предполагать, что первыя не существовали въ живомъ русскомъ языкѣ, принадлежа только литературному языку древней Руси, и что ихъ мѣсто въ народныхъ говорахъ было занято вторыми. Это предположеніе относительно русскаго языка до нѣкоторой степени подтверждается языками польскимъ и чешскимъ, въ которыхъ никогда не было и нѣтъ причастныхъ формъ на *ы* и встрѣчаются одни формы на *а*: ст.-польск. rzek*a*, чешск. řk*a* (=церк.-слав. рек*ы*, др.-русск. рьк*а*), чеш. jd*a* (=церк.-слав. ид*ы*, др.-русск. ид*а*), js*a* (=церк.-слав. с*ы*, др.-русск. с*а*) и т. п. Происхожденіе окончанія *а* и его отношеніе къ окончанію *ы* для насъ не совсѣмъ ясно, по кажется, это *а* по происхожденію сходно съ *ѣ* въ род. ед. женск. р. душ*ѣ* и друг.

Неопредѣленное наклоненіе на *ть*. Церковно-славянскій языкъ имѣлъ форму собственно-неопред. н. на *ти* и двѣ формы такъ наз. супина на *тъ* и на *ть*; послѣднюю знали только глаголы съ гортанными согласными въ основахъ, въ родѣ лѧгѫ: облеш*ть*. Въ русскомъ языкѣ существовали всѣ эти формы — форма на *ти* въ значеніи только неопред. н., форма на *тъ* въ значеніи только супина, а форма на *ть* въ значеніи и неопред. н., и супина. Послѣдняя встрѣчается уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ. Остромирово Ев.: не придохъ разори*ть* нъ напълни*ть* 213; Святославовъ Сборникъ 1073 г.: придѣяху почрьпа*ть* 257; Архангельское Ев.: не имуть въкуси*ть* съмьрти 80 об.; Добрилово Ев. 1164 г.: оному подобаѥть рос*ть*, а мнѣ мни*ть*ся 8 об., възиде на гору ѥдинъ помоли*ть*ся 70 об., да ся не възвратить въспять възя*ть* ризъ своихъ 80 об.; Учительн. Ев. Константина Болгарскаго XII в.: приде не тъкъмо себе яви*ть*, нъ и научити 43; Пантелеймоново Ев. XII в.: приде отъ коньць земля слыша*ть* премудрость 46; Милятино Ев. 1215 г.: бысть вънити въ домъ хлѣба ѣс*ть* 119 об.; Ев. Погодина XIII в. № 12: да снидеть ицѣли*ть* сына 12 об.; Ев. Погодина XIII в. № 13: задѣша понес*ть* (кресть) 168; Толстовскій

Сборникъ XIII в.: велить *звать* нищая и напоити 31; Прологъ 1262 г.: не дълъга врѣмени трѣбуи тъкмо въ юдинъ день получи*ть* отпускъ 104; Кормчая ок. 1282 г.: яко нѣ кого наряди*ть* служити 518, не поститися, но инѣми духовными исполни*ть*ся 518 об. Она извѣстна также старшимъ русскимъ грамотамъ: смоленскій договоръ 1229 г.: аже извиниться латининъ, не мътати юго у погрѣбъ... у желъза усади*ть*, такова правда узя*те* (*е*=ъ); смоленскій договоръ ок. 1230 г.: немьчицю постави*ть* и передъ князем; грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: шолъ соли веси*ть*. Памятники XIV в. имѣютъ формы на *ть* сравнительно нерѣдко: Ев. 1339 г.: придоша послуша*ть* юго 90; грамота литовскихъ князей 1350 г.: аже побѣгнеть холопъ, выда*ть* его; Ев. 1354 г.: придохъ раздѣли*ть* человѣка на отца своего 38 об., приде взыска*ть* и спастъ погыбшаго; Ев. 1355 г.: шли бяху брашна купи*ть* 14; Ев. до 1362 г.: како может человѣкъ роди*т*ся старъ сы 2 об., подобаюсть... мнѣ мни*т*ся 5, иже имать уши слыша*ть* да слышить 51 об., подобаюсть в третии день въскреснуть 107; Паремейникъ 1378 г.: уклонися яс*ть* 98 об.; Ев. 1393 г.: пришелъ юси погуби*ть* насъ 61 об., посла и пасти*ть* свинии 129; Ев. 1399 г.: пришелъ юси мучи*ть* насъ 37; Мстижское Ев. XIV в.: не достоить твори*ть* в суботу 37 об., никто же можеть разъграби*ть* 60 об.; Луцкое Ев.: прииде слыша*ть* прѣмудрость 58; полоцкая вкладная XIV в. (въ Ев. Погодина № 12): ажо ми ся учинить не бы*ть* у Полоть(ск)е; двинская грамота XIV—XV в. (Ак. Калачова II, № 126): отступи*т*ся, отда*ть*, вари*ть*; галицкая грамота 1418 г.: имае заступити и оправи*ть*. Изъ другихъ славянскихъ языковъ польскій яз. имѣетъ формы неопред. накл. на *ć*=*ть* издревле въ огромномъ количествѣ (формы на *ci*=*ти* и *t*=*тъ* даже въ старо-польскихъ памятникахъ очень рѣдки); то же можно сказать о лужицкихъ языкахъ (формы на *ći*, *ś́i*=*ти* очень рѣдки; формъ на *t* нѣтъ совсѣмъ); въ чешскомъ языкѣ распространены всѣ три формы неопред. накл.; сербскій и словинскій языки знаютъ формы и на *ти*, и на *ть*.

Кромѣ указанныхъ формальныхъ особенностей русскаго языка, должно упомянуть о слѣдующемъ.

Формы дат. и твор. мн. въ великорусскомъ нарѣчіи оканчиваются на *мя*: творит. дву*мя́*, тре*мя́*, четырь*мя́*, сто*мя́* (между прочимъ, у Державина и Добрынина), пермск. и*мя́*, всѣ*мя́*, свои*мя*, добры*мя*,

сибирск. и*мя*, донск. всѣ*мя*, дат. сѣверно-великор. и сибирск. и*мя* (имъ), вятск. всѣ*мя* (всѣмъ), тобольск. тѣ*мя* (тѣмъ). Формы твор. мн. на *мя* встрѣчаются изрѣдка также въ бѣлорусскомъ нарѣчіи: дво*мя*, дву*мя*, тре*мя*, тро*мя*, съ се*мя* (=семью) головами (Бѣлор. Сб. III, 198). Формы на *мя* извѣстны по памятникамъ съ XIV—XV в.: Ипатскій сп. лѣт.: тре*мя* имены 483; Литовская лѣтопись XV в.: не полюбился и*мя* (Ольгерду и Кейстуту; формы дв. ч. въ этой лѣтописи не употребляются; Уч. Зап. Ак. Н.); Житіе Михаила Клопскаго по Синод. списку Макарьевскихъ Миней (янв.): прешедшимъ четырь*мя* лѣтомъ 471; Житіе Даніила Переяславскаго по списку XVII в. Рум. Муз. Унд. № 301: лѣтомъ тре*мя*надесять минувшемъ 3; Римскія Дѣянія по сп. нач. XVIII в.: велѣлъ стати четыремъ слугамъ, единому предъ нимъ, а дву*мя* со сторонъ (изд. Общ. др. письм. II, 222); соловецкая грамота 1561 г.: крестьяномъ пятьма или шест*мя* добрымъ (Ак. Арх. Э. I, 285); Елецкія книги 1593 г.: тридцать*мя* осми человѣкомъ (по снимку Иванова № 47). Быть можетъ, оно родственно съ сербскимъ окончаніемъ дат. и твор. мн. *ме* (если это *ме*—изъ *мѧ*); срв. въ польской Шарошпатацкой Библіи XIV в.: miedzy twy*mo* oczyma 57.

Форма 1-го л. ед. глагола *быти* въ русскомъ языкѣ нѣкогда звучала не только ѥс*мь*, но и (чаще) ѥс*ми*. Мы находимъ ее съ окончаніемъ *ми* въ памятникахъ XIV в. и слѣдующихъ, какъ сѣверно-, такъ и западно- и южно-русскихъ, между прочимъ въ грамотѣ Андрея Полоцкаго до 1399 г.; она сохраняется, въ видѣ *сми*, у гуцуловъ (въ Карпатахъ); сверхъ того, форма ѥс*ми* находится въ одномъ сербскомъ Патерикѣ XIV в.

Формы 1-го л. двойств. на *вѣ*, обычныя въ церковно-славянскихъ памятникахъ, обычны и въ древне-русскихъ; но въ послѣднихъ, рядомъ съ ними, встрѣчаются также формы на *ва*: Прологъ 1262 г.: съгрѣшихо*ва* 19, поиде*ва* 28 об., последуѥ*ва* 77, служи*ва* 79, слышихова 88, умре*ва* 105 об., поиди*ва* (повелит.) 113 об.; Ев. 1354 г.: може*ва* 56, хоще*ва* 148 об.; Луцкое Ев. XIV в.: хоще*ва*, проси*ва* 182; Новгородская лѣт. XIV в.: примѣ*ва* 177; молдавская грамота 1400 г.: имае*ва*. Эти формы (теперь съ значеніемъ множ. ч.) извѣстны разнымъ славянскимъ нарѣчіямъ.

Формы наст. вр. на *аамь* или *амь*, *aaши* или *аши*, въ родѣ ц.-слав. им*аамь*, им*амь*, издревле чужды русскому языку. Поэтому

въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ (въ числѣ ихъ въ Остромировомъ Ев.) им*аамь*=им*амь*, 1 л. ед., постоянно пишется съ ъ на концѣ (рядомъ русскія формы вѣ*мь*, да*мь* и т. п. обыкновенно имѣютъ ь). Формы им*амъ* (грамота Ивана Гольшанскаго 1401 г.), им*амы* (молдавская грамота 1395 г., Уляницкій), позже м*амъ*, встрѣчающіяся въ юго-западно-русскихъ документахъ,—полонизмы: срв. ст.-польск. jim*am*, современн. m*am*. Современная великорусская форма созд*амъ*—несомнѣнное новобразованіе (по образцу *дамъ*). Современныя западно-малорусскія (лемковскія) зн*амъ*, спів*амъ* и т. п.—заимствованія изъ польскаго или словацкаго языка, гдѣ формы на *am*, *ám* многочисленны.

Формы сослагательнаго накл. съ *бимь* (*былъ бимь*), обычныя въ церковно-славянскихъ памятникахъ, искони чужды русскому языку и очень рѣдки даже въ тѣхъ русскихъ текстахъ, которые списаны съ церковно-славянскихъ оригиналовъ. Ихъ мѣсто въ русскомъ языкѣ было занято формами съ *быхъ* (*былъ быхъ*), рѣдкими въ церковно-славянскомъ языкѣ, но обычными въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

Наконецъ должно замѣтить, что церковно-славянскія формы дат. *чьсому—чесому*, мѣстн. *чьсомь—чесомь* (отъ *чьто*) никогда не существовали въ живомъ русскомъ языкѣ (уже въ Остромировомъ Ев.: *чемь* 78, 79; въ Святославовомъ Сборникѣ 1076 г.: *чемь* 20; въ Златоструѣ XII в., л. 111, и въ Кормчей XII в. Син. Библ., л. 260: ни*чему*), равно какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ; что формы род.-мѣстн. отъ *дъва* и *оба* звучали не только *дъвою* и *обою* (Русск. Правда по сп. ок. 1282 г.: до *двою* гривну 5, *двою* мужю 16; грамота Герденя 1264 г.: *обою* сторону; псковская грам. 1483 г.: съ *обою* сторонъ Ак. Юр. № 2; сѣв.-русск. грам. XVI в.: въ *двою* рублѣхъ Ак. Юр. 442), съ мѣстоименнымъ окончаніемъ, но также—чаще—*дъву* и *обу* (Сказаніе о Борисѣ и Гл. XII в. 7; Синод. Кормчая XII в. № 227; Русск. Пр. 14), съ именнымъ окончаніемъ; что формъ дат.-твор. отъ *дъва* было двѣ: одна, обычная въ церковно-славянскихъ памятникахъ—*дъвѣма*, съ мѣстоименнымъ окончаніемъ, другая, неизвѣстная церковно-славянскому языку—*дъвома*, съ именнымъ окончаніемъ.

IX. Исторія формъ склоненія.

Мы не будемъ касаться тѣхъ формальныхъ измѣненій, которыя находятся въ связи съ исторіею звуковъ, въ родѣ измѣненія им.-вин. ед. средн. р. моѥ въ *моjо*, моё или измѣненія твор. ед. *рукою* въ *рукой*; о нихъ была уже рѣчь выше. Мы будемъ говорить только о тѣхъ измѣненіяхъ формъ, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ или вліянію однѣхъ формъ на другія, или борьбѣ формъ между собою, или другимъ не фонетическимъ факторамъ.

Смѣшеніе именныхъ основъ. Склоненіе именъ въ санскритскомъ языкѣ имѣетъ нѣсколько системъ; именно, въ этомъ языкѣ различаются склоненія именъ съ основами 1) на *ă*, 2) на *ā*, 3) на *ĭ*, 4) на *ī*, 5) на *ŭ*, 6) на *ū* и 7) на разные согласные. Склоненіе именъ въ греческомъ языкѣ также дѣлится на нѣсколько системъ, тѣхъ же, что и въ санскритѣ. Въ славянскихъ языкахъ уже въ древнѣйшій, доисторическій періодъ ихъ существованія исчезла значительная часть древнихъ формъ отъ основъ на *ъв* (=санскритск. *ū*) и на согласные, и мѣсто ихъ было занято формами вновь образовавшимися по образцу формъ отъ основъ на *ь* (=санскр. *ĭ*), *о* (=санскр. *ă*) и *а* (=санскр. *ā*). Такимъ образомъ, напримѣръ, отъ основы *матер* была утрачена форма твор. п. ед. и ея мѣсто было занято новою формою *матерьѭ*, образовавшеюся по образцу формъ отъ основъ на *ь*, въ родѣ *костьѭ*. Точно также къ древнѣйшему періоду существованія славянскихъ языковъ относится начало смѣшенія основъ на *о* муж. и ср. р. и основъ на *ъ* (=санскр. *ŭ*) муж. и ср. р.,—основъ на *о* съ предыдущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ и основъ на *ь* муж. и ср. р.,—основъ на *о* ср. р. и основъ на *ес* (=санскр. *as*) ср. р.

Смѣшеніе основъ на **о** *и на* **ъ**. Сравненіе славянскихъ языковъ съ литовскимъ показываетъ, что въ первыхъ нѣкогда было довольно много именъ съ основою на ъ. Древнія формы большей ихъ части еще въ глубокой древности были замѣнены новыми, образовавшимися по образцу формъ именъ съ основою на *о*; между прочимъ всѣ прилагательныя съ основою на ъ перешли въ славянскихъ языкахъ въ склоненіе основъ на *о*; срв. славянскія *бъдръ*, *остръ* и т. п. съ литовскими budr*ùs*, ãstr*ùs*. Вслѣдствіе этого, въ славянскихъ языкахъ сохранились древнія формы только отъ существительныхъ съ основою на ъ, и то отъ очень немногихъ. Въ памятникахъ церковно-славянскаго языка формы склоненія основъ на ъ являются всего чаще отъ пяти словъ: *сынъ*, *домъ*, *медъ*, *връхъ*, *полъ*; но въ склоненіи даже этихъ словъ издревле существуютъ, рядомъ съ древними формами отъ основъ на ъ, новыя формы, образованныя по образцу основъ на *о*. То же, что въ церковно-славянскомъ, мы видимъ и въ древне-русскомъ языкѣ: здѣсь постоянно, рядомъ съ древними формами немногихъ именъ съ основою на ъ, встрѣчаются новыя, въ родѣ род. сын*а*, мѣстн. сын*ѣ* и т. д. Въ свою очередь, имена съ основою на *о* въ русскомъ языкѣ, главнымъ образомъ муж. р., подчинились вліянію именъ съ основою на ъ; вслѣдствіе чего въ ихъ склоненіи мы нерѣдко находимъ двоякія формы— древнія, отъ основы на *о*, и новыя, образованныя по образцу формъ основъ на ъ. Эти двоякія формы тянутся черезъ всю исторію русскаго языка и сохраняются до настоящаго времени.

Форма род. п. ед. основъ на *о* оканчивалась на *а*; та же форма основъ на ъ оканчивалась на *у* (*ю*). Въ древне-русскихъ памятникахъ отъ именъ съ основою на *о* (означающихъ неодушевленные предметы) мы видимъ, кромѣ формъ род. ед. на *а*, также формы того же пад. на *у* (*ю*). Такъ, напр., мы читаемъ въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.: отъ льн*у* 218 об.; въ Прологѣ 1262 г.: что и ѥще ѥсть долг*у* 60 об., корчагу боб*у* мочена 63 об., своѥго род*у* 81 об.; въ новгородской грамотѣ 1265 г.: отъ лн*у*; въ Кормчей ок. 1282 г.: лн*у* 589 об.; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: солод*у*, горох*у* 4, 22; въ новгородской грамотѣ 1305 г.: ис Торъжк*у*; въ полоцкой грамотѣ ок. 1331 г.: отъ воск*у*, отъ хмѣл*ю*; въ Ев. 1354 г.: со брег*у* 70; въ волынской вкладной 1376 г.: обаполъ Буг*у*; въ новгородской грамотѣ 1373 г.: полон*у* новторского; въ

Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: род*у* княжа 22; въ Новгородской лѣтописи: не створи ряд*у* 55, до търг*у* 60, съ пълк*у* 33, просяце пълк*у* 86, съ Торожк*у* 168; въ галицкой грамотѣ 1400 г.: безъ одвукуп*у*; въ Палеѣ 1406 г.: отъ мозг*у* 46, съ хольм*у* 190 об.; въ галицкой грам. 1418 г.: того лист*у*. Слово о полку игоревѣ имѣетъ рядомъ Дона и Дон*у*.

Форма дат. ед. основъ на *о* оканчивалась на *у*; та же форма основъ на *ъ* оканчивалась, между прочимъ, на *ови* и *еви*. Древніе памятники, кромѣ формъ дат. ед. на *у*, имѣютъ отъ основъ на *о* (особенно отъ именъ лицъ) также формы на *ови*, *еви*. Мстиславова грамота 1130 г.: Георги*ѥви*; смоленская грамота ок. 1230 г.: Бог*ови*, мастер*ови*; полоцкая грамота около 1300 г.: бровст*ови*; грамота рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: мост*ови*, манастыр*еви*; полоцкая грамота ок. 1331 г.: купц*ьви*, вѣсц*ьви*; Новгородская лѣтопись: Драгуил*ови* 28, Судил*ови* 49, Андре*ѥви* 49, Гюрг*еви* 49, Якун*ови* 69, Михал*еви* 85, отц*еви* 187, кон*еви* 291. Формы дат. на *ови* встрѣчаются также въ грамотахъ галицкихъ, но особенно часты въ Волынской лѣтописи, сохранившейся въ Ипатскомъ спискѣ: Воишелг*ови*, Данил*ови*, холм*ови*, лед*ови*, соньм*ови*, Юрь*еви*, цар*еви* и т. п.

Форма мѣстн. ед. основъ на *о* оканчивалась на *ѣ* (*и*); та же форма основъ на *ъ* оканчивалась па *у* (*ю*). Въ древнихъ памятникахъ отъ именъ съ основою на *о* формы мѣстн. ед. встрѣчаются не только съ окончаніемъ *ѣ*, *и*, но также (по преимуществу, когда слова — двусложныя, означающія неодушевленные предметы) — съ окончаніемъ *у*: въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ XII в.: быша на Бор*у* 4 об.; въ Прологѣ 1262 г.: на ариѥве лед*у* 35, въ пир*у* 46, въ торг*у* 53 об.; въ Паремейникѣ 1271 г.: въ гно*ю* 186 об.; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: въ пир*у*, на търг*у* 6, 7; въ Пандектахъ 1296 г.: въ мир*у* 29, 66, 120 об., на снѣг*у* 77 об., на торг*у* 112 об.; въ договорѣ Новгорода съ тверскимъ князем̆ъ 1265 г.: на Торожк*у*; въ договорѣ ок. 1301 г.: в Тържьк*у*; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: на воск*у* 194; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: сидѣла дружина у (=въ) пир*у*; въ Амартолѣ XIV в.: въ пир*у* 121 об.; въ духовной Ивана Калиты: на шелк*у*; въ Ев. 1339 г.: на брег*у* 47; въ Паремейникѣ 1378 г.: въ стан*у* 106; въ грамотѣ Ягелла 1388 г.: у Луцк*у*; въ грамотѣ Витовта послѣ 1392 г.: у Туреиск*у*; въ Новгородской лѣт.: побѣди на Бор*у* Чюдь 15,

на Новемь Търгу 49, 60, на мале часу 87, въ Торжьку 272. Памятники псковскіе XIV—XV вв. имѣютъ формы на *у* отъ личныхъ собственныхъ именъ (въ записяхъ): Апостолъ 1309—1312 г.: при попѣ Паруху; Параклитикъ 1369 г.: при князи при Борису; Прологъ 1383 г.: при попѣ Федосу; Паремейникъ 1413 г.: при князи Борису. Памятники западно-русскіе XV—XVI вв. имѣютъ формы на *у* отъ именъ и мужескаго, и средняго рода очень часто: смоленскій Исаакъ Сиринъ 1428 г., запись: въ градѣ Смоленьску; полоцкая грамота 1407 г.: у Полоцку; полоцкая грамота 1478 г.: въ члонъку; Лѣтописецъ Переяславскій (по изд. кн. Оболенскаго): въ Смоленску 41, у Курьску 54, въ Полотсцю 5; Литовскій Статутъ 1588 г.: о недаванью 44, у воиску 57, на писару 127 и т. п.; Евангеліе Тяпинскаго XVI в.: в ученью своемъ, на сконченью, о закамененью и т. п. Московскія грамоты XVI—XVII вв. нерѣдко имѣютъ формы на *у* отъ названій городовъ на *скъ*: въ Смоленску, въ Можайску, въ Сѣвску.

Въ формахъ зват. ед. издревле постоянно употреблялось окончаніе основъ на *ъ—у* у многихъ изъ тѣхъ существительныхъ съ основою на *о*, которыя имѣли передъ гласнымъ основы *j* или мягкій согласный: цьсарю. Въ древне-русскомъ языкѣ мы иногда (очень рѣдко) встрѣчаемъ, вмѣсто окончанія *е*,—окончаніе *у* у словъ съ основою на *о* съ предыдущимъ твердымъ согласнымъ; такъ, въ двухъ новгородскихъ Стихираряхъ XII в. Акад. Наукъ и Син. Библ. № 279 мы читаемъ: тебѣ жениху мои люблю, вмѣсто: женише; въ Волынской лѣтописи по Ипатскому сп.: свату 440, 446, 455, 469, 470.

Форма имен. мн. основъ на *о* оканчивалась на *и*; форма того же падежа основъ на *ъ* имѣла окончаніе *ове* или *еве*. Древніе памятники, рядомъ съ формами на *и*, имѣютъ изрѣдка формы имен. мн. отъ словъ съ основою на *о*, оканчивающіяся на *ове*, *еве*: новгородская грамота ок. 1300 г.: посл*овѣ*; духовная в. кн. Ивана Калиты: тата*рове*; Ев. 1355 г.: поп*ове* (запись); новгородскія грамоты 1372 и 1373 г.: посл*овѣ* (не только им., но и вин. мн.); Новгородская лѣтопись: дъжд*еве* 263; Лаврентьевскій сп. лѣт.: воробь*еве* 58, разбо*еве* 124; московская грамота 1449 г.: словар*ове* (Ак. Калачова I, 101). Нѣсколько большее количество подобныхъ формъ находится въ Волынской лѣтописи по Ипатскому сп.: поп*ове*, бор*ове*, татар*ове*, и притомъ не только въ значеніи им. мн., но и вин.: поидоша въ лях*ове*.

Форма род. мн. основъ на *о* оканчивалась на *ъ* (*ь*); та же форма основъ на *ъ* имѣла окончаніе на *овъ* или *евъ*. Памятники русскаго языка съ XII в. имѣютъ въ большомъ количествѣ формы род. мн. отъ словъ муж. р. съ основою на *о*, оканчивающіяся на *овъ*, *евъ*: Святославовъ Сборникъ 1076 г.: вожд*евъ* 7; Златоструй XII в.: дълг*овъ* 5 об.; Житіе Епифанія XII в.: бѣс*овъ*; Житіе Ѳеодосія Печерскаго по сп. XII в.: манастыр*евъ* 7, бѣс*овъ* 13, 19, дух*овъ*, пълк*овъ* 13, труд*овъ* 14 об.; договоръ Смоленска съ Ригою ок. 1230 г.: розбойник*овъ*; Прологъ 1262 г.: хлѣб*овъ* 25 об., 132 об., бѣс*овъ*, кон*евъ* 68 об.; договоръ Новгорода съ тверскимъ княземъ ок. 1265 г.: купц*евъ*, повоз*овъ*; Ев. 1270 г.: хлѣб*овъ* 39 об., динари*ѥвъ* 70 об.; Русск. Правда по сп. ок. 1282 г.: хлѣб*овъ*, уборок*овъ* 4, 22, послух*овъ* 11, 12; Рязанская Кормчая 1284 г.: образ*овъ* 6 об., труд*овъ* 7, сбор*овъ* 10, презвитер*овъ* 36 и др.; Пандекты 1296 г.: труд*овъ*, бѣс*овъ*, час*овъ*, стих*овъ*, псалм*овъ*, трепар*евъ*, въпл*евъ*, и др.; договоръ Новгорода ок. 1301 г.: новъгородьц*евъ*, новоторъжьц*евъ*; договоръ Новгорода ок. 1305 г.: пристав*овъ*, закладник*овъ*; духовная Ивана Калиты: бортник*овъ*, оброчник*овъ*, пояс*овъ*, суд*овъ*; грамота литовскихъ князей 1350 г.: город*овъ*; Лаврентьевскій сп. л.: сторож*овъ* 231, преятел*евъ* 296; Паремейникъ 1378 г.: жител*евъ* 34; Новгородская лѣт.: двор*овъ*, кон*евъ*, корабл*евъ*, злодѣ*ѥвъ*. Рядомъ съ этими формами въ памятникахъ XIV в. встрѣчаются еще въ значительномъ количествѣ и старыя формы: новгородская грамота ок. 1325 г.: твоихъ мужъ; духовная Ив. Калиты: ис портъ; Духовная Семена Гордаго: конь своихъ; Новгородская лѣтопись: городъ вашихъ 194, възяша 6 городъкъ 50, и т. п.

Формы именъ муж. р. съ основою на *о*, имѣющія окончанія формъ основъ на *ъ*, пользуются широкимъ распространеніемъ въ современномъ русскомъ языкѣ.

Формы род. и мѣстн. ед. на *у* многочисленны во всѣхъ его говорахъ, между прочимъ въ литературномъ языкѣ: песк*ý*, творог*ý*, сáхар*у*, на холод*ý*, на кра*ю́* и т. п.; при этомъ рядомъ съ ними употребляются и старыя формы основъ на *о* съ окончаніями *а* и *ѣ*, *и*. Нѣкоторыя слова имѣютъ по двѣ падежныхъ формы род. и мѣстн. ед.—на *а* и *у*, на *ѣ* и *у*.

Формы дат. ед. на *ови*, *еви* исчезли изъ великорусскихъ говоровъ и въ настоящее время распространены только въ малорусскомъ на-

рѣчіи: бог*ови*, бог*ові* (рядомъ съ бог*у*); они употребляются въ значеніи не только дат., но и мѣстн. ед.

Формы зват. ед. на *у* также исчезли изъ великорусскихъ говоровъ, но еще существуютъ въ бѣлорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіяхъ, въ первомъ рѣдко: сынк*у* (рядомъ съ кум*е*), во второмъ часто: діду, сват*у* и т. п. (рядомъ съ дід*е*, сват*е*).

Формы имен. мн. на *ове*, *еве* сохранились въ ничтожномъ количествѣ въ великорусскихъ говорахъ: онежск. (пѣсенн.) татар*ове*, улан*ове*, путивльск. цар*еве*. Въ бѣлорусскихъ говорахъ они также очень рѣдки: сват*ове*, муж*ове*. Малорусское нарѣчіе имѣетъ ихъ въ большемъ числѣ, особенно говоръ лемковъ: вітр*ове* (рядомъ съ сват*и*, вітр*и*).

Формы род. мн. на *овъ*, *евъ* имѣютъ очень широкое распространеніе во всемъ русскомъ языкѣ. Великорусскіе и бѣлорусскіе говоры еще сохраняютъ старыя формы род. мн. основъ на *о*: глаз*ъ*, раз*ъ*, рог*ъ*, сапог*ъ* и т. п., но они въ нихъ малочисленны (рядомъ съ ними: рог*овъ*, сапог*овъ*). Въ малорусскихъ говорахъ старыхъ формъ род. мн. больше: год*ъ*, час*ъ*, кон*ь*, но они все таки являются исключеніями. Даже слова средняго рода основъ на *о*, въ значительномъ большинствѣ случаевъ сохраняющія древнія окончанія, въ род. мн. нерѣдко имѣютъ окончаніе *овъ*: великор. мѣст*овъ*, дѣл*овъ*, съ сердц*овъ*, кушань*евъ*, ружь*евъ* (у Гоголя), гулянь*евъ* (у Писемскаго); у Сумарокова: я подозрѣні*евъ* достоинъ ли такихъ (Хоревъ); у В. Майкова: желані*евъ*, дѣйстві*евъ* (даже: граці*евъ*); то же—хотя и очень рѣдко—въ древнихъ памятникахъ: свободъ и мыт*овъ* не ставити (рядомъ: княже мыт*о*), договоръ Новгорода съ Тверью 1371 г.; заважи*евъ*, Скорина, Второзаконіе, 47 об.

Изъ словъ съ основою на *ъ* въ настоящее время ни одно не сохраняетъ древняго склоненія; всѣ они склоняются одинаково со словами съ основою на *о*.

Смѣшеніе основъ на **о** *и на* **ь**. Имена съ основою на *ъ* муж. р. имѣли ту же судьбу, что и имена съ основою на *ъ*. Всѣ прилагательныя съ этою основою (кромѣ числительныхъ *триѥ*, *четыриѥ*) утратили свое древнее склоненіе еще въ доисторическую пору: одни перешли въ склоненіе основъ на *о*, другія стали несклоняемыми. Къ послѣднимъ изъ нихъ мы можемъ отнести такія прилагательныя, какъ *исплънь*, *свободь*, *неудобь*, которыя встрѣчаются въ церковно-

славянскомъ языкѣ, напримѣръ, въ Супрасльской рукописи: *испльнь* пебо и вся земья славы ѥго, два брата *испльнь* сѫшта вѣры, *свободь* ѥго сътвориши. Значительная часть существительныхъ съ основою на *ѣ*, также еще въ глубокой древности, утратила формы древняго склоненія, и только на основаніи данныхъ литовскаго языка и фонетическихъ особенностей этихъ словъ мы можемъ думать, что они нѣкогда принадлежали къ склоненію основъ на *ѣ*. Мы можемъ смѣло сказать, что всѣ слова муж. р. въ родѣ *зѧть*, *тать*, съ окончаніемъ *ть*, прежде принадлежали къ числу словъ съ основою на *ѣ*, такъ какъ, если бы они принадлежали къ словамъ съ основою на *о*, то въ нихъ *т* смягчилось бы передъ *j* и мы имѣли бы въ церковнославянскомъ языкѣ *зѧшть*, а не *зѧть*, въ русскомъ зячь и т. д.; точно также мы можемъ сказать, что всѣ слова муж. р. на *дь*, *бь*, *вь*, *мь*, *пь* нѣкогда принадлежали къ склоненію основъ на *ѣ*.

Уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго письма мы находимъ смѣшеніе основъ на *ѣ* съ основами на *о* въ единств. числѣ и видимъ, что часто имена съ основою на *ѣ* принимаютъ падежныя окончанія основъ на *о* и весьма рѣдко, наоборотъ, слова съ основою на *о*—окончанія основъ на *ѣ*. Въ этихъ памятникахъ встрѣчаются рядомъ формы род. п. огн*я*, звѣр*я* и огн*и*, звѣр*и*, дат. огн*ю*, звѣр*ю* и огн*и*, звѣр*и* и т. д.; но первыя болѣе часты, чѣмъ вторыя. Въ памятникахъ XIII—XIV вв. древнія формы основъ на *ѣ* муж. рода чрезвычайно рѣдки и ограничиваются почти ничтожнымъ количествомъ случаевъ, главнымъ образомъ отъ словъ: *гость*, *тъсть*, *зять* и *путь*. Въ новгородской грамотѣ 1270 г. мы читаемъ: гост*и* нашему; въ Кормчей ок. 1282 г.: к зят*и* 487; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: церковьнаго тат*и* 251; въ новгородской грамотѣ ок. 1235 г.: гост*и* новгородьскому; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: отъ тест*и* своего 332, ко тьст*и* 410; въ Новгородской лѣтописи: къ зят*и* 130, възмолися зят*и* 193, на зят*и* его на Андрѣя (вин.) 196; въ Ипатскомъ сп. л.: тьст*и* своему 207, к зят*и* 335, 361. Слово *путь*, хотя и не всегда (Ряз. Кормчая 1284 г.: дольготы пут*я* 129, отъ пут*я* 299 об.; Скорина: подлѣ пут*я*, Быт., 89), но сохраняетъ древнія формы склоненія въ ед. ч. и въ настоящее время.

Во множеств. числѣ основы на *ѣ* муж. р. сохранили древнія формы вин. и род. пад. и остатки древнихъ формъ твор. п. Въ род. п. мы постоянно видимъ древнія формы въ родѣ гостъ*и* (откуда

гостей) и гост*ии*. Они послужили къ образованію такихъ же формъ и отъ основъ на *о* съ предыдущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ, муж. р. Мы находимъ: въ Ев. 1270 г.: пѣнязи*и* 49; въ Кормчей ок. 1282 г.: безъ стихар*ии* 613; въ Рязанской Кормчей 1282 г.: муж*ии* 48, 58, 178; въ Амартолѣ XIV в.: муж*ии* 143 об., меч*ии* 145; въ Лаврентьевскомъ сп. л.: княз*ии* 265, 347, 418, 419, 440, муж*ии* 14; въ Паремейникѣ 1378 г.: муж*ии* 9, 16 об., 106; въ грамотѣ Ягелла 1388 г.: рубл*ій*; въ Ев. 1393 г.: муж*ии* 18 об.; въ южно-русской грамотѣ еп. Даніила 1398 г.: кон*іи*; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ: княз*ии* 93 об., 109; въ Служебникѣ преп. Сергія: княз*еи* 10, 22 об., 23, создател*еи* 37 об., 38 об.; въ Луцкомъ Ев. XIV в.: мѣсяц*иі* 110; въ Новгородской лѣт.: княз*ии* 308; въ Ипатскомъ сп. л.: муж*ии* 378, княз*ьи* 391, мѣсяц*ии* 384; въ Четьѣ 1489 г.: мѣсяц*еи* 16, 16 об. Въ современномъ русскомъ языкѣ вполнѣ обычны формы род. мн. муж. р.: княз*ей*, нож*ей*, рубл*ей*, даже мѣсяц*ей* (при рублё*въ*, мѣсяце*въ*); но извѣстны и формы род. мн. средн. р.: пол*ей*, мор*ей*.—Въ творит. п. мы изрѣдка находимъ древнія формы: гост*ьми*. Они не только сохранились, но и повели къ образованію, отъ именъ съ основою на *о*, новыхъ формъ твор. мн. на *ьми*. Добрилово Ев. 1164 г.: муж*ьми* 128 об.; грамота рижанъ въ Витебскъ около 1300 г.: кон*ьми*; Прологъ 1356 г.: нож*ьми* 2 об., страж*ьми* 87 об.; Лаврентьевскій сп. л.: меч*ьми* 76; Чудовской Новый Завѣтъ: нож*мй* 39 об., княз*ми* 68, муж*мй* 77 об., якор*ми* 79; Паремейникъ XVI в. Троицк. Лавр. № 4: княз*ьми* 13 об.; Ипатскій сп. л.: кон*ми* 369; западно-русскія грамоты XV—XVI вв.: княз*ми*, пол*ми* (отъ поле). Подобныя формы мы находимъ изрѣдка и въ современномъ языкѣ.—Обратное вліяніе, вліяніе основъ на *о* на основы на *ъ*, отмѣчено въ твор. и мѣстн. мн.: пут*и* темными, Ефремъ Соринъ 1377 г. 58 об.; на пут*ихъ*, Псалтирь 1296 г. 277.—Кромѣ этихъ формъ, основы на *ъ* сохранили остатки формъ дат. и мѣстн. мн. на *ъмъ*, *ъхъ*; они встрѣчаются главнымъ образомъ въ бѣлорусскихъ, отчасти въ южно-великорусскихъ говорахъ: гост*ёмъ*, гост*ёхъ*.

Смѣшеніе основъ на **о** *средн. р. и на* **ес** *средн. р.* началось въ доисторическій періодъ и кончилось тѣмъ, что древнія формы отъ основъ на *ес*, кромѣ имен.-вин. и род. мн., исчезли и ихъ мѣсто заняли новыя формы по образцу основъ на *о*; такъ, отъ *небо* развились новыя формы род. ед. неб*а*, дат. неб*у* и т. д., а древнія формы неб*есе*, неб*еси* исчезли. Нѣкоторыя слова съ основою на *ес*

образовали новыя формы по образцу основъ на *о* съ сохраненіемъ суффикса *ес* во мн. ч.: неб*еса*, чуд*еса*, а одно также и въ единств.: *колесо*, *колеса*, *колесу* и т. п. (древнее *коло*, *колесе*). Последнее нѣкогда имѣло новыя формы и безъ суффикса *ес*: договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г.: съ кол*ы* (срв. въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: слов*ы* 144 об.); Лаврентьевскій сп. лѣт.: на кол*а* 131, 251, на кол*ѣхъ* 252 (кол*а*=повозка). Особо стоятъ слѣдующія рѣдкія формы словъ съ основою на *ес*: Святославовъ Сборникъ 1073 г.: божия чꙋ*десл* 245; Златоструй XII в.: вся знамения и чюд*еся*; Милятино Ев. 1215 г.: изъ оч*еся* 16, знамения велика и чюд*еся* 54 об.

Смѣшеніе основъ на о, ъ, ь *и на* а. Между тѣмъ какъ начало смѣшенія основъ на *о* съ основами на *ъ*, *ь*, *ес* относится къ доисторической эпохѣ, смѣшеніе основъ на *о*, *ъ*, *ь* и согласные всѣхъ родовъ (*волкъ*, *гость* и др.) съ основами на *а* женск. р. (*жена*) началось около XIII в. Оно имѣло мѣсто въ формахъ дат., твор. и мѣстн. пад. множ. ч. и состояло въ томъ, что имена съ основами на *о*, *ъ*, *ь* усвоили себѣ для этихъ падежей окончанія основъ на *а*. Мы читаемъ: въ Паремейникѣ 1271 г.: ѥгуптян*амъ* 9, безакони*ямъ* 210 об., съ клобук*ами* 214, матигорьц*амъ* (отъ матигорьць), запись; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: къ латин*амъ* 36; въ новгородской грамотѣ ок. 1305 г.: по постояни*ямъ*; въ Ев. 1317 г.: владычьстви *ямъ* 85 об.; въ Ев. 1339 г.: на сборищ*ахъ* 64, на сонмищ*ахъ* 76; въ Ев. 1354 г.: на распуть*яхъ* 117; въ Ев. 1355 г.: книжник*амъ* 87; въ Прологѣ 1356 г.: къ гробищ*амъ* 4 об., въ гробищ*ахъ* 4 об., 5; въ Ев. 1358 г.: о глагол*ахъ* 202 об.; въ новгородскомъ договорѣ съ Тверью 1371 г.: дворян*амъ*, бояр*амъ*; въ договорѣ 1373 г.: купц*амъ*; въ Ев. 1393 г.: на торжищ*ахъ* 69, книжник*амъ* 114; въ Тактиконѣ Никона Черног. 1397 г.: о раздор*ахъ* 6; въ Ев. XIV в. Рум. Муз. № 434: по мѣст*амъ* 56; въ Паремейникѣ XIV в. Троицк. Лавры № 4: требищ*амъ* 43; въ двинской рядной XIV—XV в.: посадник*амъ*, княжоостровьч*амъ* (*ч*=*ц*); въ двинской купчей XIV—XV в.: чернц*амъ*. Старыя формы дат. мн. въ родѣ волк*омъ*, кост*емъ*, твор. мн. волк*и*, кость*ми*, мѣстн. мн. волц*ѣхъ*, кост*ехъ* долгое время продолжали существовать рядомъ съ новыми формами на *амъ*, *ами*, *ахъ*, и мы ихъ находимъ въ значительномъ количествѣ въ памятникахъ не только XIV—XV вв. (здѣсь они господствуютъ), но и XVI—XVII вв. Судебникъ 1550 г.: съ княз*и*, на отвѣтчик*ѣхъ*, на послу-

*ѣ*хъ, въ заим*ѣ*хъ; Домострой: з гриб*ы*, с рыжик*и* 86, въ сундук*е*хъ 93, 94, в пироз*ѣ*хъ 117, в погреб*е*хъ и на ледник*е*хъ 127; Уложеніе ц. Алексѣя Михайловича 1649 г.: помѣщик*о*мъ, мост*о*мъ, торг*о*мъ, сел*о*мъ, люд*е*мъ, власт*е*мъ, дѣт*е*мъ, матер*е*мъ, пристав*ы*, недруг*и*, обыча*и*, дѣл*ы*, государств*ы*, помѣсть*и*, рѣчьми, крѣпостьми, печатьми, пищальми, описьми, въ год*ѣ*хъ, въ мѣст*ѣ*хъ, въ город*ѣ*хъ, въ полк*ѣ*хъ, во дьяц*ѣ*хъ (отъ дьякъ), въ послус*ѣ*хъ, въ дѣл*ѣ*хъ и т. п.; Ев. Тяпинскаго: учени*ко*мъ, час*о*мъ, пс*о*мъ, дел*о*мъ, узкими ворот*ы*, в переклад*е*хъ, в піс*ме*хъ, въ город*е*хъ и т. п. Московскій дѣловой языкъ начала XVIII в. еще нерѣдко сохраняетъ ихъ; но сомнительно, чтобы они въ это время существовали въ Москвѣ въ живомъ употребленіи. Эти формы еще сохраняются въ современныхъ говорахъ: съ широкими ворот*ы* (В. Майковъ), съ тесовыми ворот*ы* (Пушкинъ); сѣв.-великор. (пѣсенн.): по стойл*о*мъ, съ добрыми молодц*ы*; бѣлор. ворог*о́*мъ (рѣдко); малор. (лемк. и бойк. дат. час*і*мъ (изъ час*о*мъ), твор. час*и*, мѣстн. час*і*хъ (изъ час*ѣ*хъ).

Нѣкоторыя великорусскія формы мѣстн. мн., принимая новое окончаніе, сохранили древнюю мягкость согласныхъ: во луз*яхъ* (пѣсенн.; древняя форма: луз*ѣ*хъ, отъ лугъ), въ лѣс*я*хъ, въ утр*я*хъ (отъ утро), во сн*я*хъ, вмѣст*я*хъ (=вмѣстѣ), можетъ быть, въ тороп*я*хъ (отъ торопъ?).

Въ свою очередь основы на *о* оказали вліяніе на основы на *а* (а вмѣстѣ и на основы на *ъ*) въ формахъ твор. мн. Окончаніе этихъ формъ основъ на *о—ы* (волк*ы*) перешло въ формы основъ на *а*, и такимъ образомъ окончаніе этихъ послѣднихъ, вмѣсто древняго *ами*, стало звучать *амы*. Новыя формы, въ родѣ слезам*ы*, городам*ы*, въ настоящее время имѣютъ распространеніе во многихъ сѣверно-великорусскихъ, въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ. Старые памятники не знаютъ этихъ формъ; мы изрѣдка находимъ въ нихъ формы твор. мн. на *мы* лишь отъ мѣстоименій и прилагательныхъ: Прологъ 1356 г.: безаконьны*мы*; Ипатскій сп. лѣт.: ратны*мы* 431, околны*мы* 613; сѣв.-великор. Погодинскій сборникъ нач. XV в. № 872: всѣ*мы* 188 об., вси*мы* 190 об., мужи си*мы* 190 об., сиче*мы* глаголы (*ч*=*ц*) 228 об.; новгородская грамота 1459—1470 г.: малы*мы* островкы, Ак. Арх. Э. I, 47; псковская Палея 1494 г.: всѣ*мы* 158; сѣверно-великор. Златоустъ XVI в. Публ. Библ. Q. 972: си*мы* глаголы 14.

Точно также основы на *ъ* оказали вліяніе на мягкія основы на *а* въ формахъ род. мн. Новыя формы, въ родѣ тысяч*ей*, извѣстны въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ: московск. свѣч*ей* (Грибоѣдовъ; рядомъ: свѣчъ), парч*ей*, юнош*ей* и т. п. Старшій случай ихъ употребленія отмѣченъ нами въ памятникѣ XIV в.: кромѣ рабъ и рабын*ей*, Тактиконъ 1397 г., 32; они уже нерѣдки въ памятникахъ XVI—XVII вв. (у Курбскаго не разъ: тысящ*ей*; въ Ев. Тяпинскаго: около двухъ тисеч*ей*; у Посошкова: пул*ей* не станутъ терять I, 282).

Смѣшеніе твердыхъ и мягкихъ основъ на **o**. Смѣшеніе основъ на *о* съ предыдущимъ твердымъ согласнымъ (а равно слившихся съ ними древнихъ основъ на *ъ*) муж. и средн. р. (*волкъ*, *окно*) съ основами на *о* съ предыдущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ (а равно и съ основами на *ъ*) тѣхъ же родовъ (*конь*, *поле*) состояло въ томъ, что формы мѣстн. п. ед. и мн. мягкихъ основъ, на мѣсто своихъ древнихъ окончаній *и* и *ихъ*, приняли отъ твердыхъ основъ окончанія *ѣ* и *ѣхъ*. Старшій случай этого смѣшенія находится въ Минеѣ 1095 г.: въ человѣч*ѣ* образѣ 81; онъ не внушаетъ довѣрія и похожъ на описку. Другіе случаи мѣстн. ед. на *ѣ* мы видимъ въ Тріоди Моисея кіевлянина XII—XIII в.: при Анатоли*ѣ* 14; въ Паремейникѣ 1271 г.: при мор*е* 234 об., на лиц*е* своѥмь 254; въ Кормчей ок. 1282 г.: въ Ярославл*ѣ* 575; въ Ряз. Кормчей 1284 г.: на судѣ епископл*ѣ* 62 об.; въ Пандектахъ 1296 г.: въ многословиѥ своѥмь 107; въ Тріоди 1311 г.: въ стихирар*ѣ* 17, въ отц*ѣ* 31; въ Ев. 1317 г.: о слѣпц*ѣ* 12 об., въ сборищ*ѣ* 70; въ духовной Семена Гордаго: на Кержач*ѣ*, на княжень*ѣ*; въ духовной в. кн. Ивана Ивановича: въ здоровь*ѣ*, по отц*ѣ*; въ Ев. 1354 г.: при мор*ѣ* 50, въ мор*ѣ* 70 об.; въ Ев. 1357 г.: во отц*ѣ* 21, 21 об., о княз*ѣ* 76 об., въ солнц*ѣ* 109, о слѣпц*ѣ* 115, в законѣ господн*ѣ* 171 об., въ Галич*ѣ*, запись; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: въ манастыр*ѣ*, въ огн*ѣ* и т. п. Формы мѣстн. мн. на *ѣхъ* мы находимъ въ Кормчей ок. 1282 г.: в мятеж*е*хъ 446; въ Ряз. Кормчей 1284 г.: въ жилищ*е*хъ 93, о пастыр*е*хъ 87, на кра*е*хъ 148 об., въ манастыр*е*хъ 166, 167 об. и др., о мятеж*е*хъ 193 об., въ июдѣ*е*хъ 202, о лиц*ѣ*хъ 237; въ Псалтыри 1296 г.: въ манастыр*ѣ*хъ; въ Пандектахъ Никона Черногорца 1296 г.: о княз*е*хъ 10, въ манастыр*е*хъ 46; въ псковскомъ Апостолѣ 1307 г.: при княз*е*хъ, въ княз*ѣ*хъ, запись;

въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: на кривичѣхъ, на вятичѣхъ 18, на конѣхъ 55, въ сторожѣхъ 65, в чернцѣхъ 451,—*е*хъ 461 и т. п.

Древнія формы на *и*, *ихъ* въ XIV в. были еще въ постоянномъ употребленіи, и, напримѣръ, въ договорѣ Семена Гордаго съ братьями мы читаемъ: при нашемъ отц*и*. Теперь формы на *и* существуютъ въ большомъ количествѣ въ говорахъ бѣлорусскихъ (на кон*і*) и въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ (въ московскомъ только: въ забыть*и*); большинство малорусскихъ говоровъ имѣетъ въ мѣстн. ед. мягкихъ основъ *і* изъ *ѣ*. Формы на *ихъ*, кажется, теперь уже не существуютъ въ русскомъ языкѣ.

Обратное вліяніе, вліяніе мягкихъ основъ на твердыя, имѣло мѣсто только въ формахъ винит. п. мн., употреблявшихся также и въ значеніи имен. п. Оно состояло въ замѣнѣ окончанія вин. мн. твердыхъ основъ *ы* (волк*ы*) окончаніемъ того же пад. мягкихъ основъ *ѣ* (муж*ѣ*) и было извѣстно главнымъ образомъ въ старомъ новгородскомъ говорѣ: Прологъ 1262 г.: потове... прият*ѣ* быша 121 об.; Ев. до 1362 г.: горе вамъ лицемѣр*ѣ* 45, ученицы іоанов*ѣ* 48 об., будутъ трус*ѣ* 56, въстануть лжии христ*ѣ* 93 об., отпущаються грѣс*ѣ* 138 об., народ*ѣ* угнѣтають тя 143, что стоите праздьн*ѣ* 152 и др.; грамота 1372 г.: пословѣ Михаилов*ѣ*; грамота 1392 г.: побилѣ розбоиник*ѣ* Матьфѣева сына; Апостолъ 1391 г.: на языки неразумн*ѣ* 58; Тактиконъ Никона Черног. 1397 г.: достоинии плод*ѣ* 47 об., суть устав*ѣ* положени 49 об., свят*ѣ*и сбор*ѣ* 51 об. и т. п. (нерѣдко); Новгородская лѣт.: начаша воѥвати город*ѣ* черниговьск*ѣ*ѥ и възяша... и иныѥ город*ѣ* мноз*ѣ* 158, избьени быша печерьск*е*и и югърьскии (даньщики) 95; Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 17: бѣс*ѣ* изгна 68 об., сквозѣ град*ѣ* 70 и т. п. (часто), мертв*е*и 61; Мусинъ-Пушкинскій сборникъ 1414 г. (часто, между прочимъ: росѣян*е* 52); Апостолъ 1495 г. Рум. Муз. (часто). Должно имѣть въ виду, что рядомъ съ формами на *ѣ* очень рѣдко встрѣчаются формы на *е* и что *ѣ* можетъ быть графическимъ изображеніемъ звука *и*. Срв. соврем. бѣлорусск. имен. мн. мужик*ѣ́*, вовк*ѣ́*, им.-вин. мн. вѣнк*ѣ́*, двор*э́*.

Смѣшеніе твердыхъ и мягкихъ основъ на **а**. Основы женск. р. на *а* съ предыдущимъ твердымъ согласнымъ (*жена*) оказали вліяніе на основы на *а* съ предыдущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ (*душя*), которое имѣло своимъ результатомъ принятіе въ формы род. и дат.-

мѣстн. ед., им.-вин. дв., им.-вин. мн. мягкихъ основъ окончаній формъ тѣхъ же падежей твердыхъ основъ.

Формы род. ед. на *и* вмѣсто древняго *ѣ* (это *и* послѣ *j* и мягкихъ согласныхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ *ы* твердыхъ основъ: жен*ы*) встрѣчаются уже въ памятникахъ XI—XII вв., новгородскихъ и кіевскихъ: въ Минеѣ 1095 г.: изъ отроковичи 45, преподобьныя Еѵфросиніи 192; въ Стихирарѣ 1157 г.: пророка Захарии 7, святыя Мария егюптяныни 133 об., святыя Марии 156 об.; въ новгородскомъ Стихирарѣ XII в. Син. Библ. № 279: пророка Захарии 8, святыя Ефросинии 24 об., Зиновия и Зиновии 43; въ Житіи Ѳеодосія Печерскаго по сп. XII в.: нѣколику братии 17, отъ судии 36 об. Памятники XIII—XIV вв., особенно сѣверно-русскіе, имѣютъ формы на *и* очень часто: Милятино Ев. 1215 г.: милостыни вашея 145; Евангеліе 1270 г.: отъ Аримафѣи 8, жены самаряныни 13, седмь братьи 45, не створивъ воли 80; Паремейникъ 1271 г.; Кормчая ок. 1282 г.; Рязанская Кормчая 1284 г.; Пандекты 1296 г.; духовная Ивана Калиты: княгини моѥѥ; духовная Семена Гордаго: у Овци, своее купли.

Древнія формы род. ед. мягкихъ основъ на *ѣ* въ памятникахъ XIV в. (напримѣръ, въ Лаврентьевскомъ сп. л.) встрѣчаются еще часто. Въ настоящее время они сохраняются въ говорахъ малорусскихъ, въ большинствѣ которыхъ на мѣстѣ древняго *ѣ* слышится *і* (душі), въ меньшинствѣ—*е* (душе) или дифтонги, потомки *ѣ*; говоры великорусскіе и бѣлорусскіе ихъ уже почти совсѣмъ утратили, такъ что ихъ остатки теряются среди массы формъ на *и*.

Формы дат.-мѣстн. ед. на *ѣ* вмѣсто древняго *и* являются уже въ старшихъ памятникахъ русскаго письма: Минея 1095 г.: въ ветъсѣ одежѣ 93, къ ширынѣ 99, святѣи госпожѣ Богородицѣ, запись; Минея 1096 г.: въ пустынѣ 51; но становятся многочисленными только въ памятникахъ XIII—XIV вв.: Пантелеймоново Ев. XII в.: въ власяницѣ 102, въ тьмьницѣ 146 об.; Милятино Ев. 1215 г.: на землѣ 88; Трефолой 1260 г.: къ зарѣ; Ев. 1270 г.: земле содомьстѣи 29; Паремейникъ 1271 г.: въ руцѣ господнѣ 208; Русск. Правда по сп. ок. 1282 г.: въ тяжѥ, по нуже 13, въ продаже 26; Кормчая ок. 1282 г.: по отнѣ смерти 574 об.; духовная Ивана Калиты: далъ Федосьѥ; духовная Семена Гордаго: дядѣ, даю своѥи княгинѣ, братьѣ; Путенское Ев. XIV в.: на овчѣ купѣли 20, у тьмьницѣ 263 (*у*=*въ*).

Формы дат.-мѣстн. ед. мягкихъ основъ на *и* еще вполнѣ обычны въ памятникахъ XIV в., и, напримѣръ, въ духовной Ив. Калиты мы читаемъ: княгин*и* своѥи (дат.). Они сохраняются въ настоящее время въ говорахъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ (душ*и*) и извѣстны также въ великорусскомъ нарѣчіи. Но обыкновенно великорусскіе говоры употребляютъ формы дат.-мѣстн. на *ѣ* (душ*ѣ*), и притомъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, сѣверныхъ, окончаніе *ѣ* имѣетъ мѣсто въ формахъ не только мягкихъ основъ на *а*, но и основъ на *ъ* женск. р.: на печ*ѣ*, въ грязь*ѣ* и т. п. (Лаврент. сп. лѣт.: на мьст*ѣ*; грамоты XVI в.: къ запис*ѣ*, къ гряз*ѣ*, на ел*ѣ*, Ак. Ѳед.-Чех. I, 121, 123; Домострой: в гряз*ѣ* 130).

Формы имен.-вин. п. дв. на *ѣ* вмѣсто древняго *и* встрѣчаются изрѣдка въ памятникахъ XII—XIV вв.: Пантелеймоново Ев. XII в.: дъвѣ пътиц*ѣ* 39 об.; Ев. 1270 г.: дъвѣ тысящ*ѣ* 54 об.; Паремейникъ 1271 г.: кому син*е* очи 158; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: 12 вѣкш*е* 4; новгородская грамота ок. 1305 г.: по двѣ вѣкш*ѣ*; Ев. 1354 г. 38, Ев. 1355 г. 32, Ев. 1358 г. 38 об.: двѣ птиц*ѣ*; Погодинск. Прологъ XIV в. № 60: двѣ свѣщ*ѣ* 6 об. Эти формы, какъ и древнія формы дв. ч. на *и*, въ настоящее время уже не существуютъ.

Формы имен.-вин. мн. на *и* вмѣсто древняго *ѣ* начинаютъ появляться въ достовѣрныхъ примѣрахъ съ XIII в.: Милятино Ев. 1215 г.: начнеть бити рабы и рабын*и* 103; Паремейникъ 1271 г.: съзижються пустын*и* 205, овьни и овьц*и* ихъ 216; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: крадеть овц*и* или козы 9; Кормчая 1284 г.: суд*ьи* видять 328; Тріодь 1311 г.: блудниц*и* треплють твоѥ милосердьѥ (отъ блудниц*а*) 11 об.; Ев. 1354 г.: придоша птиц*и* 44 об., пасущии свин*ьи* 70 об., внидоша в свин*ьи* 99 об., начнеть бити рабын*и* 104; Ев. 1355 г.: внидоша въ свин*ьи* 37 об., погуби убиiц*и* ты 51; Ев. 1357 г.: взрите на птиц*и*, въ житниц*и* събирають 35, 40, придоша птиц*и* 44 об., 68, птиц*и* позобаша 94 об.; Ефремъ Сиринъ 1377 г.: душ*и* вашѣ исполнены зависти 57 об.; Паремейникъ 1378 г.: парем*ьи* (им.) 1 об., велмож*и* величаються 40, напои овц*и* наш*и* 82 об., бѣхъ три недѣл*и* 112, створю пустын*и* въ блата 122; Лаврентьевскій сп. лѣт.: ископаша печеру и кѣл*ьи* и т. п.

Формы им.-вин. мн. на *ѣ* въ памятникахъ XIV в. (напримѣръ, въ Лаврент. сп. лѣт.) встрѣчаются еще часто. Въ настоящее время

они сохраняются въ говорахъ малорусскихъ, причемъ мѣсто древняго *ѣ* въ однихъ изъ нихъ занимаетъ *і* (душ*і*), въ другихъ—*е* (душ*е*) или дифтонги, потомки *ѣ*; здѣсь они являются даже въ склоненіи основъ на *ь* женск. р. (срв. въ надписи на крестѣ 1161 г.: мощ*ѣ*, имен., и т. п.). Говоры великорусскіе и бѣлорусскіе имѣютъ формы на *ѣ* въ скудныхъ остаткахъ и обыкновенно употребляютъ новыя формы на *и*.

Обратное вліяніе, вліяніе мягкихъ основъ на *а* на твердыя, мы наблюдаемъ въ формахъ род. ед. и имен.-вин. мн.

Формы род. ед. твердыхъ основъ на *ѣ* вмѣсто *ы* мы находимъ въ Минеѣ 1096 г.: съ высот*ѣ* 64; въ Поученіяхъ Кирилла Іерусалим. XII в.: отъ въстоку гор*ѣ* Елеоньскыя 36; въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: до сея сѫбот*ѣ* 77 об.; въ Тріоди до 1226 г.: дошьдъше страсти Христов*ѣ* 28 об.; въ Паремейникѣ 1271 г.: отъ неправьд*ѣ* 24; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: по полу гривн*ѣ*, полъ гривн*е*; въ духовной новгородца Климента XIII в.: полъ гривн*е*, у Коз*ѣ*; въ договорѣ Новгорода съ Тверью ок. 1305 г.: старост*ѣ* не судити; въ такомъ же договорѣ 1371 г.: с ыноѥ сторон*ѣ*; въ новгородской грамотѣ 1392 г.: не поминати грамот*ѣ*, до Михаил*ѣ*, нѣтъ измѣн*ѣ*; въ Измарагдѣ XIV в.: нищет*ѣ* ради 55 об.; въ Новгородской лѣт.: ис печер*ѣ* 10, бе-знатб*е* 45, у Нѣжат*е* 62, изъ Рус*е* 103, слушаюче льстьб*ѣ* ихъ 105, посадника дѣля Мирошк*е* и Иванка и Ѳом*ѣ* 114, Мирошк*е* и Иванка не пусти 115, рѣп*ѣ* возъ 162 и др.; въ двинской рядной XV в.: тысячя бѣлк*ѣ*, до жен*ѣ*; въ сѣверно-великор. грамотѣ XIV—XV в. (Мейчикъ, 117): отъ пунанцов*е* земли, отъ митрофанов*е* земли, отъ матфеив*е* земли, отъ Пунов*е* горки; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: изъ Москв*е* 407, до Москв*ѣ* 408; въ псковскомъ Трефолоѣ 1446 г. Син. Библ.: отъ Козодоев*е* лавици, запись; въ новгородскомъ Учительномъ Ев. 1471 г. Публ. Библ.: рукою Кюрил*ѣ* дьяка, запись; въ псковской Палеѣ 1517 г. Рум. Муз.: изъ Домантов*е* стен*ѣ*, запись; въ Октоихѣ 1536 г. Тр. Л.: повелѣніемъ раб*ѣ* Божіи Ѳеодор*ѣ* инок*ѣ*, запись. Нѣкоторые памятники новгородскаго происхожденія имѣютъ, согласно съ особенностью новгородскаго говора, *и* вмѣсто *ѣ*: договоръ съ Тверью 1270 г.: у Кюрил*и*; двинскія грамоты XIV—XV в.: с ыв*и*= съ ивы, взыскалъ отцин*и* своеи, отъ олуфѣрьѥв*и* земли, до нестеров*и* пожни; грамота 1667 г.: отъ берез*и*, до берез*и*.

Современный языкъ знаетъ еще формы род. ед. твердыхъ основъ на *ѣ* вмѣсто *ы* въ сравнительно-значительномъ числѣ: южно-великорусск. у голодной кум*ѣ* все хлѣбъ на умѣ, около вод*ѣ*, изъ Москв*ѣ*; сѣв.-великор. отъ Амелфы Тимофеевн*ѣ*; малорусск. съ правд*і*, и т. п.

Формы имен.-вин. мн. твердыхъ основъ на *ѣ* вмѣсто *ы* изрѣдка встрѣчаются въ тѣхъ же памятникахъ, которые имѣютъ род. ед. на *ѣ*, т. е. главнымъ образомъ въ новгородскихъ: договоръ Новгорода съ Тверью 1314 г.: андрѣев*ѣ* дѣти; договоръ 1372 г.: на порук*ѣ*; грамота 1392 г.: смотрѣвъ въ грамот*ѣ* въ стар*ѣи* въ заморьск*ѣи* въ хрестн*ѣи*, грамот*ѣ* опришьнии; Новгородская лѣт.: шнек*е* (вин.) привезоша 99.

Въ современномъ языкѣ именныя формы им.-вин. мн. твердыхъ основъ женск. р. на *ѣ* встрѣчаются, кажется, только въ бѣлорусскихъ говорахъ, и то рѣдко: дѣвк*ѣ* вино выпили, ручк*ѣ* мые (=моетъ).

Переходъ именъ съ основами на **т** *и на* **о** *въ склоненіе основъ на* **а**. Уменьшительныя на *я*=древнее ѧ, въ родѣ Ван*я*, Кол*я*, Кат*я*, Васен*я*, братен*я*, бат*я*, первоначально были словами средняго рода, имѣли основу на *т* и склонялись какъ телѧ: род. Ван*яте*, дат. Ван*яти* и т. д. Подобныя формы по памятникамъ намъ почти неизвѣстны (срв. названіе села Ослеб*ят*евъское въ духовной Дмитрія Донскаго), но мы можемъ ихъ возстановить на основаніи старосербскихъ уменьшительныхъ Андр*е* (изъ Андрѧ), Як*е* (изъ Якѧ), род. Андр*ета*, Як*ета* и т. д. (срв. великор. Ван*ят*ка), и на основаніи современныхъ великор. гусен*ята*, жиден*ята*, малорусск. очен*ята* и др. То же можно сказать о старо-русск. (XVI—XVII вв.) Иванч*á* и т. п.; срв. ново-болг. Иванч*о*, гдѣ *о* восходитъ къ ѧ. Эти уменьшительныя, съ тѣхъ поръ какъ ихъ застаетъ исторія, склоняются какъ основы на *а*. Повидимому, подъ ихъ вліяніемъ, другія уменьшительныя также перешли въ склоненіе основъ на *а*.

Уменьшительныя на *ко* первоначально были словами средняго рода (срв. греч. παιδίον, ἀνδρίον, γυναίκιον; у Аристофана: Σωκρατίδιον φίλτατον, γλυκύτατον Μυῤῥινίδιον—отъ Μυῤῥίνη; нѣмецк. mädchen, mütterchen, Jülchen) и склонялись такъ же, какъ основы на *о*. Въ сѣверно-русскихъ памятникахъ до XIV в. включительно они обыкновенно сохраняютъ старое склоненіе: смоленская грамота 1284 г.: Дядк*о*, Федорк*о*; духовная Ивана Калиты: Бориск*у* Воркову; духов-

ная в. кн. Ивана Ивановича: Нестерк*о*; Новгородская лѣт.: Иванк*а* не пусти 115, съ Михалк*омъ* 121, Михалк*у* Степаницю 127 и т. п.; Лаврентьевскій сп. лѣт.: Васильк*о*, Владимирк*о*, Михалк*о*, и. т. п. (часто); Ев. 1389—1425 г., вѣроятно, московское (Публ. Библ.): діаконишк*о* Зиновиішк*о*, зап.; Измарагдъ 1552 г. Рум. Муз.: Андрѣець Юрьев*о* сынишк*о*, зап.; но рядомъ съ этими формами мы находимъ уже нѣкоторое количество новыхъ формъ: Минея 1096 г.: помагаи рабу своѥму Дъмък*ѣ*, запись (Дъмъка—уменьшительное отъ какого-то имени); новгородская грамота 1189—1199 г. (по копіи XIII в.): с Мирошк*ою* (Мирошк*о*—уменьшительное отъ Мирославъ); духовная Климента XIII в.: у Борк*ы*, съ Борк*ою*; Новгородская лѣт.: Мирошк*а* посадникъ 117, послаша Мирошк*у*, прия Мирошк*у* 111, Мирошк*е* (род.) не пусти 115 и т. п. Памятники послѣ XIV в. имѣютъ формы и старыя, и новыя вмѣстѣ, и, напримѣръ, въ грамотѣ 1545 г. мы читаемъ: Ивашк*у* да Олешк*ѣ* Васильевымъ дѣтемъ; а въ грамотѣ 1556 г.: за Сенк*ою* да за Ивашк*омъ*, Ак. Арх. Э. I, 192, 270. Современные великорусскіе и бѣлорусскіе говоры сохраняютъ нѣкоторое количество старыхъ формъ: великор. дружк*о́* (при дру́жка), гнѣдк*о́*, гнѣдк*а́* и т. д., сѣрк*о́*; сѣв.-великор. Ивапушк*о*, Сашк*о́*, батюшк*о*, у батюшк*а*, батюшк*омъ*, мое конишечк*о* дорожное (онежскія былины); арханг. мальчишк*о*, бабёнк*о*, дѣвчонк*о*, книжонк*о*; южно-великор. путивльск. съ Ва́ськ*омъ*, съ дя́дипьк*омъ*; но обыкновенно слова въ родѣ Васьк*а*, мальчишк*а*, мужичишк*а* склоняются какъ основы на *а*.—Малорусскіе говоры сохраняютъ старое склоненіе почти безъ измѣненія.

Имена на *ло* также утратили свое древнее склоненіе и перешли въ склоненіе основъ на *а*. Это имена 1) исконныя русскія въ родѣ объѣда*ло*, вороти*ло*, заправи*ло*, Чури*ло*, иногда уменьшительныя по значенію (срв. вѣтри*ло* въ Словѣ о полку игор.=вѣтерокъ, мужи*ло* въ великорусскихъ пѣсняхъ=муженекъ), 2) заимствовавшія отъ исконныхъ русскихъ свое окончаніе, перешедшія изъ греческаго языка: Михай*ло*, Дани*ло*, Гаври*ло* и т. п. Они первоначально склонялись во всемъ русскомъ языкѣ какъ слова на *о* средняго рода, но въ сѣверно-русскихъ говорахъ рано начали переходить въ склоненіе основъ на *а*, т. е. оканчиваться въ имен. ед. на *а*, въ род. ед. на *ы* и т. д. Мы читаемъ въ духовной новгородца Климента XIII в.: Самуил*ѣ* даите боровъ; въ новгородской грам. 1392 г.: до Михаил*ѣ*;

въ Новгородской лѣт.: призваша Судилу 43 (рядомъ: даша посадницьство Судилу, дат.), съ Нездилою 174, посла Нездилу Прокшиниця 218, убиша попа Петрилу (Петрило—уменьшительное отъ Петръ) 235, послаша Мануилу 163, убиша Рагуилу 123, постави церковь Гаврила 98, послаша Гаврилу 214, убиша Данилу 232. Современные великорусскіе говоры обыкновенно склоняютъ слова на *ло* какъ слова женскаго рода.

Кромѣ этихъ словъ, есть нѣкоторое основаніе думать, что существительныя на *а* и *я* въ родѣ пройд*а*, рев*а*, пустомел*я*, розин*я*, только съ сравнительно-недавняго времени стали склоняться одинаково съ жен*а*, земл*я* и что прежде они были не что иное, какъ причастія наст. вр. Срв. съ пройд*а*—древне-русск. прич. им. ед. муж. р. ид*а*, чешск. jd*a* (отъ *ити*), съ пустомел*я* — ц.-слав. мел*ѧ*, русск. мел*я* (отъ *млѣти*, *молоти*).

Переходъ именъ съ основами на **о** *въ склоненіе членныхъ прилагательныхъ.* Небольшое число словъ на *ай*, вслѣдствіе близости окончанія своего имен. п. ед. ч. къ окончанію того же пад. членныхъ прилагательныхъ (особенно въ а́кающихъ говорахъ), перешло въ склоненіе этихъ послѣднихъ. Великорусскіе говоры имѣютъ: вожат*ый*, *-аго* и т. д.; провожат*ый*, *-аго* и т. д.; позыват*ый*, нощат*ый*; въ письмѣ ц. Алексѣя Михайловича: обережат*ый*; въ бѣлорусскихъ говорахъ есть орат*ы*, *-аго* и т. д. =ратай. Но литературный языкъ еще сохраняетъ нѣсколько словъ съ древнимъ именнымъ склоненіемъ: ходат*ай*, соглядат*ай*, глашат*ай*; великорусскія былины имѣютъ рат*ай*, *-я* и т. д.

Смѣшеніе мѣстоименныхъ основъ. Мѣстоименное склоненіе меньше уклонилось отъ старины, чѣмъ именное.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько случаевъ *вліянія именнаго склоненія на мѣстоименное*. Формы род. (они же и формы вин. п.) ед. личныхъ и возвратнаго мѣстоименій въ древнее время звучали мен*е*, теб*е*, себ*е*, такъ же, какъ звучатъ они и теперь въ малорусскомъ нарѣчіи. Въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ эти формы исчезли и замѣнились формами, образовавшимися подъ вліяніемъ именныхъ формъ. Въ однихъ случаяхъ мѣстоименныя формы приняли окончаніе именныхъ формъ муж. р. *а* (то же, что въ хлѣб*а*, кон*я*), въ другихъ—окончаніе *ѣ* (теперь *е*, не *ё*), взятое у старыхъ имени. формъ женск. (въ родѣ душ*ѣ*). Формы

меня, тебя, себя не отличаются древностью и восходятъ по памятникамъ только къ XV в.: московская грамота 1436—1445 г. (Лебедевъ, 3): отъ мепя; московская грамота 1474—1478 г. (Ак. Калачова I, 448): за меня; Домострой: себя (часто); формы же *менѣ, тебѣ, себѣ* встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго письма: Остромирово Ев.: въ *себѣ* пришьдъ 118, възьмѣте иго моѥ на *себѣ* 244; Архангельское Ев.: не посѣтихомъ *тебѣ* 75; Минея 1095 г.: ис *тебѣ* 89, 160, 206, 211, 232 и др. (очень часто); Пандекты Антіоха XI вѣка: не вѣмь *тебѣ* 229 об.; Юрьевское Ев. ок. 1120 г.: у *себѣ* 101 об., у *тебѣ* 162, за *тебѣ* 178; Кормчая XII в.: въ *себѣ* мѣсто 4, за самого *себѣ* погубльша 12, къ нѣкоѥму *себѣ* отъдасть 58, отълучить *себѣ* 91; Милятино Ев. 1215 г.: вы ѥсте оправьдающеи *себѣ* 123, любити ближьняго яко *себѣ* 130 об, блюдите сами *себѣ* 132; Житіе Нифонта 1219 г.: видѣ самъ *себѣ* 126, отъ *тебѣ* 131 об.; Пантелеймоново Ев. XII в.: ищуть *тебѣ* 67, възлюбиши яко самъ *себѣ* 83 об., постави у *себѣ* 100 об.; Тріодь Моисея кіевлянина XII—XIII в. (очень часто). Изъ современныхъ говоровъ во всѣхъ сѣверно-великорусскихъ и въ нѣкоторыхъ изъ южно-великорусскихъ (въ томъ числѣ въ московскомъ) мы находимъ въ постоянномъ употребленіи формы род.-вин. меня, *тебя*, себя; въ другихъ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ обыкновенно слышатся формы на *ѣ*: мепѣ, тебѣ, себѣ; послѣднія впрочемъ изрѣдка являются и на сѣверѣ, причемъ тамъ вмѣсто *ѣ* иногда слышится *и*; въ онежскихъ былинахъ: скидывайте съ себ*и* платьица цвѣтпыи.

Затѣмъ, въ области мѣстоименнаго склоненія заслуживаютъ вниманія случаи *смѣшенія* одпихъ *мѣстоименныхъ основъ, твердыхъ, съ* другими, *мягкими*. Великорусскія формы твор. ед. ч*ѣ*мъ, к*ѣ*мъ (древн. ч*и*мь, к*ы*мь, к*и*мь: Житіе Нифонта 1219 г.: повѣжь с к*ы*мь бесѣдовавъ 116; Прологъ 1262 г.: с к*ы*мь бесѣдуѥши 87, ник*ы*мь же видимъ 100; Русск. Правда по сп. ок. 1282 г.: вывести послухы передъ к*ы*мь же купивъше 9) обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію формъ твердыхъ основъ въ родѣ т*ѣ*мъ; они—слѣдствіе вліянія твердыхъ мѣстоименныхъ основъ на мягкія. Они не отличаются большою древностью, но первая изъ пихъ въ XIV в. въ московскомъ говорѣ уже существовала, — впрочемъ рядомъ со старою формою ч*и*мъ. Въ духовной Семена Гордаго и первой духовной Дмитрія

Донскаго мы встрѣчаемъ послѣднюю: *чимъ*; во второй духовной Дмитрія Донскаго находится первая: *чѣмъ*.—Форма *кѣмъ* найдена нами въ Лѣствицѣ 1334 г.: ни надъ *кѣмь* же 8 об. и въ Чудовск. Сборникѣ XIV в. № 20: с *кѣмь* 113.

Цѣлый рядъ мѣстоименій съ твердою основою: *тъ*, *онъ*, *одинъ*, *самъ*, *инъ*, подобно именамъ, приняли въ имен. и вин. мн. муж. и женск. р. окончаніе *ѣ* (то же, что въ *всѣ*) вмѣсто *ы* и *и*; такимъ образомъ, вмѣсто древнихъ т*ы*, он*ы*, одн*ы*, сам*ы*, ин*ы*, т*и*, он*и* и т. д., явились новыя формы: т*ѣ*, он*ѣ*, одн*ѣ*, сам*ѣ*, ин*ѣ*. Эти формы мы находимъ изрѣдка въ памятникахъ XIII в.; онѣ уже нерѣдки въ памятникахъ XIV в.: Кормчая ок. 1282 г.: т*ѣ* (цари) спасаються 610; духовная Семена Гордаго: т*ѣ* люди не надобны; Ев. 1355 г.: ины овца имамъ и т*ѣ* ми подобаѥть привести 154 об.; Прологъ 1356 г.: сам*ѣ* ядуще 92 об., бѣша святии т*ѣ* 94, он*ѣ* (бѣсы) хотяху 96, он*ѣ* же рѣша 97 об.; Ев. 1357 г.: он*ѣ* (посланные) възложиша руцѣ 107; Ев. 1358 г.: т*ѣ* утѣшаться, т*ѣ* наслѣдять землю, т*ѣ* насытятся 32 об., 194 и др.; Лаврентьевскій сп. лѣтоп.: кто одолѣѥть мы ли он*ѣ* ли 45, печепѣзи тоняху ин*ѣ* въ инѣхъ рѣкахъ 147. Хотя въ настоящее время на нѣкоторыя изъ этихъ формъ (он*ѣ*, одн*ѣ*) принято смотрѣть какъ на формы исключительно женск. и средн. р., но ни старые памятники, ни современный языкъ не даютъ права на такого рода взглядъ: у Котошихина: одн*ѣ* пушкари; въ онежскихъ былинахъ: он*ѣ* (богатыри) крестами помѣнялися, и т. п.; вообще народный языкъ употребляетъ формы съ *ѣ* безразлично для всѣхъ трехъ родовъ. Формы т*ѣ*, он*ѣ* въ настоящее время свойственны всему великорусскому нарѣчію; одного образованія съ ними малорусск. т*і*, вон*і*, сам*і* и т. п.

Нѣкоторыя мѣстоименія, принявшія окончанія *ѣ* въ имен. и вин. мн.,—въ твор. ед., род., дат., твор. и мѣстн. мн. въ великорусскихъ говорахъ часто имѣютъ въ основѣ *и* на мѣстѣ древняго *ѣ*: великорусск. сам*и*мъ, сам*и*ми, сам*и*хъ, одн*и*мъ, одн*и*ми, одн*и*хъ и т. п. (рядомъ: сам*ѣ*мъ, одн*ѣ*мъ); въ бѣлорусскомъ нарѣчіи тотъ же звукъ въ основѣ имѣетъ мѣстоименіе *весь*: вс*и*мъ, вс*и*хъ, вс*и*ми. Это *и* обязано своимъ происхожденіемъ вліянію мягкихъ мѣстоименныхъ основъ: срв. мо*и*хъ, тво*и*хъ. Трудно сказать, когда появились формы сам*и*мъ, сам*и*хъ (мы находимъ сам*и*мъ въ Лаврентьевск. сп. лѣт. 345); формы вс*и*хъ, вс*и*мъ мы видимъ нерѣдко въ зап.-русскихъ

памятникахъ XIV в.: въ грамотѣ Витовта 1383 г.: вс*и*ми пожитки, вс*и*мъ потомкомъ; въ Амартолѣ XIV в.: вс*и*хъ людий 64. Замѣчательно, что московскій говоръ прежде нѣсколько приближался къ бѣлорусскому нарѣчію: онъ имѣлъ формы вс*и*мъ, вс*и*хъ, вс*и*ми; такъ, въ духовной Ивана Калиты мы читаемъ: со вс*и*ми волостьми, по вс*и*мъ пискупьямъ; въ Ев. 1393 г.: вс*и*хъ зелии 42 об., 66 об.; срв. въ Рязанской Кормчей 1284 г.: вс*и*хъ и т. п., не разъ (п т*и*хъ=т*ѣ*хъ 134 и др.). Въ старыхъ новгородскихъ вс*и*мь (съ вс*и*мь племенемь духовная Климента XIII в.), вс*и*хъ (двинская рядная XIV—XV в.) и т. д. и въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ вс*и*мъ, вс*и*хъ, вс*и*ми *и* можетъ восходить къ древнему *ѣ*.

Наоборотъ, мѣстоименія, сохранившія *и* въ имен. и вин. мн.,— въ твор. ед., род., дат., твор. и мѣстн. множ. иногда имѣютъ въ основѣ *ѣ* на мѣстѣ древняго *и*: Пандекты 1296 в.: пе с*ѣ*хъ токмо малыхъ 120 об.; кіевская Псалтырь 1397 г.: нечестьемъ сво*е*мь 98 об.; Мстижское Ев. XIV в.: вс*ѣ*мъ сердцемь сво*ѥ*мь 93 об.; псковская Псалтирь XIV в.: устъ мо*ѥ*хъ; Новгородская лѣт.: стрыемь сво*е*мь 296; Лютеранскій Катихизисъ 1562 г.: оброки сво*е*ми чяды сво*е*ми; московскія грамоты XV—XVI вв.: до с*ѣ*хъ мѣстъ (часто); современн. великорусск. твор. мо*е*мъ (не моёмъ), с*ѣ*мъ, род.-мѣстн. мо*е*хъ, с*ѣ*хъ, дат. мо*е*мъ, с*ѣ*мъ, твор. мо*е*ми, с*ѣ*ми; такехъ; до к*е*хъ поръ (рядомъ: до к*еи*хъ—). Сходныя формы встрѣчаются въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV вв.: ѥмъ=имъ, своѥмъ= своимъ, своѥми=своими, и т. п., но они постоянно пишутся съ *е* (не съ *ѣ*), и потому должны по происхожденію отличаться отъ великорусскихъ формъ; повидимому, они получили свое *е* изъ формъ ед. ч. *е*го, *е*му, мо*е*го и т. п.

Нерѣдкія въ великорусскихъ говорахъ и обычныя въ говорахъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ формы въ родѣ т*ы*хъ, одн*ы*хъ, сам*ы*хъ не имѣютъ никакого отношенія къ смѣшенію основъ; это—членныя мѣстоименныя формы, одинаковыя по образованію съ формами членныхъ прилагательныхъ: добр*ы*хъ и т. п.; они извѣстны въ памятникахъ съ давняго времени: съ одн*ы*мь, духовная новгородца Климента XIII в.; т*ы*ми, духовная Калиты; ис т*ы*хъ селъ, духовная в. кн. Ивана Ивановича.

Наконецъ должно упомянуть о заимствованіи мѣстоименіемъ *чьто* у мѣстоименій *съ*, *мой* и друг. ихъ окончанія род. ед. и объ

образованіи новой формы род. *чего* (Златоструй XII в. 4, Прологъ 1262 г. 80 об., Кормчая ок. 1282 г. 531, грамота Кейстута ок. 1341 г. и др.). Эта форма, общая всему русскому языку, уже давно вытѣснила изъ употребленія древнюю форму род. *чьсо*.

Смѣшеніе падежей. Цѣлый рядъ измѣненій въ формальномъ строѣ русскаго языка имѣлъ своею причиною смѣшеніе падежей въ одномъ и томъ же склоненіи, или употребленіе однихъ падежныхъ формъ словъ въ значеніи другихъ падежныхъ формъ тѣхъ же словъ.

Именительный и звательный. Форму зват. п. издревле имѣли только имена, и то не всѣ и не во всѣхъ числахъ. Она была свойственна только единственному числу существительныхъ муж. и женск. родовъ; множественное и двойственное числа ея не имѣли, т. е. форма им. п. этихъ чиселъ употреблялась, между прочимъ, въ значеніи зват. п. Прилагательныя имѣли форму зват. п. рѣдко обыкновенно вмѣсто нея, въ ея значеніи, употреблялась форма им. п. Сверхъ того, при рядѣ словъ, которыя должны бы были стоять въ формѣ зват. пад., иногда въ этой формѣ стояло только одно первое слово или нѣсколько первыхъ словъ, а остальныя имѣли форму имен. п. Наконецъ, славянскіе языки еще въ доисторическую эпоху утратили форму звательн. п. отъ многихъ основъ на согласные звуки. Такимъ образомъ въ началѣ исторической эпохи русскій языкъ несомнѣнно имѣлъ форму зват. п. ед. ч. только отъ основъ на *ъ*, на *о*, на *а* (едва ли всѣхъ: слова въ родѣ суди*и*, пусты*и*, кажется, не имѣли формы зват. п.) и на *ь* муж. и женск. р. Но въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго письма мы уже встрѣчаемъ замѣну формы зват. п. основъ на *о* и на *а* формою; имен. п.: Остромирово Ев.: Мар'ѳ*а*, Мар'ѳ*а* печешися 217 об. (срв. въ ц.-слав. Зографскомъ Ев,: горе тебѣ Хоразин*ъ*, горе тебѣ Витъсаід*а* 14, 103); Минея 1095 г.: Захари*я* богодъхновене 45, Захари*я* священиче 47 и т. п.; Минея 1097 г.: Михаиле архистратиг*ъ* 322; Путятина Минея XI в.: стрѣлу избьранѫ тя съкрываѭть Иѥреми*я* 2, Пелаги*а* прѣславная попьрала ѥси 13 об.; Софійская Минея XI—XII в. № 199: радуися пресвѣтла хвал*а* и радости 28; Галицкое Ев. 1144 г.: авва отьц*ь*, вся възможьна тобѣ суть 104. Памятники XIII—XIV вв., сѣверно-русскіе, имѣютъ эту замѣну нерѣдко: Тріодь Саввина до 1226 г.: радуися цесаремъ похвал*а*,

радуися дьржаво вѣры 40 об., радуитеся Марѳа и Мария 68 об., отьвьрзи ми зѣници, сынъ Давыдовъ, съпасе нашь 164 об.; Ев. 1270 г.: врачъ исцѣлися самъ; Ев. 1357 г.: радуися царь ию(дѣ)искъ 146, 148; Ев. 1358 г.: Лазорь гряди вонъ 156 об., радуися царь июдѣискъ 184 об., 186, 186 об.; Ев. 1393 г.: Закхѣі слѣзи 124, Лазорь гряди 147 об.; Мстижское Ев. XIV в.: отроковиц*а* въстани 91; Лаврентьевск. сп. лѣт.: потягнѣте дружин*а* по князѣ 57, переклюкала мя еси Ольг*а* 60, нынѣ господ*а* отци и братья чтите исправливая, запись, и др. Слово *братия* имѣеть, вмѣсто формы зват., форму имен. особенно часто: Святославовъ Сборникъ 1076 г.: то мы брати*я* поразумѣимъ 3 об., брати*я* разумѣѥмъ 131; Житіе Ѳеодосія Печерск. XII в.: чада моя и брати*я* 38, обѣщаюся вамъ брати*я* 38 об.; Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ XII в.: шедъше брати*я* убиите и 2 об., брати*я* моя милая отъдаите 3 об., не дѣите мене брати*я* моя 5; Житіе Нифонта 1219 г.: се же мънѣ отьци и брати*я* повѣдающи 44, не мозѣмъ брати*я* прельститися 71; Апостолъ 1220 г.: тѣмъ брати*я* дължьници ѥсмъ 40, молю васъ брати*я* 89, препираюся брати*я* моя о васъ 72 об., молю вы брати*я* 74 об., 76 об. и т. п.; запись при Галицкомъ Ев. ок. 1266 г.: вы господо и брать*я*... чьтѣте; но Мстиславова грамота 1130 г.: и вы брати*ѣ* (*ѣ*=*е*). Срв. въ церк.-слав. Супрасльской рукописи: идѣмъ брати*я* моя, брати*я* не възбоимъсѧ и т. п. Трудно сомнѣваться, что въ великорусскихъ говорахъ въ XIV в. уже преобладала, въ значеніи зват. п.,—форма имен.; но, несомнѣнно, древнія формы зват. отъ нѣкоторыхъ словъ были еще въ полномъ употребленіи. Таковы формы *господине*, *княже*, *сыну*: былъ господин*е* рядъ, двинская рядная; господин*е* игуменъ, господин*е* Григории, запись Ев. XIV в. (Срезневскій, Св. и зам. XX); они нерѣдко встрѣчаются и послѣ XIV в.: Домострой: не подиви господин*е* 49; грамоты XVI—XVII вв.

Современные великорусскіе говоры утратили почти совсѣмъ формы зват. п. (кромѣ Бож*е*, Господ*и* и пѣсенныхъ: ой же ты, рата*ю*-ратаюшко; ой же ты, Иванушко Дубрович*у*) и на мѣстѣ ихъ обыкновенно употребляютъ формы имен. п. Бѣлорусскіе и малорусскіе говоры сохраняютъ и въ настоящее время въ обиліи формы зват. основъ на *ъ*, *о*, *а*, въ родѣ сынк*у*, кон*ю*, пан*е*, рыбк*о*.

Рядомъ съ замѣною формы зват. п. формою имен. п., мы встрѣчаемъ и обратное явленіе—замѣну формы имен. п. муж. р. фор-

мою зват. п., наблюдаемое нами главнымъ образомъ въ древнихъ новгородскихъ памятникахъ. Первоначально, конечно, форма зват. п. употреблялась вмѣсто формы имен. п. только тогда, когда въ ней должно было стоять или собственное имя, или по крайней мѣрѣ слово, означающее одушевленный предметъ; но впослѣдствіи въ новгородскомъ говорѣ форма зват. п. въ значеніи имен. стала образовываться и отъ словъ, означающихъ предметы не одушевленные, и даже отъ мѣстоименій, прилагательныхъ и причастій (съ сохраненіемъ *к* передъ *е*). Мы читаемъ въ новгородскихъ памятникахъ: во вкладной Варлаама Хутынскаго конца XII в.: въдал*е* Варлам*е*; въ Пантелеймоновомъ Ев. XII в.: блазнъ не хотию написан*е*, нъ дияволею пакостию, запись; въ Кормчей ок. 1282 г.: Юрьѥ Володимѣричь, Юрьѥ сѣде 574 об.; въ Ев. 1355 г.: гнаше и Симон*е* и иже бяху с нимь 112; въ Новгородской лѣт.: заложи церковь Съмьюн*е* Дыбачевиць 96, сърубиша церковь Къснятин*е* съ братомь 99, останък*е* разидеся, новгородьци останък*е* живыхъ послаша Гюргя 162, Иванк*е* Тимошкиниць 220, придоша... Петр*е* Водовиковиць 229; въ новгородской грам. 1392 г.: посадник*е* и весь господинъ велик*ъи* Новъгородъ, т*ѣ* товаръ, что в Ругодивѣ порубилѣ, и противъ того товара..., дворъ ихъ погорѣл*е*; въ припискѣ XIV в. въ Софійск. Канонникѣ № 397: переплѣтал*е* книги си **Ѥ**ремии дьякъ и поволочилъ; въ двинской рядной XIV—XV в.: Завк*е* ста на судѣ, Савк*е* рче, Смен*е* Ночин*е* имал*е* по рукописанью и взял*е* у насъ...; въ двинскихъ купчихъ XV в.: купи Игнат*е*, да Игнат*е*, Грихн*е* Даниловъ, Иван*е* Федоровичь, Онтан*е* Кузмин*е*, Климята Васильев*е*, Зѣновеи Иванов*е*. Памятники не новгородскаго происхожденія XII—XIV вв. знаютъ употребленіе формы зват. п. муж. р. вмѣсто имен. п. почти исключительно въ собственныхъ именахъ, и то очень рѣдко: Златоструй XII в.: Игнатиѥ повелѣваѥть 51, святыи Николаѥ явися 67 об., сътвори святыи Николаѥ 68, можеть Николаѥ, Николаѥ пращаѥть 73 об. и др.; договоръ Дмитрія Донскаго съ Ольгердомъ 1371 г.: князь Юрь*е* Володимеровичь. Въ памятникахъ самаго конца XIV в. и слѣдующихъ вѣковъ форма зват. на *е* вмѣсто формы имен. отъ собственныхъ именъ на *ій* встрѣчается въ огромномъ количествѣ: новгородскій Тактиконъ 1397 г., списанный съ средне-болгарскаго оригинала: рече Богослове Григориѥ 28 об., святыи Дионусь*е*, великыи Василь*е* 2 об.,

и т. п.; новгородскій Апостолъ 1495 г.: Корниліє сотникъ 40, Корниліє бѣ чая, срѣте єго Корниліє 42 и т. п.; московскіе литературные памятники XV—XVII в. (особенно житія святыхъ: Игнатіе, Василіе); московскія грамоты XVI—XVII вв. (Юрье). Но эти формы (кромѣ Юрье) не могутъ быть признаваемы за русскія: они перешли къ намъ изъ средне-болгарскаго языка вмѣстѣ съ поздними болгарскими текстами.

Кромѣ имен. п., форма зват. п. въ новгородскихъ памятникахъ встрѣчается изрѣдка также въ значеніи вин. ед.: грамота 1392 г.: аже гдѣ изнаидуть или тать или товаре=товаръ.

Современный русскій языкъ знаетъ употребленіе зват. вм. имен. только въ пѣсняхъ (рѣдко): онежск. Петре, Садке, воронке; бѣлорусск. улане, паничу; малорусск. козаче и т. п.; можетъ быть, къ этимъ формамъ слѣдуетъ отнести также малорусск. галицк. уменьшительныя Васё и т. п. (срв. великор. Вася).

Именительный и винительный. Какъ извѣстно, искони слова средняго рода имѣли одну и ту же форму какъ для имен., такъ и для вин. п. всѣхъ чиселъ; слова муж. и женск. р. знали одну форму имен.-вин. п. для двойств. ч. Сверхъ того, въ славянскихъ языкахъ еще въ доисторическую пору ихъ существованія произошло, вслѣдствіе фонетическихъ измѣненій, отожествленіе формъ имен. и вин. ед. основъ на *ъ*, *о*, *ь* (сынъ, вълкъ, гость, кость) и имен.-вин. мн. основъ на *а* и *ь* женск. р. (жены, кости), а также началось употребленіе, въ основахъ на *ъв* и на согласные муж. и женск. р.,—формъ вин. п. ед. вмѣсто имен.: вин. кръвь вмѣсто имен. кры (эта форма имен. п. ед. дошла до насъ только въ старословинскихъ и старо-польскихъ памятникахъ), вин. любъвь рядомъ съ имен. любы, вин. камень рядомъ съ имен. камы и т. п. Такимъ образомъ въ русскомъ языкѣ въ первое время его исторіи всѣ формы имен. дв. были вмѣстѣ съ тѣмъ формами вин. дв., большая часть формъ имен. ед. была тожествена съ формами вин. ед. и значительная часть формъ имен. мн. совпадала по звукамъ съ формами вин. мн. Въ XIII—XIV вв. нѣкоторыя формы имен. ед., несходныя съ вин. ед., въ родѣ камы, повидимому, уже почти прекратили свое существованіе; по крайней мѣрѣ памятники не даютъ намъ основанія думать, чтобы въ XIII—XIV вв. они были распространены въ живомъ говорѣ. Въ то же время формы имен. п. мн.

муж. р. стали уже смѣшиваться съ формами вин. мн., т. е. употребляться одни вмѣсто другихъ.

Нѣкоторое количество случаевъ употребленія формъ вин. мн. муж. р. въ значеніи имен. находится въ памятникахъ самой ранней эпохи: Святосл. Сборникъ. 1073 г.: тр*и* друзи (не триѥ) 188; Архангельское Ев.: старьци людьск*ы*и 98 об.; Юрьевское Ев.: дьн*и* ти 67 об., 141, 167; Кормчая XII в.: страньск*ы*и попове 85 об.; Патерикъ Синайскій XII в.: пущени быхомъ тр*и* братия; Паремейникъ XII в. Тип. Б. № 157: отимуться грѣх*ы* 51; но эти случаи могутъ быть относимы на счетъ не русскаго, а церковно-славянскаго языка: срв. въ ц.-слав. Синайской Псалтыри им. мн. дьн*и* 203, 220; въ Болонской Псалтыри: пѫт*и* мои 370; въ Ассемановомъ Ев.: брак*ы* бышѧ 9. Несомнѣнные примѣры смѣшенія им. и вин. мн. муж. р. встрѣчаются въ памятникахъ только съ XIII в., сѣверно-русскаго происхожденія.

Мы находимъ формы вин. вмѣсто формъ имен. (а вмѣстѣ и зват.) въ Житіи Нифонта 1219 г.: неислѣдован*ыя* неизмѣрн*ыя* чин*ы* раставлени быша 113; въ Тріоди до 1266 г.: лик*ы* ангельск*ыя* веселяхуся 171; въ Прологѣ 1262 г.: друзии жив*ы* имани быша 60, въ немь же честьн*ыя* гвозд*ы* въложен*ы* суть 53 об., будуть устроѥни люд*и* 75 об., звер*и* снедають 108; въ Паремейникѣ 1271 г.: быша мі осьли и раб*ы* 14, врази июдов*ы* погыбнуть 83, изидуть вънуци аспидов*ы* 92 об., вратници адов*ы* 192, прави пут*и* твои 214 об., будете ми люд*и* 225 об.; въ Кормчей ок. 1282 г.: избрашася тр*и* брат*ы* 573 об., люд*и* събираються 582, поють четвьрообразнии живот*ы* 594; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: люд*і* вылѣзуть 13; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: инако съгрѣшающе в заточенье посылаем*ы* суть 254, дарове ов*ы* суть... ов*ы* же суть отемлем*ы* 290, раб*ы* ражаються 313, фарисѣи сказаеми отълучен*ы* 360; въ Псалтыри 1296 г.: люд*и* поучишася 3 об., вси пут*и* господни 46; въ договорѣ Новгорода съ Тверью 1314 г.: Юрьи Калѣка и вси талщик*ы* (им. ед. тальщикъ), кто мои недруг*ы*; въ Ев. 1317 г.: гроби полн*ы* суть 50 об.; въ Ев. 1339 г.: моисѣѥв*ы* ѥсмы ученици 23 об., очищаѥте... внутрь же полн*ы* грабленья, гроби пол̑н*ы* суть костии 160 об., будуть остриі пут*и* 203; въ духовной Семена Гордаго: мои тивуни и посельск*ии* и ключник*и*; въ духовной в. кн. Ивана Ивановича: отци мои ду-

шевныѣ; въ Ев. 1355 г.: вы отци игумены и попове, запись, люди сѣдящеи во тьмѣ 168; въ Ев. 1357 г.: своѣ не прияша 1, что стоите праздны 43 об., прекратятся дни ты 62 об.; въ Ев. 1358 г.: хромии ходять, прокаженыя очищаються 40 об., многи пророци въстануть 160; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: стояху кумиры, придоша рязаньскыѣ князи, и др.; въ Паремейникѣ 1378 г.: пути безумьныхъ правы 52, премудры создаша храмы, а безумны раскопаша 55 об., собрашася князи и упаты... вси князи странны 101; въ Ев. 1393 г.: вы печалны будете 27, что страшливы ѥсте 33, прокаженыя оцищаються 37 об., плевелы суть сынове непріязьнены 44 об., одержимы бяхуть 96 об.; въ двинской рядной XIV—XV в.: виноваты ль ѥсте, ѥсмя невиноваты, посадники спросиша; въ Новгородской лѣт. XIV в.: измьроша коня вся 76, съдумавъше новгородьце показаша путь 115, одепи въ бръне и коне ихъ, инии корабле стояху 137, ядяху люди листъ 162, вьрхы огорѣша 206, меды изварены 232, сташа обоі послы 300.

Наоборотъ, мы читаемъ формы имен. вм. формъ вин. въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: съзъвавъ князи и люди 144 об., идѣмъ въ ближьняя вьси и гради 147; въ Житіи Нифонта 1219 г.: князи имамъ 68 об.; въ Прологѣ 1262 г.: празднолюбьци (вин.) приведоша ми 14, держаще ножи и меци 35 об., положиша вси хлеби 120 об.; въ Ев. 1270 г.: учаше народи 37; въ Паремейникѣ 1271 г.: грѣхы свои повѣдаша 44 об.; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: на чюжии домы 201, ѥфиопьскыѥ образи черни въ багряни прѣложивъ 362, три ѥпископы старци привлекъ 388 об.; въ Псалтыри 1296 г.: въ боголюбивыя мужи, запись, подвигни черноризци и черноризицѣ 74 об.; въ духовной Семена Гордаго: приказываю свои бояре; въ Ев. 1355 г.: расыпа пѣнязи 4 об., прѣбысть яко три мѣсяци 155 об.; въ Ев. 1357 г.: будеть раздѣленъ... три на два а два на триѥ 81 об., съзвавъ старѣишины и князи 113, пребысть яко три мѣсяци 173; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: пустити воробьи, нача вои совкупляти, по друзи послашася, и др.; въ Новгородской лѣт.: изищю муж(ѣ) новгородьстии 164, поимавъ стареишиѥ мужи новгородьстии 168, дары принесе кони и вельблуды 193, по Ярослава послове (вин.) послаша 286, придохомъ на конюси свое.

Въ XVI в. старыя формы им. мн., теперь не существующія, повидимому, еще употреблялись въ живомъ говорѣ: Скорина: сапози

имеите на ногахъ, Исходъ, 23; Судебникъ 1550 г.: пошлется на послу*си*; московскія грамоты этого времени имѣютъ формы послу*си*, недру*зи*, намѣстни*цы*, татар*ове* сравнительно часто. Въ московскихъ грамотахъ XVII в. еще встрѣчается форма послу*си*, въ формулѣ: «а на то послу*си*», но значеніе ея едва ли всегда было извѣстно писцамъ; по крайней мѣрѣ послѣ этой формулы иногда называется лишь одно лицо-свидѣтель.

Въ современномъ языкѣ мы почти совсѣмъ не находимъ древнихъ формъ им. мн. существительныхъ муж. р. съ основами на *о* съ предыдущимъ твердымъ согласнымъ и на *ъ*; они исчезли, и вмѣсто нихъ теперь во всемъ русскомъ языкѣ употребляются древнія формы винит. п.: вол*ки*, труд*ы*, пут*и*, съ значеніемъ и имен., и винит. п. Равнымъ образомъ нѣкоторыя мѣстоименія имѣютъ, въ значеніи имен.-вин. мн. муж. р., — древнія формы вин. мн.: великор. вс*ѣ*, т*ѣ*, он*ѣ*, одн*ѣ*, малор. вс*і* (*і* изъ *ѣ*), великор. и бѣлор. мо*ѣ*, тво*ѣ*, сво*ѣ*. Сверхъ того, малорусское нарѣчіе утратило древнія формы имен. мн. основъ на *о* съ предыдущимъ мягкимъ согласнымъ и замѣняетъ ихъ древними формами вин. п.: кон*і* (*і* изъ *ѣ*), съ значеніемъ и имен., и вин. п. Наоборотъ, въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ древнія формы имен. мн. основъ на *о* съ предыдущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ вытѣснили древнія формы вин. мн.; эти формы и формы имен. мн. нѣкоторыхъ мѣстоименій теперь имѣютъ также значеніе вин. мн.: луч*и*, мо*и*, тво*и*, сво*и*; кромѣ того, въ бѣлорусскомъ нарѣчіи форма имен. мн. вс*и* есть также и форма вин. мн. Исключенія представляются съ одной стороны древними формами им. мн. нѣкоторыхъ мѣстоименій и нечленныхъ прилагательныхъ: он*и*, сам*и*, одн*и*, рад*и* (отъ радъ), пьян*и* (В. Майковъ, Соч. 346), сыт*и*, богат*и*, виноват*и*, изъ которыхъ *одни* употребляется въ значеніи какъ имен., такъ и вин., съ другой—древними формами вин. мн. именъ съ основою на *о*. женц*ѣ*, дожж*ѣ*, пн*ѣ*, изрѣдка встрѣчающимися въ бѣлорусскихъ говорахъ въ значеніи имен. мн.

Членныя прилагательныя и мѣстоименія въ настоящее время имѣютъ для имен. и вин. мн. муж. р. однѣ и тѣ же формы. Это или древнія формы имен. мн.: син*іи*, или древнія формы вин. мн.: добр*ыѣ*, или новыя смѣшанныя формы, составленныя какъ изъ имен. имени и винит. члена: син*іѣ*, такъ и изъ вин. имени и имен. члена: добр*ыи*. Смѣшанныя формы, свойственныя всѣмъ русскимъ гово-

рамъ, извѣстны по памятникамъ со второй половины XIII в.: Рязанская Кормчая 1284 г.: ини*ѥ* деньѥ (имен.) 85; Пандекты 1296 г.: мирь*скии* суще 42, мирь*скии* ѥсмы вси 45; Житіе Саввы Освящ. XIII в.: скить*скии* отци уставиша 35; Ев. 1354 г.: приведоша ему бѣсн*ыи* и расслабленыя 32, въ мѣхы нов*ыи* 36, 65 об., рассадить вино мѣхы ветх*ыи* 65, 87; Лаврентьевскій сп. лѣт.: послаша лѣпш*ии* мужи, мертв*ыи* срама не имамъ, сквозѣ половѣчьск*ыи* вои, и т. п. (часто); Новгородская лѣт.: черн*ыи* люди погнаша 267, пріѣхаша послы татарьск*ыи* 271, посадивше мужи нарочит*ыи* (вин.) 305. Наше правописаніе употребляетъ изъ указанныхъ формъ только формы на *ѣ*, съ передачею послѣдняго черезъ *е*: *ые*, *іе*; но въ живомъ великорусскомъ говорѣ формы на *и*, т. е. съ окончаніемъ *ыи*, *іи*, пользуются несравненно большимъ распространеніемъ, чѣмъ формы на *ѣ*.

Здѣсь можно упомянуть объ употребленіи формы род.-вин. *когожьдо* (отъ къжьдо) въ значеніи имен. п., изрѣдка встрѣчающемся въ древнихъ памятникахъ. Мы читаемъ въ Архангельскомъ Ев. 1092 г.: *когожьдо* васъ не отрѣшить ли волу своего 60 об.; въ галицко-волынск. Типографскомъ Ев. XII—XIII в. № 7: начаша глаголати ему *когождо* ихъ 184 об.; въ Ев. 1354 г.: *когождо* ихъ что мало возметь 19, разидуться *когождо* въ своя сы 29, *когожьдо* васъ не отрѣшит ли вола 112; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: идоша *когождо* въ домы своя, обѣдаша *когождо* с бояры своими, разиидошася *когождо* во своя си, и т. п. (срв. въ Чудовск. Новомъ Завѣтѣ XIV в.: признавъ единого *кождо* должникъ 36; см. выше, стр. 126). Современный языкъ уже не имѣетъ формы *когождо* ни въ какомъ значеніи.

Къ смѣшенію имен. и вин. п. не слѣдуетъ относить употребленія формъ имен. ед. женск. р. при неопредѣленномъ наклоненіи, очень частаго въ новгородскихъ, смоленскихъ и московскихъ памятникахъ до конца XVII в.: Милятино Ев. 1215 г.: достоить ли мужю жен*а* пустити 124; смоленскій договоръ 1229 г.: аже будѣте убитъ одн*а* гривн*а* серьбра заплатити, таков*а* правд*а* узяти; договоръ Новгорода съ Тверью 1270 г.: т*а* грамот*а* дати назадъ; договоръ Полоцка съ Ригою ок. 1300 г.: дати ему долг*ая*; духовная новгородца Климента XIII в.: взяти Климяте гривн*а* кунъ; Домострой XVI в.: сама бы знала како мук*а* сѣяти, како квашн*я* притворити, у крыльца солом*а* переняти грязн*ая*, а ин*ая* класти, како кормити семь*я*, како

поучяти мужу своя жена, како домъ устроити и всякая домашняя порядня; Уложеніе ц. Алексѣя Мих. 1649 г.: учинити вѣра, та чужая земля отдати; современныя московск. туда рука подать, шутка сказать; сѣв.-великор. надо душа спасти, надо корова купить и т. п. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ употребленіемъ имен. п. (=подлежащаго) при неопредѣленномъ наклоненіи (=дополненіи), извѣстнымъ, кромѣ русскаго, также въ другихъ языкахъ, между прочимъ въ санскритскомъ и литовскомъ. Немногочисленные примѣры формъ имен. ед. женск. р. вмѣсто формъ вин., въ родѣ находящихся въ полоцкой грамотѣ ок. 1300 года: есмь увѣдалъ любовь ваша правая съ сыномь моимь; въ Новгородской лѣт.: даи Богъ исправити правда новгородьская 218, даи Богъ молитва ѥго святая всѣмъ крестьяномъ 225; въ двинской грамотѣ XIV—XV в.: взялъ собѣ Степанъ полянка, Ак. Юр. 271; въ Домострoѣ: соимя рубашка, и даже въ современныхъ русскихъ говорахъ,—обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію оборота имен. п. съ неопредѣл. наклоненіемъ.

Къ числу остатковъ древнихъ формъ имен. мн., указанныхъ выше, нельзя, кажется, прибавить формъ сосѣди (или сусѣди; въ сб. Ундольскаго XIV—XV в. № 558: на сусѣди своя 9 об.) и черти. Послѣднія, вѣроятно принадлежатъ именамъ съ основою на ъ, которыхъ формы ед. ч. до насъ не дошли; срв. соврем. бѣлор. чéрти (при черты); старо-чешск. črtě přispěchu (Святовитск. сборникъ 146), соврем. чешск. sousedé, съ č, é изъ ѣ; польск. діалектич. čerči, и т. п. То же можно сказать о формѣ холопи, обычной въ московскихъ грамотахъ XVI—XVII вв. (род. холопей и т. д.). Срв. литературн. форму род. мн. тетеревей (въ грамотѣ 1551 г. Ак. Арх. Э. I, 223) и областн. (вологодск.) форму им. ед. тетеревь, род.—я, и т. д., при польск. cietrzew'; срв. также существующія въ великорусскомъ нарѣчіи рядомъ имена комаръ и комарь.

Родительный и винительный. Во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ мы встрѣчаемъ довольно-частое употребленіе такъ называемаго родительнаго раздѣлительнаго (genitivus partitivus), т. е. употребленіе въ извѣстныхъ случаяхъ формъ род. п. вмѣсто формъ вин.: греческ. гомер. πίνειν οἴνοιο, нѣмецк. des kalbes essen, франц. donner du vin, современ. русск. дать хлѣба, принести воды и т. п. Но славянскіе языки (помимо того, что имѣютъ нѣкоторое число глаголовъ, прежде сочинявшихся, а отчасти и теперь еще сочиняющих-

ся и съ род., и съ вин. п.: *видѣти, глядѣти, слышати, любити, мьстити* и др.) знаютъ издревле употребленіе родительнаго падежа единств. числа вмѣсто винительнаго и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ понятія о раздѣленіи: 1) при глаголахъ съ отрицаніемъ, 2) при глаголахъ безъ отрицанія, отъ именъ какъ означающихъ одушевленный предметъ (чаще), такъ и означающихъ предметъ неодушевленный (изрѣдка). Древне-русскій языкъ не представляетъ исключенія изъ славянской семьи. Остромирово Ев., между прочимъ, имѣетъ: чьтѫ отьц*а* моѥго, живот*а* вѣчьн*ааго* имате; Слово о полку игор.: поостри сердц*а* сво*его*; новгородская грамота 1189—1199 г. (по списку XIII в.): потвердихомъ мир*а* стар*ого*; Поученія Кирилла Іерусалим. XII в.: съзьда Иерусалим*а* 122 об.; Златоструй XII в.: въсташа языкъ на язык*а* 6; Тріодь Саввина до 1226 г.: Христа за мир*а* молите 182 об.; Прологъ 1262 г.: старець труп*а* бьяше 93; Рязанская Кормчая 1284 г.: въсхытиста святительск*аго* сан*а*; Пандекты 1296 г.: тамо дар*а* *того* да приимуть 137; Академическій сп. лѣт. XV в.: зряще на крест*а* честн*аго* (Лѣтопись по Лаврентьевск. сп. 471), и т. п. Въ древне-русскомъ языкѣ мы находимъ, сверхъ того, формы род. дв. мѣстоименій 1-го и 2-го лицъ (почти постоянно), мѣстоименій *и* (часто) и *самъ* и числительнаго *оба* вмѣсто формъ винит.: Путятина Минея XI в.: *валю* хвалимъ 12; Толстовскій сборникъ XIII в.: Господь крьсти *обою* (апостоловъ) 35; Ев., 1354 г.: Іанъ посла *наю* к тобѣ 90, кто въпрашаеть *ваю* 112, 138, срящеть *ваю* человѣкъ 138 об.; Лаврентьевскій сп. лѣт.: възвысила есть *ваю* любы 135, *наю* пустиши, *ваю* пущу 173, мысля на *наю* 177, прия *ею* (двухъ княжичей) в любовь 368, побѣди *ею* Юрги 413 и т. п.; Ипатскій сп. лѣт.: можете ли ся за *наю* бити 268; Григорій Богословъ XIV в.: нищь и богатъ срѣтостася, *обою* же Господь створи 107; Слово о полку игор.: *самою* (соколовъ) опуташа.

Само собою разумѣется, рядомъ съ род. ед. часто встрѣчается и вин., особенно въ древнѣйшихъ памятникахъ, при глаголахъ безъ отрицанія: Остромирово Ев.: прослави сынъ тво*и*, вѣруеши ли въ сынъ бож*ии*; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: отдасть за конь или за волъ 14, аже кто переиметь чюжь холопъ 24; духовная новгородца Климента XIII в.: даю сив*ыи* жеребець, даите боровъ лутьш*ии*; грамота рижанъ ок. 1300 г.: далъ еси приставъ своего человѣка; Новгородская лѣт.: послаша къ Гюргеви по сынъ 55, прия

Гюрги сыновьць въ миръ 56, по Фому посла по новоторожьск*ыи* посадникъ 160, убиша Овъстрата и сынъ его Луготу и въвьргоша *и* въ грѣблю мьртвъ 161, убиша Ивана братъ матѣювъ 180, подъ свят*ыи* Николу 213; нѣмцинъ убиша Данилу 232 и т. п.; Лаврентьевск. сп. лѣт.: поиди на братъ сво*и* 73, (Ярославъ) князя ихъ уби Моиславъ 151, прияша князь сво*и* кыяне 169, надѣюся на Богъ 256 и др.; Ипатскій сп. лѣт.: быти всимъ за одинъ братъ 257, а ты пристави сво*и* мужь 262, берендичи убиша володимирь мужь, убиша же и ти лѣпш*ии* берендичь 366 и др.; духовная Дмитрія Донскаго: жывите за одинъ; галицкая грамота 1393 г.: дали шисть кобылъ а жеребець; сѣверно-русская грамота 1410—1417 г.: намѣстници мои пристава дадуть, да *и* (его) судять, Ак. Арх. Э. I, 14.

Съ теченіемъ времени употребленіе формъ род. п. вмѣсто формъ вин. распространилось и 1) на множественное число, и 2) на мѣстоименія женскаго рода ед. ч.

Старшіе случаи употребленія формъ род. мн. при глаголахъ безъ отрицанія относятся только къ XIV в.: грамота Ивана Калиты (въ копіи): пожаловалъ есмь соколник*овъ* печерск*ихъ*, Ак. Арх. Э. I, 1; Ев. 1383 г.: остави мертв*ыхъ* погребсти своя мертвеца 19 об.; Чудовской Новый Завѣтъ XIV в.: нападе на всѣ*хъ* *ихъ* (іудеевъ) 72; Сильвестровскій Сборникъ XIV в.: тро*хъ* скрушены*хъ* (боговъ) въвергохъ въ воду 165 об.; Амартолъ XIV в.: прося помощи на персянъ 26 об., съсуды, *ихъ*же принесе отець 121 об.; Лаврентьевск. сп. лѣт.: страньствующ*ихъ* убиваху 14, прочая люди ов*ыхъ* изби, а другия работѣ предасть 58, созва болярь и кыянъ 250, и др. Но формы вин. мн. еще свободно употребляются какъ въ XIV—XV вв., такъ даже въ XVI—XVII вв.: приказываю сво*и* боярe, духовная Семена Гордаго; приказываю дѣт*и* сво*и* своей княгинѣ (рядомъ: благословляю дѣт*ии* сво*ихъ*), духовная Дмитрія Донскаго; судить игуменъ сво*и* люд*и* самъ, московская грамота 1455—1472 г. Ак. Калачова I, 103; на ѳомкин*ы* старожилц*и* шлеш ли ся, шлетесь ли на священник*и* и на старост*ы*, московская грамота 1542 г. Ак. Ѳед.-Чех. I, 87, 90; зап.-русск. Ев. Тяпинскаго XVI в.: передъ старш*ие* и корол*и* ведени будете, любите ворог*и* ваш*и*, возрите на птах*и* небесн*ые*, принесли к нему всі фор*ые* (=хворые), солнце розсвечаеть на лих*ие* и добр*ие* и дожчіть на справедлив*ые*, и др.

Случаи употребленія формъ род. ед. мѣстоименій женск. рода при

глаголахъ безъ отрицапія въ древнихъ памятникахъ сравнительно рѣдки; можно указать: умысли съзьдати цьркъвь и съзьдавъ ѥѣ, Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII в.; наказавъ ѥя, бивъ *ея* (жену), Сборникъ XIV в. Рум. Муз. № 1548, л. 80; елини имяхутъ *ея* (ехидну) аки богыню, Сборникъ 1490 г. Уваров. № 613, л. 11; но въ сѣверно-русскихъ грамотахъ и московскихъ законодательныхъ памятникахъ XVI—XVII вв. формы *ее*, *тое*, *сее*, *всее* съ значеніемъ вин. п. уже господствуютъ (формы *ю* въ нихъ уже не встрѣчается).

Въ настоящее время формы род. п. употребляются вмѣсто формъ вин. въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) постоянно отъ всѣхъ словъ при глаголахъ съ отрицаніемъ; 2) постоянно отъ словъ муж. р., означающихъ одушевленные предметы, или отъ замѣняющихъ ихъ мѣстоименій; 3) во множ. ч. отъ словъ женск. р., означающихъ одушевленные предметы, или отъ мѣстоименій; 4) въ ед. ч. отъ нѣкоторыхъ мѣстоименій женск. р. (великор. *её* или *ее*=*еѣ*, *тое*, *самое*, *одное*, *всее*) и отъ словъ *мать* и *дочь* (южно-великор. ма́тере, до́чере); 5) отъ мѣстоименія *и* въ средн. р. (*его*, *ихъ*). Срв. въ Ев. 1357 г.: что отрѣшаѥта жрѣбя? она же рекоста яко Господь ѥ*го* требуѥть 88; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в.: вамъ бѣ лѣпо глаголати слово Божье, но вы отрѣваете *его* 68; въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: иже имате овца ѥдино... не иметь ли ѥ*го* 38 об. Старыя формы вин. п. и ед., и мн. отъ словъ, означающихъ одушевленные предметы, встрѣчаются въ русскихъ говорахъ нашего времени болѣе или менѣе рѣдко: великор. отдать за мужъ, въ работники, въ чужіе люди и т. п.; но старыя формы вин. дв. часто сохраняются: куплю два коня, обѣ коровы. Формы род. ед. отъ словъ, означающихъ неодушевленные предметы, изрѣдка могутъ занимать мѣсто вин. п.: великор. дамъ тумак*а*, бѣлорусск. мае рубл*я*, вынесъ гэт*ого* стол*а*, стявъ (=срубилъ) дуб*а* и т. п.

Обратное явленіе представляетъ употребленіе формы род. ед. *чьсо* въ значеніи вин. и даже имен. пад., начавшееся благодаря сходству по окончанію этой въ своемъ родѣ единственной формы род. съ формами им.-вин. средн. р.: Архангельское Ев.: слава моя ни*ч'со* же ѥсть 4 об.; Юрьевское Ев.: имате ли *чьсо* сънѣдьно 26, нѣсть ни*чьсо* же таино 76, ни*чьсо* же достоино съмьрти обрѣтохъ 155; Добрилово Ев. 1164 г.: иже аще кльнѣться церковью ни*чсо* же ѥсть 78 об.; Ев. 1270 г.: ни въсхытить ихъ ни*чьсо* же 21; Га-

лицкое Ев. 1283 г.: *чсо* глаголеши 15 об.; Пандекты 1296 г.: крада *чсо* іему въпадяше 79 об. и т. п.; Бучацкое Ев. XIII в.: ни мало *чсо* можете 47 об. (рядомъ: не имущимъ лиха *что* сотворити 45); Палея 1406 г.: ни въ *чсо* же мнять 9 (рядомъ: *что* ради=чего ради, Прологъ 1262 г., Пандекты 1296 г. и др.). Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе ассимиляціи согласныхъ, форма *чсо* перешла въ *що* съ значеніемъ исключительно им.-вин. (см. выше, стр. 108).

Родительный и дательный-мѣстный. Смѣшеніе род. п. съ дат.-мѣстн. наблюдается только въ единств. ч. въ словахъ женскаго рода. Какъ мы уже указали, древне-русскій языкъ, особенно новгородскій говоръ, зналъ употребленіе формъ род. пад. женск. р. на *ѣ* отъ основъ на *а* съ предыдущимъ твердымъ согласнымъ, т. е. онъ употреблялъ, напримѣръ, гривн*ѣ* вмѣсто гривн*ы*. При такомъ окончаніи форма род. п. ед. ч. была по звукамъ тожественна съ формами дат. и мѣстн. Вслѣдствіе совпаденія формъ род. съ формами дат. и мѣстн. п. образовалось въ великорусскихъ говорахъ (преимущественно въ тѣхъ, которые ведутъ свое начало отъ стараго новгородскаго) употребленіе формъ дат. и мѣстн. п. женскаго рода вмѣсто род. съ одной стороны и формъ род. въ значеніи дат. и мѣстн. съ другой.

Старшіе памятники, исключительно новгородскаго происхожденія, имѣютъ главнымъ образомъ формы дат.-мѣстн. ед. на мѣстѣ формъ родит.: Стихирарь 1157 г.: въ ручѣ своіего сына и влады*цѣ* 183 Патерикъ Синайскій XII в.: близь вьси нарицаіем*ѣи* 64 об.; Паремейникъ 1271 г.: извести и-земли іегупѣтс*тѣи* 210 об.; договоръ Новгорода съ Тверью ок. 1305 г.: отъ влады*цѣ*; Прологъ 1356 г.: ис темници телесьн*ѣи* 54 об.; Новгородская лѣт.: у Вълѣнѣ у рѣ*цѣ*, боле кръви не пролья крьстьяньс*тѣи* 86, у свят*ѣи* Богородици 103, безъ влады*цѣ* 216, у свят*ѣи* Марин*ѣ*; Ипатскій сп. лѣт.: отъ свят*ѣи* Софьѣ 332.

Формы род. въ значеніи дат.-мѣстн. появляются съ XIV в. въ памятникахъ также новгородскаго происхожденія: въ Сильвестровскомъ Сборникѣ XIV в.: на онои стран*ы*; въ Прологѣ 1400 г.: ко святыма Козм*ы* и Дамьяну, запись; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: поклонилъся еси нашему старѣйшин*ы* 138; въ грамотѣ 1459—1470 г.: господину владыки Іон*ы*, Ак. Арх. Э. I, 46; въ Ев. 1471 г. Публ. Библ.: при архимандрѣтѣ Кузьм*ы*, запись; во вкладной 1513 г. (Софійск. Прологъ № 1374): святому чудотворцу Никол*ы*; во 2-й

Новгородской лѣтописи по сп. XVII в.: о опришпин*ы*, въ деревни Княжщин*ы*, на Вѣшер*ы* рѣки, въ земшин*ы* (Новгородскія лѣтописи, 98, 99, 105, 106); въ Словѣ о полку игор.: тяжко ти голов*ы* кромѣ плечю; въ пѣсняхъ, записанныхъ на русскомъ сѣверѣ (вѣроятно, въ Холмогорахъ) для Ричарда Джемса въ XVII в.: охте мнѣ, молод*ы*, горѣвати. Сверхъ того, мы читаемъ въ псковской грамотѣ 1483 г. (по сп. XVI в.): дали Климят*ы* соцкому, по псковской пошлин*ы*, Ак. Юр. № 2. Въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ слышится нерѣдко: въ моей дружин*ы*, ко дружин*ы*, къ Нѣпр*ы* рѣкѣ, по изб*ы*, по правд*ы*, по истин*ы*; точно также слышится въ южно-великорусскомъ путивльскомъ говорѣ: къ жен*ы*, на трав*ы*, къ удов*ы*, и кое-гдѣ въ бѣлорусскомъ нарѣчіи.

Смѣшеніе род. съ дат.-мѣстн. мы наблюдаемъ не только въ области существительныхъ женск. р., но и въ области прилагательныхъ членныхъ: новгородская грамота 1189—1199 г. по сп. XIII в.: оже съгренеть (сброситъ) чюжее женѣ повои с головы, оже тяжа родить в-ыно*е* земли в городѣхъ; духовная Семена Гордаго: въ Юрье(в)ско*е* волости; Ипатскій сп. лѣт.: по мило*е* своеи дчери, угодна бысть рѣчь его все*ѣ* братьѣ и мужемъ ихъ, идяше на шюе*ѣ* сторонѣ; новгородская грамота XVII в.: къ Пробоин*ые* улицы (Ак. Калачова, II, 392).

Дательный и творительный. Отожествленіе окончаній дат. и твор. мн. ч., послѣ того какъ форма твор. мн. на *ми* потеряла свое конечное *и* (см. выше, стр. 97), имѣло своимъ слѣдствіемъ появленіе формъ твор. мн. на *ми* въ значеніи дат. п. Случаи его, встрѣчающіеся въ древнихъ памятникахъ, внушаютъ къ себѣ мало довѣрія и похожи на ошибки или описки: новгородск. Служебникъ XIV в. Рум. М. № 399: даруи Боже молящи*ми*ся съ нами спѣние житиа 16, сътвори на*ми* знамение 30 (рядомъ: со всѣми боящимися тебе и хранящи*мъ* заповѣди твоя 33 об.); новгородск. Служебникъ 1400 г.: даруи Боже и молящи*ми*ся съ нами спѣяние житья 32; новгородск. Ев. XIV—XV в. Воскресенск. монаст. № 2: по двѣма или по тре*ми* мѣрамъ; новгородск. Ипатскій сп. лѣт.: како будеть обѣи*ми* на*ми* годно... годно ли ти миръ... 256. Нѣкоторые современные сѣв.-великорусскіе говоры, знающіе мѣну *ц* и *ч*, употребляютъ формы дат. и тв. мн. смѣшанно, одни вмѣсто другихъ: съ дрова*мъ*, съ ва*мъ* и къ на*ми*, по поля*ми*.

Творительный и мѣстный. Звуковая близость окончаній твор. и мѣстн. ед. муж.-ср. р. мѣстоименій и членныхъ прилагательныхъ повела между прочимъ, къ тому, что формы твор. стали употребляться въ значеніи мѣстн.: Лѣствица XII в. Рум. Муз. № 198: о вседьневн*ы*мь крещеніи; новгородск. Ев. 1355 г. 163 и Ев. до 1362 г. Тип. Библ. 146 об.: о глаголѣ глаголан*ы*мъ; новгородск. Ев. XIV в. Рум. Муз. № 434: въ отьцьствии сво*и*мъ 65 об.; западно-русск. Мстижское Ев. XIV в.: по въстаньи мо*и*мь; южно-русск. грамота 1386 г.: у (=въ) правдѣ и у хрестн*ы*мъ целованьи, Arch Sang. I, 3; Лѣствица 1499 г. М. Арх. М. ин. д.: при свѣщенн*ы*мъ митрополитѣ, запись; Лютеранскій Катихизисъ 1562 г.: въ нов*ы*мъ завѣтѣ, у символе апостольск*и*мъ, о словѣ сво*и*мъ, о с*и*мъ блудѣ, ни о ч*и*мъ, въ н*и*мъ и др. Всѣ современные русскіе говоры имѣютъ формы твор. вмѣсто формъ мѣстн. болѣе или менѣе часто: владим. во втор*ы́*мъ часу, при вс*ѣ*мъ мірѣ; казанск. на больш*и́*мъ трактѣ; моск. въ эт*и*мъ; нѣкоторые (какъ литературный языкъ)—только при отсутствіи ударенія на окончаніи.

Малорусскіе говоры знаютъ также смѣшеніе *дат.* и *мѣстн.* ед. муж.-ср. р. мѣстоименій и членныхъ прилагательныхъ, развившееся, вѣроятно, подъ вліяніемъ тожества окончаній въ формахъ тѣхъ же падежей единств. ч. женск. р.: украинск. въ вишнёв*ому* садочку и т п.

Смѣшеніе чиселъ. Это смѣшеніе всего болѣе касается формъ двойств. числа съ одной стороны и единств. и множ. съ другой.

Въ древнѣйшую пору жизни славянскихъ языковъ двойственное число имѣло полное количество формъ и употреблялось въ нихъ такъ же, какъ въ языкахъ санскритскомъ и греческомъ, именно въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда было числительное *два* или *оба*, 2) когда поименовывались или перечислялись два лица или предмета, 3) когда говорилось о предметахъ парныхъ—глазахъ, ногахъ, рукахъ, родителяхъ и т. п. Употребленіе формъ дв. ч. въ указанныхъ случаяхъ мы находимъ въ древне-русскихъ памятникахъ до XIV в. включительно: при *два* или *оба*: Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: за мѣхъ *двѣ* ногат*ѣ* 59; Лаврентьевскій сп. лѣт.: *два* братеник*а* утекла, уби *два* сын*а* ѥго, съ *двѣма* сын*ома*, розоидошася *обѣ* свобод*ѣ*, и т. п.; при перечисленіи двухъ лицъ или предметовъ: Лаврентьевскій сп. лѣт.: съ сын*ма* свои*ма* Юргемъ и Володимеромъ, видѣ стоящ*а* мученик*у* Бориса и Глѣба, къ тѣм*а* мученик*ома* Борису и

Глѣбу, и т. п.; при упоминаніи парныхъ предметовъ: Житіе Ѳеодосія Печ. по сп. XII в.: въ томь бѣста родителя святаго 2; Житіе Нифонта 1219 г.: изуваше сапог*а* сво*я* 29; Лаврентьевскій сп. лѣт.: подъ пазус*ѣ* 76, лось рог*ома* боль (бодалъ); Іовъ толковый 1394 г.: препоясая ихъ ужемь по бок*ома* 17 об., и т. п. Въ немногихъ случаяхъ слова, означающія парные предметы, издревле употреблялись въ двойств. числѣ и тогда, когда мы ожидали бы формъ множ. числа; такъ, въ Лаврентьевскомъ сп. мы читаемъ: Богъ далъ есть въ руц*ѣ* наши. Сверхъ того, одинъ древній памятникъ—Новгородская лѣт. по сп. XIV в.—имѣетъ древнія формы дв. ч. вмѣсто ед.; онъ, поименовывая два лица, употребляетъ дв. ч. не только для относящагося къ нимъ сказуемаго или опредѣленія, но и для нихъ самихъ, обоихъ, или одного: перенесена быста Борис*а* и Глѣб*а* (вмѣсто Борисъ и Глѣбъ) 8, на канонъ святою Петр*у* и Павл*у* (вмѣсто Петр*а* и Павл*а*) 74, на святую царю Костянтин*у* и Елены (вм. Костянтин*а*) 118, онъ святую Костянтин*у* и Елены 204. Нѣчто подобное мы читаемъ въ одной изъ приписокъ къ псковскому Ирмолою 1344 г.: о господина Козма и Дамиян*а*; въ двухъ мѣстахъ Лаврентьевскаго сп. лѣт.: по дву десяту и шест*ью* 27, на память святого апостола Петр*у* и Павла 461; въ Сильвестровскомъ Сборникѣ XIV в.: церковь страдалець Христовъ Самон*у*, Гурия и Авива 67 об.; въ Словѣ похвальн. свв. Борису и Глѣбу XII в. (по сп. XV в.): сия... мученика Борис*а* и Глѣб*а* обрѣтошася («Памятники Общ. древн. письм.» № 98, стр. 20); въ Житіи царевича Петра Ордынскаго XIV в. (по позднему списку): Петр*а* и Павл*а* Христова апостола посласта мя къ тобѣ (Макарій, Ист. р. церкви, IV, 344). Срв. въ санскритѣ māt*arā* pit*arā*, двѣ формы дв. ч., =мать и отецъ.

Но съ теченіемъ времени рядомъ съ формами дв. ч. мы начинаемъ встрѣчать формы множ. ч. Житіе Нифонта 1219 г.: помози рабо*мъ* свои*мъ* Ивану и Олексию написавшема книги сия, запись; духовная в. кн. Ивана Ивановича: из дву жеребь*евъ*; Ев. 1354 г.: нечистыма рукама рекше неумвены*ми* 76 об.; вкладная Даніила Холмскаго 1376 г.: з обема берег*и*; Лаврентьевскій сп. лѣт.: разоидошася обѣ свободѣ бесерменьск*ии*, имѣита послушанье къ старѣишимъ ваю, иже *васъ* на добро учать, и т. п.; духовная Дмитрія Донскаго: два ковша золот*ы*, изъ двою мо*ихъ* жеребь*евъ*, мо*и* два жеребья; Служеб-

никъ преп. Сергія: предъидущимъ двѣма свѣщникомъ 21 об., святыма своима и пречистыми и непорочными руками 34 об.; Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 17: двѣма стомъ 13 об., двѣма сты 50 об.; Чудовской Новый Завѣтъ XIV в.: быста друзи 40 (о двухъ лицахъ); Прологъ 1432 г. Публ. Библ.: съ двѣма отроковицами 148 об., святыхъ мученику Борису и Глѣба, запись; двинская грамота XIV в.: обима истчи; грамота Свидригайла 1438 г.: двема коньи. Формы имен. п. дв. мѣстоименій 1-го и 2-го лицъ уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, какъ и въ церковно-славянскихъ, очень часто замѣняются формами множ. ч.: Остромирово Ев.: рече женама: не боите вы сѧ; Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII в.: вы небесьная чловѣка ѥста, вы князя княземъ 7 об.; Пантелеймоново Ев. XII в.: вы глаголета 25, коѥго духа ѥста вы 10; Житіе Саввы Освященнаго XIII в.: оба вы 92 об.; Паремейникъ 1271 г.: вы самѣ вѣста 145 об. (срв. въ Прологѣ 1262 г.: ангелъ не обрящеть ва 15, азъ отлучаю ва 18 об.); южно-русская грамота 1386 г.: мы два исъ братомъ моимъ, Arch. Sang. I, 7. Числительныя *два* (*двѣ*), *оба* (*обѣ*) и связанныя съ ними существительныя-опредѣляемыя въ формахъ имен. или вин. дв. иногда являются въ сопровожденіи опредѣленій прилагательныхъ или мѣстоименій въ формахъ множ. ч. не имен. или вин. падежей, а родительн.; такъ, въ западно-русской припискѣ къ Луцкому Ев., XV в., мы читаемъ: застали ѥсмо 2 гривеньце золотыхъ; въ грамотѣ Свидригайла 1422 г.: по два гроши польскихъ; въ западно-русскомъ Лѣтописцѣ Переяславскомъ нач. XVI в.: по двѣ кунѣ чръныхъ 12; въ Библіи Скорины: вделаемъ два кружки златыхъ; въ Ев. Тяпинскаго: стрели (встрѣтили) его два бешаныхъ, шли за нимъ два слепых'; въ 2-й Новогородской лѣт. XVII в.: горіло два двора пустыхъ 117. Срв. современн. два богатыхъ человѣка, двѣ злыхъ собаки (хотя рядомъ: два богатые человѣка, и т. д.). Числительныя *три* и *четыре*, въ разныхъ отношеніяхъ подчинившіяся числительному *два*, здѣсь также слѣдують за нимъ: новгородская грамота 1545 г.: 4 дворы поповыхъ; грамота 1641 г.: четыре башни рубленыхъ; Ак. Арх. Э. I, 187, III, 44; современн. три, четыре богатыхъ человѣка, и т. п.

Въ то же время числительное *двѣнадцать*, прежде прилагательное, измѣнявшееся по родамъ и согласовавшееся съ именами и мѣстоименіями въ родѣ и падежѣ двойств. числа: дъва на десять ученика,

дъв*ою* на десять ученик*у*, дъв*ѣма* на десять ученик*ома* и т. д.,— превратилось въ существительное (какъ *пять, десять, двадцать*) и стало сочиняться съ именемъ въ род. п. мн., вмѣстѣ съ тѣмъ утративъ способность измѣняться по родамъ: Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII в.: имѣяше сынов*ъ* 12, л. 1; Милятино Ев. 1215 г.: съзъвавъ дъва на десяти ученик*ъ* своихъ 97 об.; Житіе Нифонта 1219 г.: бѣ с нимь 12 бѣс*овъ* инѣхъ 122 об.; Тріодь 1311 г.: въздрадуються ученик*ъ* два на десять 42; срв. въ Юрьевскомъ Ев. ок. 1120 г.: призъва *оба* на десяте ученик*ъ* своихъ 110.

Мало-по-малу старыя формы дв. ч., кромѣ формъ имен.-вин. и нѣсколькихъ другихъ, исчезли и ихъ мѣсто заняли или соотвѣтствующія имъ старыя формы множ. ч., или вновь образовавшаяся, новая форма, также множ. ч. Такъ, формы дв*у*—дв*ою* (род.-мѣстн.), дв*ѣма*, оч*ью*, оч*има* и т. п. были вытѣснены вновь образовавшимися по образцу формъ множ. ч. формами дву-*хъ* (форма дв. ч. *дву* съ окончаніемъ *хъ*, тѣмъ же, что въ и*хъ*, мои*хъ*), дву-*мъ*, дву-*мя* или дву-*ми*, оч*ей*, оч*амъ*, оч*ами*, оч*ахъ* (срв. кост*ей* и т. д.).

Формы имен.-вин. дв. муж. р. на *а* въ великорусскихъ говорахъ остались древнія (но: два рубл*и*); то же можно сказать о формахъ им.-вин. дв. именъ женск. р. съ мягк. основ. (двѣ душ*и́*, земл*и́*); остальныя формы имен.-вин. женск. р. и почти всѣ формы средн. р. образовались вновь. И тѣ и другія стали употребляться не только при числительномъ *два*, но и при *три* и *четыре*: Ипатск. сп. лѣт.: изъбрашася трие брат*а* 11 и т. п. (но духовная Ив. Калиты: далъ ѥсмь 3 поясы золоты).

Формы имен.-вин. дв. муж. р. на *а* и женск. р. на *и* вполнѣ совпадали какъ по звукамъ, такъ по ударенію съ формами род. ед. Это послужило причиною образованія формъ имен.-вин. дв. женск. и средн. р. по образцу формъ род. ед. тѣхъ же родовъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, вмѣсто древней формы дв. жен*ѣ* явилась тожественная съ формою род. ед. новая форма жен*ы*. Подобнаго рода формы мы знаемъ по памятникамъ съ XIV в.: духовная Ивана Калиты: двѣ чар*ы*, двѣ чашк*и*, двѣ кругл*ы* гривенк*и*; Ев. 1355 г.: веземъ 2 рыб*ы* 52 об.; Ев. 1357 г.: приимъ двѣ рыб*ы* 45, двѣ цат*ы* 104; Паремейникъ XIV в. Троицк. Л.: поятъ 2 жен*ы* 22; Ипатскій сп. лѣт.: двѣ жен*ы* 450.—Формы дв. ч. средн. р. въ имен.-вин. п. отожествились съ формами муж. р., т. е. получили окончаніе *а* (вмѣсто *ѣ*):

Паремейникъ 1271 г.: лѣтъ 9 съть и двaнадьсять 62 об., лѣтъ 9 съть и двa 63; Пандекты 1296 г.: двѣ послушания 37; духовная новгородца Климента XIII в.: даю двa села; духовная Ив. Калиты: далъ блюдо серебрьно а двa малая; Прологъ 1356 г.: обрѣтохъ 2 словa 32; Ев. до 1362 г.: аще кто поиметь тя поприще ѥдино иди с нимъ двa 26 об.; Тактиконъ 1397 г.: чтенья двѣ 12, двa вародъ: двa оба имущю 98; Новгородская лѣт.: двa лѣтa 334. Впрочемъ, въ XIV в. еще сохранялись въ великорусскихъ говорахъ и старыя формы дв. ч. женск. и средн. рода; такъ, въ приписке въ Стихирарѣ 1380 г. мы читаемъ: придоша двѣ телѣзѣ; въ духовной Ив. Калиты: 2 селѣ коломенскии, 2 блюдци; а форма двѣ стѣ существуетъ даже и теперь.

Форма женск.-ср. р. двѣнадцать въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ вытѣснила древнюю форму муж. р. двaнадцать; наоборотъ, въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ форма двaнадцать стала употребляться вмѣсто двѣнадцать (Ев. 1317 г., вѣроятно, западно-русское: двaнадесяте кошниць 62).

Формы им.-вин. дв. муж. р. на *а* въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ въ настоящее время почти исчезли: два столы; срв. въ галицкой грамотѣ 1393 г.: два хресты серебная; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: да ему... ина два городы 257; Страсти Госп. XV в.: два светки (свидѣтеля) 8; у Скорины: два кружки златыхъ, и т. п.; формы им.-вин. дв. женск. р. на *ѣ* въ остаткахъ еще сохраняются: бѣлор. двѣ нозѣ, тры копѣ, малорусск. дві нозі, три годині. То же въ южно-великор. путивльскомъ: два дворы, двѣ, три, четыре сосѣ (отъ соха).

Памятники XIV—XVII вв. имѣютъ рядъ новыхъ формъ числительныхъ съ окончаніями род.-мѣстн. и дат.-твор. дв. ч., но со значеніемъ множ. ч. Въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в. мы читаемъ: трею ангелъ 152 об. (вмѣсто трей); въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: трею (род.) 94; въ западно-русск. грамотѣ 1475 г.: трыма сты копами грошей, Arch. Sang. I, 72; въ московской грамотѣ ок. 1575 г.: чотырма человѣкомъ, Ак. Арх. Э. I, 351; въ сѣверно-великор. грамотѣ 1551 г.: къ пятма варпицамъ, Ак. Юр. 191; въ Ев. Тяпинскаго XVI в.: чотыр'ма тисечамъ, пятьма тисячамъ, десятьма девъкамъ, десетьма тисечьма талантовъ (твор.), двaнадьцатьма ученикомъ, з дванадцатьма учениками; въ Познанскомъ сбор-

никѣ XVI в.: тымъ шест*ма* головы постиналъ, з двадцат*ма* тисе-че*ма* людей, господаръ трыдъцать*ма* и двумъ городамъ и др.

Современные сѣверно-великорусскіе говоры, потомки стараго новгородскаго говора, сохраняютъ употребленіе старыхъ формъ твор. п. дв. ч. съ значеніемъ множ. ч.: рѣшотками желѣзны*ма*, песками рудожолты*ма* и т. п. (очень рѣдкое въ старыхъ памятникахъ; однако въ грамотѣ 1578 г.: съ Васильевы*ма* дѣтми, Ак. Юр. 130; въ грамотѣ 1635 г.: тѣ*ма* животы, Ак. Калач. I, 728; срв. въ Новгородской лѣт. XIV в. форму дат. мн. по всѣмъ церква*ма*. Бѣлорусскіе и и малорусскіе говоры также имѣютъ нѣкоторое количество формъ твор. п. на *ма* какъ старыхъ, съ значеніемъ дв. ч.: очи*ма*, плечи*ма*, такъ и новыхъ, съ значеніемъ мн. ч.: бѣлор. слезы*ма*, малор. двери*ма*.

Смѣшеніе родовъ проникло главнымъ образомъ въ область прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій. Оно состояло въ томъ, что формы имен.-вин. мн. муж. р. прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій, въ тѣхъ случаяхъ, когда они не были тожественны по звукамъ съ формами женск. и средн. р., замѣнили собою эти послѣднія и такимъ образомъ стали употребляться при существительныхъ всѣхъ трехъ родовъ. Мы находимъ формы муж. р. вмѣсто формъ женск. р. въ Житіи Нифонта 1219 г.: въспущая хвалы всякоя чистоты исполнен*ї* 122; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: книгы тро*ї* 50, дьяконисы истязан*ї* будуть 59, сущ*ии* въ ніхъ дьяконисы причтен*и* будуть 56, (жены) да быша любимы был*и* 175; въ духовной новгородца Климента XIII в.: на сво*и* рукы; въ Ев. 1339 г.: аще быша силы был*и* 99; въ дух. в. кн. Ивана Ивановича: дѣти (женск. р.) мо*и*; въ Ев. 1354 г.: аще быша был*и* силы бывшая в тобѣ 41, бу*ї* (дѣвы) рѣша 82 об., вѣтви омладѣл*и* будуть 130, блажен*и* неплодови 142 об., жены бяше пришл*и* 143 об.; въ Ев. 1355 г.: аще быша был*и* силы моя 34, жены ужасн*и* быша 149; въ Ев. 1358 г.: обители суть мноз*и* 28 об., жены *иже* бяху ицѣлен*ї* 93, двери затворен*и* суть 99; въ Паремейникѣ 1371 г.: списан*и* быша сия книги, запись; въ Паремейникѣ 1378 г.: списаны быша книги сі*и*, запись; въ Ев. 1393 г.: жены бяху прішл*ї* 140, и т. п.

Формы муж. р. вмѣсто формъ средн. р. читаются нами въ духовной в. кн. Ивана Ивановича: *тѣ* села, что ми ся достал*и* мѣста рязаньская; въ духовной Дмитрія Донского: моя села купленая или

княж*и*, т*ѣ* села, съ тѣми селы котор*ыѣ* тягл*и* къ Костромѣ; въ Ев. 1358 г.: дѣла зл*и* суть 8, помышленья зл*и* исходять 78 об.; въ Апостолѣ 1391 г.: во врата желѣзн*ыя* въводящ*ия* въ градъ 23 об.; въ Тактиконѣ 1397 г.: сказания собран*и* 13; въ Чудовск. Новомъ Завѣтѣ: сердца непорочн*ы*, уста полн*ы* 106 об., знаменья яже дан*ы* ему 154 об. и др.; въ Служебникѣ преп. Сергія: открываеть покрывала вс*ѣ* 86; въ Псалтыри XIV в. Рум. Муз. № 327: уста полн*ы* горести; въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: знаменья... не суть писан*ы*; въ Ев. XIV—XV в. Спб. Дух. Ак. № 7: ѥвангеліа воскресн*ыи* заутрен*ии* 142; въ Паисіевомъ сборникѣ XIV—XV в.: чюда т*ѣ* 160 об. Впрочемъ въ памятникахъ не только XIV в., но и XV в.,—мы еще часто встрѣчаемъ употребленіе старыхъ формъ имен.-вин. мн. средн. р. прилагательныхъ и мѣстоименій; такъ, въ духовной кн. Ивана Ивановича мы находимъ: тѣхъ сель котор*ая* будуть..., ин*ая* мѣста рязаньск*ая* отъмѣньн*ая*; въ духовной Дмитрія Донскаго: по т*а* же мѣста, котор*ая* будуть села, мо*я* села куплен*ая*; въ грамотѣ Свидригайла 1438 г.: вс*я* т*ая* мѣста; въ грамотѣ Казимира 1452 г.: т*а* имѣнья верху писан*ая*, т*ая* имѣнья, Arch. Sang., I; въ сѣверно-русской грамотѣ 1517 г.: по котор*ая* мѣста, Ак. Калачова II, 490.

Въ настоящее время прилагательныя, причастія и мѣстоименія въ имен. и вин. мн. имѣютъ одни и тѣ же окончанія для всѣхъ трехъ родовъ; изъ нихъ прилагательныя, причастія и мѣстоименія членныя имѣютъ четыре окончанія: старое окончаніе имен. муж. р. *іи*, старое окончаніе вин. муж. р. *ыѣ* и два окончанія смѣшанныхъ *іѣ* и *ыи;* такимъ образомъ мы говоримъ теперь совершенно одинаково: люди, вещи, села хорош*іе*, хорош*іи*. Ученіе нашихъ учебныхъ грамматикъ о томъ, что формы на *ые*, *іе* (=др.-русск. *ыѣ*, *іѣ*)—формы муж. р., а формы на *ыя*, *ія* (заимствованныя изъ церковно-славянскаго языка; въ нихъ *я*=ц.-слав. ѧ)—формы женск. и средн. р., не имѣетъ подъ собою никакого основанія.

Причастія прошедшаго времени, такъ называемыя спрягаемыя (на *лъ*), которыя употребляются теперь исключительно какъ сказуемыя, сохранили, для подлежащихъ всѣхъ родовъ, только одну старую форму—форму муж. р., такъ что мы говоримъ теперь шл*и*, ѣхал*и*, дал*и* при подлежащихъ всѣхъ трехъ родовъ.

Окончаніе формъ им.-вин. мн. существительныхъ муж. и женск.

р. рано проникло въ формы тѣхъ же падежей существительныхъ средн. р. Мы находимъ въ Пчелѣ нач. XV в. Публ. Библ. форму имен. мн. числ*ы* 1 об.; читаемъ въ Словѣ о полку игоревѣ: взмути рѣки и озер*ы*, уныша забрал*ы*. Современные южно-великорусскіе и бѣлорусскіе (а отчасти и сѣверно-великорусскіе) говоры сохраняютъ древнюю форму им.-вин. мн. средн. р. только при удареніи на окончаніи: дѣл*а́* и т. п., и то не всегда: озерк*и́*, ушк*и́*; рядомъ: вéсл*ы*, óкн*ы*, окóшк*и*, я́иц*ы*, яичк*и* и т. п.

Потеря рода. Вслѣдствіе ряда измѣненій, русскій языкъ уже давно утратилъ признаки рода для значительной части формъ мн. ч. Формы множ. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій теперь одни и тѣ же для всѣхъ трехъ родовъ: добр*ые*, мо*и*, добр*ыхъ* и т. д. То же можно сказать о формахъ множ. ч. нѣкоторыхъ существительныхъ: гост*и*, кост*и*, гост*ей* и т. д. Изъ формъ того же числа прочихъ существительныхъ только форма род. п. сохраняетъ два разныхъ окончанія: одно для именъ муж. р., другое для именъ женск. и средн. р. Но и эта форма уже теряетъ свое значеніе признака рода, такъ какъ окончаніе *овъ* начало переходить въ форму средн. р. (см. выше, стр. 174), и въ современныхъ великорусскихъ говорахъ мы слышимъ: мѣст*óвъ*, дѣл*óвъ* и т. п., какъ нѣчто обычное. Сверхъ того, нельзя забывать о существованіи древнихъ формъ род. мн. муж. р. безъ окончанія *овъ*: глаз*ъ*, рог*ъ*, сапог*ъ* и др. Въ виду этого слѣдуетъ признать, что всѣ современныя существительныя, утратившія формы ед. ч. и употребляющіяся только въ формахъ множ. ч. (pluralia tantum) потеряли родъ. Относительно однихъ изъ нихъ мы не можемъ сказать даже того, какого они рода были въ древности, такъ какъ они неизвѣстны въ древнихъ памятникахъ: *нападки*, *молóки*, *кудри*, *слюни*, *щи*; относительно другихъ эти памятники даютъ неожиданныя данныя. Мы привыкли смотрѣть на слово *куры* какъ на слово женск. р.; между тѣмъ въ московскихъ памятникахъ XV—XVII вв. находятся рядомъ двѣ формы род. п. кур*ъ* и кур*овъ* (въ Домостроѣ: Богъ пошлетъ у кур*овъ* яицъ), изъ которыхъ вторая дѣлаетъ несомнѣнною принадлежность этого слова къ числу словъ муж. р. (срв. имен. ед.: *куръ*, пѣтухъ). Точно также слова *хоромы*, *оковы*, *чары*, *святки*, *взятки* принимаются обыкновенно за слова женск. р.; но мы знаемъ слѣдующія формы: дат. п. хором*омъ* въ Новгородской лѣт. XIV в. и въ Лаврентьевск. сп. лѣт., род. п. хором*овъ* въ Ака-

демическомъ и Радзивиловскомъ спискахъ лѣт. XV в. (подъ 1016 г.); послѣдняя встрѣчается въ московскихъ текстахъ XVII в. (срв. имен. ед. *хоромъ*=ц.-слав. *храмъ*, въ Русск. Правдѣ по сп. ок. 1282 г.); мѣстн. п. въ оков*ѣхъ* въ Псалтыри 1296 г.; род. п. ча*ровъ* въ Лѣствицѣ XIII в. Рум. Муз. № 199, л. 13 об., а твор. п. чар*ми* въ Чудовск. Сборн. XV в. № 255, л. 269 об.; род. ед. въ навечерии того святк*а* въ отрывкѣ Стихпраря XII в. въ Рум. Муз. № 1729 (=праздника) и вин. ед. останися на святок*ъ* Лаврентьевск. сп. лѣт.; род. п. взятк*óвъ* у писателей XVIII в. (срв. имен. ед. *взятóкъ* добыча пчелы). Наоборотъ, слово *помои*, относимое нами къ числу словъ муж. р., въ Златоструѣ XII в. является съ окончаніемъ женск. р.: имен. помы*ѣ*.

Можно отмѣтить, что южно-великорусскіе сильно-а́кающіе говоры въ настоящее время теряютъ средній родъ, оставаясь такимъ образомъ только при двухъ родахъ. Всѣ тѣ существительныя средн. р., которыя имѣютъ удареніе не на окончаніи, т. е. оканчиваются на неударяемое *а*,—переходятъ въ число словъ женск. р.: мо*я́* де́рево и т. п. Впрочемъ еще въ началѣ XVII в. Ксенія Годунова писала: у насъ моров*ая* повѣтр*ея*.

Вліяніе однихъ падежей на другіе. Явленія, имѣющія своею причиною вліяніе однихъ падежей на другіе въ одномъ и томъ же склоненіи, весьма немногочисленны. Къ числу ихъ принадлежатъ новыя формы косвенныхъ падежей множ. ч., образованныя подъ вліяніемъ формъ имен. и мѣстн. мн., которыя теперь уже не существуютъ и о которыхъ мы знаемъ изъ памятниковъ XIV—XVII вв. Въ Прологѣ 1383 г. мы читаемъ: гре*ц*омъ 121 об., дат. мн. отъ грекъ (срв. имен. мн. гре*ци*, мѣстн. гре*ц*ѣхъ); въ Ипатскомъ сп. лѣт.: грѣ*ц*емь 275, ятвяземь 502, 509, 540, дат., отъ ятвязь 503, 549, ото всихъ ятвязь 580, ходи на ятвязѣ 196; въ московскихъ текстахъ XV—XVII вв.: отъ фрязь, поля*ц*ь; во 2-й Новгородской лѣт. по сп. XVII в.: со всѣми священни*ц*ы 93, священі*ц*ѣмъ 99, дат., даже: послѣ вели*ц*а дни 65. Послѣднія формы и сходныя съ ними, встрѣчающіяся въ произведеніяхъ московскихъ грамотеевъ XVI—XVII вв., кажутся намъ искусственными и книжными, никогда не бывшими въ живомъ употребленіи. Къ числу новыхъ явленій принадлежатъ также и слѣдующія образованія.

Дательный и мѣстный пад. на **кѣ** *и т. п.* Слова, имѣющія передъ гласнымъ основы (передъ *о* или *а*) гортанный согласный, въ нѣкоторыхъ падежахъ: въ мѣстн. ед. и мн. муж. и средн. р., въ дат. и мѣстн. ед. женск. р. (а также въ им.-вин. дв. женск. и средн. р.), еще въ обще-славянскій періодъ измѣнили этотъ гортанный въ соотвѣтствующій свистящій или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, зубной: въл*ц*ѣ, въл*ц*ѣхъ, ръ*ц*ѣ, жень*ст*ѣ. Но всѣ прочія падежныя формы подобныхъ словъ сохранили свой гортанный, и ихъ вліяніе на падежныя формы съ свистящимъ или зубнымъ повело къ тому, что въ этихъ послѣднихъ гортанный появился вновь, заступивъ мѣсто свистящаго или зубного. Такимъ образомъ вліяніе формъ вълкъ и т. д. вызвало замѣну формъ вълцѣ, вълцѣхъ формами вълкѣ, вълкѣхъ. Формы дат. и мѣстн. п. съ гортаннымъ встрѣчаются уже въ старшихъ памятникахъ русскаго письма. Святославовъ Сборникъ 1073 г. имѣетъ: въ чловѣчьскѣи души 132, золобѣ женьскѣ 174 об.; Святославовъ Сборникъ 1076 г.: въ добротѣ женьскѣи 175, зълобѣ женьскѣ 180 об.; Минея 1096 г.: рабу своѥму Дъмъкѣ, запись; Слова Григорія Богослова XI в.: воскѣ 188 об.; Златоструй XII в.: по царьскѣи заповѣди; Лѣствица XII в. Рум. Муз. № 198: дъскѣ 176 об.; Житіе Өеодосія Печ. по сп. XII в.: въ чьрньчьскѣмь житии 16 об., въ селѣ манастырьскѣ 25 об.; Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII в.: въ княжении пиньскѣ 1, Смолиньскѣ 7, въ русьскѣи сторонѣ 7 об.,—земли 9 об., въ русьскѣ земли 8; Выголексинскій сборникъ XII—XIII в.: о прельсти хрьстияньскѣи, о Студийскѣмь манастыри; договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г.: у Смольнѣскь (къ=кѣ); Кормчая ок. 1282 г.: въ Изборьскѣ 573 об.; духовная новгородца Климента: на Борькѣ, и т. п. Памятники XIV в., по преимуществу сѣверно-русскіе, имѣютъ гортанные вмѣсто свистящихъ и зубного уже нерѣдко (между прочимъ, Тактиконъ 1397 г.: о праздникѣхъ 24; Новгородская лѣт.: въ плътьникихъ 117). Мало-по-малу формы съ гортанными настолько распространились, что въ той или другой мѣрѣ вытѣснили древнія формы. Послѣднія в прочемъ существовали довольно долго и совсѣмъ исчезли въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ и въ части говоровъ южно-великорусскихъ (въ московскомъ и ближайшихъ) только въ XVII в. (духовная в. кн. Ивана Ивановича: въ Боровьсцѣ; моложская грамота 1536 г.: въ лузѣхъ, Ак. Өед.-Чех. I, 54; московск.

грамота 1539 г.: на дорозѣ, Ак. Арх. Э. I, 164; Домострой: въ пирозѣхъ; Уложеніе ц. Алексѣя Мих. 1649 г.: во дьяцѣхъ, въ послусѣхъ и т. п.). Изъ нихъ формы ед. ч. еще сохраняются и въ сильно-а́кающихъ южно-великорусскихъ, и въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ: въ руцѣ—въ руці, при дорозѣ — при дорозі, на версѣ и т. п. (рядомъ: на рѣчкѣ, на річкі).

Дательный-мѣстный и творительный пад. ед. ч. на **оей** *и. т. п.* Формы род. п. ед. женск. р. членныхъ прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій нѣкогда оканчивались у насъ на *оѣ*, *еѣ*: доброѣ, синеѣ, тоѣ. Когда въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ въ нѣкоторой части этихъ формъ исчезъ конечный *ѣ* и такимъ образомъ получились формы доброй, синей, той,—эти послѣднія оказали вліяніе на формы, сохранившія свой *ѣ*, и передали имъ свой конечный *j*, такъ что образовались новыя формы род. ед. доброей, синеей, тоей. Звуковая близость окончаній *оей*, *еей* съ окончаніями дат.-мѣстн. *ой*, *ей* и твор. ед. *ою*, *ею* повела къ тому, что формы въ родѣ доброей получили значеніе не только род., но также и дат.-мѣстн.-твор. ед. женск. р. Далѣе, въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ формы род.-дат.-мѣстн.-твор. женск. р. въ родѣ доброей оказали вліяніе на формы мѣстн. ед. муж.-средн. р., которое имѣло своимъ результатомъ образованіе формъ мѣстн. ед. муж.-средн. р. на *оемъ*, *еемъ*, въ родѣ доброемъ.

Формы на *оей*, *оемъ* и т. п. мало извѣстны по памятникамъ. Мы можемъ указать только на новгородскій Тактиконъ 1397 г.: въ всякоемъ безъпристрастии 23; на полоцкую грамоту 1405 г.: (въ) всякоимъ дѣлѣ; на Литовскую лѣтопись: на княженiи на литовскоимъ, и на верхотурскій документъ 1663 г.: съ тоей деревни.

Современные великорусскіе говоры (кромѣ сильно-а́кающихъ) знаютъ въ обычномъ употребленіи только формы мѣстоименія *тъ*: московск. въ тоёй, съ тоёй, въ тоёмъ; формы прилагательныхъ весьма часто употребляются въ пѣсняхъ (особенно въ былинахъ): по той дорогѣ прямоѣжжеей, во славноемъ городѣ во Кіевѣ и т. п.; въ современныхъ великорусскихъ сильно-а́кающихъ и бѣлорусскихъ говорахъ формы женск. р. въ родѣ тэй, роднэй (со стяженіемъ *ое* въ *э*) имѣютъ болѣе или менѣе значительное распространеніе (см. стр. 101). Сверхъ того, нѣкоторые бѣлорусскіе говоры знаютъ мѣстоименныя формы женск. р. тоей и тоёй, одноей и одноёй съ

значеніемъ род.-дат.-мѣстн. п., и формы *тоею* и т. п. съ значеніемъ твор. п.

Сходныя малорусскія формы: род. ед. женск. р. *тоеі*, твор. *тоею* и т. п. (имен. ед. муж. р. *той*), извѣстныя по памятникамъ съ XVI в., кажется, имѣютъ съ великорусскими и бѣлорусскими формами только случайное сходство и образовались подъ вліяніемъ формъ въ родѣ *моеі*, *моею* (имен. ед. муж. р. **мо̄й*). Употребляющіяся рядомъ съ ними формы род. *тіеі*, *тоеі*, твор. *тіею*, *тиею* заимствовали свои *і* и *и*, по всей вѣроятности, изъ формъ дат.-мѣстн. *тій*, твор. *тимъ* и друг.

Именительный единств. ч. на ы. Эту форму имѣли немногія слова женск. р., въ родѣ *цьрькы*, *свекры*, и она стояла особнякомъ среди формъ имен. ед. женск. р. Отсюда измѣненія этой формы въ разныхъ направленіяхъ. Древніе памятники имѣютъ (рядомъ съ этою формою) еще другую, образовавшуюся изъ нея подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей: церк*ви* (въ Рязанской Кормчей 1284 г., во многихъ спискахъ Ев. XIV в., въ Лаврентьевск. сп. лѣт., въ Лютеранск. Катихизисѣ 1562 г. и др.), смок*ви* (въ Ев. 1393 г.). Форма на *ви*, теперь уже не существующая, рано получила болѣе обычное для имен. ед. женск. р. окончаніе *а*: смокв*а*, тыкв*а*, букв*а*, церкв*а*, свекров*а*, малор. брова́, что повело къ утратѣ этими словами ихъ древнихъ формъ (по склоненію основъ на *ъв*) и къ замѣнѣ ихъ новыми по образцу формъ основъ на *а*: род. смок*вы*, вин. смок*ву* и т. д. (церк*вы*, им. мн., въ Рязанск. Кормчей 1284 г. 224 об.; вин.-мн. въ Пандектахъ 1296 г. 68). Сверхъ того, нѣсколько формъ им. ед. на *ы* довольно рано приняли на мѣсто *ы* окончаніе *а*: редьк*а*, азбук*а* (срв. въ Степенной книгѣ по печатн. изд.: начало рускія азбук*вы*, азбук*овъ* своихъ I, 50, 51). Одна изъ формъ им. ед. на *ы*—свекр*ы*—сохраняется еще въ южно-великорусскихъ говорахъ, съ значеніемъ всѣхъ падежей единств. ч.: у свекр*ы*, къ свекр*ы* и т. д. (срв. выше, стр. 193).

Для исторіи формъ на *ы* слѣдуетъ обратить вниманіе на употребленіе формы на *ы* съ значеніемъ им. мн.: исякнуть люб*ы* многихъ, Ев. 1358 г., 160 об.; еда объемлютъ отъ триула смок*ы*, Ев. 1357 г. 161 об. (здѣсь еще: рцы церк*и*, дат., о церк*ы*, мѣстн., 25).

Именительный единств. ч. на *и*. Нѣкоторое количество существительныхъ, по большей части женск. р., имѣло въ древности форму имен. ед. съ окончаніемъ *и*: сѫди*и*, пустын*и*, больш*и* (сравн. степ.),

бывъши (прич.) и т. п.; прочія падежныя формы были по окончаніямъ тожественны съ соотвѣтствующими формами мягкихъ основъ на *а*. Это повело къ образованію, рядомъ съ древними формами имен. ед. на *и*,—новыхъ формъ того же пад. на *а*, которыя мы находимъ уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ: Остромирово Ев.: яко же мъл'ния исходить 145 об.; Святославовъ Сборникъ 1076 г.: судия неправьдныи 228 об.; Минея 1095 г.: мълния 171, млъния 207; Архангельское Ев.: млънья 121 об.; Добрилово Ев. 1164 г.: судья; Житіе Өеодосія Печ. по сп. XII в.: братия ту сущая 11 об.; Житіе Нифонта 1219 г.: лания 79 (=ц.-слав. алнии); смоленская грам. ок. 1230 г.: судья; Ев. 1270 г.: церкы святящая злато 46, мълния 47 об.; Кормчая ок. 1282 г.: судья 587, риза бывшя на Христѣ 610 об.; Прологъ 1356 г.: удари ѥго бѣснующаяся 74 об.; Ев. 1358 г. 39 об., Ев. до 1362 г. 30 об., Мстижское Ев. XIV в. 31: душа болша ѥсть пища; Лаврентьевск. сп. лѣт.: молонья 144. Формы им. ед. на *и* сохраняются довольно долго; мы находимъ формы въ родѣ судии не разъ въ памятникахъ XIV в. (въ новгородск. Апостолѣ 1391 г.: судьи 167 и др.; въ новгородск. Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 10: молоньи 58; въ Погодинск. Прологѣ XIV в. № 59: Оксинии 264, и т. п.), а формы въ родѣ пустыни обычны не только въ памятникахъ XIV в. (духовная в. кн. Ивана Ивановича: княгини Ульяна, Мѣзыни, мѣстн. названіе; духовная Дмитрія Донскаго: моя княгини), но даже въ московскихъ текстахъ XVII в.: у Котошихина: боярыни честная 14 (рядомъ съ новыми формами на *а*; Домострой: государыня, рабыня), и въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ: княгини, сударыни.

Кромѣ существительныхъ на *ии* женск. р., древне-русскій языкъ имѣлъ съ тѣмъ же окончаніемъ рядъ существительныхъ муж. р., почти исключительно заимствованныхъ. Это были — 1) церковно-славянскія по происхожденію слова въ родѣ кърьмчии, склонявшіяся въ церковно-славянскомъ языкѣ одинаково съ сѫдии, и 2) греческія по происхожденію собственныя имена въ родѣ Паисии, склонявшіяся въ церковно-славянскомъ языкѣ по образцу мягкихъ основъ на *о*. Первыя изъ этихъ существительныхъ нѣкоторое время сохраняли церковно-славянскія формы (въ Чудесахъ Николая Чудотв. по Хлудовск. сп. XIV в. № 25 мы читаемъ: кърмьчия радовашеся 4 об.), но потомъ, вслѣдствіе совпаденія ихъ окончанія имен. ед. съ окон-

чаніемъ того же падежа членныхъ прилагательныхъ,—перешли въ склоненіе этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ получились современные формы кормч*ій*, — *его*, — *ему* и т. д. (но книгоч*éй*,—*éя* и т. д.=ц.-слав. кънигъч*ии*, — *иꙗ* и т. д.). Вторыя, сохраняя свое церковно-славянское склоненіе: Паис*ии*, —*ия*, —*ию* и т. д., стали склоняться также по образцу суд*ии*, какъ слова съ мягкою основою на *а*. Мы читаемъ въ Житіи Епифанія Кипрск. XII в.: вълѣзе Енори*я* 82 (=Онорій); въ грамотѣ рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г.: далъ . . . своего человѣка Прокопию; Новгородская лѣт.: съ Прокопь*ею* (рядомъ: Рагуилу Прокопи*ги*ница, вин.); новгородская грамота въ Ригу 1418—1420 г.: на его брата на Ортимью, съ Ортимь*ею*; двинския грамоты; XIV—XV в.: Нозарь*я* Вониславиць, Ак. Юр. 270; Назарь*я* Ондриевичь, Макарь*я* Семеновичь (Шахматовъ, 139, 144). Сходныя формы (Паис*ѣя*, Гелас*éя*, Левк*ѣя*) обычны въ грамотахъ XV—XVI вв. Формы имен. ед. на *ьи* (не на *ии*, *еи*, слѣдовательно съ указаніемъ на гласное произношеніе конечнаго *и*) обычны въ памятникахъ XIV в.: договоръ Новгорода съ Тверью 1314 г.: Юр*ьи* Калѣка; Прологъ XIV в. № 59: Григор*ьи* папа 297 об.; Лаврентьевск. сп. лѣт.: Юр*ьи* (не разъ); Ипатск. сп. лѣт.: Юр*ьи* (не разъ), Прокоп*ьи* 398; они сохраняются во всемъ русскомъ языкѣ и въ послѣдующія столѣтія. Форма Юр*ьи* вполнѣ употребительна и въ московскихъ грамотахъ XVI и XVII вв., и въ южно-русскихъ документахъ того же времени, въ первыхъ рядомъ съ формами имен. ед. Юрь*я* и Юрь*е* (срв. выше, стр. 192—193).

Нѣсколько существительныхъ женск. р. на *и* замѣнило это свое окончаніе им. ед. взятымъ у словъ съ основой на ъ окончаніемъ ь: пýстынь (рядомъ съ пустыня), теплы́нь. Срв. мать, дочь при мá*ти*, дóч*и*.

Именительный множеств. ч. муж. р. на *а*. Современные великорусскіе говоры имѣютъ нѣкоторое число формъ имен. или имен.-вин. мн. на *а* отъ словъ муж. р.: город*á*, берег*á*, учител*я́*, князь*я́*. Въ однихъ изъ этихъ говоровъ они болѣе распространены, въ другихъ менѣе; языкъ великорусскихъ пѣсенъ и пословицъ, богатый архаизмами, имѣетъ меньше, чѣмъ живая рѣчь. Говоры бѣлорусскіе и малорусскіе не знаютъ (за ничтожными исключеніями) формъ имен. мн. муж. р. на *а*.

Разсматривая великорусскія формы на *а*, мы въ числѣ ихъ на-

ходимъ прежде всего нѣкоторое число древнихъ формъ имен.-вин. множ. отъ словъ, нѣкогда принадлежавшихъ не къ муж., а къ средн. р.: людишк*а*, крестьянишк*а*, погостишк*а* (очень часто въ грамотахъ XVI—XVII вв.), воротичк*а*, кудеречк*а*, плéчик*а*; срв. сынишк*о*, попадьишк*о* и т. п. слова средн. р. (очень часто въ тѣхъ же грамотахъ; см. выше, стр. 184); подобныя уменьшительныя на *а* не чужды малорусскимъ говорамъ: галицк. дверейк*а* (отъ дверь), дзвононьк*а* (отъ дзвінъ) и др. Къ этимъ формамъ можно присоединить формы облак*а*, колокол*а*, при формахъ имен. ед. óблак*о*, кóлокол*о* (рядомъ съ облакъ, колоколъ); изъ нихъ фóрма колокол*а* не разъ встрѣчается въ московскихъ грамотахъ XVI в.; срв. малор. пинск. им. мн. колокол*а*.

Затѣмъ мы находимъ нѣкоторое число также древнихъ формъ имен.-вин. дв. отъ словъ означающихъ парные предметы; это—формы *берегá*, *бокá*, *глазá*, *рога*, *рукавá*, *края́*. Утративъ (какъ и формы дв. ч. *очи*, *уши*, *плечи*, *колѣнѣ*, *крылѣ*) значеніе дв. ч., они стали употребляться въ значеніи множ. ч. рядомъ съ древними формами множ. ч. *берези—берези*, *боци — боки* и т. д. и мало-по-малу, вполнѣ или отчасти, вытѣснили послѣднія. Въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в. мы читаемъ: имяше рог*а* подобна агньцу 154 об.; въ Амартолѣ XIV в.: овенъ и юму рог*а* высок*а* 170; въ Козмѣ Индикопловѣ по сп. XVI в.: движатся рог*а* . ., и неподвижна обрящетася (по изд. Общ. др. письм. 226); въ Пчелѣ по сп. нач. XV в.: вѣс*а* праведная (по изд. Семенова 47), въ значеніи нашего вѣс*ы*, онежск. вѣс*á*. Подобныя формы на *а* встрѣчаются также въ малорусскихъ говорахъ: рукав*а*, ус*а*.

Затѣмъ мы находимъ значительное число древнихъ формъ имен. ед. отъ основъ женск. р. съ собирательнымъ значеніемъ.

Древніе памятники имѣютъ названія народовъ *свея* (Новгородск. лѣт.), *латина* (Лаврентьевск. сп. лѣт.), *срачина—сорочина* (1-я Новгородск. лѣт. по сп. XV в.), *жидова* (зап.-русск. Страсти Господни по сп. XV в., изд. Общ. др. письм.) и склоняютъ ихъ какъ слова ед. ч. женск. р.: попрода латин*у* (Лаврентьевск. сп. лѣт. 348), нечист*ую* жидов*у* (Четья 1489 г. 205 об.). По всей вѣроятности, старыя формы *крестьяна*, *бояра* и т. д. нѣкогда были формами ед. ч. женск. р.; то же, кажется, можно сказать о современныхъ сѣверновеликорусск. формахъ *сватовá*, *сыновá*.

Въ древнихъ памятникахъ слово *господа* склоняется какъ жен*а*. Въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г. мы читаемъ: аже закупъ бѣжить отъ господ*ы* 12; въ новгородской грамотѣ 1270 г.: холопъ почнеть вадити на господ*у*; въ Новгородской лѣт.: кланяемся вамъ господ*ѣ* своеи; въ Прологѣ 1383 г.: да не обидять раби господ*ы* своѥя 81; въ Амартолѣ XIV в.: клеветати на господ*у*, противитися господ*ѣ* своѥи 143; въ Ипатск. сп. лѣт.: предати господ*у* свою 481; въ духовной кіевскаго князя Андрея Владимировича 1446 г.: при томь былъ архимандритъ и иныхъ господ*ы* нашее старцевъ много; въ грамотѣ ок. 1459 г.: своей господ*ѣ* великимъ княземъ, Ак. Арх. Э. I, 65; у Скорины: прошу васъ господ*о* моя, Бытіе 33. Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ *господа* склоняется какъ существительное женск. р. ед. ч. Въ сербскомъ языкѣ слово *господа* сохраняетъ до сихъ поръ свое старое значеніе собирательное и старое склоненіе; старо-чешскій языкъ знаетъ его какъ слово ед. ч.: (Іуда) svú hospod*u* směv prodati (Святовитск. сборн. 175).

Церковно-славянскій языкъ имѣетъ собирательное *стража* (перешедшее изъ него въ русскій языкъ); Чудовской Новый Завѣтъ употребляетъ его съ удареніемъ на окончаніи: страж*а́*, вин. страж*ю́*, дат. страж*и́*. Современный русскій языкъ имѣетъ собирательное сторо́ж*а*; въ старомъ языкѣ оно должно было употребляться также съ удареніемъ на окончаніи: сторож*а́* и т. д. Срв. польск. stróża.

Въ древнихъ памятникахъ находится нѣсколько собирательныхъ съ окончаніемъ *ья*: *княжья* (откуда *князья*; стр. 146), *братья*, *зятья*, *шурья*, *дядья*, *холопья*. Мы читаемъ въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: отъ всякоя княж*ья* 47, со всею княз*ьею* 376, 379; въ Троицкомъ сп. лѣт. XIV в.: прислалася словѣньская княжья просяще (Лѣтоп. по Лавр. сп. 26); въ Новгородской лѣт.: вся княжья руськая, позванъ полотьскою княж*ьею* 100; въ Ипатск. сп. лѣт.: не обрѣтоша княжь*и* своея 214; срв. старо-чешск. kněžie (священники; = княжья): snidu sě vyšehrazská kněžie (Hradecký Rukopis, 9), соврем. польск. księża, словацк. kňažia (священники, им. мн.); въ духовной в. кн. Ив. Ивановича: кого ми дасть Богъ зять*ю* по чепи имъ золотѣ; въ московской грамотѣ 1456 г.: княгини Софьи и ее дѣтей и зять*и*, Ак. Арх. Э. I, 44; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: у шюрь*и* своея 452; въ новгородской грамотѣ нач. XV в.: приказываю шурь*и* своей Ивану и Василью, Ак. Юр. 430; въ двинской грамотѣ XV в.: с шурі*ею* своею, Ак. Калач. I,

440; въ актѣ 1625 г.: въ шурь*ѣ* своее мѣсто; въ грамотѣ 1584 г.: съ дядь*ею*, и др. Слово *братья* встрѣчается въ памятникахъ въ формахъ ед. ч. очень часто: Житіе Θеодосія Печ. по сп. XII в.: бысть съмятение въ трьхъ кънязьхъ брати*и* сущемъ по пльти 32 об.; Поученіе Владимира Мономаха: отъ братья моея, чти молодыя яко брать*ю*; Лаврентьевскій сп. лѣт.: еже ся створи въ насъ въ братьи. Оно употребляется теперь въ ед. ч. въ значеніи монастырскаго братства. Сверхъ приведенныхъ словъ, нѣкогда должны были существовать собирательныя ед. ч. *дружья* (и *друзья*), *сватья* (современн. малорусск. холмск. *сватя*), *казачья* (Кирша Даниловъ: казачья вольная пріѣхали); срв. собирательныя ед. ч. ц.-слав. *братья*, *рабия* (рабы), ст.-чешск. panie (Святовитск. сборн. 153), стр.-польск. święcia (святые), biskupia (епископы), соврем. польск. svacia; санскритск. gavjā (коровы), греч. ἀνθρακιά (отъ ἄνθραξ), σποδιά (отъ σποδός), μυρμηκιά, νεοττιά и т. п.

Собирательныя на *ье* нѣкогда склонялись только въ ед. ч., какъ *поле*. Въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт., напримѣръ, мы находимъ различныя падежныя формы ед. ч. отъ собирательныхъ *столпье* (огородиша столпе*емъ*, со столпья), *деревье* (по деревью извѣшати), *колье* (городъ съ коль*емъ*), *трупье* (в ысподи трупья). Формы ихъ множ. ч. встрѣчаются въ древнѣйшихъ памятникахъ чрезвычайно рѣдко и, вѣроятно, порешли въ нихъ изъ церк.-слав. оригиналовъ: Галицкое Ев. 1144 г.; другая падоша на камень*ихъ* 27 об.; Патерикъ Синайскій XII в.: быша камения въврьжена 8 об.; Ряз. Кормчая 1284 г.: въ дрѣвѣхъ и въ камень*ихъ* 358 об. (срв. въ церк.-слав. Маріинскомъ Ев.: на камене*ихъ*). Многія изъ этихъ словъ сохранили еще и теперь старое склоненіе: *тряпьё*, *дубьё*, *вороньё* и т. п.; относительно сѣв.-великор. и бѣлор. *сыновьё*, *сватовьё* можно догадываться, что они еще недавно склонялись какъ слова ед. ч. (срв. *сноповье* въ Ипатск. сп. лѣт. 584).

Собирательныя ед. ч., главнымъ образомъ муж. и женск. р., въ древности нерѣдко (но не всегда) имѣли при себѣ глаголъ и опредѣленіе множ. ч. Въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII в.: приобрѣт*оша* братия 2; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: по *сихъ* братьи (=въ Ипатск. сп.: по *сеи*—), отвѣщавше дружина рек*оша*, собра*шася* дружина, гдѣ *суть* дружина наша *ихъ* же послахомъ по тя, братья наша исѣчена *суть*, приѣх*аша* ростовьская земля и т. п.;

въ Ипатскомъ сп. лѣт.: дружинѣ не вѣдущ*имъ* его; въ Посланіи м. Никифора къ Владиміру Мономаху: отвръжен*и* бы*ша* латина; въ Уставѣ Студійскомъ XII в.: съходитися сам*ѣмъ* братии въ келия 221; въ Словѣ о полку игоревѣ: храбрая дружина рыка*ютъ*; въ Прологѣ 1262 г.: прид*оша* срацина воѥвать 78 об.; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ: сущ*ии* со мною вс*и* братья; въ Служебникѣ преп. Сергія XIV в.: готовающ*ихъ*ся братьи наш*ихъ* 80 об.; срв. современн. бѣлорусск. собрал*ися* ус*и* сыновьё и т. п. Тожественное согласованіе собирательныхъ мы находимъ въ церковно-славянскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ; такъ, въ Супрасльской рукописи: народъ поидош*ѧ* на нь, сто*ѧ*щ*иимъ* народу; въ Остромировомъ Ев.: народъ сто*ѧ* и слышавъ глаголаах*ѫ*.

Вслѣдствіе такого употребленія, формы имен. ед. нѣкоторыхъ собирательныхъ женск. р. получили значеніе формъ множеств. числа; т. е. формы имен. ед. *латина, господа* сдѣлались формами имен. множ. къ имен. ед. *латининъ, господинъ*; формы *братья, зятья, дядья, друзья* (или—какъ сохранилось въ разныхъ великорусскихъ говорахъ—*дружья́*)—формами имен. множ. къ имен. ед. *братъ, зять, дядя, другъ*. Равнымъ образомъ формы имен. ед. нѣкоторыхъ словъ средн. р., предварительно принявшія окончаніе *я* вмѣсто *е*: каме́нья, ко́лья, сватовья́ и т. п., сдѣлались формами имен. множ. ч. муж. р. къ имен. ед. *каменъ, колъ, сватъ*. Подобныя формы встрѣчаются въ памятникахъ XIV в.; такъ, въ Ев. 1358 г. мы читаемъ: аще будуть струпья (=трупья) 161; въ Паремейникѣ 1378 г.: коренья праведникъ не отъимутся 50.

Новыя формы имен. множ. ч. на *а*: бок*а*, латин*а*, господ*а*, братья, каменья и т. п., вызвали образованіе цѣлаго ряда новыхъ формъ имен. (или имен.-вин.) множ. на *а* съ предыдущимъ или твердымъ, или мягкимъ согласнымъ, или *j*; такъ, по образцу бок*а*, господ*а*, образовались формы имен. мн. город*а́*, таган*а́*, лѣс*а́* (Лѣтопись Аврамки 1495 г.: город*а* поимаша нѣмѣчкія 159; Домострой XVI в.: котлы и горшки... таган*а* и рѣшотки 125; Уложеніе ц. Алексѣя Михайловича 1649 г.: тѣ лѣс*а*), погреб*а*, дом*а́*, гроб*а́*, писар*я́* и т. п. (въ говорахъ даже лошад*я́*, подат*я́*, вещ*а́* и др. женск. р.); по образцу новыхъ формъ множ. ч. братья, деревья, сватовья явились формы полѣнья, сту́лья, пенья, му́жевья́, дядевья́, кумовья́ и т. п. (московская грамота 1626 г.: дядевья, Ак. Юр. 280, и т. п.). Сверхъ того, нѣкоторыя

изъ старыхъ формъ имен. множ. на *е*, благодаря вліянію новыхъ формъ имен. множ. на *а*, стали оканчиваться также на *а* съ предыдущимъ мягкимъ согласнымъ: древя*нья* (Лаврентьевскій сп. лѣт. 11), поѣзжан*я*, дворян*я*, татаров*я* (въ московскихъ грамотахъ XVI и XVII вв. и у Котошихина). Любопытно, что одна такая форма находится въ *галицко-волынскомъ* Житіи Саввы XIII в.: новолавря*ня* отлучишася 131 об. (можетъ быть, описка?).

Новыя формы им. мн., естественно, повели къ образованію значительнаго количества новыхъ формъ косвенныхъ падежей того же числа, вполнѣ или отчасти вытѣснившихъ собою старыя. Какъ скоро, напримѣръ, мѣсто формы имен. мн. господ*ие* было занято формою господ*а*, немедленно образовались новыя формы род. мн. господъ, дат. господ*амъ*, твор. господ*ами*, которыя быстро вытѣснили старыя формы господ*ей*, господ*емъ*, господ*ьми*; форма князь*я*, сдѣлавшись формою имен. мн. и занявъ мѣсто старой формы княз*и*, повела къ образованію новыхъ формъ князь*евъ* (сѣв.-великор.), князь*ямъ* и т. д., которыя вытѣснили старыя формы князь, княз*ямъ*. Количество подобныхъ формъ косвенныхъ падежей довольно значительно; къ нимъ принадлежатъ, между прочими, формы брат*ьевъ*, сынов*ей*, сыно*вьямъ*, полѣн*ьевъ*, полѣн*ьямъ* и др.

Время появленія этихъ новыхъ формъ относительно позднее. Мы читаемъ въ Рязанск. Кормчей 1284 г.: къ латин*амъ* 36, но этотъ памятникъ — списокъ съ средне-болгарскаго оригинала; въ Тактиконѣ 1397 г.: брать*ямъ*, брать*ями*, брать*яхъ* (часто; и этотъ памятникъ списанъ съ средне-болгарскаго оригинала); но новыя формы въ Словѣ Палладія Мниха (сб. Ундольскаго XIV — XV в. № 558): къ брать*ямъ* своимъ 9 об., и въ Ипатскомъ сп. лѣт.: съ шюрь*ями* своими 224, принадлежатъ несомнѣнно русскому языку. Въ московскихъ памятникахъ XVII в. новыя формы уже обычны, и напримѣръ, въ Уложеніи ц. Алексѣя Махайловича 1649 г. мы находимъ: брать*ямъ*, дядь*ями*, сынов*ьями* и т. п., не разъ.

Измѣненія въ склоненіи числительныхъ. Кромѣ замѣны древнихъ формъ род. *дву*, дат.-твор. *двѣма* новыми формами дву*хъ*, дву*мъ*, дву*мя*, дву*ми* и кромѣ образованія новыхъ формъ косвенныхъ падежей великорусск. твор. тре*мя*, четырь*мя* (по образцу дву*мя*), малор. род. пят*ёхъ*, десят*ёхъ*, дат. пят*ёмъ*, десят*ёмъ*, твор. пять*ма*, десять*ма* и т. п., склоненіе именъ числительныхъ потерпѣло значительныя измѣненія.

Сложныя числительныя количественныя, въ родѣ *одинъ на десять*, *пять на десять*, *пять десятъ*, *шесть десятъ*, въ древнюю эпоху склонялись такъ, что только первая ихъ часть измѣнялась по падежамъ: Святославовъ Сборн. 1073 г.: съборъ святыихъ съта и шест*и* десятъ и пяти отьць; Житіе Ѳеодосія Печ. по сп. XII в.: бѣ уже съвъкупилося братия до пят*и* на десяте; Лаврентьевскій сп. лѣт.: сем*ью* десятъ жерелъ, по сем*и* десятъ женъ, и т. п. Но съ теченіемъ времени обѣ части числительныхъ въ родѣ *одинъ на десять*, слились одна съ другою настолько тѣсно, что образовали одно цѣлое, которое стало склоняться какъ *десять*, измѣняя или одну вторую часть, или и первую часть, и вторую: гал.-волынск. Поликарпово Ев. 1307 г., новгородск. Ев. до 1362 г., псковское Лукино Ев. 1409 г.: двѣ*ма* на десять*ма*; Ев. 1393 г.: двѣ*ма* на 10-*ма* 104; московская грамота 1621 г.: по девят*и*надцат*и* алтынъ, Ак. Арх. Э. III, 169; грамота 1637 г.: въ тре*хъ*надцат*и* семьяхъ, Ак. Арх. Э. III, 420; у Котошихина: будутъ лѣтъ пят*и*надцат*и* или сем*и*надцат*и*, и др. Точно также и въ числительныхъ въ родѣ *пять десятъ* вторая часть отожествилась съ *десять* и, подобно первой части, стала правильно измѣняться по падежамъ: пят*и* десят*и*, пят*ью* десят*ью* и т. п.

Сложныя числительныя *два десяти*, *три десяте*, *четыре десяте*, въ древности склонявшіяся въ обѣихъ частяхъ въ двойств. или множ. ч., замѣнили формы десят*и* и десяте формою ед. ч. десятъ, послѣдовали за числительными въ родѣ *пять десятъ* и стали склоняться какъ эти послѣднія, измѣняя или обѣ части, или одну первую, или одну вторую часть: Архангельское Ев. 1092 г.: възвратишася седмь десятъ 134, до осми десятъ 157; Паремейникъ 1271 г.: поидоста оба и три десятъ мужь 12 об., ковьчегъ тридесят*и* лакътъ 72; Рязанская Кормчая 1284 г.: по трехъ десятъ лѣтѣхъ 293; Ев. 1354 г.: треми десятъ 67 об.; Ев. 1357 г.: два десятъ и пять стадии 8, обѣ яко трии десятъ лѣтъ 64 об.; Ев. 1358 г.: взврати три десятъ сребреникъ 185, четырьдесят*ью* шестью лѣтъ 5 об.; Ев. до 1362 г.: три десятъ 35 об., 151 об.; Ев. 1399 г.: два десятъ и пять стадии 2 об.; Чудовской Новый Завѣтъ XIV в.: тридьсят*и* и пяти лѣтъ 95 об., боле четырьдесят*и* 75 об., 76; гал.-волынск. Луцкое Ев. XIV в.: не оставить ли девяти десят*і* и девяти 45.

Въ современномъ русскомъ языкѣ сложныя числительныя *один-*

надцать, двѣнадцать или (по-бѣлорусски и по-малорусски) *дванадцать* и т. д., *двадцать, тридцать* не измѣняются по родамъ и склоняются какъ *десять*, а сложныя числительныя *пятьдесятъ, шестьдесятъ* и т. д. склоняются въ обѣихъ частяхъ, во второй—такъ же, какъ *десять*.

Числительное *сто*, обыкновенно сохраняющее древнее склоненіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ превратилось въ несклоняемое слово: великор. о сто человѣкахъ, малор. сто хлопами (срв. въ гал.-волынск. Поликарповомъ Ев. 1307 г.: три сто 143; въ кіевскомъ Ев. 1411 г.: о сто овець 147 об.; въ южно-русск. Пересопницкомъ Ев. XVI в.: о сто овець). Въ другихъ случаяхъ употребленіе его формъ бываетъ болѣе или менѣе неправильно: Познанскій сборникъ XVI в.: надъ сту витезми; великор. грамота 1588 г.: сту саженми (твор.), Ак. Арх. Э. I, 412.

Нѣчто сходное произошло съ тѣми числительными количественными, которыя вошли въ составъ сложныхъ числительныхъ порядковыхъ и въ настоящее время употребляются только въ имен. ед. ч. Въ древности на мѣстѣ этихъ числительныхъ количественныхъ обыкновенно были числительныя порядковыя, имѣвшія правильныя формы склоненія: въ четвьрьтодесятьноѥ и второѥ лѣто (Святослав. Сборникъ 1073 г. 250); шестьдесятьныя и шестыя олѵмпиады (род. ед.; Кириллъ Іерусалимскій XII в. 122 об.); въ тридесятьноѥ и шестоѥ лѣто (Апостолъ 1220 г. 7); въ четвертѣмь и осмьдесятнѣмь правилѣ (Ряз. Кормчая 1284 г. 66 об.); лѣта тисячного трисотного осмдесятого третего (зап.-русск. грам. 1383 г.); въ лѣто двѣсотное и третее (зап.-русск. Четья 1489 г.); шестисотого и первого лѣта (Скорина, Бытіе, 19 об.). Съ теченіемъ времени, такъ какъ на мѣстѣ числительныхъ порядковыхъ могли иногда находиться числительныя количественныя въ род. пад.: подъ лѣтомь божія нароженья тисячего триисотъ шистьцятого шестого (галицкая купчая 1366 г.); въ лѣто 3-ѥ тысущи въ 700-ѥ и 70-ноѥ 1-ѥ (Палея 1406 г. 58 об.), въ лѣто семоѥ тысящѣ (гал.-вол. Ефремъ Сиринъ 1492 г.), в лѣто осмое тисяшчи двадцать первого году (зап.-русск. грамота 1513 г.);— то вмѣсто порядковыхъ числительныхъ стали являться количественныя, и уже не въ род., а въ имен. п.; такъ, мы читаемъ: в лѣто 6000-ное 9-сотъ 6-е (Уставъ церк. 1398 г., зап.); лѣта шестьтысячного девятьсотъ пятьдесятъ первого (зап.-русск. грам. 1443 г.);

лѣто шестьтысячное девятьсотное семдесятъ седмое (зап.-русск. грам. 1468 г.); року тысяча и чотыриста и деветьдесятого второго (зап.-русск. грам. 1492 г.). Въ настоящее время въ сложныхъ порядковыхъ числительныхъ только одна послѣдняя часть есть дѣйствительно порядковое числительное, которое измѣняется по родамъ и падежамъ, а остальныя части являются постоянно въ видѣ числительныхъ количественныхъ, остающихся неизмѣнно въ формѣ им. ед.: двадцат первый,—перваго,—первому и т. д.

Потеря склоненія. Нечленныя склоняемыя причастія настоящ. и прошедш. врем. дѣйствит. зал. и нечленныя формы прилагательныхъ сравнительной степени съ теченіемъ времени утратили способность измѣняться по родамъ, числамъ и падежамъ и лишились большей части своихъ падежныхъ формъ.

Причастія стали употребляться неправильно, не согласуясь съ именами въ родѣ, числѣ и падежѣ, довольно рано. Мы читаемъ въ Святослав. Сборникѣ 1073 г.: повелѣ мнѣ прѣмѣну сътворити рѣчи, инако набъдяште тождьство разумъ, запись; въ Юрьевскомъ Ев.: подобьни чловѣкомъ чающе господа 123 об.; въ Златоструѣ XII в.: брашьно ѥже ти идущи довълно будетъ 75 об.; въ Житіи Ѳеодосія Печ. по сп. XII в.: оному съповѣдающи ми 8, повелѣ ѥдиному отъ братии... несъше въсыпати 27, помысли вълиявъше въ кан'дила въжещи 28; въ Пантелеймоновомъ Ев. XII в.: яко самому вълѣзъше въ корабль сѣдѣти 67 об.; въ Синайскомъ Патерикѣ XII в.: видѣхъ купѣль наплънену воды и прѣливающися 10, видѣхомъ постьника сльзы изливающи 28 об.; въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: видѣ смоковьницу имущи листвиѥ 127; въ Житіи Нифонта 1219 г.: многашьды ми послушающе молитвы ѥго 22, бѣда ѥму бѣ велика движюще нозѣ 29, се мънѣ правьдьнику повѣдающе 44 об., помоливъшися ѥпископъ старьцю 74, оному въ молитвѣ пребывающе 114, горе инокомъ имущи злато 140 об., исправя чтѣте, запись; въ договорѣ Смоленска съ Ригою 1229 г.: русину не ставити дѣтьского не явивъше старость (ъ=ь) латиньскому; въ Прологѣ 1262 г.: Богъ покаявшеся ниневгитяномъ пощадѣ 25, сыну издавъши нищимъ 99, отъ съгрѣшении прѣставшімъ и въ истину покаявъся 104, ангелу рекше имъ 110, хрьстьяномъ послушающе словесъ, запись; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: ѥже далъ ѥму господинъ плугъ, тъ то погубивъши ѥму платити 18; въ Корм-

чей ок. 1282 г.: жены кланяются тако молв*я* 520; въ Пандектахъ 1296 г.: въ бещестии намъ бывш*е* 27 об., вземш*е* кому древо 31, многомъ хотящимъ и не могущ*е* 53 об., убогому въземъшю и досажающ*е* 81 об.; въ Ев. 1354 г.: не убоитеся убивающихъ тѣло а души не могущ*е* убити 38 об., бысть ему възлежащ*е* в дому 45, купцю іщущ*е* бісера 47 об., яко народу дивитися видящ*и* нѣмыя глаголюща 50 об., Ісусъ отшед*ши* скрыся 157 об.; въ Ев. 1358 в.: (теща симонова) став*ъ* и служаше 86, слышав*ши* Ісусъ чюдися 90 об.; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: иду*чи* ми сѣмо 5 (dat. abs.), забы*въ* молвяхуть 361, Володимеричи лиш*а*ся Рюрика ѣхаша 396, татарове станы своѣ уряди*въ* идоша 439, и друг. Въ большей части приведенныхъ примѣровъ мы видимъ формы имен. ед. и имен. множ. (съ окончаніями древнимъ *е* или новымъ *и*) на мѣстѣ формъ косвенныхъ падежей всѣхъ родовъ и чиселъ и, сверхъ того, формы имен. ед. на мѣстѣ имен. мн. и наоборотъ.

Форма дат. п. причастій была замѣнена формою имен. ед. или множ., между прочимъ, въ оборотѣ дательный самостоятельный. Въ дополненіе къ находящимся выше даннымъ XII—XIV вв. вотъ еще нѣсколько изъ западно-русскихъ памятниковъ XVI в.: Познанскій сборникъ: Бово утекъ деветнадцати стоявш*ы*; Ев. Тяпинскаго: по чонъш*и* ему розмавлятисе привели ему одного, вечеру будуч*и* селъ. Но въ Страстяхъ Господнихъ XV в.: учневе пришли а намъ спя*чимъ* узяли; впрочемъ рядомъ: учнове намъ заснувш*и* украли его. Срв. у Кантемира: *идучи мы* къ дому осмѣлился я (Соч. I, 109).

Въ настоящее время русскій языкъ имѣетъ двѣ падежныя формы причастій—старую форму имен. ед. муж. р.: вид*я*, увидѣв*ъ*, и новую, съ окончаніемъ *и*, форму им. мн. муж. р.: иду*чи*, видѣв*ши*; впрочемъ рядомъ съ послѣднею въ сѣверно-великорусскихъ и малорусскихъ говорахъ встрѣчается форма на *е*: малор. подольск. питаюч*е*, збудивш*е*. Всѣ эти формы употребляются безразлично, всего чаще при именахъ и мѣстоименіяхъ въ имен. п., но иногда также при именахъ и мѣстоименіяхъ въ косвенныхъ падежахъ: поздравляю васъ обручив*шись*, причастив*шись*, не уч*ась* въ попы не ставятъ (=не учащагося), будетъ ее (лошадь) не пив*ши* гнать (=не пившую, Кохановская), видѣли молодца сяду*чи*, не видѣли молодца поѣду*чи*; или внѣ связи съ именами и мѣстоименіями: имѣ*я* это въ виду, суд*я* по всему, можно думать.....; иначе говор*я*, выражаясь точнѣе...., и т. п.

Наши грамматики называютъ эти неизмѣняемыя причастныя формы дѣепричастіями.

Сравнительная степень. Потеря большей части надежныхъ формъ прилагательными сравнительной степени началась не позже XII в.; неправильное (безъ согласованія) употребленіе формъ имен.-вин. ед. средн. р. и имен. мн. муж. р. уже нерѣдко въ памятникахъ XIII и XIV вв.: Златоструй XII в.: не ѥси богатѣѥ Давыда 21; смоленская грам. 1229 г.: аже капь льгче будѣть; Галицкое Ев. ок. 1266 г.: творите ѥго сына огневи двѣгубѣѥ васъ; Ев. 1270 г.: ѥму же вячь*ши* отда 70 об.; Кормчая ок. 1282 г.: не вкусить ѥретикъ тѣла Христова иже невѣрнѣѥ жидовъ и бѣсовъ несмысльнѣѥ 458 об.; Ряз. Кормчая 1284 г.; Пандекты 1296 г.: нѣсть соль бол*е* пославшаго и 38, есть ли кто сильнѣѥ Бога 147; Ев. 1354 г.: колми человѣкъ луч*ши* овьчати 54, луч*ше* бо ти ѥсть внити 54; Ев. 1355 г.: въ кую годину лучь*ши* ѥму бысть 8 об., будуть послѣдняя горш*е* первыихъ 36 об.; Ев. 1357 г.: мнозихъ птиць сул*еи* ѥсте 31, поиметь седмь духъ инѣхъ лютѣи*ши* себе 35, ѥгда кто честнѣѥ тебе будеть званыхъ 94 об.; Ев. 1358 г.: нѣсть ученикъ выш*е* учителя 38 об., кая ѥсть заповѣдь первѣ*и* всѣхъ 131; Лаврентьевск. сп. лѣт.: ты еси старѣ*е* 356; Паремейникъ 1378 г.: премудръ премудрѣѥ будеть 18; духовная Дмитрія Донскаго: будеть бол*е* или мень*ши*; Чудовской Новый Завѣтъ: нѣсть ученикъ бол*е* учителя 29 об., еда ты бол*е* еси отца 42 об., нѣсть рабъ бол*е* господина 49 об.; Апокалипсисъ Рум. Муз. XIV в.: зане ѥсть (Христосъ) честнѣѥ насъ 58 об.

Современный русскій языкъ знаетъ только двѣ формы сравнит. степени—старую имен.-вин. ед. средн. р.: выш*е*, сильнѣ*е*, и старую имен. множ. муж. р.: лучь*ше*, боль*ше*, которыя употребляются безразлично.

Членъ. Вѣроятно, немногимъ извѣстно, что въ русскомъ языкѣ былъ и даже есть членъ. Это—не тотъ членъ *и*, который мы видимъ въ прилагательныхъ членныхъ; это—указательное мѣстоименіе *тъ*, которое въ качествѣ члена употребляется также въ ново-болгарскомъ языкѣ. Членъ *тъ* прежде ставился иногда передъ тѣмъ словомъ, къ которому онъ относился, иногда послѣ этого слова; послѣднее было, кажется, чаще (см. Житіе Ѳеодосія Печ. по сп. XII в.). Первоначально членъ (или еще указательное мѣстоименіе,

изъ котораго онъ развился) вполнѣ правильно измѣнялся по родамъ и числамъ, такъ что въ имен. ед. слова муж. р. имѣли при себѣ членъ *тъ*, слова женск. р.—*та*, слова средн. р.—*то*, въ род.—*того*, въ дат.—*тому* и т. д.: не могуще сняти гривны, и усѣкънуша главу его, и тако сняша гривну *ту*; смердовъ жалуете и ихъ конии, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть смердъ *тотъ* орати лошадью *тою*, и приѣхавъ половчинъ ударить смерда стрѣлою и поиметь лошадь *ту*; два ляха легоста.... и поѣха Ярославъ.... идѣ же ляха *та* ловяшета его; сташа обаполы рѣкы, бьяхуться обои об рѣку, бѣ бо рѣка *та*... (Ипатскій сп. лѣт. 93, 191, 207, 273). Это правильное употребленіе члена въ Московской Руси сохранялось еще въ XVII в.; мы его находимъ и въ сочиненіяхъ протопопа Аввакума: бѣда-*та* на церковь-*ту* пришла, болши тое бездѣлицы-*той* вѣдаю, сынъ онъ дьяволь... надъ просвирою-*тою* молитву батьку-*тому* своему говоритъ передъ переносомъ-*тѣмъ*, которые младенцы-*тѣ* отъ еретиковъ-*тѣхъ* крещены, такъ же бы надобно царя-*тово* Алексѣя постричи (очень часто), и въ Житіи преп. Нила Столобенскаго XVII в.: егда прииде... на островъ-*той* и обшедъ мѣсто острова-*того* и видѣвъ, яко угодно есть мѣсто *то*.... бѣ бо на островѣ-*томъ* гора и лѣсъ, и пришедъ на гору-*ту*...., первие ископа себѣ пещеру въ горѣ-*той* (по сп. Ундольскаго № 345), и въ письмахъ ц. Алексѣя Михайловича къ патр. Никону. Но членъ въ русскомъ языкѣ не получилъ такого развитія, какъ въ ново-болгарскомъ, и съ теченіемъ времени сталъ выходить изъ употребленія, такъ что сохранился въ скудныхъ остаткахъ. Въ современномъ литературномъ языкѣ и въ большей части русскихъ говоровъ онъ сохранилъ только одну форму средн. р. и превратился въ несклоняемую частицу *то*, которая ставится безразлично при формахъ всѣхъ родовъ, чиселъ и падежей и съ которою рядомъ изрѣдка, при имен.-вин. ед. муж. рода, употребляется и правильная форма муж. р.: мосто-*тъ* нашъ каковъ, въ ученьѣ проко-*тъ* не великъ. Московскій простонародный говоръ XVIII в. знаетъ еще форму вин. ед. женск. р. *ту*: надобно быть смѣлу и смѣлость-*ту* дѣлаетъ сивуха (Аблесимовъ). Въ нѣкоторыхъ говорахъ, главнымъ образомъ сѣверно-великорусскихъ, остатки члена сохранились въ большемъ числѣ; такъ, въ шадринскомъ говорѣ (Пермской губ.). мы находимъ склоненіе члена въ такомъ видѣ: мужико-*тъ*, мужика-*то*, мужику-*ту*,

мужикомъ-*то*, о мужикѣ-*то*, мужики-*тѣ*, мужиковъ-*то*, мужикамъ-*то*, мужиками-*тѣ*, о мужикахъ-*ту*; дорога-*та*, дороги-*то*, дорогѣ-*то*, дорогу-*ту*, дорогой-*ту*, дорогѣ-*то*, дороги-*тѣ*, дорогъ-*ту*. дорогамъ-*ту*, дорогами-*тѣ*, о дорогахъ-*ту*. Въ тѣхъ же говорахъ—кажется, исключительно въ пѣсняхъ (въ былинахъ) — мы встрѣчаемъ всѣ формы члена передъ тѣми словами, къ которымъ онъ относится: про *того* Илью про Муромца; сѣлъ на *то* окошечко косящато; безъ бою, безъ драки, безъ *того* кроволитья великого; посадилъ на *ты* на цѣпи на желѣзныи; поѣхалъ во *тое* Подолье лиходѣево, и т. п. (сравни у болгаръ: я си ималъ *тсга* добра коня,—*тия* мѫжка дѣца, извади *туй* остру саблю, пие *тое* ладно вино, и т. п.).

Судьба формъ на *ꙑи* и *ꙑи*, на *ꙑи* и *ии*. Древнѣйшіе русскіе памятники имѣютъ по два окончанія для имен. ед. прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій муж. р. и для род. множ. нѣкоторыхъ именъ всѣхъ родовъ, по преимуществу муж. и женск. р. Одна пара этихъ окончаній—*ꙑи* и *ии*—встрѣчается чрезвычайно часто: им. ед. добр*ꙑи*, син*ии*, род. мн. гост*ии*, кост*ии*; другая пара—*ъи* и *ьи*—, напротивъ того, является лишь въ немногихъ памятникахъ, и то рѣдко; при этомъ окончаніе *ъи*, нерѣдкое въ памятникахъ церковно-славянскихъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ можетъ считаться перешедшимъ въ русскіе тексты изъ ихъ церковно-славянскихъ оригиналовъ. Мы читаемъ въ Минеѣ 1095 г.: мощ*ьи* (род. мн. отъ *мощь*) 172; въ Минеѣ 1096 г.: печал*ьі* 145; въ Пандектахъ Антіоха XI в.: печал*ьи* 32 об., 35, страст*ьи* 39, дън*ьи* 50, рѣч*ьи* 50 об., сласт*ьи* 54 и т. п., ч*ьи* ѥсть образъ 81; въ Галицкомъ Ев. 1144 г.: духъ бож*ьи*, сынъ бож*ьи* 6 об., свѣтъ вел*ьи* 7, не въста бол*ьи* Іоанна 23 и т. п., отъ четырь еваггел*ьи* 1 об., пощься дън*ьи* 40 и нощ*ьи* 6 об., не отъпущяѥте человѣкомъ съгрѣшен*ьи* ихъ 12, стадо свин*ьи* 17 об., люд*ьи* сихъ 28, тр*ьи* съвѣдѣтель 39 об., начяло болѣзн*ьи* 53; въ Синайскомъ Патерикѣ XII в.: въш*ьи* (род. мн. отъ *въшь*) 118 об.; въ Учительн. Ев. Константина Болгарскаго XII в.: вящ*ьи* 7 об., бол*ьи* 22 об. Памятники послѣдующаго времени, XIII—XIV в., сохраняютъ обѣ пары окончаній, изъ которыхъ первая въ нихъ по прежнему господствуетъ, а вторая — передаваемая не только черезъ *ъи* и *ьи*, но и черезъ *ои* и *еи*—встрѣчается сравнительно рѣдко. Мы находимъ *ъи* или *ои* въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: вьсяк*ъи* убивыи насъ 4 об., изиде умьр*ъи* 152 об.; въ Житіи Нифонта

1219 г.: пречист*ъи* тъ дѣтищь 118 об., блажен*ъи* рече 139 об.; въ Апостолѣ 1220 г.: т*ои* же умре 31; въ Тріоди Саввиной до 1226 г.: ветъх*ъи* 138 об.; въ Ев. 1270 г.: т*ъи* исповѣда 2 об.; въ Ряз. Кормчей 1284 г.: котор*ъи* причетникъ 47; въ Пандектахъ Никона Черногорца 1296 г.: т*ъи* человѣкъ 3 об.; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: т*ои* конь (рядомъ: т*ыи* товаръ); въ Ев. 1323 г.: т*ъи* исповѣда 2; въ Ев. 1339 г.: князь велик*ои*, запись; въ Прологѣ 1356 г.: т*ои* же мя всади 91 об., т*ои* же грѣхъ 93 об.; въ Ев. XIV в. Троицк. Л. № 5: никотор*ои* же пророкъ 71 об.; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: вдамъ ти котор*ои* ти городъ любъ; въ Новгородской лѣт.: княжь дѣцк*ои* 237; въ двинскихъ грамотахъ XIV—XV в.: на чєрьмхов*ъи* кусть, на берьзов*ои* пень, староста купечк*еи* (*е*=*ё*), Иванъ соцк*ои*, колодязь солон*ои*; въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV вв.: т*ои*.—Окончаніе *ьи* или *еи* читается въ Милятиномъ Ев. 1215 г.: ч*ьі* образъ 115 об., трет*ьи* дьнь 150 об., вьсѣхъ заповѣд*ьи* 130; въ смоленской грамотѣ 1229 г.: с*еи* миръ; въ Ев. 1270 г.: дн*еи* 5 об.; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: у дѣт*еи* 15, бес тр*еи* кунъ 16; въ Галицкомъ Ев. 1283 г.: трет*еи* день 50 об., вторыи и трѣтьѥ*и* 49 об., 125; въ Ряз. Кормчей: с*еи* же съборъ 141 об.; въ духовной новгородца Климента XIII в.: свин*еи*; въ договорѣ Новгорода съ Тверью ок. 1305 г.: что волост*ьи* новгородьскыихъ, ни волост*ьи* роздавати, отъ тѣхъ волост*ьи*, люд*ьи* не выводити; въ договорѣ 1317 г.: люд*еи*; въ Ев. 1355 г.: не с*еи* ѥсть древодѣлинъ сынъ 40, въ огнь не угасущ*еи* 90 об.; въ Ев. 1357 г.: стадо свин*ьи* 36, 54 об., съгрѣшен*ьи* вашихъ 115; въ южно-русской грамотѣ 1359 г.: грош*еи*; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: ты еси старѣйш*еи* братъ 145, старѣйш*еи* градъ 223; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ: имѣн*ьи* своихъ 61, размышлен*ьи* лукавыхъ 81 об., многъ прегрѣшен*ьи* 101 об., уродивыхъ искан*ьи* 138, божественныхъ учен*ьи* 138 об. и др.; въ Служебникѣ преп. Сергія: храмъ с*еи* 15, двер*еи* 13 об., 18 об., 22, заповѣд*еи* 57 об., 69 об.; въ Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 17: дѣт*еи* 14, отъ четыр*еи* вѣтръ 88 об.; въ Луцкомъ Ев. XIV в.: двер*еи*; въ Паремейникѣ XIV в. Троицк. Л.: звѣр*еи* 14, 15, 30, люд*еи* 27, и т. п.

Въ великорусскихъ памятникахъ XV в. еще господствуютъ окончанія *ый* и *ий*, но окончанія *ой* и *ей* также уже нерѣдки; достаточно отмѣтить въ Погодинскомъ сборникѣ нач. XV в. № 872:

темн*ои* дьяволе (зват.) 188, т*ои* 193 об., 194, 235; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: тысячк*ои* 220, 231, Володимеръ галичьск*ои* 278, 280, 282, 284, 285, и др.; въ грамотѣ в. кн. Василія Дмитріевича до 1425 г.: судъ смѣстн*ои*; въ грамотѣ до 1428 г.: волъ бур*ои* да друг*ои* черн*ои*; въ грамотѣ кн. Юрія Дмитріевича 1433 г.: манастырьск*ои* прав*ои* и виноват*ои* человѣкъ (Ак. Калач. I, 440, 91, 543, 93); въ Канонникѣ 1457 г.: попъ старіиш*ои* 85 об.; въ письмѣ Герасима къ Іосифу Волоцкому 1489 г.: мѣсячн*ой* и посн*ои* (стихирари; сборн. М. Дух. Ак. № 144); въ Библіи новгородск. архіеп. Геннадія 1499 г.: Василь ерусалимьск*ои*, Гридя исповѣдницк*ои*, Климентъ архангельск*ои*, запись. Малорусскіе и бѣлорусскіе памятники этого и XVI вѣковъ имѣютъ иногда въ род. множ. окончаніе *ей*: южно-русск. грамота 1438 г.: грош*еи*; южно-русск. грамота 1424 г.: свин*еи*, и т. п.; сверхъ того, въ Лютеранск. Катихизисѣ 1562 г. мы находимъ: Лаврент*ей* 6, больш*ей* (имен.) 33 об.; въ Ев. Тяпинскаго: кождый котор*ой* возритъ, дьве*рей*, дн*ей*, ноч*ей*, и т. п.

Мало-по-малу въ великорусскихъ говорахъ формы на *ой*, *ей* получили преобладаніе надъ формами на *ый* и *ій*, и въ настоящее время все великорусское нарѣчіе не знаетъ окончаній *ый* и *ій* подъ ударені̇емъ, а сѣверной его части эти окончанія чужды и при отсутствіи ударенія: обще-великор. слѣп*óй*, худ*óй*, самъ-трет*éй*, гост*éй*, кост*éй*, свин*éй*, сѣв.-великор. д*ó*бр*ой*, умн*ой*, син*ей*. Бѣлорусскіе говоры не знаютъ окончанія *ой*, а окончаніе *ей* встрѣчается въ нихъ въ формахъ род. множ. (люд*ей* и т. п.) и въ немногихъ формахъ имен. ед.: солов*ей*, вороб*ей* и т. п. То же въ говорахъ малорусскихъ, съ тою лишь разницею, что окончаніе род. мн. *ей* въ нихъ употребляется рядомъ съ окончаніемъ *ій*.

Судьба окончаній имен. ед. и род. множ. вполнѣ тожественна съ судьбою нѣкоторыхъ словъ и глагольныхъ формъ.

Древне-русскіе памятники имѣютъ слова *стрыи* дядя, род. *стрыя* и т. д., и *стръи*, род. *стръя*. До XV вѣка первое встрѣчается весьма часто, второе—рѣже: Успенскій сборникъ XII в.: стръя 130 (род.; здѣсь же: стрыи); Житіе Саввы Освященнаго XIII в.: стрыѥма 13, стръя 131; Рязанская Кормчая 1284 г.: стръя 283, 327 об. и др.; Новгородская лѣт.: стръемь 78, стръя 61, 81 (при стрыемь 296 и др.); Прологъ 1356 г.: строи, строѥви 77 об.; Лаврентьевск. сп.

лѣт.: строя 158, строема (дат.) 195; галицко-волынскій Ефремъ Сиринъ 1492 г.: стръя 145 об., 146 об., стръя 145, и т. п. Въ XV в. въ великорусскихъ памятникахъ (между прочимъ, въ Ипатскомъ сп. лѣт.) второе является уже весьма часто.

Въ памятникахъ до XV в. попадаются рядомъ формы *мыю, крыю, мыєшь* и т. д. и *мъю, кръю, мъєшь*, первыя часто, вторыя рѣдко: Святослав. Сборникъ 1076 г.: лицьмь си землю покръи (повел.) 11 об.; Минея 1097 г.: покръєть 426; Путятина Минея XI в.: кръяся 66 об.; Паремейникъ XII в. Тип. Библ. № 157: покръєть 42 об., покръємъ 53 об.; Пантелеймоново Ев. XII в.: откръється 108; Прологъ 1262 г.: мъя 13 об., мъяся 86, кръяхуся 15 об., кръя 32 об., кръєші 50 об., покръєть 54 об., съкръють 83, по — 98; Паремейникъ 1271 г.: откръєть 100 об.; Пандекты 1296 г.: умъю 38, мъющихъся 128 об.; Ев. 1317 г.: мъяшеся 9; Ев. 1323 г.: умъю 167 об.; Ев. до 1362 г.: умъю, умъєши 118; Ев. 1393 г.: откроється 35 об.; Служебникъ XIV в., такъ наз. Антонія Римлянина: умъю 21; Новгородская лѣт.: кръяшеся 133, и т. п. (еще примѣры см. выше, стр. 49). Современные великорусскіе говоры уже не знаютъ формъ *мыю, крыю* и т. п.; они имѣютъ только *мо́ю* (или мъю), кро́ю.

Цѣлый рядъ словъ въ древнюю эпоху оканчивался у насъ на *ии* и на *ъи*, на *ия* и на *ъя*: зм*и*и и змъи (Минея 1096 г.: змъи имен., 209; Минея 1095 г.: змъя, род., 57; Псалтырь 1296 г.: змъи сь 221 об.; Новгородская лѣт.: змъи видѣша лѣтящь 155), руч*и*и (Новгородская лѣт.: руч*и*я 13) и ручъи (тамъ же: ручъя 53, 87), зм*и*я и змъя (Святослав. Сборникъ 1073 г.: змъя, имен. ед., 209, вин. мн., 103 об. и др.; Добрилово Ев. 1164 г.: змъю 126 об.), ш*и*я и шъя (Житіе Нифонта 1219 г.: съ шъи своихъ 63 об.; Пандекты 1296 г.: на шъю 36; Лаврентьевск. сп. лѣт.: за шъю 334; Новгородская лѣт.: къ шъи 42) и т. п. Формы съ *и* въ памятникахъ до XV вѣка обычны; формы съ ъ — рѣже. Въ настоящее время великорусское нарѣчіе уже совсѣмъ не знаетъ первыхъ; они вытѣснены изъ употребленія вторыми: змѣ́й (*ѣ* вм. *е*), руче́й и ру́чей, ше́я.

Формы повелит. накл. глаголовъ *бью, пью* и т. п. нѣкогда звучали б*и*и, п*и*и, б*и*ите, п*и*ите и бъи, пъи, бъите, пъите, причемъ первыя въ старшихъ памятникахъ употребляются часто, вторыя—чрезвычайно рѣдко (Ев. 1270 г.: яжь и пъи). Современные великорус-

скіе говоры уже не знаютъ *бий* и т. д. и имѣютъ исключительно формы съ *е*: *бей*.

Въ нѣсколькихъ другихъ великорусскихъ словахъ мы видимъ побѣду *и* надъ *ь*. Это—забiяка (при бью), пiявка (при пьянъ), сiять (при др.-русск. сьяти, малор. ссяти).

Слово **кыи*, соврем. великор. *кiй* съ производными (фамилія Кiевъ, въ великорусскихъ грамотахъ XVI в.), и названія города древн. Кыевъ, современн. великор. Кiевъ, и села (Тверск. губ.) соврем. Кiево, может быть, никогда не имѣли рядомъ *кьи* и т. п.

Ж. Исторія формъ спряженія.

Русскій языкъ въ древнѣйшую эпоху своего историческаго существованія имѣлъ простыя формы настоящаго времени (они употреблялись также съ значеніемъ будущаго времени), имперфекта, сигматическаго аориста, повелительнаго наклоненія, и цѣлый рядъ сложныхъ формъ: будущаго времени, прошедшаго, давнопрошедшаго, сослагательнаго наклоненія. Сверхъ того, въ немъ было значительное количество формъ неопредѣленнаго наклоненія и причастій. Такимъ образомъ русскій языкъ въ древности былъ гораздо болѣе богатъ глагольными формами, чѣмъ въ настоящее время; иначе говоря, русскій языкъ на памяти исторіи потерялъ часть своихъ глагольныхъ образованій.

Потеря глагольныхъ формъ. Едва ли не первыми были потеряны формы *имперфекта.* Нерѣдкія въ спискахъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, въ русскихъ житіяхъ, лѣтописяхъ и т. п., они вовсе не встрѣчаются ни въ грамотахъ, ни въ Русской Правдѣ. Вслѣдствіе этого мы лишены возможности опредѣлить сколько-нибудь точно время исчезновенія русскаго имперфекта и должны ограничиться предположеніемъ, что въ XIII—XIV вв., въ тѣхъ вѣкахъ, къ которымъ относится большая часть нашихъ древнѣйшихъ грамотъ, онъ или уже совсѣмъ не существовалъ въ живой рѣчи, или употреблялся очень рѣдко. Современный русскій языкъ не знаетъ ни одной формы, въ которой можно было бы признать потомство древняго имперфекта.

Употребленіе *аориста* въ древне-русскихъ памятникахъ сходно съ употребленіемъ имперфекта. Формы аориста встрѣчаются весьма часто въ переводныхъ памятникахъ, въ лѣтописяхъ и т. п., но въ грамотахъ они рѣдки. Мы читаемъ, напримѣръ, въ новгородской грамотѣ 1262—1263 г.: отлож*ихомъ*, доконч*ахъмъ*, постав*ихомъ*; въ

смоленской грамотѣ 1284 г.: грамота псана *бысть*; въ духовной новгородца Климента XIII в.: напис*ахъ*; въ духовной Ивана Калиты: напис*ахъ*; въ двинскихъ грамотахъ XIV—XV в.: куп*и*, залож*и*, позв*а*, спрос*иша*, сряд*ишася*, д*аша*, изоиде та пять лѣтъ; точно также въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: отлож*иша*, устав*иша* 2. Мѣсто аориста въ грамотахъ и въ Русской Правдѣ обыкновенно бываетъ занято формами прошедшаго сложнаго. Если мы возьмемъ Мстиславову грамоту 1130 г., мы въ ней не найдемъ ни одной формы аориста, но встрѣтимъ, на мѣстѣ аориста, четыре раза формы прошедшаго сложнаго: повелѣлъ ѥсмь, язъ далъ, далъ ѥсмь, велѣлъ ѥсмь. Въ смоленской грамотѣ 1229 г., въ самомъ ея началѣ, нѣтъ ни одной формы аориста, но стоитъ цѣлый рядъ формъ прошедшаго сложнаго: умьрлъ, уздумалъ, прислалъ, было, ѥхали, утвѣрдили, урядили, было любо и т. д. Въ грамотѣ рижанъ въ Витебскъ ок. 1300 г., довольно большой по объему, формы прошедшаго времени нерѣдки, но это все формы прошедшаго сложнаго, а не аориста: пришли, поведали, еси отъялъ, былъ, бывалъ, заблудилъ, хотелъ и др. То же въ Русской Правдѣ: этотъ памятникъ, при двухъ приведенныхъ формахъ аориста, имѣетъ рядъ формъ прош. вр.—исключительно прошедшаго сложнаго. По всей вѣроятности, формы аориста вышли изъ употребленія вскорѣ послѣ XIV в. (но въ новгородскихъ грамотахъ XV в. онѣ не рѣдкость: грамота 1456 г.: повелѣ*хомъ*, отпуст*иша*, заплат*иша*; грамота 1459—1470 г.: б*иша*, пожалов*аша*, прилож*иша*; грамота 1471 г.: приѣх*аша*, повелѣ*хомъ*, Ак. Арх. Э. I, 43—45, 99—100; въ псковской грамотѣ 1483 г.: оправ*ихомъ*, повин*ихомъ*, да*хомъ*, Ак. Юр. № 2).

Въ современномъ языкѣ остатки ихъ чрезвычайно рѣдки. Кромѣ одной формы аориста, встрѣченной нами въ онежскихъ былинахъ (у Рыбникова): *бысть* князь веселъ и радостенъ, мы можемъ указать лишь частицу, междометіе *чу*: тише, *чу*, гитары звонъ...; да, *чу*, и къ завтренѣ звонятъ... Если мы вникнемъ въ смыслъ только что приведенныхъ стиховъ, то увидимъ, что частица *чу* восходитъ къ формѣ 2-го л. аориста отъ глагола *чути*, съ значеніемъ: слышишь. Замѣчательно, что въ сербскомъ языкѣ, въ пѣсняхъ, форма 2-го л. аориста *чу* нерѣдко употребляется съ значеніемъ настоящаго времени: oj, *чу* ли ме=слышишь ли меня.

Слѣдя за формами аориста по памятникамъ, мы можемъ замѣ-

тить, что въ послѣднее время своего существованія опи подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ. Такъ, формы 3-го л. мн. аориста стали смѣшиваться съ формами 3-го л. ед. имперфекта, т. е. въ нихъ вмѣсто *ша* стало являться окончаніе *ше*: Милятино Ев. 1215 г.: птица небесьныя позоба*ше* ѥ 87 об.; новгородское Ев. XIII в. Публ. Библ. F. 8: придоша и позоба*ше* 1 об.; Ев. 1317 г.: позоба*ше* 37, 78; новгородская грамота 1372 г.: повелѣ*ше*, посла*ше*; Ев. 1393 г.: я*ше*; Новгородская лѣт. XIV в.: въсажа*ше* 24, видѣ*ше* 130; Лаврентьевск. сп. лѣт.: повѣда*ше* 81, стоя*ше* 222, цѣлова*ше* 407; новгородская грамота 1448—1454 г.: се пожалова*ше* посадникъ и вси старыи посадники, Ак. Арх. Э. I, 32; зап.-русская Четья 1489 г.: мнози послуша*ше* ее; у Скорины формы на *ше* очень часты: сопротиви*ше*ся, моли*ше*ся, збего*ше*ся (при подлежащихъ во множ. ч.).—Затѣмъ, мы видимъ употребленіе формъ аориста 3-го л. ед. и мн. съ окончаніями того же лица имперфекта; Ев. 1339 г.: приведо*ху* 88 об.; новгородск. Ев. XIV в. Рум. М. № 434: исцѣли*ху*ся 68; псковское Лукино Ев. 1409 г.: придо*ху*; Скорина: слузи теши*ху* єго, поклони*ху*ся, взя*ху*, ходи*ху*, и т. п.; двинская грамота XIV—XV в.: ту грамоту посадникъ подра*ше*, Ак. Юр. 270. Срв. въ Ев. 1354 г.: жены бя*ше* (=бя*ху*) пришли 143 об.; въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: иже с нимь бя*ше* чюдишася 81, дьщи ѥму бѣ и та умро*ша*, жена приступи*ша* сзади коснуся 90 об.; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: ркоша яко Кии *есть* перевозникъ *бысть* 5 (Лаврентьевск. сп.: есть былъ), тоть *есме* погибо*хомъ* 399 (то же въ сходныхъ съ Ипатскимъ Погодинскомъ и Хлѣбниковскомъ спискахъ XV в.), *бѣ* възложи 93 (Лавр. сп.: възложи*лъ*).—Въ нѣкоторыхъ сѣверно-русскихъ памятникахъ XIV—XVI вв. мы находимъ смѣшеніе формъ 3-го л. ед. аориста съ формами настоящ. вр., такъ что формы аориста являются съ окончаніемъ *тъ*; Ев. 1339 г.: възложи на ня руцѣ и отъиде*тъ* 57 об.; Ев. 1355 г.: Илья приде*тъ* и створиша ѥму ѥлико хотѣша 89, не знаяше дондеже роди*тъ* сынъ свои первенѣць 162 об.; Ев. 1358 г.: Илья приде*тъ* и створиша ѥму ѥлико хотѣша 123; Ев. 1393 г.: посла воя своя... градъ ихъ зажьже*тъ* 69 об., онъ утверди*тъ* лице своѥ 91 об.; 2-ая Новгородская лѣт. по сп. XVII в.: посла... а самъ иде*тъ*, воздвиже*тъ*, и т. п.; срв. въ двинской грамотѣ XIV—XV в.: тыи села доста*ше*тца, Ак. Юр. 273; въ псковскомъ Прологѣ 1425 г.: се купи*шетъ* книги сия староста и игу-

менъ и вси черньци. Формы аориста на *ху* и на *тъ*, вѣроятно, принадлежатъ книжному языку; сомнительно, чтобы онѣ когда-нибудь существовали въ живомъ говорѣ. Памятники поздніе, XVI и XVII вв., нерѣдко имѣютъ совершенно неправильное употребленіе формъ имперфекта и аориста: формы, напримѣръ, 1-го л. употребляются вмѣсто формъ 2-го, формы единств. числа вмѣсто формъ множ. и т. п.; въ 2-й Новгородской лѣт. по сп. XVII в.: садъ весь изгорѣ*ша*, овому тимя изгорѣ*ша*, а иному чрево погорѣ*ша*, иные въ воде потопа*ше* 65; у Котошихина: Иванъ Грозный сына своего смири на оный свѣтъ, проби*ша* его осномъ своимъ; въ Житіи преп. Адріана Пошехонскаго XVII в.: преподобный учини*хъ* себѣ хижицу, князи и боляре подава*хъ* имъ милостыня, мучители оцѣпи*хъ* ужемъ и влечаху, разбойницы выграби*хъ* имѣніе, мучители ре*че*, на*ча* старосты (имен.) вопрошати и т. п. (по сп. Ундольскаго № 1308); въ Житіи Геннадія Костромскаго конца XVI в.: мы на конехъ язд*яху*, а онъ никакоже требова*ху*, старецъ сотвори*хъ* молитву и т. п. (по сп. Синод. Библ. № 929); въ послѣсловіи къ печатн. московск. Апостолу 1644 г.: мы слухи наши отврати*ша*. Одинъ случай такого употребленія найденъ нами въ Ев. 1393 г.: послании обрѣто*хъ* болящаго раба ицѣливша 93.. Приведенныя формы показываютъ, что въ XVI—XVII вв. формы имперфекта и аориста уже перестали быть понятными даже для русскихъ грамотеевъ.

Нѣкоторое количество формъ потеряно *будущимъ сложнымъ*. Будущее сложное въ древне-русскомъ языкѣ состояло изъ неопредѣленнаго наклоненія глагола и формы настоящаго времени *буду*, или *иму*, или *хочу*, или *начьну* (*почьну*).

Формы изъ неопредѣленнаго наклоненія и *буду* были особенно распространены и встрѣчаются такъ же часто въ древнѣйшихъ памятникахъ, какъ и въ современномъ языкѣ.—Формы съ глаголомъ *иму* встрѣчаются довольно часто въ старыхъ памятникахъ, какъ въ сѣверно-русскихъ, такъ и въ западно- и южно-русскихъ,—въ лѣтописяхъ, житіяхъ, грамотахъ и т. п.; такъ, мы читаемъ въ Житіи Ѳеодосія Печ. по сп. XII в.: не *имуть* ти *створити* 19 об.; въ рижской грамотѣ ок. 1284 г.: аже *иметь жялобитися* нась кто; въ духовной Ивана Калиты: а ци *імуть искати* татарове; въ духовной Семена Гордаго: хто сю грамоту *иметь рушити*; въ духовной в. кн. Ивана Ивановича: а ци по грѣхомъ *имуть* изъ орды *искати*

Коломны; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: не *имамъ* уже *царствовати*; въ двинской рядной XIV—XV в.: кто *иметь наступати*, Ак. Юр. 271. Вслѣдствіе своего широкаго распространенія въ древности, формы буд. вр. съ *иму* сохранились въ остаткахъ до настоящаго времени. Въ вологодскомъ, костромскомъ и ярославскомъ говорахъ великорусскаго нарѣчія мы слышимъ: *иму дѣлать, нему дѣлать* и т. п. Сходныя формы существуютъ и въ малорусскихъ говорахъ: украинск. *му іти*, *співати му*, *робити му* и т. п.—Формъ изъ неопредѣленнаго накл. и *хочу* (однородныхъ съ южно-славянскими) было меньше; въ грамотахъ мы ихъ почти не встрѣчаемъ (грамота рижанъ ок. 1300 г.: мы *хочомъ* Богу жяловатися); но въ Несторовой и Кіевской лѣтописяхъ они нерѣдки: *благословити* тя *хотять* сынове рустии (Ипатск., Радзивиловск., Академическ. сп.: *имуть*), како азъ *хочу* ипъ законъ *прияти* единъ (=какъ я приму); аще убью брата моего, *имѣти* тя *хочю* во отца мѣсто; еда ли топерво *хощеть быти* се, и т. п. (Лаврентьевск. сп.); како я *хочю молвити*, а на мя *хотять молвити* твоя дружина; сде ли *хочемъ стояти*,... пакы ли *хочемъ* сде *перестояти*, а се Володимеръ за нами (Ипатск. сп. 191, 287). Въ настоящее время формы буд. вр. съ глаголомъ *хочу* въ русскомъ языкѣ уже неизвѣстны.—Формы съ *начьну* были, кажется, сравнительно рѣдки: Мстиславова грамота 1130 г.: даже который князь *почьнеть хотѣти* отяти (= захочетъ); Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: а что будеть съ нимь погыбло, то же ѥму *начнеть платити* 7 (=заплатитъ); Лаврентьевскій сп. лѣт.: аще ты познаеши и *радоватися почнешь*, дружина *смѣятися начнуть* 62. Современный языкъ не знаетъ употребленія *начну* какъ вспомогательнаго глагола, и формы буд. вр. въ родѣ приведенныхъ въ немъ уже не существуютъ.

Сверхъ этихъ формъ, русскій языкъ утратилъ всѣ глагольныя формы *двойственнаго числа*. Въ древне-русскомъ яз. формы двойств. ч. глагола употреблялись или тогда, когда подлежащее было въ формѣ дв. ч., или когда было два подлежащихъ, каждое въ ед. ч.: отьць и мати сына своѥго *плакастася*; Никонъ и другыи чьрньць *отъидоста* (Житіе Ѳеодосія Печ. по сп. XII в.); рече Редедя къ Мьстиславу: что ради *губивѣ* дружину, *снидевѣ* ся сама боротъ; Всеволодъ и Мстиславъ *стояста* и *позната* брата своего; брате, поѣди Ростову, а оттолѣ миръ *възмевѣ*. (Лаврентьевск. сп. лѣт.). Но

уже съ XIII в. мы встрѣчаемъ, при подлежащемъ въ дв. или при двухъ подлежащихъ въ ед. ч.,—сказуемое во множ. числѣ; такъ, въ смоленской грамотѣ 1229 г.: та два была... ѥхали; въ записи Ев. 1355 г. два писца говорятъ о себѣ: аще *будемъ* грубо написали; въ Ев. 1358 г.: двѣ птицѣ *продаються* 58 об., та (Іаковъ и Іо.) *готоваша* 64 об., *бѣаша* отягченѣ очи 149; въ Служебникѣ 1380 г. Воскресенск. монаст.: *поидуть* оба брата 47; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ: не *суть* два 21 об., *послаша* сестрѣ (имен.) 47; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: *разоидошася* обѣ слободѣ, и т. п.; въ Ипатскомъ сп. лѣт.: вѣ *ся* сами *вѣдаимы* 271, и т. п. Срв. въ новгородск. Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 10: по немъ идо*ста* народ*и* мно*зи* 16. Въ настоящее время формы дв. ч. не существуютъ въ достовѣрныхъ остаткахъ.

Сокращеніе формъ прошедшаго сложнаго. Формы прошедшаго сложнаго нѣкогда состояли изъ формъ причастія прошедшаго, такъ называемаго спрягаемаго (на *лъ*), и вспомогательнаго глагола *есмь*. Первоначально вспомогательный глаголъ измѣнялся правильно по лицамъ и числамъ; но очень рано формы 3-го л. всѣхъ чиселъ прошедшаго сложнаго стали употребляться безъ него, такъ какъ въ немъ не чувствовалось особенной надобности. Формы безъ вспомогательнаго глагола мы встрѣчаемъ въ церковно-славянскомъ яз., напримѣръ, въ Супрасльской рукописи: показа добляя мати яко ученiими благыѧ вѣры *въскръмила* (безъ ѥстъ); васъ не землѣ *покрыла* ни небо приѩтъ (безъ ѥстъ). Они нерѣдки въ древне-русскихъ памятникахъ, какъ въ текстахъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ (между прочимъ въ Святослав. Сборникѣ 1073 г.), такъ и въ грамотахъ, записяхъ и т. п.: надпись на Тмутороканскомъ камнѣ 1068 г.: Глѣбъ князь *мѣрилъ* море по леду (безъ *есть*); запись Юрьевскаго Ев. ок. 1120 г.: Угриньць *псалъ*; смоленская грамота 1229 г.: коли Альбрахтъ владыка ризкии *умърлъ*, *уздумалъ* князѣ (ѣ=ь) смольнескыи, *прислалъ*, та два *была* у Ризѣ, изъ Ригы ѥхали. Послѣдняя грамота заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ формъ прошедшаго сложнаго 3 л. безъ вспомогательнаго глагола, и въ ней нѣтъ ни одной формы со вспомогательнымъ глаголомъ. То же мы наблюдаемъ въ другихъ памятникахъ: въ смоленской грамотѣ ок. 1230 г.: тому за нь платити кто и *изетялъ* (изрубилъ; е=ъ); въ новгородской грамотѣ 1262—1263 г.: что ся *учинило* тяже; въ Ла-

врентьевскомъ сп. лѣт.: се нашь *доспѣлъ*, что ради вѣче *было*, отець ти *умьрлъ*, бысть сѣча зла яка же не *была* въ Руси, въ се же лѣто Всеславъ рать *почалъ*, се половци *росулися* по земли.

Рядомъ съ формами 3-го л. прошедшаго сложнаго безъ вспомогательнаго глагола, мы обыкновенно находимъ въ старыхъ памяткахъ формы 1-го и 2-го л. со вспомогательнымъ глаголомъ; такъ, въ новгородской грамотѣ 1262—1263 г. мы читаемъ: которыхъ дворць *въпросили* ваша братья посли (безъ *суть*), а тѣхъ ся ѥсмы *отступили*; на чемь *цѣловали* отци ваши и наши крестъ (безъ *суть*)...; иноѥ грамоты у нас нѣтуть ни *потаили* ѥсмы; въ духовной Климента XIII в.: *далъ* ѥсмь, *взялъ* ѥсмь; не *было* у мене брата ни сыну (безъ *есть*); въ смоленской грамотѣ 1284 г.: *судилъ есмь*, *выдалъ есмь*; ту *были* бояре, отъ немець *были* на суде, *искали* колокола (безъ *суть*), печатникъ *печаталъ*, писець княжь *псалъ* (безъ *есть*); въ новгородской грамотѣ ок. 1294 г.: ѥ*сте присылали*; князь великыи *послалъ* к вамо (*о*=*ъ*) сына (безъ *есть*). Такого рода двоякое употребленіе формъ прошедшаго сложнаго не могло долго продолжаться: формы 3-го л. оказали вліяніе на формы 1-го и 2-го л., и послѣднія также стали превращаться въ неполныя формы, т. е. употребляться, подобно формамъ 3-го л., безъ вспомогательнаго глагола. Этому много способствовало развившееся употребленіе личныхъ мѣстоименій въ качествѣ подлежащаго.

Если мы обратимъ вниманіе на употребленіе личныхъ мѣстоименій въ другихъ языкахъ, то замѣтимъ, что въ языкахъ латинскомъ и греческомъ они употребляются сравнительно рѣдко, гораздо рѣже, чѣмъ, напримѣръ, во французскомъ. То же, что въ латинскомъ и греческомъ, мы видимъ и въ церковно-славянскомъ, и въ древнерусскомъ языкахъ. Въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, въ большей части случаевъ, личныя мѣстоименія отсутствуютъ; такъ, въ Житіи Өеодосія Печ. по сп. XII в. мы читаемъ: аще хощеши видѣти и, да идеши нынѣ въ домъ (безъ *ты*); много си жалю ѥго ради (безъ *я*); глагола ѥи яко много молихы и (безъ *я*); аще хощеши видѣти мя по вся дни, иди въ сии градъ и тако приходящи сѣмо видиши мя (безъ *ты*); въ Словѣ о полку игоревѣ: оба есвѣ Святъславлича. Въ грамотахъ и лѣтописяхъ XII—XIV вв. то же отсутствіе личныхъ мѣстоименій: въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: можеши ся с нимъ бороти; по что губите себе, коли можете

престояти насъ, аще стоите за 10 лѣтъ, что можете створити намъ, имѣемъ бо кормлю отъ землѣ; се уже хочемъ померети; .можемъ главы своя сложити за тя; хочемъ ся еще бити; печенѣзи мняще, яко предатися хотять, и т. п. Употребленіе личныхъ мѣстоименій 1-го, 2-го, 3-го л. наблюдается всего чаще въ тѣхъ случаяхъ, когда эти мѣстоименія находятся подъ логическимъ удареніемъ (срв. латинскій и греческій яз.); Житіе Ѳеодосія Печ.: мати ѥго съповѣда ѥдиному отъ братия, *азъ* же отъ него вся си слышавъ....; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: оже кто възищеть кунъ на друзѣ, а *онъ* ся начнеть запирати 10; Лаврентьевскій сп. лѣт.: *азъ* Бога познахъ и радуюся, аще *ты* познаеши, и радоватися почнешь; аще *вы* сего укора не жаль, *азъ* единъ погыну; аще одолѣеши *ты*, то возмеши имѣнье мое, аще ли *азъ* одолѣю, то възму твое; *мы* ся доискахомъ саблями, а *сихъ* оружье мечь; *вы* есте братья единого отца. Сверхъ случаевъ въ родѣ приведенныхъ, мѣстоименія 1-го и 2-го л. нерѣдко употреблялись тогда, когда при нихъ находилось приложеніе: запись Юрьевскаго Ев. ок. 1120 г.: *азъ* грѣшьныи Ѳеодоръ написахъ; запись Мстиславова Ев.: *азъ* грѣшьныи рабъ написахъ, *азъ* рабъ божии.... съписахъ; Мстиславова грамота 1130 г.: се *азъ* Мьстиславъ повелѣлъ ѥсмь; а се *я* Всеволодъ далъ ѥсмь; *ты* игумене и *вы* братиѣ молите; однако въ припискѣ 1116 г. въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: игуменъ Силивестръ написахъ книгы си. Но иногда въ древне-русскихъ памятникахъ личныя мѣстоименія стоятъ какъ бы безъ всякой надобности; такъ, въ Мстиславовой грамотѣ мы читаемъ: *вы* дължьни ѥсте молити Бога; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: аже не отложишь лишнего дѣла, *мы* хочомъ Богу жяловатися; *мы* свое обиды не положимъ; ныне *мы* ся тобе молимъ, и т. п.

Такое употребленіе личныхъ мѣстоименій способствовало тому, что формы прошедшаго сложнаго стали терять вспомогательный глаголъ и въ 1-мъ и во 2-мъ л., причемъ отсутствіе вспомогательнаго глагола восполнялось личнымъ мѣстоименіемъ; такъ, въ Пандектахъ Антіоха XI в. мы читаемъ: *ты осклабилъся*, а она въсмиялася 43 об.; въ Мстиславовой грамотѣ: *язъ далъ* рукою своѥю (безъ *ѥси*, *ѥсмь*); въ припискѣ XII—XIII в. въ Уставѣ церковн. Син. Библ. № 330: *язъ былъ* на низу; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: *мы* вашее братие не *обидѣли* ни *грабили* (безъ *ѥсмъ*); *ты* его

товаръ *узялъ* (безъ ѥси); *ты* ему не *далъ*; *ты* ему *велѣлъ* продати; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: *азъ* мьстіла уже обиду; *ты* ему добра *хотѣлъ*, и т. п. Рядомъ съ формами безъ ѥси, но съ *ты*, мы находимъ въ только что упомянутой грамотѣ рижанъ довольно значительное количество случаевъ употребленія полныхъ формъ прошедшаго сложнаго, т.-е. съ ѥси, но безъ *ты*.

По мѣрѣ того, какъ употребленіе личныхъ мѣстоименій все увеличивалось,—уменьшалась потребность въ употребленіи полныхъ формъ прошедшаго сложнаго, и наконецъ эти формы были совершенно вытѣснены изъ живого говора. Мы не имѣемъ возможности опредѣлить съ точностью, когда исчезли эти формы; но въ грамотахъ XVI—XVII вв. мы еще встрѣчаемъ полныя формы 1-го и 2-го л. нерѣдко; такъ, во вкладной 1567 г. мы читаемъ: *далъ есми*; въ новгородскихъ грамотахъ 1577 г.: *дали есмя*; 1579 г.: *продалъ есмь*; 1614 г.: *выручили есме*; въ Домостроѣ по сп. XVI в.: *ночевала есмь*, а тамо *есмь* и не *поспѣла* 75; въ свадебномъ чинѣ XVII в. при Домостроѣ: *изволили естя* 178; въ Ев. Тяпинскаго: пять талантовъ мі *еси поручилъ*; жнешъ, где не *сеелъ еси*, и збираешъ, куды не *розсыпалъ еси*.

Впрочемъ современный языкъ сохраняетъ скудные остатки старыхъ полныхъ формъ прошедшаго сложнаго; они встрѣчаются главнымъ образомъ въ языкѣ пѣсенъ какъ на сѣверѣ Руси, такъ и на югѣ.

Исторія формъ давнопрошедшаго. Эти формы, какъ указано выше (стр. 164), являются въ памятникахъ въ двухъ видахъ. Формы перваго вида, въ составъ которыхъ входилъ имперфектъ или аористъ вспомогательнаго глагола, прекратили свое существованіе вмѣстѣ съ имперфектомъ и аористомъ; формы же второго вида сохранялись довольно долго, и, напримѣръ, въ зап.-русск. Страстяхъ Господнихъ XV в. и въ Библіи Скорины мы видимъ употребленіе ихъ вполнѣ правильное; Страсти: чули есмо ангелы говорячо къ жонамъ, которые *пришли были* до гробу; знайдепъ Іосепъ есть, которого *замкнули были*; Скорина: *насадилъ былъ* Богъ рай = въ латинскомъ текстѣ: plantaverat paradisum; Аманъ *пришелъ былъ* предъ палату = въ латинскомъ текстѣ: Aman intraverat; розгневалися суть на Сихема, яко срамоту *былъ учинилъ* Израилеви, и т. п. То же въ московской грамотѣ 1455—1462 г.: язъ *велѣлъ*

былъ ихъ судити... а ноничя есми ихъ пожаловалъ (Ак. Калач. I, 103); въ грамотѣ арх. Геннадія 1490 г.: которые еретики *были покаалися*,.... всѣ сбѣжали (Р. Истор. Библ., VI, 768); въ грамотѣ 1504 г.: мы *пошли были* тѣхъ потесовъ класти, доколѣ грамоты не привезли; въ грамотѣ 1525 г.: Якушъ у поля *сталъ былъ* да отъ поля сбѣжалъ (Ак. Юр. 22, 35); въ грамотѣ 1592 г.: князь *пожаловалъ былъ* судью Ѳилипа, и Ѳилипа въ тѣ поры въ животѣ не стало (Ак. Ѳед.-Чех. I, 59); въ Исторіи Курбскаго: что ихъ *было осталося*, тѣ покоришася; въ Царственной книгѣ XVI—XVII в.: татарове *были* по лѣсу *розбежалися* (печ. изд. 568); въ московской разрядной книгѣ 1615 г. (Временникъ Общ. ист. и др., III, 3): козаки *были* на службу *пошли*, а нынѣ воротилися; въ печатной Книгѣ о ратномъ строеніи 1647 г.: когда Люциферъ вознестися похотѣлъ, ему же не *довелося было*, и онъ діяволомъ за то учиненъ. Кое-какіе остатки этихъ формъ существуютъ даже и теперь, въ современныхъ говорахъ, съ значеніемъ простого прошедшаго; такъ, въ сказкахъ мы находимъ: *жилъ былъ*; въ онежскихъ былинахъ: эти королю *были* рѣчи не *понравилисѣ*; никого не *нагглядѣлъ* тутъ *былъ*. Повидимому, современныя великор. онъ *было пошелъ*, одинъ *было* прохожій камень *взялъ* и т. п. также восходятъ къ формамъ давнопрошедшаго; во всякомъ случаѣ стоитъ отмѣтить въ Космографіи Бѣльскаго 1670 г.: Июда въ тѣ поры какъ Иосиѳа продали, *отшелъ было* отъ братіи и понялъ жену 46, и у Кантемира: еще не *обѣдалъ было* народъ, а улица тѣсна была (I, 104).

Исторія формъ сослагательнаго наклоненія. Эти формы нѣкогда состояли изъ формъ причастія прошедшаго на *лъ* и формы *быхъ*. Ихъ мы видимъ въ слѣдующихъ примѣрахъ: аж *быхъмъ* что тако *учинили*, аж *бы* миръ твьрдъ *былъ*, аж *бы нальзлъ* правду (смоленская грамота 1229 г.), а *бысте пустили* жито (полоцкая грамота ок. 1300 г.), то есть тобе достоино аже *бы* тые люди *казнилъ*, какъ то *бышь* инии людье *боялися*, кто лихую думу подъдаваеть; аже *бы* ты у своемь слове *стоялъ*, а нашю братию *проводилъ бы*, мы *быхомъ* не *поминали* того коня (грамота рижанъ ок. 1300 г.). Здѣсь формы сослагательнаго накл. употреблены вполнѣ правильно: аж *быхъмъ учинили*—правильная форма 1-го л. множ.; аж *бы былъ*—правильная форма 3-го л. ед.; *бысте пустили*—правильная форма 2-го л. мн. Подобныя древнія формы постоянно встрѣчаются въ

большей части памятниковъ до XIV в. включительно; рядомъ съ ними, въ меньшей части тѣхъ же памятниковъ, изрѣдка являются новыя формы, состоящія изъ разныхъ формъ причастія на *лъ* и изъ *бы*—формы 2-го и 3-го л. ед. ч., утратившей свое первоначальное значеніе формы 2-го и 3-го л. ед. ч. и сдѣлавшейся частицею, которая стала указывать на условность. Послѣднія получились вслѣдствіе того, что формы причастія на *лъ* уже въ множествѣ случаевъ приняли значеніе глагольныхъ формъ прошедшаго времени и вмѣстѣ съ тѣмъ древнія формы сослагательнаго наклоненія съ *бы* стали пониматься какъ формы прошедшаго сложнаго въ сложеніи съ частицею *бы*. Первые памятники, въ которыхъ мы встрѣчаемъ частицу *бы*, относятся къ XIII—XIV в.: Милятино Ев. 1215 г.: аще *бы* въ Турѣ быша силы былы 22; Ев. 1339 г.: аще *бы* мя бысте вѣдали 16, аще *бы* слѣпи были 20 об., аще *бы* в Туре быша силы были 99; духовная Семена Гордаго: лихихъ *бы* есте люди не слушали, слушали *бы* есте отца нашего владыки; Ев. 1354 г.: аще Богъ отецъ вашь бы былъ любили *бы* мя ѥсте 16,—любили *бы* мя бысте 18; Ев. 1358 г.: грѣха *бы* не быша имѣли 13 об., 179, 179 об.; Ев. до 1362 г.: аще мя бысте знали, знали *бы* бысте и отца 122 об.; Лаврентьевскій сп. лѣт.: въ дне *бы* есте пришли 191; Ев. 1399 г.: аще *бы* вы слѣпи были 13, аще *бы* въ Турѣ быша силы былы *бы* бывъшая въ ваю 75; Мстижское Ев. XIV в.: аще *бы* бысте вѣры имали 8, аще быхъ не *бы* имъ дѣлъ створилъ 10 об., аще не *бы* прикратилися дни ты 55 об., аще *бы* ся не прикратили дни тѣ 71 об.; Ипатскій сп. лѣт.: вы *бы* есте повѣдалѣ 440. Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ примѣровъ въ составъ формы сослагательнаго наклоненія входитъ полная форма прошедшаго сложнаго: лихихъ *бы есте* люди не *слушали*. Въ памятникахъ болѣе позднихъ мы видимъ употребленіе и тѣхъ и другихъ формъ: такъ, въ грамотѣ Витовта 1427 г. мы встрѣчаемъ правильныя формы: коли *быхомъ* хотѣли... или кому *быхомъ* призволили; въ Библіи Скорины: да *быхомъ* ходили, а *быхъ* позналъ; но у Скорины рядомъ и неправильныя: да *бы* горели светила, а *бы* были выбавени люди, сложили *бы* есте. Въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ правильныя формы сослагательнаго наклоненія существуютъ и до сихъ поръ, но въ массѣ другихъ говоровъ они исчезли, и на мѣстѣ ихъ мы находимъ формы прошедшаго сложнаго съ частицею *бы*. Послѣдняя часто является

въ такомъ тѣсномъ соединеніи съ различными союзами, что ее можно считать составною частью союзовъ; таковы союзы *чтобы*, *дабы*, *абы*. Употребленіе ихъ замѣчается уже въ памятникахъ XIV и XV вв.: въ духовной Семена Гордаго: пишу вамъ се слово того дѣля, *чтобы* не перестала память родителии нашихъ и наша; въ грамотѣ Кейстута послѣ 1341 г.: *абы* вамъ не закажали; въ молдавской грамотѣ 1388 г.: просимъ, *штобы* есте учинили; въ зап.-русск. Страстяхъ Госп. XV в.: *штобы* есте не отнимали; въ Повѣсти объ Акирѣ по сп. XV в.: уне есть женѣ, *дабы* свой сынъ умерлъ *бы*, нѣли дабы ей чюжь кормити (срв. моливъ, *а быша* проводили, Новгородская лѣт. 324; про то же названъ Покровъ праздникъ, *што быхомъ* знали, Четья 1489 г. 52; того дѣля, *что быша* познали, Ипатскій сп. лѣт. 433).

Кромѣ сложныхъ формъ сослагательнаго наклоненія, древне-русскій языкъ имѣлъ форму 3-го л. ед. этого наклоненія *бы*, безъ формъ причастія, съ значеніемъ было бы: оже *бы* ми баба жива (приписка писца въ Прологѣ XIV в. Син. Биб. № 239), аще бо *бы* перевозникъ Кии, то не *бы* ходилъ (Лаврентьевск. сп. лѣт.). Эта форма сохранилась до нашего времени: хорошо *бы* это сдѣлать, и т. п.

Исторія формъ будущаго совершеннаго. Формы будущаго совершеннаго (futurum exactum), состоявшія изъ формъ причастія прошедшаго на *лъ* и формы *буду*, мы находимъ въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: кто *будеть началъ*, тому платити; аже кто познаѥть своѥ, что *будеть погубилъ*, а что *будеть* съ нимъ *погыбло*, то же ѥму начнеть платити, и т. п.; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: *будуть* тобе людье тую думу *подъдали*, тоть не у честь тебе дали; въ Поликарповомъ Ев. 1307 г.: аще кде *буду изгрубилъ*, запись; въ духовной Семена Гордаго: что *буду судилъ*, а того вы не восчинаите; кого *буду прикупилъ* или хто ми *ся буде* въ винѣ *досталъ* или хто *ся будеть* у тѣхъ людеи *женилъ*, всѣмъ тѣмъ людемъ далъ ѥсмь волю; въ Ев. 1355 г.: аще *будемъ* грубо *написали*, запись; въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: аще ли *взялъ будеть*, елико *далъ будеть* на немъ; въ посланіи новгородск. архіеп. Геннадія 1489 г.: моглъ бы еси крѣпость свою подрьжати, за что *будешь оставилъ* архіепископью; въ грамотѣ 1525 г.: что *будешь слышелъ*, и ты то сказывай прямо, Ак. Арх. Э. I, 144. Съ теченіемъ времени, когда формы причастія на *лъ* уже во множествѣ случаевъ приняли зна-

ченіе глагольныхъ формъ прошедшаго времени, древнія формы будущаго совершеннаго стали исчезать какъ отдѣльныя глагольныя образованія, и ихъ составная часть—формы *буду*, *будешь* и т. д.—замѣнилась формою 3-го л. ед. *буде* или *будетъ*, которая стала употребляться какъ союзъ, съ значеніемъ *если*. Таково употребленіе формы *будетъ* хотя бы въ грамотѣ 1579 г.: а чево *будетъ* (я) забыла (прош. вр.) написати, и въ томъ вѣдаетъ Богъ, Ак. Ѳед.-Чех. I, 216, или въ грамотѣ 1615 г.: а *будетъ* мы учнемъ (будущ. вр.); таково же употребленіе *буде*, *будетъ* въ современныхъ великорусскихъ говорахъ.

Для исторіи формъ будущаго совершеннаго любопытны слѣдующія данныя: аще *буду* гдѣ *описался есмь* (запись Уваровск. Псалтыри 1526 г.; почти то же въ записи Софійск. Минеи 1438 г.); еже въ чемъ *буду описахся* или *преступихъ* (запись Толков. Ев. 1464 г. Общ. др. письм.; почти то же въ записи Троицк. Златоуста 1557 г.); где *буду погрѣшихъ* (вкладная м-та Макарія въ іюл. книгѣ Четьихъ-Миней).

Исторія формъ настоящаго времени. Формы настоящаго времени (съ значеніемъ какъ настоящаго, такъ и будущаго врем.) въ древности имѣли три ряда окончаній: 1) *мъ*, *си*, *стъ*..., 2) *у* (*ю*), *ешъ*, *етъ*..., 3) *ю*, *ишъ*, *итъ*...

Формъ съ окончаніями перваго ряда было мало и прежде, а въ настоящее время они сохраняются въ еще меньшемъ количествѣ: великорусск. (московск.): *дамъ*, *ѣмъ*, *дастъ*, *ѣстъ*, *естъ*, *вѣстъ*, *дадутъ*, *ѣдятъ*; бѣлор. *дамъ*, *ѣмъ*, *дасѝ*, *есѝ*, *дастъ*, *ёсть* (=есть), *дамо̀*, *ѣмо̀*, *дасте̂*, *ѣсте̂*, *дадутъ*, *ѣдутъ*; малор. *дамъ*, *ї̀мъ*, *вімъ*, *дасѝ*, *ї̀сѝ*, *вісѝ*, *есѝ*, *дастъ*, *ї̀стъ*, *вістъ*, *дамо́*, *ї̀мо́*, *вімо́*, *дасте́*, *ї̀сте́*, *вісте́*, *дадутъ*, *ї̀дятъ*, *відятъ*. Кромѣ того, великорусскія пѣсни удерживаютъ формы *есѝ*, *есте́*, и въ разныхъ великорусскихъ говорахъ сохранились формы 2-го л. *дасѝ*, *ѣсѝ*, *есѝ*.

Мѣсто нѣкоторыхъ древнихъ формъ настоящ. врем. глаголовъ *дамъ* и *ѣмъ* теперь занято соотвѣтствующими формами повелительнаго-желательнаго наклоненія съ значеніемъ настоящ. врем. Великорусск. дашь, ѣшь, малор. *дашъ*, *ї̀шъ*—не что иное какъ формы 2-го л. ед. повелительн.-желательнаго накл., звучавшія въ древнее время *дажь*, *ѣжь*. Само собою разумѣется, причиною измѣненія въ значеніи этихъ формъ послужила фонетическая близость или тожество окончаній *жь* и *шь*. Точно также великорусскія и бѣлорусскія

формы 1-го и 2-го л. мн. да*димъ*, ѣ*димъ*, да*дите*, ѣ*дите*—собственно формы повелительнаго-желательнаго накл., получившія значеніе изъявит. накл. настоящ. врем. потому, что ихъ окончанія тожественны съ окончаніями формъ 1-го и 2-го л. мн. въ родѣ *бранимъ*, *браните*. Появленіе формъ повелит.-желат. накл. въ значеніи настоящ. врем. относится приблизительно къ XIV в.; по крайней мѣрѣ мы знаемъ три такихъ формы—одну въ Псалтыри XIV в. Публ. Библ. F. 4: до избытка ѣ*ши* 5, гдѣ окончаніе *ши* (вм. *шь*) явилось, конечно, вслѣдствіе того, что писецъ хотѣлъ дать русской формѣ церковно-славянскую окраску, двѣ другія (обѣ въ условныхъ предложеніяхъ) въ Новгородской лѣт.: или не вы*дадите*, язъ вамъ не князь 267, и въ Ипатскомъ сп. лѣт.: оже мы *дадимъ* симъ животъ 380 (Хлѣбниковскій и Погодинскій списки здѣсь имѣютъ: *дамы*). Срв. стр. 254.

Рядомъ съ древнею формою 2-го л. ед. настоящ. врем. *хочешь* теперь употребляются формы *хочь* и *хошь*. Первая широко распространена въ великорусскихъ говорахъ и постоянно употребляется въ говорахъ малорусскихъ: живи, коли *хочь* (Кохановская); чи не *хочь* по чарці; коли не *хочь* обідать, такъ...; що *хочь* роби (Квитка); вторая, происшедшая изъ первой подъ вліяніемъ формъ 2-го л. на *шь*, извѣстна только въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ, между прочимъ въ московскомъ; она не отличается большою древностью и мы можемъ указать ее только въ 1-й Новгородской лѣт. по сп. Археографич. Комиссіи XV в.: *хошь*, и ты поѣди, а не въс*хошь*, ино какъ тебѣ любо 421; памятники XVII в. (между прочимъ Книга о ратномъ строеніи 1647 г.) имѣютъ ее часто. Должно замѣтить, что соотвѣтствущая нашей *хочь* церк.-слав. форма *хошти* (съ *и*, какъ въ повелит. даж*ди* и т. п.) также не рѣдко употребляется съ значеніемъ настоящ. врем. (между прочимъ въ Румянц. Лѣствицѣ XII в. 30 об.).

Окончанія настоящ. врем. *у* (*ю*), *ешь*, *етъ*..., *ю*, *ишь*, *итъ*... сохранились почти вполнѣ, и только въ акающихъ говорахъ, тамъ, гдѣ эти окончанія не имѣютъ на себѣ ударенія, произошло смѣшеніе одного спряженія съ другимъ; такимъ образомъ мы теперь произносимъ, напримѣръ, формы 2-го л. ед. 1-го спряженія (безъ ударенія на концѣ) тожественно съ формами того же лица 2-го спряженія: встан*ешь* одинаково съ люб*ишь*, и т. п.; формы 3-го л.

мн. глаголовъ 2-го спряженія теперь у насъ обыкновенно звучатъ какъ формы 1-го спряженія: люб*ютъ*, смотр*ютъ*, одинаково съ пиш*утъ*. Въ сильно акающихъ южно-великорусскихъ и въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ нерѣдки случаи перехода окончанія 3-го л. ед. глаголовъ 1-го спряженія во 2-ое спряженіе: гон*е*, лов*е*, и т. п.

Къ числу слѣдствій смѣшенія одного спряженія съ другимъ не слѣдуетъ относить такихъ двоякихъ формъ, какъ бѣг*у*, бѣг*утъ* (1-е спряженіе), бѣж*ишь*, бѣж*итъ*, бѣж*атъ* Сл. о п. игор. (2-е спр.); хоч*у*, хоч*ешь*, хоч*етъ*, хоч*емъ*, хоч*ете* (1 е спр.), хот*имъ*, хот*ите*, хот*ятъ* (2-е спр.); чт*у*, чт*утъ* (1-е спр.), чт*ишь* (изъ чьстишь), чт*итъ*, чт*имъ*, чт*ите*, чт*ятъ* (2-е спр.). Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ соединеніемъ формъ двухъ спряженій, которыя нѣкогда существовали въ языкѣ во всей своей полнотѣ и употреблялись безразлично, съ одинаковымъ значеніемъ (срв. выше, стр. 108). По всей вѣроятности, къ числу глаголовъ, имѣвшихъ прежде два спряженія, относится и глаголъ *дышу*: въ древнемъ языкѣ онъ измѣняется преимущественно по 1-му спряженію: дыш*ешь*, дыш*уть* (однако въ Бесѣдахъ папы Григорія XIII в.: дыш*итъ*, дыш*атъ*, дыш*ащю* и т. п.), тогда какъ въ языкѣ поэтовъ XVIII в. онъ можетъ имѣть формы по 2-му спряженію: дыш*и́тъ*, В. Майковъ; дыш*а́тъ*, Державинъ.

Сверхъ этихъ явленій, въ исторіи формъ настоящ. врем. можно отмѣтить нѣсколько случаевъ вліянія однихъ формъ одного и того же спряженія на другія, а также вліянія на формы настоящ. врем. формъ неопредѣл. накл. и причастія прошедшаго. Формы 1-го л. ед. и 3-го л. мн. повліяли на другія формы въ тѣхъ случаяхъ, когда согласный въ этихъ формахъ былъ отличенъ отъ согласнаго въ формахъ 2-го и 3-го л. ед., 1-го и 2-го л. мн.; образовавшіяся такимъ образомъ новыя формы нерѣдки въ великорусскихъ говорахъ (между прочимъ, въ московскомъ) и встрѣчаются въ говорахъ бѣлорусскихъ; въ нихъ, напримѣръ, при пе*к*у, пе*к*утъ слышится пе*к*ёшь, пе*к*ётъ и т. д. Наоборотъ, формы 1-го ед. и 3-го л. мн. въ нѣкоторыхъ случаяхъ испытали на себѣ вліяніе другихъ формъ; вслѣдствіе этого, напримѣръ, при мо*ж*ешь, мо*ж*емъ получилися формы 1-го ед. мо*ж*у, 3-го мн. мо*ж*уть, распространенныя въ малорусскихъ говорахъ и не чуждыя также бѣлорусскимъ.—Вліяніе на формы настоящ. врем. формъ неопредѣл. накл. и причастія мы

находимъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ случаевъ; такъ, въ древнемъ языкѣ, при неопредѣл. накл. *плыти*, *слыти*, *дути* (церк.-слав. *дѫти*), были формы настоящ. врем. *плову*, *слову*, *дъму*; рядомъ съ ними, вслѣдствіе вліянія неопредѣл. накл. и причастія, образовались новыя формы настоящ. врем., господствующія теперь въ великорусскомъ нарѣчіи: *слыву*, *плыву*, *дую* (бѣлорусск. дму, дмешь); они извѣстны съ XVI в. (Позпанскій сборникъ: *слыветъ*, *слывутъ*).

Далѣе, въ исторіи формъ настоящ. врем. мы можемъ остановиться на судьбѣ формъ 3-го л. ед. и мн. Въ древне-русскомъ языкѣ 3-е л. ед. и мн. или имѣло окончаніе *тъ*, или было безъ этого окончанія: *будетъ* и *буде*, *будутъ* и *буду*; но формы съ *тъ* преобладали надъ формами безъ *тъ*. Послѣднія въ древнѣйшихъ памятникахъ встрѣчаются рѣдко; но мы читаемъ въ записи Остромирова Ев.: *напише*; въ записи Минеи 1095 г.: *обряще*; въ припискѣ къ Юрьевскому Ев.: *вѣдаѥ*; въ Святослав. Сборникѣ 1073 г.: *ѥ*, *бѫде*, *нарицаѥ*, *биваѥ*, *боли*, *су*, и т. п. Само собою разумѣется, формы безъ *тъ* Святославова Сборника и другихъ памятниковъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, если не всѣ, то многія,—могутъ быть считаемы за принадлежащія не русскому, а церковно-славянскому языку. Въ болѣе позднихъ сѣверно-русскихъ памятникахъ подобныя формы встрѣчаются, но сравнительно рѣдко (между прочимъ въ новгородской грамотѣ 1315 г.: *поиду*, множ.); въ галицко-волынскихъ памятникахъ они болѣе часты (особенно 3-го л. ед.); такъ, въ Добриловомъ Ев. 1164 г. мы читаемъ: *ѥ*, *приходи*, *достои*, *су*, *иму*; въ Холмскомъ Ев. XIII—XIV в.: *ѥ*, *буде*, *купи*, *прося*, *въсхытя*. Формы на *тъ* сохранились во всемъ русскомъ языкѣ, причемъ въ части великорусскихъ говоровъ ихъ конечный согласный отвердѣлъ (см. выше, стр. 117), а въ большей части бѣлорусскихъ говоровъ мягкое *т* перешло въ *ц*. Формы безъ *тъ* встрѣчаются также во всемъ русскомъ языкѣ; въ сильно акающихъ южно-великорусскихъ и въ малорусскихъ говорахъ формы ед. ч. безъ *тъ*, на *е*, очень часты: *несе*, *буде* и т. п. (но *несетця*, *любитъ*, *будутъ*); то же можно сказать о юго-западныхъ бѣлорусскихъ говорахъ. Литературный языкъ почти не знаетъ формъ безъ *тъ*; нѣсколько находящихся въ немъ глагольныхъ формъ безъ *тъ* какъ-бы утратили свое глагольное значеніе: *нѣту*=нѣсть ту (часто и въ старыхъ памятникахъ), *нельзя* (старое *нѣ*-льзѣ)=нѣсть льзѣ,

нѣ-чего, *нѣ*-кого, *нѣ*-чему, *нѣ*-кому (Новгородская лѣт. 256: *нѣ*-чимь)=нѣтъ ничего и т. д., *нѣ*-што=развѣ, если (договоръ короля Казимира 1483 г.: а *нѣ*што што Богъ измыслитъ, ино имъ... Ак. З. Р. I, № 80; срв. съ *нѣ* въ *нѣ*што—*есть* въ *если*), *буде*=будеть, если, *де* изъ дѣѥ=дѣѥть, 3-е л. ед. ч. отъ глагола *дѣяти* говорить.

Формы настоящаго времени нерѣдко имѣютъ значеніе будущаго времени. Употребленіе ихъ съ этимъ значеніемъ началось въ глубокой древности, и въ древне-русскихъ памятникахъ они употребляются почти такъ же, какъ и въ современномъ языкѣ, т. е. однѣ формы настоящаго являются въ нихъ съ значеніемъ настоящаго времени, другія—съ значеніемъ будущаго; сверхъ того, въ нихъ есть нѣкоторое количество формъ, которыя имѣютъ значеніе и настоящаго времени, и будущаго: Остромирово Ев.: слъньце *мъркнетъ* и луна не дасть свѣта 145 об.=померкнетъ; Лаврентьевскій сп. лѣт.: поѣди ис Переяславля; пакы ли не поидешь добромъ, *иду* на тя ратью 406; псковская грамота 1483 г.: насъ части лишаютъ, а проѣзду не *дадутъ*, Ак. Юр. № 2; сѣв.-великор. грамота ок. 1490 г.: люди *купятъ* и продаютъ, Ак. Юр. 9; волоцкая грамота 1500 г.: являютъ сю грамоту волостелю и они не *дадутъ* ничего, Ак. Арх. Э. I, 102; разрядная книга 1615 г. (Временникъ Общ. ист. и др. III, 1): *дадутъ*=даютъ. Срв. современн. *бѣгу*, *велю*, *крещу*, *рожу*, *женю*, *молвлю* и т. п., *рѣшу*, *обижу* (у В. Майкова 186, 252, 307), поэтическое *паду* (у Пушкина): поколѣнья восходятъ, зрѣютъ и *падутъ* (наст. вр.); *паду* ли я, стрѣлой пронзенный (буд. вр.); даже форма *будетъ*, при различномъ употребленіи, имѣетъ значеніе настоящ. врем. (=довольно, достаточно).

Исторія формъ повелительнаго наклоненія. Формы повелительн. накл. (собственно желательнаго) отправляли въ древности, какъ и теперь, функціи какъ повелительнаго, такъ, отчасти, желательнаго и сослагательнаго накл. Формы 1-го л. ед. повелит. н. исчезли изъ употребленія еще въ глубокой древности, и мы находимъ только самые скудные остатки ихъ въ языкѣ древне-русскихъ памятниковъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ (Толстовская Псалтырь XII в.: *бѫдѣмь* 184); формы 3-го л. мн. также исчезли и неизвѣстны даже въ остаткахъ; такимъ образомъ до насъ дошли только формы 2-го и 3-го л. ед., 1-го и 2 го дв. и мн. Формы повелит. накл. въ древне-русскомъ языкѣ имѣли трояќія окончанія:

1) нѣкоторые глаголы имѣли во 2-мъ и 3-мъ л. ед. окончаніе ь, въ 1-мъ л. мн. *имъ* и во 2-мъ л. мн. *ите*: дажь, дад*имъ*, дад*ите*; ѣжь, ѣд*имъ*, ѣд*ите*; вижь, вид*имъ*, вид*ите*; вѣжь и т. д.; изъ этихъ формъ двѣ въ настоящее время сохраняются въ литературномъ языкѣ: съ значеніемъ повелит. накл.—*пъшь* и въ видѣ частицы—*вишь*; форма *дажь* въ значеніи повелит. накл. уже въ XIV в. была непонятна переписчикамъ, и они обыкновенно, вмѣсто нея, писали *даи же*: Поликарпово Ев. 1307 г.: хлѣбъ нашь *даи же* намъ днесь 89 об.; Ев. 1355 г.: *даи же* ми воды пити, *даи же* ми воду сию 14, *даи же* славу Богу 19 и др.; 2) нѣкоторые глаголы имѣли окончанія *и*, *имъ*, *ите*: гляд*и*, гляд*имъ*, гляд*ите*; наконецъ 3) остальные глаголы оканчивались на *и*, *ѣмъ*, *ѣте*: вед*и*, вед*ѣмъ*, вед*ѣте*.

Различныя формы повелит. накл. оказали другъ на друга вліяніе, и такимъ образомъ создалось нѣсколько новыхъ формъ.

Формы 2-го и 3-го л. на *жь* оказали вліяніе на свои формы 2-го л. мн. и создали новыя формы 2-го л. мн. на *жьте*; такъ, подъ вліяніемъ формы ви*жь* явилась форма ви*жьте* (Кормчая XIII—XIV в. Рум. Муз. № 230, л. 136 об.; Сборникъ XIII—XIV в. Общ. ист. и древн. 25 об., 33; Чудовской Нов. Зав. 19 об., 34; Ипатскій сп. лѣт. 207); форма вѣ*жь* послужила къ образованію формы вѣ*жьте* (тотъ же Сборникъ 42, увѣ*жьте* 29; вѣ*жте* Чудовск. Нов. Зав. 139 об.; повѣ*жьте* Лаврентьевск. сп. лѣт. 68); форма ѣ*жь* дала начало формѣ ѣ*жьте* (зап.-русск. сб. Син. Библ. XVI в. № 367: въстаньте а е*жьте* 435). Затѣмъ формы 2-го и 3-го ед. на *жь* и новыя формы 2-го мн. на *жьте* оказали вліяніе на формы повел. накл. на *и*, *имъ*, *ите*, *и*, *ѣмъ*, *ѣте*, что повело также къ образованію новыхъ формъ. Ихъ мы видимъ часто уже въ памятникахъ XIII—XIV в.: гал.-вол. Ев. XII—XIII в. Никольскаго монаст. № 150: починте мало 36; гал.-вол. Галицкое Ев. ок. 1266 г.: украдь, оставьте, обидьте, въверьзьте; гал.-вол. Холмское Ев. XIII—XIV в.: прилежь (вм. прилеж*и*), наполньте, видьте, въстаньте, будьте, останьтеся; гал.-вол. Луцкое Ев. XIV в.: преꙗдьмы, сядьте, плачьтеся; зап.-русск. грамота Кейстута послѣ 1341 г.: будте; у Скорины: поведь, приедь, помольте, молвъ ему, и т. п. Въ настоящее время подобныя формы широко распространены во всемъ русскомъ языкѣ и могутъ считаться обще-русскими: встань, встаньте, сядь, сядьте и т. п. Рядомъ съ этими формами сохранились (особенно когда

удареніе формы 2-го л. ед. было на конечномъ *и*) и старыя формы: великорусск. люб*и́*, люб*и*те, смотр*и́*, смотр*и́*те.

Формы 1-го и 2-го л. мн. на *ѣмъ*, *ѣте* (вед*ѣмъ*) и на *имъ*, *ите* (гляд*имъ*) также оказали другъ на друга вліяніе. Въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ мы находимъ формы въ родѣ ищ*ѣ*мъ (вм. ищ*и*мъ), ищ*ѣ*те (вм. ищ*и*те), вяж*ѣ*мъ, вяж*ѣ*те; хотя онѣ встрѣчаются только въ спискахъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, но едва ли возможно сомнѣваться, что они существовали и въ живомъ русскомъ языкѣ; по крайней мѣрѣ относительно древняго галицко-волынскаго говора можно сказать навѣрное, что онѣ въ немъ были нерѣдки. На это указываютъ такія новыя формы 1-го и 2-го л. мн. повелит. накл., которымъ подобныхъ нѣтъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ и которыя могутъ быть названы собственно галицко-волынскими: Христинопольскій Апостолъ XII—XIII в.: не хвал*ѣ*-теся 77; Галицкое Ев. ок. 1266 г.: прост*ѣ*те, запись; Галицкое Ев. 1283 г.: закол*ѣ*те 59 об.; Поликарпово Ев. 1307 г.: отвал*ѣ*те; Луцкое Ев. XIV в.: хран*ѣ*теся, твор*ѣ*те, мол*ѣ*теся. Подобнаго рода формы мы находимъ также въ западно-русской Четьѣ 1489 г.: пуст*ѣ*те, помол*ѣ*мся, твор*ѣ*мъ; въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.: подад*ѣ*мъ (съ значеніемъ будущ. вр.) 68. Что до современнаго языка, то рефлексомъ новыхъ формъ на *ѣмъ*, *ѣте* (ищ*ѣ*те, отва-л*ѣ*те) являются обычныя малорусскія формы въ родѣ ищ*і*те, отва-л*і*те, съ *і* изъ *ѣ*, и нерѣдкія въ бѣлорусскихъ говорахъ формы въ родѣ помол*е́*мся.

Въ свою очередь формы на *имъ*, *ите* (гляд*имъ*, гляд*ите*), вмѣстѣ съ формами ед. ч. на *и* (гляд*и*, вед*и*), оказали вліяніе на формы на *ѣмъ*, *ѣте* (вед*ѣмъ*, вед*ѣте*) и повели къ образованію новыхъ формъ въ родѣ вед*и*мъ, вед*и*те, бер*и*мъ, бер*и*те. Послѣднія встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ: Остромирово Ев.: привед*и*те 73, стан*и*теся 230; Архангельское Ев. 1092 г.: мет*и*мъ 115 об.; Минея 1095 г.: почьрьп*и*мъ 111; Минея 1097 г.: въсъл*и*мъ 313; Путятина Минея XI в.: не кльн*и*те, запись; Слово Ипполита объ антихристѣ XII в.: рьц*и*те. Памятники XIII—XIV вв., сѣверно-русскіе, имѣютъ ихъ уже довольно часто; Милятино Ев. 1215 г.: привед*и*те 41 об.; Житіе Нифонта 1219 г.: поид*и*вѣ 31 об., 151 об., побѣгн*и*мъ 90; духовная новгородца Климента: възм*и*те; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: съвед*и*теся 7; грамота рижанъ

ок. 1284 г.: шл*и*те (древн. съл*ѣ*те); Ев. 1317 г. г.: чт*и*те, запись, сбер*и*те, принес*и*те, призов*и*те; Ев. 1355 г.: ид*и*те, привед*и*те, рц*и*те, въверз*и*те; Новгородская лѣт.: ид*и*та, поид*и*те, приим*и*те, помоз*и*те, и друг. Старыя формы на *ѣмъ*, *ѣте* были еще въ полномъ употребленіи въ сѣверно- и западно-русскихъ говорахъ въ XIII—XIV вв.: смоленская грамота ок. 1297 г.: буд*е*те со мною въ любви; грамота рижанъ около 1300 г.: буд*ѣ*те готови; они нерѣдки въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.; изъ болѣе позднихъ памятниковъ можно указать въ Познанскомъ сборникѣ XVI в. повед*е*те, тец*е*те; въ великорусской грамотѣ 1542 г.: поѣд*е*те за нами, Ак. Ѳед.-Чех. I, 89. Съ теченіемъ времени формы 2-го мн. на *ѣте*, сохраняющіяся въ малорусскомъ нарѣчіи (съ *і* на мѣстѣ *ѣ*), были вытѣснены совсѣмъ въ великорусскихъ и въ большинствѣ бѣлорусскихъ говоровъ формами на *ите*. Формы 1-го мн. на *ѣмъ*, живущія еще въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, исчезли почти совсѣмъ въ великорусскомъ и малорусскомъ, и ихъ мѣсто заняли близкія къ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ формы 1-го мн. настоящ. врем. съ значеніемъ будущаго. Древнѣйшій случай употребленія формы настоящаго въ качествѣ формы повелит. накл. мы находимъ въ Тріоди Моисея кіевлянина XII—XIII в., гдѣ мы читаемъ: сърящ*о*мъ (*о* изъ *е*)= εἰςδεξώμεθα; въ Прологѣ 1262 г. мы имѣемъ: подража*ѥ*мъ мудрыя дѣвы 84 об.; Лаврентьевскій сп. лѣт. не разъ имѣетъ формы настоящ. врем. вмѣсто формъ повелит.: пойд*е*мъ, высадимъ дружину свою; рече Мстиславъ дружинѣ своей: пойд*е*мъ на ня; стан*е*мъ, потягн*е*мъ, ляж*е*мъ, меч*е*мъ, и т. п. Срв. въ Златоструѣ XII в.: рекоша: разби*ѥ*мъ ключь да видимъ 68 об.; здѣсь въ разби*ѥ*мъ, можетъ быть, *ѥ* означаетъ звукъ *е*. Въ современномъ великорусскомъ нарѣчіи обыкновенно слышится: или пойд*ё*мъ, сбер*ё*мъ и т. п. (при тульск. пойд*е*мъ, съ *е*, и т. п.), или пойд*ёмте*, сбер*ёмте*, съ двумя личными окончаніями; въ малорусскомъ нарѣчіи соотвѣтствующія формы обыкновенно оканчиваются на *емо*.

Говоря о формахъ повелит. наклон., мы должны упомянуть о вліяніи на эти формы другихъ глагольныхъ образованій, главнымъ образомъ формъ настоящаго времени. Нѣкоторыя формы повелит. наклон. въ древности имѣли передъ окончаніемъ свистящій звукъ, т. е. въ нихъ слышалось *ц*, *з*, *с*, тогда какъ въ формахъ настоящ. врем. слышался или одинъ изъ гортанныхъ *к*, *г*, *х*, или шипящій

ч, *ж*, *ш*. Вслѣдствіе вліянія формъ настоящ. врем., формы повелит. накл. съ свистящимъ звукомъ стали исчезать, уступая мѣсто новымъ формамъ или съ гортаннымъ, или съ шипящимъ звукомъ. Такъ явились современныя великорусскія ля*г*ъ, ля*г*те (по образцу ви*ж*ъ, встан*ь*, встан*ь*те), пе*к*и, пе*к*ите, помо*г*и, помо*г*ите, которыя заняли мѣсто древнихъ формъ ля*з*и, ля*з*ѣте, пь*ц*и, пь*ц*ѣте, мо*з*и, мо*з*ѣте и которыя восходятъ къ XIV в.: Паремейникъ XIV в. Троицк. Лавры № 4: стре*г*и моѥго входа 33; гал.-вол. Ев. Верковича: отвер*г*и 89 об. Такъ явились современныя малорусскія формы пе*ч*и, пе*ч*імо, пе*ч*іте, бѣлорусская помо*жи*, подобныя которымъ встрѣчаются также въ памятникахъ великорусскаго происхожденія: Лаврентьевск. сп. лѣт.: рь*ч*и 76; Ипатск. сп. лѣт.: стере*жи* 456; московская грамота 1525 г.: сол*ж*и, Ак. Арх. Э. I, 144; западно-русскіе памятники XVI в. имѣютъ формы съ шипящими почти постоянно: Познанскій сборникъ: помо*жы*, стре*жы*; Ев. Тяпинскаго: помо*жи*, отсѣ*ч*и, ре*ч*и, стере*ж*ите; Литовскій Статутъ: Боже помо*жы*; рядомъ въ Познанскомъ сборникѣ: помо*з*и,—*з*имо.

Формы повелит. наклон. въ славянскихъ языкахъ издревле отправляли функціи желательнаго и сослагательнаго наклон., по преимуществу въ придаточныхъ предложеніяхъ. Такое употребленіе формъ повелит. накл. встрѣчается, между прочимъ, въ церковно-славянскомъ и древне-русскомъ языкахъ. Въ церк.-слав. Супрасльской рукописи мы находимъ форму повелит. накл., напримѣръ, въ выраженіи: въспомѧнемъ добрѫ дѣтель мѫжь, да *подвигнѣмъся* на подражаниѥ, гдѣ форма повелит. накл. по значенію соотвѣтствуетъ латинскому сослагательному: ut nos *incitemus*. Въ гал.-вол. Добриловомъ Ев. 1164 г. мы читаемъ: идеже аще *вълѣзѣте*, ту пребудете; въ гал.-вол. Типографскомъ Ев. XII—XIII в. № 6: вонь же градъ колижьдо *вънидѣте*,... ѣдите 105; въ Русской Правдѣ по сп. ок. 1282 г.: за кормилца 12 гривьнъ и за кормилицю, хотя си *буди* холопъ или раба 4; здѣсь формы повелит. наклон. *вълѣзѣте* и др. употреблены также въ значеніи греческаго и латинскаго сослагательнаго. Въ Вопрошаніи Кирика по сп. ок. 1282 г. мы находимъ выраженіе: аще и мьртвыя *въскрешаи*, не можеть попомь быти (Р. Истор. Библ., VI, 46); здѣсь форма 3-го ед. повелит. наклон. соотвѣтствуетъ греческому желательному. Главное, повелительное значеніе формъ повелител. наклон. сохраняется ими въ

современномъ русскомъ языкѣ во всей полнотѣ; значенiе же желат.-сослагат. наклон. всѣхъ лицъ и чиселъ въ немъ имѣетъ одна форма, форма 2-го и 3-го л. ед., когда находится въ придаточныхъ условныхъ предложенiяхъ, при подлежащихъ всѣхъ лицъ и чиселъ: *скажи* я ему слово, онъ сдѣлаетъ все; *скажи* ты..., *скажи* онъ..., *скажи* мы..., и т. д.; *захоти*, такъ (онъ) былъ бы дѣловой; какъ мѣсяцъ ни *свѣти*, а все не солнца свѣтъ, и т. п. Не лишнее замѣтить, что форма 2-го и 3-го л. ед. съ теченiемъ времени перешла изъ придаточныхъ предложенiй въ главныя и стала въ этихъ послѣднихъ употребляться въ качествѣ формы изъявит. наклон. для обозначенiя быстро совершившагося дѣйствiя; въ грамотѣ 1518 г.: Ѳеофанъ старецъ съ братьею и староста... они *возми* образъ Пречистые да *поведи*, Ак. Юр. 30; современн. великорусск. онъ *глядь*, а волкъ передъ нимъ; онъ ему и *скажи*; онъ его *ударъ*.

Исторiя формъ возвратнаго залога. Какъ въ литовскомъ, такъ и въ славянскихъ языкахъ формы страдательнаго и возвратнаго залоговъ издревле образовывались чрезъ присоединенiе къ формамъ дѣйствит. зал. формы возвратнаго мѣстоименiя; но въ то время, какъ литовскiй языкъ имѣетъ мѣстоименную форму, прикрѣпленную къ глагольнымъ формамъ и отличную по звукамъ отъ формъ того же мѣстоименiя, когда оно употреляется отдѣльно,—въ славянскихъ языкахъ мы видимъ свободное употребленiе формъ возвратнаго мѣстоименiя, такъ что глагольная форма употребляется сама по себѣ, а мѣстоименная сама по себѣ; при этомъ послѣдняя можетъ стоять и передъ глаголомъ, и послѣ глагола, и непосредственно рядомъ съ глаголомъ, и черезъ одно или нѣсколько словъ отъ него.

Въ древне-русскомъ языкѣ употребленiе мѣстоименной формы *ся* (вин. п.) или—рѣдко—*си* (дат. п.; см. выше, стр. 101) предъ глаголомъ было столь же обычно, какъ и послѣ глагола. Оно было свойственно всѣмъ древне-русскимъ говорамъ, и мы читаемъ въ кiевской Мстиславовой грамотѣ 1130 г.: донелѣже *ся* миръ *състоитъ*, кто *ся изоостанеть* въ манастыри; въ смоленской грамотѣ ок. 1230 г.: притьча *ся пригодитъ*; въ новгородской грамотѣ ок. 1262 г.: что *ся учинило* тяже, гдѣ *ся* тяжа *родитъ*; въ московской духовной Ивана Калиты: что *ся остало*, тыми *ся подѣлятъ* сынове мои; въ духовной Семена Гордаго: хто *ся будетъ* у тѣхъ людии *женилъ*; въ Новгородской лѣт.: копая подъ другомь яму самъ *ся* в

ню ввалить 271. Рядомъ съ употребленіемъ *ся* передъ глаголомъ, мы имѣемъ цѣлый рядъ случаевъ *ся* послѣ глагола, какъ непосредственно за глаголомъ, такъ и чрезъ одно слово; въ записи Святославова Сборника 1073 г. мы читаемъ: *коньчяшися* книгы сия; въ припискѣ къ Юрьевск. Ев.: *възвратихъся, съкончася* вьсе дѣло; въ смоленской грамотѣ 1230 г.: ать *управяться* сами; въ духовной вел. кн. Ив. Ивановича: *подѣляться*. Свободное употребленіе *ся* во всемъ русскомъ языкѣ продолжалось довольно долго: въ XVII в. мы нерѣдко его видимъ въ памятникахъ южно-русскихъ, въ XVI в.— въ памятникахъ великорусскихъ, въ родѣ московскаго Судебника 1550 г.: чтобы *ся* недѣльщики не *отпирали*, или Домостроя: не *слегло* бы *ся*, все то *ся пригожаеть*, или даже грамотъ: о семъ судья рекъ *ся доложити* митрополита, *шлешъ* ли *ся* на розъѣзджіе мужи (1518 г.; Ак. Юр. 30, 31). Великорусскія грамоты его имѣютъ въ формулахъ и въ XVII в.: съ воры *ся* ему не водити (1615 г.; Ак. Юр. 297). Великорусскія пословицы его сохраняютъ даже въ XVIII в.: аще за друга *ся поручаешь*, свою душу другу полагаешь (сборникъ пословицъ 1758 г.).

Въ настоящее время въ значительномъ большинствѣ русскихъ говоровъ мы находимъ *ся* или *си* прикрѣпленнымъ къ глагольной формѣ и поставленнымъ послѣ этой формы,—и только сравнительно немногіе, по преимуществу западные, говоры малорусскаго нарѣчія еще сохраняютъ свободное употребленіе возвратнаго мѣстоименія.

Памятники XV—XVII вв. даютъ намъ нѣкоторое количество случаевъ употребленія формы возвратнаго залога съ двумя *ся*: Ипатскій сп. лѣт.: а не можемъ *ся* вмѣститис*я* в печерѣ 111; Погодинскій сб. XV—XVI в. № 853: христіана *ся* нарицаеши*ся* 90; великорусск. грамота 1518 г.: на розъѣзжчика *ся*, господине, ...не шлю*ся*, Ак. Юр. 31; грамота 1600 г.: сказали, что *ся* они въ искѣхъ помирили*ся*, Ак. Калач. I, 525; Ев. Тяпинскаго: чірвонеет*ца* бо *ся* нѣбо. Въ нихъ то *ся*, которое не прикрѣплено къ глагольной формѣ, является уже частицею безъ опредѣленнаго значенія. Отсюда употребленіе *ся* какъ-будто безъ всякаго значенія въ великорусскомъ нарѣчіи: грамота 1608 г.: писалъ еси, что будто *ся* ты у отпусковъ былъ, Ак. Арх. Э. II, 178; современн. гляди-ко-*ся*, поди-ко-*ся* (и поди-ко-*сь*), ну-ко-*ся* и т. п.

Исторія формъ неопредѣленнаго наклоненія. Изъ двухъ древнихъ формъ древне-русскаго неопредѣленнаго наклоненія формы на *ти* (*чи*) господствуютъ въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, какъ въ книгахъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, такъ и въ грамотахъ; формы на *ть* (*чь*), напротивъ того, встрѣчаются въ нихъ сравнительно рѣдко. Но чѣмъ болѣе памятники приближаются къ нашему времени, тѣмъ чаще намъ встрѣчаются формы на *ть*, тѣмъ болѣе они получаютъ преобладаніе. Тѣмъ не менѣе формы на *ти* еще вполнѣ обычны во всѣхъ памятникахъ XVII в. Вытѣсненіе ихъ формами на *ть* вполнѣ естественно, такъ какъ языкъ вообще предпочитаетъ употреблять болѣе короткія формы. Въ современномъ литературномъ языкѣ формы на *ти* рѣдки и являются только тогда, когда удареніе стоитъ на конечномъ *и*: ид*ти́*, нес*ти́*, вез*ти́*, вес*ти́*; но и въ этомъ случаѣ рядомъ съ ними обыкновенно употребляются также формы нес*ть*, вез*ть* и т. д.; кромѣ подобныхъ формъ на *ти*, въ литературномъ языкѣ изрѣдка встрѣчаются архаизмы въ родѣ пе*чи́* (бѣда, коль пироги начнетъ *печи* сапожникъ...). Въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ формы на *ти* находятся въ полномъ употребленіи; въ другихъ они такъ же рѣдки, какъ въ литературномъ языкѣ, хотя пѣсни сохраняютъ ихъ въ большомъ количествѣ. Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи формы на *ти* не особенно рѣдки. Въ однихъ изъ малорусскихъ говоровъ они господствуютъ, въ другихъ встрѣчаются рѣже, чѣмъ формы на *ть*.

Формы такъ называемаго супина на *тъ* въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ памятникахъ употребляются исключительно при глаголахъ движенія и встрѣчаются довольно часто до самаго конца XIV в.: смоленская грамота 1229 г.: латинину не звати русина на полѣ битося (*о—ъ*); смоленская грамота ок. 1230 г.: немьчичю нельзѣ позвати на поле русина битъся; договоръ Новгорода съ Тверью 1265 г.: ездити звери гонитъ; Русская Правда по сп. ок. 1282 г.: идеть искатъ купъ; западно-русская грамота Кейстута послѣ 1341 г.: а быхомъ пустили търговатъ, поидеть торговатъ; псковской Ирмолой 1344 г.: сѣсти ужинатъ, приписка писца; Лаврентьевск. сп. лѣт.: иде учитъ, посла два варяга прикончатъ, мы не цѣловатъ ихъ приѣхали, снидевѣ ся сама боротъ, пришли есьмы воеватъ, и т. п. (нерѣдко); Палея 1406 г. (нерѣдко). Въ современномъ языкѣ

мы не находимъ никакихъ достовѣрныхъ остатковъ этого супина; есть, правда, въ одномъ изъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ формы неопредѣл. наклон. на *тъ*, но онѣ могутъ быть объясняемы какъ древнія формы на *ть* съ отвердѣвшимъ *т*.

Мѣсто супина на *тъ* въ настоящее время занято или неопредѣленнымъ наклоненіемъ=супиномъ на *ть*, или неопредѣл. накл. на *ти*. Формы на *ть* у насъ издревле употреблялись рядомъ съ формами на *тъ*, въ одномъ съ ними значеніи (см. выше, стр. 165); замѣна формъ на *тъ* формами на *ти* также началась въ глубокой древности. Мы, напримѣръ, читаемъ въ Остромировомъ Ев.: идѫ уготова*ти* мѣсто 45 об., посъла призва*ти* 80 об.; въ Юрьевскомъ Ев.: не придохъ положи*ти* мира 41 (срв. въ церк.-слав. Зографскомъ Ев.: придъ да*ти* 111). Памятники съ чистымъ русскимъ языкомъ также знаютъ употребленіе неопредѣл. накл.: смоленская грам. 1229 г.: ѥхали тверди*ти* миръ; договоръ Дмитрія Донскаго 1372 г.: пошли люди жалова*ти*ся, и т. п. Позднѣе, въ памятникахъ XV—XVI в., замѣна формъ на *тъ* формами на *ти* встрѣчается очень часто.

Формы неопредѣл. наклон. въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣсколько отличались по звукамъ основы отъ формъ настоящ. вр. и другихъ; вслѣдствіе этого, когда произошло вліяніе вторыхъ формъ на первыя, явилось нѣсколько новыхъ формъ неопредѣл. накл.

Такова форма *итти*, образовавшаяся изъ древней *ити* вслѣдствіе вліянія формы *иду* и т. п. и встрѣчающаяся уже въ великорусскихъ памятникахъ XIV в.: Ев. 1358 г.: вни*дь*ти 66, вни*д*ти, прои*д*ти 66 об., и*д*ти 75 об., при*д*ти 90, преи*д*ти 111 и др.; Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 6: и*д*ти 3, при*д*ти 8; она слышится во всемъ современномъ великорусскомъ нарѣчіи (и*т*ти, и*т*тить) и въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ.

Такова форма *йти*, образовавшаяся изъ древней *ити*, вѣроятно, подъ вліяніемъ на*йти*, во*йти* и т. п. и найденная нами, между прочимъ, въ великорусскомъ Прологѣ 1432 г. Публ. Библ.: въстахъ *йити* хотя спать 64; она распространена въ великорусскихъ говорахъ и встрѣчается у писателей XVIII в. (напримѣръ, въ «Трутнѣ» Новикова).—Всѣ формы неопредѣл. наклон. глагола *иду* — *ити*, *итти*, *йти* въ великорусскихъ говорахъ нерѣдко имѣютъ второе окончаніе неопредѣл. наклон. и звучатъ ити*ть*, итти*ть*, йти*ть* (особенно формы возвратн. зал.: обойти*ть*ся, разойти*ть*ся, Пушкинъ,

сойти*ть*ся, Лермонтовъ, и т. п.); изъ нихъ первая не рѣдка въ московскихъ грамотахъ XVII в. (напримѣръ, въ грамотѣ 1609 г., Ак. Калач. II, 674).

Таковы формы въ родѣ ле*х*чи, пекчи, мо*х*ти, пе*к*ти, изъ которыхъ первыя встрѣчаются въ великорусскомъ нарѣчіи, вторыя особенно распространены въ малорусскомъ; великорусскіе памятники XVII в. имѣютъ еще формы въ родѣ измо*тчи* (отъ измо*г*у; грамота 1609 г.), убере*тчи*ся (грамота 1616 г.), пострu*тчи*ся (пѣсня въ записи Рич. Джемса), стере*тчи*ся (паломникъ Гагара) и т. п.; въ пѣсенникѣ второй половины XVIII в.: пе*тчи* (отъ пе*к*у); въ современн. пріалтайскомъ говорѣ: смо*тчи*сь (собраться съ силами); въ этихъ формахъ окончаніе *тчи*, повидимому, образовалось изъ окончанія *чи* подъ вліяніемъ формъ настоящ. врем. съ шипящимъ (пе*ч*ешь, мо*ж*ешь). Но см. стр. 141.

Такова, вѣроятно, форма р*ж*ати, при церк.-слав. и др.-русск. ръзати (настоящ. вр. ръ*ж*ю).

Исторія причастій. Причастія настоящаго времени въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ имѣютъ форму имен. ед. муж. р. съ окончаніемъ *а* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ церковно-славянскій языкъ имѣетъ окончаніе *ы*,—слѣдовательно съ предыдущимъ твердымъ согласнымъ. Формы въ родѣ ид*а*, мог*а* еще нерѣдки въ памятникахъ XIV в. (между прочимъ въ грамотахъ и лѣтописяхъ), но потомъ исчезаютъ, когда именно,—за неимѣніемъ данныхъ мы не можемъ опредѣлить. Въ современномъ русскомъ языкѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ этихъ формъ, если не считать формы *мога* и нѣкоторыхъ именъ существительныхъ (см. выше, стр. 186).

Мѣсто формъ на *а* очень рано стали занимать новыя формы причастій настоящ. времен. съ окончаніемъ *я*: ид*я*, нес*я*, которыя образовались вслѣдствіе вліянія на формы въ родѣ ид*а*, нес*а*—формъ въ родѣ люб*я*, eмл*я*. Формы на *я* мы находимъ какъ въ памятникахъ списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ (въ Тріоди 1311 г.: зов*я* 73), такъ и въ грамотахъ и лѣтописяхъ; напримѣръ, въ грамотѣ рижанъ около 1300 г. мы читаемъ: ид*я*, вед*я*; въ новгородской грамотѣ ок. 1305 г.: повьрг*я*; въ двинской рядной XIV—XV в.: рк*я* (=ц.-слав. рек*ы*, др.-русск. рьк*а*); въ Новгородской лѣт.: ид*я* 40, рек*я* 193, 208, жд*я* 205; въ Ипатскомъ сп. л.: рек*я* 23. Эти формы на *я* съ теченіемъ времени широко

распространились въ языкѣ и вытѣснили формы на *а*. Изъ послѣднихъ сохранилась лишь одна форма *мога*, извѣстная въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ (мóг*а*) и, можетъ быть, существующая также въ нѣкоторыхъ великорусскихъ (В. Майковъ: кто кого смог*á*, такъ тотъ того въ рога).

Причастія на *а*, *я* первоначально были исключительно причастіями настоящ. врем.: прохождааше исцѣл*а* вьсакъ недѫгъ, Остромирово Ев. 68 об. (=исцѣляя); прѣбываше задав*я* (=давя) клеврѣта, аще бы искус*я* (=искушая) пришьлъ, Учительн. Ев. Константина Болгарск. XII в. 98, 102; рака ста не поступ*ячи* (=поступая), Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII в. 11. Но съ теченіемъ времени, между тѣмъ какъ одни изъ нихъ, образованныя отъ глагольныхъ основъ съ длительнымъ оттѣнкомъ, сохранили свое древнее значеніе, — другія, бывшія по своимъ основамъ въ связи съ глаголами совершеннаго вида, въ цѣломъ рядѣ случаевъ утратили значеніе настоящ. врем. и сдѣлались причастіями прошедш. врем. (=греческ. причаст. аориста). Мы находимъ ихъ уже въ памятникахъ XIII и XIV вв. употребляющимися одинаково съ причастіями прошедш. врем. на *ъ*, *въ*; такъ, въ смоленской грамотѣ ок. 1230 г. мы читаемъ: дѣтьскыи не исправить возм*а* мьзду (=взявъ); въ записи Пантелеймонова Ев. XII в.: исправ*яче* чьтѣте (=исправивше); въ Прологѣ 1262 г.: мощи ѥя възм*я* Акакии и погрѣбѣ 17, заим*я* поздри пльваше 50 об., тъ поим*я* мя въсаді въ тьмницю 83; въ новгородской грамотѣ ок. 1305 г.: отъѥхалъ городъ повьрг*я* (=бросивъ); въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт.: створи нарядъ утвердивъся крестнымъ цѣлованьемъ с ними и честь возм*а* у нихъ 359, пожг*а* городъ възвратися 368, посла его пристав*я* къ нему своѣ мужи 384, князь вниd*а* в волость поима городы 393, упереди Романъ скоп*я* полкы и въѣха в рускую землю, а володимерци лиш*ася* Рюрика ѣхаша.... 396; и т. п.; въ Новгородской лѣт.: иде князь поим*я* съ собою мужи новгородьскыя 201, поиде князь поим*я* съ собою новгородце 271, соім*я* ризу 282 и т. п. Въ современномъ русскомъ языкѣ причастныя формы на *я* употребляются въ одномъ значеніи съ формами причастій прошедш. врем., и мы говоримъ прид*я* рядомъ съ пришедъ, принес*я*, привед*я* рядомъ съ принесши, приведши. Нашъ литературный языкъ знаетъ, съ значеніемъ прошедш. врем., только употребленіе старыхъ формъ имен. ед. на *я*;

наст.

старыхъ формъ имен. мн. на *че*, *чи*, встрѣчающихся въ памятникахъ XVII в. (Котошихинъ: поидучи въ походъ=пошедши), въ немъ уже не существуетъ.

Въ судьбѣ причастій прошедш. врем. обращаютъ на себя вниманіе тѣ явленія, которыя имѣютъ своею причиною вліяніе причастій съ окончаніемъ *въ*, въ родѣ любивъ, давъ, на причастія съ окончаніемъ *z*, въ родѣ начьнъ, възьмъ, шьдъ, и наоборотъ. Глаголы, нѣкогда имѣвшие въ основѣ неопредѣл. накл. носовой гласный: *възѧти*, *начѧти*, *клѧти* и т. п., имѣли въ древности причастія на *мъ* и *нъ*: възьмъ,—ше, начьнъ,—ше, кльнъ,—ше. Эти формы были весьма распространены въ старомъ языкѣ и нерѣдки въ памятникахъ; такъ, напримѣръ, въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г. мы читаемъ: емъ, снемъ, емъшо; въ Ев. Тяпинскаго XVI в.: вынемшы, розпенъши, почонъши. Они сохранились въ современныхъ русскихъ говорахъ или въ древнемъ своемъ видѣ, или въ нѣсколько измѣненномъ: взёмши или взямши. Рядомъ съ ними, по образцу формъ любивъ, давъ, развились новыя формы съ тою основою, что въ неопред. накл., и съ окончаніемъ *въ*: взявъ, начавъ, заклявъ и т. п. Мы находимъ ихъ прежде всего въ спискахъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ: въ Словахъ Григорія Богослова XI в.: явъ 67, изявъ 19, появъ 231, възявъ 172 об., 331 об., заклявъ 64 об., распявъ 198 об.; въ Юрьевскомъ Ев.: явъ за руку отроковицѧ 86; въ гал.-вол. Ев. Никольскаго монаст. XII—XIII в.: явъ по руку слѣпьця 83. Современные русскіе говоры (особенно великорусскіе) употребляютъ ихъ весьма часто, а въ нашемъ литературномъ языкѣ они господствуютъ.— Съ этими формами одинаковы по образованію новыя формы причастій отъ глаголовъ съ основою въ неопредѣл. наклон. на какой-либо согласный, особенно на *д* и *т*. Большая часть старыхъ причастій отъ этихъ глаголовъ на *дъ* и *тъ* теперь уже исчезли изъ литературнаго языка и замѣнились въ немъ новыми на *въ*; такъ, напримѣръ, старыя формы ѣдъ, ѣдше, сѣдъ, сѣдше, украдъ, украдше замѣнились вновь образованными формами ѣвъ, ѣвши, сѣвъ, сѣвши, укравъ, укравши; въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ говорахъ эти новообразованія распространены еще больше, чѣмъ въ литературномъ языкѣ: вёвши, пришовши.

Великорусскіе и бѣлорусскіе народные говоры (но не нашъ литературный языкъ) знаютъ еще другія вновь образованныя формы

причастій прошедш. врем., въ которыхъ на мѣстѣ древняго *в* находится *м*: породимши, заплакамши, напоёмши и т. п. (Писемскій, Горькая судьбина: раздышамшись, услышамши, бросимши); они обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію формъ въ родѣ взе*мъ* взе*м*ше.

Наконецъ, въ нашемъ литературномъ языкѣ употребляется причастіе прошедш. врем. вонзенъ, пронзенный (Пушкинъ), съ *з* вмѣсто *ж* (др. русск. -нь*ж*енъ), явившимся въ немъ подъ вліяніемъ большей части глагольныхъ формъ: проньзишь и т. п.

Причастія страдательн. зал. прошедш. врем., будучи нечленными, звучатъ у насъ всегда съ однимъ *н*: дѣла*н*ъ, дѣла*н*а, дѣла*н*о, а будучи членными, могутъ быть и съ однимъ, и съ двумя *н*: дѣла*н*ый и дѣла*нн*ый. Обыкновенно, когда удареніе находится на 3-мъ слогѣ отъ конца, нами предпочитаются формы съ однимъ *н*: пи́са*н*ый, бро́ше*н*ый, свя́за*н*ый; а когда удареніе стоитъ на второмъ слогѣ отъ конца, мы употребляемъ чаще формы съ двумя *н*: принесё*нн*ый, приведё*нн*ый, спасё*нн*ый, почтё*нн*ый. Русскій языкъ древнѣйшей эпохи не зналъ формъ съ двумя *н*. Они сравнительно новы и обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію отпричастныхъ прилагательныхъ на *ньнъ*. Послѣднія мы видимъ въ церк.-слав. Саввиномъ Ев.: повелѣ*ньная* и въ Синайскомъ Требникѣ: неизглагола*ненъ, — ньнааго*, нераскаа*ненъ*, неисписа*ненъ*, осѫжде*нна*, и др. Нѣсколько такихъ прилагательныхъ мы находимъ въ русскихъ памятникахъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ: въ Минеѣ 1095 г.: явле*ньная* 64, недрѣма*ньну* 137; въ Тріоди постной XII в. Син. Биб. № 319: неиздрече*ньныи* 17 об., осквьрнева*ньно* 19 об., въздьржа*ньно* 118 об. и т. п. (съ потами надъ *ь*); въ Апостолѣ 1220 г.: испыта*нною*, благопоказа*ньною* 5 и т. п.; въ Рязанской Кормчей 1284 г.: о оглаше*ньныхъ* 80 об., неислѣдова*ньнаго* 213 об., сьчта*ньная* 244 и др.; въ Пандектахъ 1296 г.: истлѣ*ньныхъ* 47 об.; въ Служебникѣ преп. Сергія XIV в.: прежесвяще*ненъ* есть и совершенъ 73; въ Новгородской лѣт. есть отпричастное прилагательное несказа*ньнъ* 305; въ Волынской лѣт. по Ипатскому сп.: невида*ньноя* рати (род.) 496; въ современномъ русскомъ языкѣ мы имѣемъ: почте*нный*, откровe*нный*, открове*ненъ*, бездыха*нный*, жела*нный*, соверше*нный*, обыкнове*нный*, нежда*нно*-нега́да*нно* и т. п. Эти отпричастныя прилагательныя оказали вліяніе на причастія на

нъ, слѣдствіемъ чего было образованіе причастныхъ формъ съ двумя *н*, восходящее по памятникамъ къ XIII в.: Галицкое Ев. ок. 1266 г.: избра*ньныя* 105, 124, 124 об.,—ыхъ 124; кіевская Псалтырь 1397 г.: избра*нныимъ* 122, окова*нныя* 127 об. и др.; Мстижское Ев. XIV в.: избра*ньныхъ* 50, 55 об.,—ыя 56; зап.-русск. Четья 1489 г.: препояса*нныи* 63 об., рече*нныи* 68, исцѣле*нныи* 68 об.

Судьба формъ глагола *быти*. Въ языкахъ греческомъ и латинскомъ формы настоящ. врем. глагола *быть* въ качествѣ сказуемаго, какъ извѣстно, употребляются довольно правильно; но и въ нихъ есть предложенія, въ которыхъ мы не находимъ сказуемаго *есть*, *суть*; это по преимуществу—поговорки, изреченія, которыя всегда излагаются по возможности кратко: δὶς παῖδες οἱ γέροντες, οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη (Гомеръ); οἶνος ἀλήθεια; summum jus summa injuria; triste lupus stabulis; varium et mutabile semper femina, и т. п. Въ новыхъ европейскихъ языкахъ, при довольно-правильномъ употребленіи формъ настоящ. врем. глагола *быть*, въ поговоркахъ, изреченіяхъ также замѣчается отсутствіе сказуемаго; такъ, въ нѣмецкихъ поговоркахъ мы иногда не находимъ глагола: ein mann—ein wort; besser ein Sperling in der hand, als zwei auf dem dache. Если мы обратимся къ древне-русскому языку, то увидимъ въ немъ то же: бѣда аки въ Роднѣ (Лаврентьевск. сп. лѣт.); луче ми смерть ни курское княженіе; злато красота женамъ; не потка въ поткахъ нетопырь, не звѣрь въ звѣрехъ ожь (=ежъ); орелъ царь надъ птицами, а осетръ надъ рыбами (Моленіе Даніила Заточника по сп. Ундольскаго к. XV в.). Въ другихъ языкахъ подобнаго рода опущеніе формъ *есть*, *суть* не нашло себѣ широкаго распространенія; но въ русскомъ языкѣ оно сдѣлалось обычнымъ и перешло въ обычную рѣчь. Отсутствіе сказуемаго 3-го л. мы находимъ уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ: запись Святослав. Сборника 1073 г.: оже ти собѣ не любо, того и другу не твори; запись Святослав. Сборника 1076 г.: идеже криво, братиє, исправивъше чьтѣте; новгородская грамота 1189—1199 г. по сп. XIII в.: ходити нѣмьчьмь в Новгородъ безъ пакости, ити гостю домовь, оже родится тяжа... рубежа не творити, нѣмчина не сажати в погребъ Новѣгородѣ... нъ ємати своє у виновата; смоленскій договоръ 1229 г.: товаръ єго свобо(де)нъ на вѣдѣ и на березѣ, ся грамота утвьржена.

пьчатию (ъ=о, ь=е); смоленскій договоръ ок. 1230 г.: рядъ мои съ немьци таковъ, вольное търгование имъ въ Ризѣ; Лаврентьевск. сп. лѣт.: уже мнѣ мужа не крѣсити, добра ли вы честь, нама ихъ не переборoти, земля твоя яко и земля наша, срете я на бродѣ кде нынѣ Переяславль, се дружина у тебе отня, се лежить сѣверянинъ а се варягъ а дружина своя цѣла (часто; то же въ Ипатскомъ и другихъ спискахъ). Впрочемъ, рядомъ съ этими случаями отсутствія формъ *есть, суть*, мы часто видимъ въ старыхъ памятникахъ и ихъ присутствіе; такъ, въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. мы читаемъ: ся грамота *ѥсть* выдана; въ грамотѣ рижанъ 1284 г.: ныне то *есть* ведомо, рижяне *суть* невиновати, та правда *есть* промежи насъ и васъ; въ грамотѣ рижанъ ок. 1300 г.: не тако *есть* миръ доконцанъ; въ Лаврентьевск. сп. лѣт.: люба ми *есть* рѣчь, ловища ея *суть* по всеи земли, Руси *есть* веселье пити, вѣра наша свѣтъ *есть*, бози ваше древо *суть* и т. п.; въ Моленіи Даніила Заточника по сп. Ундольскаго к. XV в.: храбра борзо добудеши, а умныи дорогъ *есть*; кому ти *есть* Переяславль, а мнѣ Гореславль; луче ми *есть* тако скончати животъ свои; ино *есть* лодія, а иное корабль; ино ти *есть* уменъ, а ино безуменъ; Ев. Тяпинскаго XVI в.: береме мое легко *есть*, одинъ *есть* вашъ учитѣль, свадьба готова *есть*, якъ аньгели *суть*, хто *суть* братья моя. Въ настоящее время формы 3-го л. глагола *быть* почти исчезли изъ русскаго яз., такъ что мы имѣемъ цѣлый рядъ предложеній безъ сказуемаго. Форма *суть* въ народномъ языкѣ совсѣмъ не встрѣчается (уродливыя выраженія, въ родѣ яко-бы народнаго выраженія гр. А. Толстого: кто *мы* такіе *суть*, ему чужды); а форма *есть* употребляется главнымъ образомъ съ значеніемъ *имѣется, существуетъ*: *есть* книга, *есть* дѣло, это онъ и *есть*, это они и *есть*, такъ и *есть*, причемъ, будучи сказуемымъ, можетъ имѣть при себѣ подлежащее во множ. ч.: у васъ книги и правила *есть*, грамота 1525 г., Ак. Арх. Э. I, 141; у васъ на тотъ лугъ крѣпости *есть* ли, *есть* у насъ правые грамоты, грамота 1542 г., Ак. Ѳед.-Чех. I, 87; нужныя вещи всѣ *есть*, Житіе Зосимы Соловецк. по сп. Рум. Муз. № 1; современн. московск.: книги у меня *есть*, *есть* разныя книги (срв. др.-русск. *суть* ми орудия въ Руси=*есть* у меня дѣла, Новгородская лѣт. XIV в. 159; *суть* гради ихъ до сего дне, *суть* у него сынове, Лаврентьевск. сп. л. 12, 26; *суть*

ны с тобою рѣчи, *суть* ми ѣще орудьица, Ипатскій сп. л. 340, 364; также срв. греч. ἔστι ἔμοιγε και βωμοί и т. п.). Употребленіе формы *есть* съ главнымъ значеніемъ (связки) существовало довольно долго, иногда при подлежащемъ множ. ч. или 1-го и 2-го л. ед. Ев. 1399 г.: азъ и отецъ ѥдино *есть* 14; Лаврентьевск. сп. лѣт.: отъ нихъ же *есть* поляне в Киевѣ и до сего дне (въ другихъ спискахъ: *суть*); Познанскій сборникъ XVI в.: хто *естъ* ты, я *естъ* гость, я *ест* Бово (даже: велми *ест* раненъ *есми*). Между прочимъ любопытно употребленіе ея въ Описаніи турецкой имперіи, составленномъ великоруссомъ во второй половинѣ XVII в.: пушекъ много *есть* лежитъ и т. п. (часто, при формахъ настоящ. врем.). Оно и теперь существуетъ еще въ нашемъ литературномъ языкѣ, но почти неизвѣстно въ языкѣ народномъ; въ былинахъ: *есть я* старъ казакъ, *я* неженатый *есть*.

Опущеніе формъ *есть*, *суть* повело къ опущенію формъ *есмь*, *еси*, *есмъ*, *есте* послѣ того, какъ при этихъ формахъ утвердились личныя мѣстоименія (Лаврентьевск. сп. л.: *ты* князь ли *еси*, *азъ есмь* мужь его 65). Оно восходитъ по меньшей мѣрѣ къ XIV в.: Лаврентьевск. сп. л.: *мы* недужи противу вамъ стати 68 (то же въ Ипатскомъ и другихъ спискахъ), *азъ* имъ противенъ 23, се *азъ* готовъ уже 267, *ты* господинъ, *ты* отецъ 367 и др., безъ *есмъ*, *есмь*, *еси*; Слово о полку игор.: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый *ты*, Игорю; а *мы*, дружина, жадни веселія. Форму 1-го л. мы читаемъ въ записи Уваровск. рукописи 1473—1477 г. № 338: силно *есмь* радъ, коли кончалъ строку послѣднюю. Формы 2-го л. еще не рѣдкость въ XVI и XVII вв.; они находятся и въ московскихъ грамотахъ этихъ столѣтій, и въ зап.-русск. Ев. Тяпинскаго (здѣсь: знаю те, хто *еси* святый Божий; бологий *еси*, Симоне; што страшливы *есте*, и др.); но едва ли въ это время они были для всѣхъ понятны (Сборникъ к. XV в. Син. Библ. № 951: подобаетъ істиному христианину видѣти, что *еси* Богъ 11, камень *еси* Христова церковь 13 об. и т. п., гдѣ *еси*=есть). Нашъ литературный языкъ не знаетъ формъ 1-го и 2-го л., но въ великорусскихъ говорахъ, впрочемъ исключительно въ пѣсняхъ, встрѣчаются двѣ изъ нихъ: ой ты гой *еси*, вы дочери *есте* купецкія, а въ малорусскомъ нарѣчіи одна: добре *еси*, мій кобзарю...

Формы *нѣсмь*, *нѣси* и т. д., кромѣ формы *нѣ*=нѣтъ, давно

вышли изъ живого употребленія и уже въ концѣ XIV в. были, повидимому, непонятны. По крайней мѣрѣ писецъ Ев. 1399 г. очень часто (почти постоянно) замѣняетъ древнія *нѣсмь* и пр. сложными *не есмь*: нѣ есть 6 об., нѣ юсьмь 8 об., нѣ есмь 22, нѣ есте 11 об.; въ Лаврентьевск. сп. лѣт. мы читаемъ: нѣ есмы 227.

Впрочемъ двѣ изъ этихъ формъ сохраняются еще русскимъ языкомъ въ качествѣ частицъ. Нашъ союзъ *если*—не что иное какъ соединеніе формы *есть*, составлявшей нѣкогда самостоятельное предложеніе, съ союзомъ *ли* если (срв. въ записи Словъ Исаака Сирина 1428 г. Публ. Библ.: *есть* пакъ хочеть поити на нихъ, самъ бываше=если же хочетъ...). Великорусская частица *семъ*, обычная въ началѣ фразы передъ мѣстоименіемъ *я*: *семъ* (или *семъ* ка) я погляжу и т. п. и какъ будто лишенная значенія, кажется, восходитъ къ формѣ *есмь*, чрезъ посредство есьмь, есемь (срв. выше, стр. 53); послѣднюю форму мы находимъ въ Ев. XIV в. Публ. Библ. F. 17, л. 37 об.; срв. сербск. јесам и сам, чешск. sem (*a*, *e* изъ ъ или ь).

XI. Ударенiе.

Мы имѣемъ очень мало данныхъ для исторiи русскаго ударенiя древнѣйшей эпохи. Хотя греческiй литургическiй уставъ IX—X вв., давшiй начало нашему уставному письму XI—XIV вв., обыкновенно имѣлъ ударенiя, тѣмъ не менѣе ихъ нѣтъ въ древнѣйшихъ русскихъ рукописяхъ. Одинъ изъ старшихъ русскихъ памятниковъ съ ударенiями—Чудовской Новый Завѣтъ половины XIV в., соединяющiй въ себѣ живыя ударенiя современнаго писцу великорусскаго нарѣчiя съ традицiонными ударенiями церковнаго текста. За нимъ слѣдуетъ рядъ памятниковъ XIV и XV вв., или восходящихъ къ средне-болгарскимъ оригиналамъ, или вообще имѣющихъ въ своемъ правописанiи (а слѣдовательно, и въ ударенiи) слѣды южнославянскаго влiянiя. Рукописи XVI и особенно XVII вв. съ ударенiями представляютъ уже обычное явленiе; одна изъ нихъ—огромный Хронографъ, составленный въ Москвѣ по приказу московскихъ государей и получившiй окончательную редакцiю въ первой половинѣ XVII в. (послѣдняя часть этого Хронографа съ описанiемъ событiй XVI в.—извѣстна подъ названiемъ Царственной книги). Сверхъ того, имѣютъ ударенiя всѣ книги церковной печати, московскiя, западно-русскiя, южно-русскiя, какъ свѣтскаго (московская Книга ратнаго строенiя 1647 г., Уложенiе царя Алексѣя Михайловича 1649 г., кiевскiй Лексиконъ Памвы Берынды), такъ главнымъ образомъ церковнаго характера; изъ послѣднихъ ударенiя перешли въ новѣйшiя церковныя книги.

Въ виду скудости древняго матерiала и неразработанности матерiала поздняго, XVI—XVII вв., мы можемъ говорить о древнѣйшей исторiи нашего ударенiя отчасти на основанiи фонетическихъ явленiй, въ родѣ опущенiя гласныхъ (оно часто свидѣтельствуетъ

объ исконномъ отсутствіи ударенія на опущенномъ звукѣ), а главнымъ образомъ на основаніи сравнительнаго изученія нашего ударенія. Здѣсь намъ приходится пользоваться прежде всего данными по ударенію родственныхъ языковъ, какъ не-славянскихъ: литовскаго, санкритскаго, греческаго, такъ особенно славянскихъ, сохраняющихъ свободу ударенія: сербскаго (чакавскаго нарѣчія), словинскаго и ново-болгарскаго; само собою разумѣется, имѣютъ очень большое значеніе данныя по ударенію какъ церковно-славянскихъ Кіевскихъ глаголическихъ отрывковъ и церковно-славянскихъ стихотвореній IX—X вв., такъ и средне-болгарскихъ и сербскихъ рукописей и печатныхъ книгъ XIII—XVII вв. Затѣмъ намъ необходимо пользоваться данными русскихъ говоровъ, которые въ области ударенія представляютъ очень много отличій отъ нашего литературнаго языка; между прочимъ, весьма цѣнны по своей архаичности данныя по ударенію произведеній великорусской народной поэзіи (пѣсенъ и пословицъ). Однако мы должны имѣть въ виду, что сравнительное изученіе нашего ударенія (какъ и вообще сравнительное изученіе явленій языка) не позволяетъ приходить къ такимъ надежнымъ выводамъ, какъ изученіе историческое, и потому мы должны ограничиться лишь немногими замѣчаніями.

Природа ударенія бываетъ двоякая. Языки санскритскій и греческій, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, имѣли удареніе хроматическое, основанное на повышенія голоса. Оно извѣстно теперь въ нѣкоторыхъ восточныхъ языкахъ. Современные западно-европейскіе языки имѣютъ удареніе экспираторное, выдыхательное, которое основывается на усиленіи голоса. По всей вѣроятности, въ обще-индоевропейскомъ языкѣ было хроматическое удареніе, для долгихъ гласныхъ то восходящее, или повышающееся ($\bar{a}=a\acute{a}$), то низходящее, или понижающееся ($\bar{a}=\acute{a}a$). Это хроматическое удареніе должно было перейти изъ обще-индоевропейскаго языка въ общеславянскій (какъ перешло въ греческій) и въ немъ превратиться въ хроматическо-экспираторное (едва ли не сходное съ тѣмъ, которое было въ латинскомъ и существуетъ теперь въ литовскомъ и сербскомъ). Русскій языкъ, выступившій на историческое поприще лишь со скудными остатками древнихъ долгихъ звукомъ и потомъ, при исчезновеніи изъ произношенія массы глухихъ (ъ и ь), въ одной, сѣверо-восточной, своей части совсѣмъ не пріобрѣтшій но-

выхъ долгихъ гласныхъ, въ другой, юго-западной, —пріобрѣтшій ихъ, повидимому, лишь на короткій сравнительно срокъ, быть можетъ, въ историческое время еще обладалъ удареніемъ хроматическо-экспираторнымъ, но вѣроятно, очень давно замѣнилъ его тѣмъ самымъ выдыхательнымъ удареніемъ, которое существуетъ въ немъ теперь.

Удареніе можетъ быть свободнымъ и не свободнымъ. Свободное удареніе—то, которое находится въ различныхъ словахъ на различныхъ частяхъ словъ; несвободное удареніе прикрѣпляется къ одному или въ немногимъ извѣстнымъ мѣстамъ словъ: въ однихъ языкахъ мы видимъ его всегда на начальномъ слогѣ, въ другихъ—всегда на концѣ слова (во французскомъ языкѣ); въ латинскомъ языкѣ оно стоитъ на 3-мъ слогѣ отъ конца при 2-мъ краткомъ, и на 2-мъ, когда онъ долгій; въ нѣмецкомъ языкѣ удареніе ставится или на гласномъ корня, или въ главномъ аффиксѣ, вообще на наиболѣе существенной части слова. Свободное удареніе можетъ быть полнымъ и неполнымъ. Неполное удареніе наблюдается, напримѣръ, въ греческомъ языкѣ: въ немъ удареніе не идетъ отъ конца дальше 3-го слога при конечномъ краткомъ и дальше 2-го слога при конечномъ долгомъ. Полнѣйшая свобода въ удареніи наблюдается въ языкахъ санскритскомъ и русскомъ. Въ санскритѣ мы нерѣдко находимъ удареніе на 5-мъ, даже на 7-мъ слогѣ; въ русскомъ языкѣ мы имѣемъ удареніе па всевозможныхъ слогахъ; такъ, оно находится на 4-мъ слогѣ отъ конца въ словахъ человѣческаго, óпрометью, всéнощная, пóхороны, на пятомъ слогѣ въ ми́лостивые, ми́лостиваго, на 6-мъ — въ всеми́лостивѣйшему, вы́двинувшіеся, на 7-мъ—въ воспи́тывающіеся, склáдывающіеся (въ послѣднихъ четырехъ словахъ—со слабымъ вторымъ удареніемъ на концѣ). Сверхъ того, русскій языкъ имѣетъ значительное количество словъ, могущихъ терять удареніе. Именно, цѣлый рядъ существительныхъ, нечленныхъ прилагательныхъ и мѣстоименій въ соединеніи съ предлогами становится энклитиками, передавая предлогамъ удареніе: пóдъ носъ, зá мужъ, нá руку, зá ногу, бéзъ толку, пó двору, нá берегъ, нá сторону, нá сковороду, нá людяхъ, зá-ново, и́з-красна, и́з-зелена, нá-веселѣ, нá босу нóгу, прó-что, зá-что, для́ чего; срв. въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ: нá горы, нá мори, нá брезѣ, нá землю, пó ряду, дó крове, дó вечера, бéзо чти, вó имя, нá люди, нá се, нá вы

и т. п.; въ Лѣчебникѣ XVII в. Син. Библ. № 481: за́ локоть, на́ полы, на́ попелъ и т. п.; въ средне-болгарской Хлудовской Псалтыри XV в. № 2: вѣ́ земли, на́ земли, о́тъ землѧ, до́ вѣка и т. п.; соврем. ново-болгарскія: на́ душа, на́ глава, на́ ръка и т. п. Небольшая группа глагольныхъ формъ прошедшаго времени (муж. и средн. р. ед. и множ.) также можетъ превращаться—въ соединеніи съ *не* и *ни*—въ энклитики: не́ (ни́) былъ, не́ было, не́ были, не́ взялъ, не́ взяло, не́ взяли, не́ бралъ, не́ брали, не́ далъ, не́ дали, не́ спалъ, не́ спали и т. д. (еще форма 3 л. ед. не́ вѣсть, и причастія: не́ видя, не́ глядя, не́ хотя), а другая группа тѣхъ же формъ муж. р. ед.—въ соединеніи съ мѣстоименнымъ элементомъ *ся*—можетъ дѣлаться проклитиками, уступая удареніе мѣстоименію: взял-ся́, принял-ся́, занял-ся́, брал-ся́, спил-ся́, поклял-ся́, завил-ся́ (рядомъ: взя́л-ся и т. п.). Срв. въ названной выше средне-болгарской Псалтыри: вѣмѣнисѧ́ 101, възвратисѧ́ 108 об. (аор.). Древняя форма сослагательнаго наклон., нынѣшняя частица *бы*, постоянно употребляется у насъ какъ энклитика: кто́-бы, что́-бы, о́нъ-бы, е́сли-бы, сказа́лъ-бы и т. п. Наконецъ, частица *было* при формахъ прошедш. вр. также является у насъ постоянно въ видѣ энклитики: я поше́лъ *было*, я́ *было* пошелъ и т. п.—По всей вѣроятности, индоевропейское удареніе было столь же свободно, какъ и удареніе санскритское и русское, такъ что русское удареніе въ своей свободѣ имѣетъ остатокъ глубокой древности.

Если мы обратимся къ частностямъ, то увидимъ, что русскій языкъ сохранилъ кое-что обще-славянское. Слово, напримѣръ, не́бо звучитъ у насъ съ удареніемъ на 2-мъ слогѣ; то же удареніе въ ново-болгарскомъ не́бо; срв. санскр. nábhas, греческ. νέφος; слѣдовательно, русское слово сохранило древнее удареніе, находящееся и въ другихъ славянскихъ и индоевропейскихъ языкахъ, иначе говоря,—сохранило обще-славянское и даже обще-индоевропейское удареніе. Интересно сравнить русское сто́ (изъ съто́) съ санскр. çatám, греч. ἑκατόν; русск. сноха́ съ санскритск. snušá, русск. вы́дра съ лит. údra, съ греческ. ὕδρα; русск. рука́ съ новоболг. ръка́, литовск. ranká. Равнымъ образомъ не безъинтересно сравненіе сербск. чакавк. видро́, вино́, зима́, гниздо́, бида́, ново-болгарск. жито, жена́, гора́, крило́, ребро́ и т. п. съ русск. ведро́, вино́, зима́, гнѣздо́ и проч. Если мы взглянемъ на систему склоненій

существительныхъ женскаго рода съ удареніемъ въ имен. п. ед. на послѣднемъ слогѣ, то увидимъ, что подобно русскому, литовскій языкъ ставитъ удареніе различно въ различныхъ падежахъ; напримѣръ, при имен. рука́, борода́, зима́ мы имѣемъ вин. ру́ку, бо́роду, зи́му, точно такъ же, какъ въ литовскомъ, при имен. ranká, barzdá, žëmá, вин. пад. звучитъ ránką, bárzdą, žëmą. Точно также, если мы разсмотримъ взаимныя отношенія по ударенію формъ имен. п. ед. мужескаго, женскаго и средняго родовъ нечленныхъ прилагательныхъ, то найдемъ, что и здѣсь литовскій языкъ согласенъ съ русскимъ; такъ, у насъ ма́лъ, мала́, ма́ло и въ литовскомъ: géras, gerà, géra.

Разнообразіе ударенія въ русскихъ говорахъ довольно значительно: формы имен. ед. великор. за́суха и засу́ха, дѣ́вочка и дѣво́чка, ля́гушка и лягу́шка, до́чка и дочка́, молонья́ и мо́лонья, бесѣ́да и малор. бе́сіда, козе́лъ и онежск. ко́зелъ, ло́коть и бѣлор. локо́ть, о́стровъ,—а и бѣлор. остро́въ,—а́, о́зеро и бѣлор. озеро́, и́мя и бѣлор.-малор. имя́, жура́вль и бѣлор. жо́равъ, малор. жураве́ль; вдо́вый и вдово́й, рѣ́звый и рѣзво́й (рѣзо́въ, Пушкинъ), ве́тхій и ветхо́й (срв. въ московскомъ Апостолѣ 1564 г.: ветхо́му 133, ветха́го 136 об.), ди́кій и дико́й, крѣ́пкій и крѣпко́й, гла́дкій и малор. гладки́й, родно́й и ро́дный, ста́рый и малор. стари́й; формы косвенныхъ падежей: род. ед. великор. во́лка и бѣлор. волка́, быка́ и смоленск. бы́ка, бара́на и бѣлор. барана́, никого́, ничего́ и новгор. нико́во, пичо́во, бѣлор. ничо́го; твор. ед. у́тромъ, ве́черомъ и бѣлор. утро́мъ, вечеро́мъ; имен. мн. великор. во́лосы, гу́си и бѣлор. волосы́, гуси́ и т. п. Даже литературный языкъ не владѣетъ единствомъ ударенія, и мы употребляемъ (иногда съ различными значеніями) формы имен. ед. дѣ́вица и дѣви́ца, дуби́на и дубина́ (В. Майковъ), при́зракъ и призра́къ (Пушкинъ), сво́йство и свойство́, пѣ́нье и пѣнье́ (Грибоѣдовъ); род. ед. куста́ и ку́ста, чо́рта и (ни) черта́, ве́пря и вепря́ (Языковъ); имен. мн. ко́злы и козлы́, ду́хи и духи́, гла́зки и глазки́, у́шки и ушки́, во́лки и волки́ (гр. А. Толстой), ко́ни и кони́ (Марлинскій), холмы́ и хо́лмы (Жуковскій), внуча́та и вну́чата (Грибоѣдовъ), взаймы́ и вза́ймы, по у́тру и по утру́, высо́ко и высоко́, свысока́, дале́ко и далеко́, издалека́, вдалекѣ́, сча́стливъ и, счастли́въ, ле́гокъ и лего́къ (Пушкинъ), слегка́, налегкѣ́, домово́й и домо́вый, и т. п.

Разнообразіе ударенія въ значительной степени зависитъ отъ измѣненій его, происшедшихъ въ русскомъ языкѣ отчасти въ до-

историческую, но главнымъ образомъ въ историческую эпоху. По нашему мнѣнію, русское удареніе потерпѣло довольно много измѣненій. Эти измѣненія въ значительной степени свойственны и другимъ славянскимъ языкамъ; т. е. русскій языкъ во многихъ своихъ новшествахъ совпалъ съ другими славянскими языками, что понятно: измѣненія въ удареніи во всѣхъ славянскихъ языкахъ произошли отъ однихъ и тѣхъ же причинъ—отъ исчезновенія глухихъ и *и* въ концѣ словъ и отъ вліянія однихъ именныхъ и глагольныхъ формъ на другія.

Въ обще-индоевропейскомъ языкѣ должно было быть много случаевъ ударенія на концѣ словъ, на гласныхъ основы *й*, *ă* и *ɤ̆*.

Въ санскритскомъ языкѣ слова съ основою на *й* мужескаго рода, особенно имена прилагательныя, почти всегда являются съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: sūnús сынъ, gurús тяжелый, mrdús мягкій, svādús сладкій, açús быстрый. Многія изъ греческихъ существительныхъ и почти всѣ прилагательныя на υς имѣютъ удареніе также на послѣднемъ слогѣ: βαρύς, ἡδύς, ὠκύς, εὐρύς. Въ литовскомъ языкѣ всѣ слова на *us* звучатъ съ удареніемъ на концѣ: medús медъ, sunús сынъ, viršús верхъ, aštrús остръ, saldús сладокъ, budrús бодръ, mandrús мудръ и т. п. Несомнѣнно, обще-славянскій и затѣмъ русскій языки имѣли значительное количество словъ съ основою на *ъ*, которыя впослѣдствіи утратили свое старое склоненіе и перешли въ склоненіе основъ на *о*; также несомнѣнно, эти слова должны были имѣть удареніе на конечномъ слогѣ, т. е. на *ъ*. Такимъ образомъ обще-славянскія и русскія слова медъ, сынъ, вьрхъ, мѫдръ и т. п. должны были въ древности имѣть удареніе на конечномъ *ъ*.

Литовскій языкъ не имѣетъ почти ни одного слова съ окончаніемъ *as* и съ удареніемъ на конечномъ слогѣ; это, вѣроятно, новая черта въ литовскомъ удареніи, которая явилась вслѣдствіе вліянія однихъ словъ съ окончаніемъ *as* на другія. Въ санскритскомъ и греческомъ языкахъ количество словъ съ основою на *ă* и съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ весьма значительно. Всѣ прилагательныя съ суффиксомъ *ra* постоянно имѣютъ въ нихъ удареніе на концѣ: rudhirás красный, iširás сильный, çithirás свободный; καθαρός, πιερός, ἱερός, μακρός. Это заставляетъ думать, что русскія слова, образованныя посредствомъ суффикса *ra*, могли нѣкогда имѣть уда-

реніе на конечномъ ъ и только съ теченіемъ времени, вслѣдствіе исчезновенія ъ, перенесли свое удареніе на ближайшій слогъ; т.-е. что прилагательныя въ родѣ добръ, хытръ, щедръ, сыръ въ древнее время могли звучать: добрѣ, хытрѣ, щедрѣ, сырѣ.—Слова съ суффиксомъ *la* въ санскритскомъ и греческомъ языкахъ въ большинствѣ случаевъ имѣютъ удареніе также на концѣ: sthulás, salilás, bahulás; ἀμαλός, χθαμαλός, τυφλός. Возможно, что многія изъ русскихъ словъ съ тѣмъ же суффиксомъ нѣкогда также имѣли удареніе на концѣ: кислѣ, рыхлѣ, теплѣ, причаст. былѣ, жилѣ.—Далѣе, причастія съ суффиксомъ *ta* въ санскритскомъ и греческомъ языкахъ очень часто бываютъ съ удареніемъ на концѣ: gatás пройденный, ditás связанный, çrutás извѣстный; βατός, γνωστός, κλυτός. Русскія прилагательныя и причастія съ суффиксомъ *ta* также могли имѣть удареніе на концѣ: густѣ, пустѣ, тълстѣ, лютѣ, святѣ, литѣ.

Если мы обратимся къ словамъ съ основою на ĭ, то сопоставленіе словъ русскихъ съ литовскими можетъ намъ показать, что многія русскія слова съ основою на ь имѣли удареніе, подобно литовскимъ, на послѣднемъ слогѣ: naktís—ночь́, žvērís—звѣрь́, žą-sís—гусь́, asís—ось́ и т. п.

Такимъ образомъ сопоставленіе данныхъ русскаго языка съ данными другихъ индо-европейскихъ языковъ показываетъ, что русскій языкъ могъ имѣть удареніе на ъ и ь, впослѣдствіи исчезнувшихъ.

На то же указываютъ данныя славянскихъ языковъ. Кіевскіе глаголическіе отрывки имѣютъ нѣсколько формъ род. мн. съ удареніемъ на конечномъ ъ: грѣхъ́, мѫченикъ́, дѣлъ́, дѣвъ́, силъ́. Новоболгарскій языкъ сохранилъ во многихъ именахъ (имен. ед.) удареніе на конечномъ ъ или ь: медъ́-т (*т*—членъ: церк.-слав. медъ-*тъ*), дѫбъ́-т (ц.-слав. дѫбъ-тъ), мостъ́-т, димъ́-т, умъ́-т, цвѣтъ́-т, светъ́-т, мѫжъ́-т (ц.-слав. мѫжь-тъ), дъждъ́-т, дне́-т, дне́-с (ц.-слав. дьнь-сь), ноще́-с, есене́-с, (*е* изъ ь). Ново-болгарскія прилагательныя членныя нерѣдко имѣютъ удареніе на конечномъ слогѣ, на *и*=ц.-слав. *ы*, въ основу котораго легъ старый ъ: густи́-јът, добри́-јът, криви́-јът, леви́-јът живи́-јът и т. п., изъ густъ́и-тъ, добръ́и-тъ, кривъ́и-тъ, лѣвъ́и-тъ, живъ́и-тъ.

Если мы обратимся къ русскому языку, то увидимъ въ немъ самомъ нѣсколько данныхъ, показывающихъ, что глухой нѣкогда имѣлъ на себѣ удареніе: дне́-сь, ноче́-сь, ономе́-дни (=дьнь-сь,

почь́-сь, ономь́-дни, мѣстн. ед.); имен. ед. прилагательныхъ муж. р. съ удареніемъ на концѣ, въ родѣ великорусск. сыро́й, удало́й, жило́й, густо́й, пусто́й, живо́й, слѣпо́й, сѣв.-великор. крѣпко́й, жарко́й, гладко́й, толсто́й (*о* изъ *ъ*); малорусск. жарки́й, живи́й, густи́й, товсти́й (*и*=*ы* изъ *ъ*). Сверхъ того, въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ мы находимъ: родо́-сь 13, миро́-сь 46 об.

Вліяніе словъ, въ которыхъ исчезъ неударяемый конечный глухой, повело къ исчезновенію ударяемаго конечнаго глухого; отсюда, естественно, произошло передвиженіе ударенія отъ конца къ началу слова, т.-е. вмѣсто ночь́, вьрхъ́, добръ́ явились формы им. ед. но́чь, ве́рхъ, до́бръ. Само собою разумѣется, такого рода перенесеніе ударенія отъ конца къ началу въ тѣхъ формахъ, гдѣ конечный слогъ состоялъ изъ глухого звука (главнымъ образомъ въ формѣ имен. ед.), могло повліять на удареніе въ другихъ формахъ, гдѣ не было въ концѣ глухого звука. Такъ, представляется вѣроятнымъ, что формы, напримѣръ, род. пад. звѣря, но́чи ве́рху, ча́са—формы новыя, замѣнившія древнія звѣри́, ночи́, вьрху́, часа́, что они перенесли свое удареніе съ болѣе близкаго на дальнѣйшій слогъ подъ вліяніемъ новаго ударенія въ имен. ед.— звѣ́рь, но́чь, ве́рхъ, ча́съ.

Конечно, подобныя новыя формы не вполнѣ вытѣснили древнія. Отсюда въ современномъ языкѣ рядомъ архаизмы и новообразованія: великор. бѣго́мъ, круго́мъ, толко́мъ (потолкуемъ толко́мъ), шаро́мъ (покати), малор. слідо́мъ и бѣ́гомъ, кру́гомъ, то́лкомъ, ша́ромъ, слѣ́домъ; Петрова́ дня, Петрову́ дню и Петро́ва, Петро́ву; пол-часа́ и ча́са (род.); изъ печи́, въ печи́, въ чести́, въ части́, на знати́, въ любви́ и изъ пе́чи, въ пе́чи, въ че́сти, въ ча́сти, въ зна́ти, въ любо́ви; перво́й, впервы́е (срв. сперва́), часто́й, зачасту́ю, вплотну́ю, начисту́ю и пе́рвый, пе́рвые, ча́стый, ча́стую, пло́тную, чи́стый, чи́стую; мило́й, удало́й, люто́й, Толсто́й (фамилія) и ми́лый, уда́лый, лю́тый, то́лстый; спроста́ и спро́ста; высоко́, далеко́, глубоко́ и высо́ко, дале́ко, глубо́ко; сѣв.-великор. было́, малор. було́ (при великор. было́й) и великор. бы́ло. Кажется, можно признать вполнѣ вѣроятнымъ, что изъ двухъ варіантовъ въ родѣ вышеприведенныхъ тотъ отличается большею древностью, который менѣе сходенъ съ современною формою имен. ед. на *ъ* или *ь*. Точно также изъ великорусскихъ формъ ворота́ (срв. въ Чудовск. Нов. Завѣтѣ: врата́, соврем. церковн. и ново-болг. врата́) и воро́та, знамена́ и знаме́на,

первыя древнѣе вторыхъ, образовавшихся подъ вліяніемъ формъ род. мн. воро́тъ (изъ воротъ́), знаме́нъ (изъ знаменъ́); изъ великор. формъ твор. мн. ими́, всѣми́ и и́ми, всѣ́ми первыя древнѣе вторыхъ, явившихся подъ вліяніемъ формъ множ. ч. и́хъ, и́мъ и т. д. (срв. въ Чудовск. Нов. Завѣтѣ: ими́ 87 об., с-ними́ 155, всѣми́ 72, тѣми́ 116 об. и др.).

Кромѣ тѣхъ многочисленныхъ случаевъ, гдѣ можно предполагать перенесеніе ударенія на одинъ слогъ впередъ, есть нѣкоторое количество случаевъ, гдѣ удареніе было, повидимому, перенесено съ конечнаго слога не на 2-й, а на 3-й слогъ.

Это—слова съ полногласіемъ: бе́регъ, го́лодъ, го́лосъ, со́лодъ и т. п. На перенесеніе въ нихъ ударенія съ конечнаго на 3-ій отъ конца слогъ (болѣе или менѣе древнее) указываютъ ново-болгарскія данныя и русскія членныя прилагательныя. Въ ново-болгарскихъ говорахъ слова брегъ́-т, врагъ́-т, гладъ́-т, гласъ́-т, макъ́-т, прахъ́-т, жлебъ́-т имѣютъ удареніе на концѣ, на ъ; въ средне-болгарской Хлудовской Псалтыри XV в. № 2 мы находимъ форму твор. ед. гласо́мъ 69 об., 133 и др. (отмѣтимъ также лит. saldùs сладкій); въ русскомъ языкѣ, вмѣсто ожидаемыхъ бере́гъ, голо́дъ и т. д. (изъ берегъ́, голодъ́), имъ соотвѣтствуютъ бе́регъ, го́лодъ. Русское вороно́й показываетъ, что нечленная форма во́ронъ имѣла нѣкогда удареніе на концѣ; на то же указываютъ прилагательныя золото́й, дорого́й, молодо́й, холосто́й, бологой при сопоставленіи ихъ съ нечленными формами зо́лотъ, до́рогъ и пр. Всѣ эти слова—мужескаго рода. Подобное явленіе мы замѣчаемъ въ нѣкоторыхъ словахъ средняго рода съ удареніемъ на концѣ: брашно́, благо́, злато́, дръво́, чръво́ (срв. въ сербской Шафариковой Кормчей 1646 г.: злато́ 193; соврем. чакавск. древо́), и въ нарѣчіи блазѣ́; въ русскомъ языкѣ соотвѣтствующія слова имѣютъ удареніе на 3-мъ слогѣ: бо́рошно, бо́лого, зо́лото, де́рево, че́рево, бо́лозѣ (срв. у насъ серебро́ и се́ребро). Не излишне замѣтить, что въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ мы имѣемъ: градо́-сь 75, брашно́ 27 об., 44, 148 об. и др., рядомъ съ бра́шно.

Это—прилагательныя въ родѣ свѣ́телъ, гро́зенъ, до́лженъ, ду́ренъ, кра́сенъ, ро́венъ, си́ленъ, сми́ренъ, чу́денъ, че́стенъ. Ихъ варіанты: свѣте́лъ, грозе́нъ, должо́нъ, дуре́нъ, красе́нъ, рове́нъ, силе́нъ, смире́нъ, чуде́нъ, ясе́нъ, безъ сомнѣнія, сравнительно съ

ними—архаизмы: срв. хитéръ, умéнъ (хи́теръ и у́менъ, кажется, не существуютъ); но они также не сохранили древняго ударенія; послѣднее должно было быть на конечномъ слогѣ и сохранилось въ формахъ дурнóй, смирнóй, чуднóй, честнóй (срв. греческія прилагательныя на ινός: ἀληθινός и т. п.). Вѣроятно, удареніе на начальномъ слогѣ появилось прежде всего въ несуществующихъ теперь формахъ свѣтлъ и т. д. (изъ свѣтьлъ́), которыя оказали вліяніе на паралельныя формы свѣтéлъ и т. д.

По всей вѣроятности, мы имѣемъ такія же вторичныя новообразованія въ формахъ твор. ед. сы́номъ, вéрхомъ. Первичныя новообразованія должны были звучать сынóмъ, верхóмъ (послѣдняя форма у насъ еще существуетъ какъ нарѣчіе), а древнѣйшими формами должны были быть формы сынъмъ́ (срв. лит. sunumí), вьрхъмъ́.

Вліяніе однихъ формъ на другія могло произвести измѣненіе ударенія, между прочимъ, и въ такихъ случаяхъ, гдѣ не было исчезновенія конечнаго глухаго.

То или другое количество падежныхъ формъ членныхъ прилагательныхъ имѣютъ новое удареніе (то же, что въ имен. ед.): род. ед. сухóго, дурнóго, хи́трого, и т. п.; въ древнихъ формахъ, какъ видно изъ современныхъ фамилій=формъ род. п. ед., сохранившихъ древнее удареніе: Суховó, Дурновó, Благовó, Хитровó,—удареніе находилось на конечныхъ слогахъ; срв. третьевó-дни; въ Чудовск. Новомъ Завѣтѣ: прочагò 146 об.; въ рукописяхъ Крижанича (серба-чакавца): доброгó, простогó, мудрогó, драгогó, чистогó, и др.; соврем. чакавск. род. липегá, равнегá, жутегá, дат. жутему́ и т. п. Пѣсенное горючми́ слезьми́, изъ горючими́, показываетъ, что формы твор. мн. могли быть съ удареніемъ на концѣ: добрыими́, добрыми́ и т. п.

Можно указать на рядъ падежныхъ формъ существительныхъ, какъ единственнаго, такъ особенно множественнаго числа, по преимуществу новообразованій, какъ на имѣющія такія ударенія, въ древности которыхъ позволительно сомнѣваться. Такъ, передъ нами, по всей вѣроятности новыя ударенія въ формахъ мн. ч.: погребáмъ, погребáми, островáмъ и т. д. (вліяніе имен. мн. погребá, островá), учителя́мъ и т. д. (вліяніе имен. мн. учителя́), и въ формахъ мѣстн. ед.: въ погребу́, на острову́. Сверхъ того, замѣчается вліяніе другъ на друга трехъ рядовъ двусложныхъ существительныхъ женск. р. на *а*: 1) съ имен. и вин. ед. съ удареніемъ на концѣ (женá—жену́),

2) съ имен. ед. съ удареніемъ на концѣ и вин. ед. съ удареніемъ на начальномъ слогѣ (рука́—ру́ку) и 3) съ имен. и вин. ед. съ удареніемъ на начальномъ слогѣ (су́ша—су́шу). Отсюда двоякія формы имен. ед. великорусск. ве́рба и верба́, гри́ва и грива́, гу́ба (гу́ба—не дура) и губа́, по́чва и почва́, вью́га и вьюга́, ту́ча и туча́, великор. нѣ́га и малор. ніга́; вин. ед. великор. ве́рсту и версту́, и́збу и избу́, зо́рю и зорю́, ко́су и косу́, ро́су и росу́, по́лу и полу́, между которыми очень трудно выдѣлить архаизмы и новообразованія. Конечно, появленіе новаго ударенія въ имен. ед. ведетъ за собою появленіе новаго ударенія въ род. и другихъ падежахъ единств. ч.

Далѣе, существуетъ взаимное вліяніе трехъ рядовъ глаголовъ такъ называемаго 2-го спряженія: 1) имѣющихъ всѣ формы настоящаго времени съ удареніемъ на концѣ (пою́—пои́шь), 2) имѣющихъ форму 1-го л. ед. съ удареніемъ на концѣ и прочія формы съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ (гоню́—го́нишь) и 3) имѣющихъ во всѣхъ формахъ настоящаго времени удареніе на предпослѣднемъ слогѣ (слы́шу—слы́шишь). Отсюда также различіе въ удареніи: ве́ртишь и верти́шь, ка́тишь и кати́шь, крѣ́пишь и крѣпи́шь, кру́шишь и круши́шь, му́тишь и мути́шь, ро́дишь и роди́шь, со́лишь и соли́шь, за-тво́ришь и твори́шь, моло́тишь и молоти́шь, воро́тишь и возврати́шь, хоро́нишь и храни́шь, гово́рю—гово́ришь и говорю́—говори́шь. Выдѣленіе архаизмовъ и новообразованій здѣсь также затруднительно (срв. въ средне-болгарской Хлудовской Псалтыри XV в. № 2: съкру́шиші 3, смѫ́тить 3, възвра́тѧтсѧ 5 об., съхра́нишп 10 об.).

Если мы взглянемъ на великорусское удареніе половины XIV в., то увидимъ, что оно нѣсколько отличалось отъ современнаго великорусскаго ударенія вообще и литературнаго въ частности.

Вотъ особенности въ удареніи именныхъ и глагольныхъ формъ въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ. Слова женскаго рода на *а́* нерѣдко имѣли формы имен.-вин. множ. съ удареніемъ на концѣ: жены́, сестры́, рѣки́, слугы́, бѣды́, главы́, овца́ (срв. въ Уложеніи ц. Алексѣя Михайловича: жены́, сестры́; у В. Майкова: сестры́, скулы́, судьи́; у Ипп. Богдановича: бѣды́, войны́, судьбы́; у Грибоѣдова: судьи́, и т. п.; также срв. чакавск. жене́, сестре́). Слова женскаго рода на ъ сохраняли еще большое количество формъ съ удареніемъ на

концѣ: родит. плоти́, немощи́, ярости́, ревности́, мѣстн. по плоти́, в части́, в вещи́, в немощи́, в благости́, в кротости́, в четверти́, вин. мн. двери́, похоти́ (рядомъ: род. но́щи, сме́рти, твор. но́щью, мѣстн. в но́щи, в пло́ти, им. мн. вла́сти и т. п.). Формы сравнительной степени имѣли относительно часто удареніе на концѣ: боле́ Ионы сдѣ и т. п., боли́и, болши́ (женск. р.), болша́ (множ.), менши́, крѣпли́и (срв. соврем. формы положит. степени: большо́й, меньшо́й, старшо́й). Формы 2-го л. мн. изъявительнаго наклоненія очень часто были съ удареніемъ на концѣ: живете́, хощете́, можете́, пьете́, рчете́, пропнете́, иженете́, мните́, стоите́, разрѣшите́, створите́, отпустите́, ядите́ и др. (какъ отчасти въ современныхъ говорахъ). Формы неопредѣленнаго наклоненія также были перѣдко съ удареніемъ на окончаніи: яти́, заяти́, взяти́, сняти́, кляти́ся, толщи́, жрети́, умрети́, отврести́, почести́, помощи́, огрѣбати́ся и др. (рядомъ я́сти и т. п.). Формы причастій настоящаго, а отчасти и прошедшаго врем., членныя и нечленныя, нерѣдко имѣли удареніе на концѣ или близко отъ конца: имуще́ (мн.), бьюще́, пиюще́, зовуще́, несуще́, убивающе́, носяще́, ядуще́, лжюще́ (мн.), видящи́ (ед.), перуща́ (род.), грядуща́, браняща́, толкуще́му, сѣдяща́ (вин. мн.), грядуща́, творяща́я и т. п. (срв. въ Кіевскихъ глаголическихъ отрывкахъ: чьстаце́); шедшю́ (дат.), явльша́гося и др. (рядомъ: тружа́ющіися, могу́щаго, исходя́щая и т. п.; прише́дше, ше́дшема и т. п.; срв. современн. великор. идучи́, несучи́ и т. п.).

Вотъ нѣсколько словъ съ удареніемъ отличнымъ отъ современнаго литературнаго: воля́, род. воля́, вин. волю́; море́, дат. морю́, (и мо́ре); горе́; дат. новому́, мн. вся нова́ (и но́вый, род. вина но́ва; срв. пѣсенн. изъ Нова́ города, новы́я ворота́ и т. п.); о лѣву́ю, лѣвы́ми; вѣчну́ю, вѣчны́ми (срв. въ Кіевскихъ глаголическихъ отрывкахъ: вѣчьна́ѣ, средн. р.); дв. ч. о бѣсно́ю; одежею свѣтло́ю; им. ед. трети́й (срв. соврем. самъ трете́й); еди́нъ, едина́, едино́, вин. едину́, им. мн. едини́ (при еди́ного, еди́ному, о еди́номь); онъ, во время оно́, оного́, оному́, во дни оны́; те́рплю (и терплю́); тво́рю, ство́рю; ве́лю; учи́ши, учи́ть.

XII. Заключеніе.

Мы изложили исторію звуковъ и формъ русскаго языка—главную и важнѣйшую часть исторіи языка — и должны сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній.

Ходъ развитія русскаго языка представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ.

Русскій языкъ древнѣйшей эпохи былъ *одинъ* языкъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ дѣлился на говоры, изъ которыхъ говоры сѣверо-западнаго угла древней Руси—новгородскій, псковской, смоленско-полоцкій—выдѣлялись въ отдѣльную группу, благодаря особенностямъ своего консонантизма. Прочіе говоры—говоры южной, западной и сѣверо-восточной части Руси—были почти тожественны, и всѣ ихъ отличительныя черты заключались въ различной звуковой окраскѣ очень немногихъ словъ (*дъжжь* и *дъжчь*) и въ различныхъ окончаніяхъ очень немногихъ формъ (*ѥсме* и *ѥсмо*).

Исчезновеніе глухихъ ъ и ь повело къ раздѣленію русскихъ говоровъ на двѣ группы—юго-западную и сѣверо-восточную. Большая часть древнихъ говоровъ: новгородскій, псковской, смоленско-полоцкій, западно-русскій, средне-русскій и, вѣроятно, кіевскій, утративъ въ массѣ случаевъ глухіе, черезъ это не потерпѣли никакихъ важныхъ измѣненій въ своемъ вокализмѣ; напротивъ того, въ меньшинствѣ говоровъ, точнѣе—въ говорѣ галицко-волынскомъ, исчезновеніе глухихъ повело къ тому явленію, которое имѣло мѣсто въ сосѣднихъ съ ними западно-славянскихъ языкахъ, польскомъ и чешскомъ,—къ образованію долгихъ гласныхъ.

Долгія *е* и *о*, возникшія въ галицко-волынскомъ говорѣ (*пēчь*, *кōнь* и т. п.), сначала отличались отъ краткихъ *е* и *о* (*пĕчь*, *кŏнь*), оставшихся въ прочихъ русскихъ говорахъ, только количествомъ, и

вслѣдствіе этого не могли быть сколько-нибудь значительною, рѣзкою особенностью. Но мало-по-малу долгота *е* и *о* повела къ измѣненію качества этихъ звуковъ какъ въ неударяемыхъ, такъ и въ ударяемыхъ слогахъ. Къ XIV в. въ значительной части галицко-волынскаго говора долгія *е* и *о* превратились въ дифтонги или въ *і* и *у* (*пічь*, *кунь*); къ тому же времени въ немъ совершился переходъ *ѣ* въ дифтонгъ или въ *і* и отожествленіе древнихъ *и* и *ы*. Между тѣмъ въ сѣверо-восточной группѣ русскихъ говоровъ не имѣло мѣста ни одно изъ названныхъ явленій. Такимъ образомъ произошло обособленіе двухъ частей русскаго языка—юго-западной и сѣверо-восточной, иначе говоря,—окончательное образованіе нарѣчія малорусскаго съ одной стороны и великорусско-бѣлорусскаго съ другой, изъ которыхъ каждое затѣмъ стало самостоятельно развивать дальнѣйшія особенности въ области какъ звуковъ, такъ отчасти и формъ.

Сѣверо-восточная часть русскаго языка въ свою очередь распалась на двѣ группы. Не позднѣе XIV в. получило свое начало аканье, или измѣненіе качества неударяемыхъ *о*, *а*, *е*. Оно явилось въ южной группѣ сѣверо-восточной части, оставшись чуждымъ группѣ сѣверной, и такимъ образомъ великорусско-бѣлорусское нарѣчіе раздѣлилось на говоры а́кающіе — южно-великорусско-бѣлорусскіе (древній западно-русскій говоръ, смоленско-полоцкій и часть средне-русскаго) и на говоры о́кающіе — сѣверно-великорусскіе (древній новгородскій говоръ и часть средне-русскаго). Въ XV в. аканье было уже сильно и отдѣленіе другъ отъ друга говоровъ акающихъ и окающихъ уже завершилось.

Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало раздѣленіе южной группы сѣверо-восточной части, благодаря переходу въ западныхъ говорахъ этой группы мягкихъ *д* и *т* въ *дз* и *ц*. Такимъ образомъ въ нихъ явилась новая звуковая особенность, оставшаяся почти совсѣмъ чуждою восточнымъ говорамъ той же группы; она вмѣстѣ съ нѣкоторыми мелкими звуковыми чертами (постоянная твердость *р*, переходъ твердаго *л* въ рядѣ случаевъ въ *ў* и др.) послужила причиною отдѣленія говоровъ бѣлорусскихъ, съ *дз* и *ц*, отъ говоровъ южно-великорусскихъ съ мягкими *д* и *т*.

Каждая изъ названныхъ частей русскаго языка имѣетъ крупныя особенности, отсутствующія въ другихъ частяхъ. Напримѣръ, многіе говоры малорусскаго нарѣчія имѣютъ *і* тамъ, гдѣ великорусское и бѣлорусское нарѣчія сохраняютъ древнія *е* и *о* (*пічь, кінь*=*печь, конь*); наоборотъ, все малорусское нарѣчіе удерживаетъ древнія *е* и *о* въ слогахъ безъ ударенія, замѣненныя въ южно-великорусскомъ и бѣлорусскомъ черезъ *и, а* (*печи́*, мѣстн. отъ *пічь, коня́*=*пичи́, пячи́, каня́*).

Рядомъ съ такого рода особенностями, отличающими одно нарѣчіе или говоръ отъ другого, есть много важныхъ чертъ, общихъ разнымъ нарѣчіямъ и говорамъ и соединяющихъ ихъ въ одно цѣлое.

Всѣ русскія нарѣчія и говоры сохраняютъ искони́ыя особенности русскаго языка—полногласіе, *ж* изъ *д*, *ч* изъ *т*, *л* послѣ губныхъ изъ *j*, формы дат. ед. прилагательныхъ на *ому* и т. п.

Цѣлый рядъ явленій, развившихся въ русскомъ языкѣ въ историческую эпоху, свойственъ также всему русскому языку. Это—исчезновеніе глухихъ, большая часть слѣдствій исчезновенія глухихъ, переходъ сохранившихся глухихъ въ *о* и *е*, переходъ *е* въ *о*, неорганическое смягченіе гортанныхъ передъ *ы*, смѣшеніе основъ, смѣшеніе падежей и т. п.

Другія историческія явленія русскаго языка находятся въ бо́льшей части русскихъ говоровъ. Почти все великорусское, все бѣлорусское и часть малорусскаго нарѣчія имѣютъ въ концѣ словъ согласные глухіе на мѣстѣ звонкихъ. Все бѣлорусское, все малорусское и часть великорусскаго нарѣчія знаютъ *ў* изъ *в* и наоборотъ и имѣютъ *г*=*h*. Во многихъ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ *ж, ш* и *ц* звучатъ твердо. Значительная часть великорусскихъ и всѣ бѣлорусскіе говоры имѣютъ *е* вмѣсто древняго ударяемаго *ѣ* и т. д.

Общія черты сближаютъ между собою русскія нарѣчія настолько, что сходство ихъ другъ съ другомъ замѣчается даже предубѣжденнымъ глазомъ. Уже давно обращено вниманіе на близость сѣверно-великорусскаго и малорусскаго нарѣчій (сохраненіе *о* безъ ударенія и вообще неударяемыхъ гласныхъ). Точно также давно замѣчены черты общія нарѣчіямъ бѣлорусскому и малорусскому, что̀ дало поводъ даже включать первое въ составъ второго. Близость южно-великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій столь велика, что не тре-

бует никакихъ указаній или доказательствъ. Вообще по своему взаимному сходству русскія нарѣчія могутъ быть соединены въ слѣдующія четыре пары:

сѣверно-великорусское и южно-великорусское,
южно-великорусское и бѣлорусское,
бѣлорусское и малорусское,
сѣверно-великорусское и малорусское.

Около XVI в. русскій языкъ въ значительной части своихъ чертъ, звуковыхъ и формальныхъ, былъ уже тѣмъ, чѣмъ онъ является въ наши дни. Послѣ этого времени къ числу особенностей русскихъ говоровъ не прибавилось ничего важнаго, точно также какъ ничего и не убавилось. Измѣненія произошли только въ территоріальномъ расположеніи равныхъ частей русскаго языка.

Малорусское нарѣчіе, первоначально занимавшее большой уголъ между Чернымъ моремъ, Дунаемъ и Карпатами и еще до XVI в. расширившееся въ своихъ предѣлахъ, въ этомъ столѣтіи и слѣдующихъ значительно подвинулось къ востоку и югу и заняло земли отъ Днѣпра до Дона и побережья Чернаго моря.

Южно-великорусское нарѣчіе, которымъ говорили жители сравнительно небольшой области между верховьями Волги, Дона, Донца, Днѣпромъ и Окою, съ XVI в. начало медленно подвигаться съ одной стороны на востокъ—къ Волгѣ, съ другой на югъ и мало-по-малу приблизилось къ Азовскому и Каспійскому морямъ. Сверхъ того, сдѣлавшись, въ лицѣ одного изъ своихъ говоровъ—московскаго, языкомъ правительства, литературы и науки, оно нашло себѣ представителей во всѣхъ концахъ русскихъ владѣній.

Сѣверно-великорусское нарѣчіе, къ XVI в. уже занимавшее всю сѣверную часть Поволжья, нынѣшнюю Вологодскую, Олонецкую, отчасти Архангельскую, Вятскую и Пермскую губерніи,—съ этого столѣтія также значительно расширило свои границы. Покореніе Казанскаго царства повело къ движенію въ его предѣлы сѣверно-великорусскихъ колонистовъ, которые затѣмъ двинулись отчасти на югъ (ихъ потомки, мѣняющіе звуки *ц* и *ч*, теперь живутъ, между прочимъ, въ Тамбовской и Пензенской губерніяхъ), но главнымъ образомъ на востокъ—въ Приуралье и Сибирь.

Бѣлорусское нарѣчіе, уже выдвинувшееся нѣсколько на сѣверъ—въ смоленско-полоцкую область, послѣ XVI в. почти не измѣнило своихъ границъ. Можно указать лишь на распространеніе его немного на востокъ, въ нынѣшнюю Черниговскую губернію, гдѣ «литовское» нарѣчіе стало слышаться, вѣроятно, не ранѣе начала XVII в., когда эта часть древней Сѣверщины вошла въ составъ польско-литовскаго государства.

Около того же времени — въ XVI—XVII вв.—исчезъ говоръ кіевскій и сократились въ своемъ территоріальномъ объемѣ говоры псковской и смоленско-полоцкій.

Слѣды перваго теряются очень рано, въ XII—XIII в., и трудно опредѣлить, насколько онъ пережилъ страшный погромъ Батыя. Памятники послѣ-татарскаго времени, XIV—XVI вв., писанные въ Кіевѣ, не даютъ вполнѣ ясныхъ указаній. Кіевская Псалтырь 1397 г. написана человѣкомъ пришлымъ, великоруссомъ; Ев. 1411 г. (находящееся въ кіевскомъ Николо-Пустынскомъ монастырѣ) представляетъ списокъ съ средне-болгарскаго оригинала, съ малымъ количествомъ руссизмовъ (между которыми *ѣ* въ гд*ѣ* 144 об., пигд*ѣ* 260, прѣш*ѣ*дше 44, нѣст*ѣ* 65, вѣст*ѣ* 228 об., з*ѣ*млѣ 135 об., з*ѣ*мли 212 об., *е* въ о б*е*снѣмъ 2 об., на п*ѣ*сцѣ 22, въ запов*е*дехъ 152 об. и др.); языкъ вкладной князя Долголдата Долголдатовича 1427 г. (вписана въ Ев. 1411 г.; Срезневскій, Св. и зам. LXV)—оффиціальный западно-русскій; духовная князя Андрея Владимировича 1446 г. (Румянц. Муз.) не заключаетъ въ себѣ никакихъ достовѣрныхъ ни малоруссизмовъ, ни бѣлоруссизмовъ; грамота князя Семена Александровича 1450 г. (снимокъ съ нея на сквозной бумагѣ находится въ архивѣ Кіевской Археографической Комиссіи; издана, неособенно точно, у Антоновича и Козловскаго: «Грамоты великихъ князей литовскихъ съ 1390 по 1569 г.», Кіевъ, 1868), выданная въ Прилукѣ за Днѣпромъ и написанная на оффиціальномъ западно-русскомъ языкѣ, имѣетъ нѣкоторое количество малоруссизмовъ: вс*ю*и отчизнѣ, д*и*дизнѣ, при томъ вс*ю*мъ, *у*нъ (=онъ), прит*и*съненъемъ, зав*и*шенъемъ; но ихъ присутствіе вполнѣ можетъ быть объяснено предположеніемъ, что княжескій писарь былъ пришлый въ Кіевъ человѣкъ, волынскій уроженецъ, и вообще служитъ крайне-слабымъ доказательствомъ принадлежности кіевскаго населенія половины XV в. къ малорусскому племени; Кіевскій Помянникъ (Печерской Лавры)

первой половины XVI в. состоитъ изъ длиннаго ряда собственныхъ именъ и имѣетъ такую яркую особенность южно-великорусской фонетики, какъ аканье (см. стр. 80), рядомъ съ *д* и *т* изъ *г* и *к* (см. стр. 132), съ *л* изъ *в* (см. стр. 124), съ *ф* изъ *х* (см. стр. 128); онъ даетъ основаніе думать, что во время его написанія въ Кіевѣ слышался говоръ болѣе или менѣе близкій къ южно-великорусскимъ говорамъ. Во всякомъ случаѣ, если древній кіевскій говоръ еще сохранялся до XV в., нашествія Эдигея и Менгли-Гирея на Кіевъ и вообще частыя вторженія крымской орды въ кіевскую область должны были къ XVII в. уменьшить число говорившихъ имъ настолько, что они уже не могли устоять противъ ассимиляціи съ многочисленными выходцами изъ Волыни, Подолья и Галичины и должны были принять ихъ говоры, вмѣстѣ съ ихъ словарнымъ матеріаломъ. Отсюда теперь около Днѣпра типичныя малорусскія уменьшительныя имена собственныя на *цко*, *сь*, *ся*: Гри*цко*, Петру*сь*, Мару*ся*, которыхъ нѣтъ въ старыхъ кіевскихъ памятникахъ и вмѣсто которыхъ въ послѣднихъ употребляются чуждыя современному малорусскому нарѣчію уменьшительныя на *ша*: Мсти*ша* (=Мьстиславъ?), Путь*ша* (=Путята?), Рать*ша* (=Ратьмиръ?), Свято*ша* (=Святославъ); срв. въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV вв., русскихъ и латинскихъ: Гри*цко*, Сте*цко*, *Яцко*.

Псковской говоръ несомнѣнно еще существовалъ во Псковѣ въ началѣ XVI в.; по крайней мѣрѣ псковская грамота 1483 г. (дошедшая въ копіи XVI в.; Ак. Юр. № 2) и двѣ псковскихъ Палеи, 1494 и 1518 г. (Рум. Муз.; вторая—списокъ съ первой), еще имѣютъ въ своемъ языкѣ псковскія особенности. Но послѣ этого времени мы не находимъ уже никакихъ достовѣрныхъ его слѣдовъ. Причины его исчезновенія во Псковѣ неизвѣстны. Исторія Пскова не указываетъ, чтобы въ XV в. или въ слѣдующихъ онъ испыталъ какіе бы то ни было погромы (кромѣ осады Баторіемъ) или страшныя бѣдствія, вслѣдствіе которыхъ онъ могъ бы лишиться древняго населенія и сдѣлаться удобнымъ мѣстомъ для поселенія переселенцевъ съ юга и востока (впрочемъ псковской лѣтописецъ XVI в. не разъ жалуется на притѣсненія московскихъ чиновниковъ и на запустѣніе псковской земли: «быша дьяки мудры, а *земля пуста*», подъ 1528 г.; Полн. с. р. лѣт. IX, 297; писцовая книга 1585—1588 гг. также указываетъ на сильное запустѣніе псковскихъ пригородовъ; Чечу-

липъ, Города московскаго государства въ XVI в., 82). Вслѣдствіе этого намъ приходится ограничиться констатированіемъ факта.

Смоленско-полоцкій говоръ въ началѣ XV в. несомнѣнно еще существовалъ въ Полоцкѣ. Когда онъ исчезъ изъ большей части мѣстъ древнихъ смоленской и полоцкой областей, мы не имѣемъ возможности указать; равнымъ образомъ намъ остаются неизвѣстными и причины вытѣсненія его изъ этихъ областей бѣлорусскимъ нарѣчіямъ. Здѣсь мы опять стоимъ лицомъ къ лицу съ недостаткомъ историческихъ данныхъ, явленіемъ обычнымъ, если мы имѣемъ дѣло съ движеніемъ народныхъ массъ.

Изъ литературы предмета.

Сокращенія: Arch. = Archiv für slavische Philologie; — Ж. М. Н. Пр. = Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; — Изв. = Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ; — Р. Ф. В. = Русскій Филологическій Вѣстникъ.

Abel. Gross- und Kleinrussisch. Aus Ilchester-Vorlesungen über vergleichende Lexicographie, gehalten an der Universität Oxford. Uebersetzt von R. Dielitz. Leipzig und Berlin, 1885 (срв. „Кіевскую Старину“ 1885 г. № 11).—Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej. Томы II, VII, VIII. Lwów, 1870—80.—Амфилохій архим. Описаніе Евангелія 1092 г. М. 1877. — Описаніе Юрьевскаго Евангелія 1118—1128 г. М. 1877.—Четвероевангеліе Галичское 1144 г., сличенное съ древлеславянскими рукописными евангеліями XI — XVII в. и печатными Острожскимъ 1571 и Кіевскимъ 1788 г., съ греческимъ евангельскимъ текстомъ 833 г. Три тома. М. 1884 (указатель погрѣшностей въ текстѣ Галицкаго Ев. у Воскресенскаго: Къ вопросу о славянскомъ переводѣ евангелія. Спб. 1888). — Апокалипсисъ XIV в. Румянцевскаго Музея. М. 1886. — Аппель. О бѣлорусскомъ нарѣчіи (Р. Ф. В. 1880 г. № 2).—Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. I. Lwów, 1887.—Бандуровъ. Евангеліе-апракосъ XIV в. Имп. Публ. Библ. какъ памятникъ древне-русскаго языка (Р. Ф. В. 1905 г. № 2).—Билярскій. Судьбы церковнаго языка. Часть 2-ая. О кирилловской части Реймскаго Евангелія. Спб. 1848. — Бобровъ. Къ исправленію печатнаго текста Сборника 1076 г. (Р. Ф. В. 1902 г. № 3). — Богородицкій. Гласные безъ ударенія въ обще-русскомъ языкѣ. Казань, 1884.—Общій курсъ русской грамматики (изъ университетскихъ лекцій). Изданіе 2-ое. Каз. 1907. — Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Каз. 1901.—(Бодянскій). Богословіе св. Іоанна Дамаскина въ переводѣ Іоанна Экзарха болгарскаго по харатейному списку Моск. Синод. Библіотеки. М. 1878. — Бодуэнъ-де-Куртенэ. Глоттологическія (лингвистическія) замѣтки. Вып. I. Воронежъ, 1877.—

Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка. Вып. I. Воронежъ, 1882. — Брандтъ. Грамматическія замѣтки. Томъ I. Изд. 2-ое. Спб. 1886. — Начертаніе славянской акцентологіи. Спб. 1880. — Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка. Вып. I. Фонетика. М. 1892.—Brückner. Ein weisrussischer Codex miscellaneus der Gräflich-Raczyński'schen Bibliothek in Posen (Arch. IX). — Будде. Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губ. Каз. 1896 (срв „Отчетъ о присужденіи ломоносовской преміи въ 1897 г.", ст. Шахматова).—Лекціи по исторіи русскаго языка. Каз. 1907.—Будиловичъ. Изслѣдованіе языка древне-славянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова по рукописи XI в. Спб. 1871 (срв. Ж. М. Н. Пр. 1872 г. №№ 8, 11). — Буслаевъ. Историческая грамматика русскаго языка. Изд. 4-е. М. 1875. — Историческая хрестоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ. М. 1861. — Васильевъ. Новгородское Евангеліе Имп. Публичной Библіотеки и его западно-русскія вкладныя (Р. Ф. В. 1902 г. № 1).—Языкъ бѣломорскихъ былинъ (Изв. VII).—Гласные въ слогѣ подъ удареніемъ въ моментъ возникновенія аканья въ Обоянскомъ говорѣ (Изв. IX).—Нѣсколько разъясненій (по ударенію). (Р. Ф. В. 1907 г. № 1).—Верхратскій. Ein weiterer Beitrag zur Betonung im Kleinrussischen (Arch. III).—Ветуховъ. Еще къ вопросу о частицахъ или присловьяхъ *стани, ста, сто, осу, съ, се* (Р. Ф. В. 1900 г. № 1). — Владимировъ. Нѣсколько данныхъ для изученія сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII ст. (по рукописямъ Соловецкой Библіотеки). Казань, 1878.—Волковъ. Отрывокъ Апостола XIII в. (Р. Ф. В. 1890 г. № 4). — О не новгородскомъ происхожденіи діакона Григорія, писца Остромирова Ев. (Ж. М. Н. Пр. 1897 г. № 12).—Wolter. Einige Eigenthümlichkeiten des Galizischen Aprakos-evangelium vom Jahre 1266 (Arch. VI). — Востоковъ. Филологическія наблюденія. Издалъ И. Срезневскій. Спб. 1865. — Особенность просторѣчія (Извѣстія Академіи Наукъ, VIII). — Hankiewicz. Ein Beitrag zur Lehre von Kleinrussischen Accent.—Ueber den Accent der Verba im Kleinrussischen (Arch. II). — Hanusz. Ueber die Betonung der Substantiva im Kleinrussischen (Arch. VII). — Головацкій. Памятники дипломатическаго и судебно-дѣлового языка русского въ древнемъ галицко-володимирскомъ княжествѣ въ XIV и XV столѣтіяхъ („Науковый Сборникъ, издаваемый литературнымъ обществомъ Галицко-русской Матицы". Львовъ, 1865—1867, и отд., Львовъ, 1867).—Грунскій. Къ исторіи ударенія въ памятникахъ древне-церк.-слав. языка (Р. Ф. В. 1901 г. № 1).—Дурново. Южно-великорусскія дѣепричастія на *мши* и

мии (ib., 1902 г. № 3). — Дювернуа. О критическомъ значенiи Архангельскаго Евангелія (Ж. М. Н. Пр. 1878 г. № 10).— Житецкій. Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Кіевъ, 1875 (срв. „Отчетъ о 20-мъ присужденіи уваровскихъ наградъ“, стат. Потебни).— Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Часть 1-я. Кіевъ, 1889. — Zubatý. Zur Declination der sog. -iā- und -io-Stämme im Slavischen (Arch. XV).—Ивановъ. Объ употребленіи члена въ сочиненіяхъ протопопа Аввакума (Р. Ф. В. 1893 г. № 1). — Каринскій. Погодинскій Апостолъ 1391 г. (Р. Ф. В. 1896 г. № 3). — Остромирово Евангеліе какъ памятникъ древне-русскаго языка (Ж. М. Н. Пр. 1903 г. № 5). — Объ удареніяхъ въ Кіевскихъ глаголическихъ отрывкахъ (Изв. VI). — Карскій. Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. М. 1886 (срв. Ж. М. Н. Пр. 1887 г. № 5). — Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Варш. 1893.—Западно-русскіе переводы Псалтыри въ XV—XVI вѣкахъ. Варш. 1896. — Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія. Библіографическій очеркъ. Вильна, 1893.—Что такое древнее западно-русское нарѣчіе? (Труды IX Археологич. Съѣзда въ Вильнѣ).— Два памятника стараго западно-русскаго нарѣчія: 1) Лютеранскій Катихизисъ 1562 г. и 2) Католическій Катихизисъ 1585 г. (Ж. М. Н. Пр. 1893 г. № 8). — Западно-русскій сборникъ XV вѣка, принадлежащій Имп. Публичной Библіотекѣ (Изв. II). — О языкѣ такъ называемыхъ Литовскихъ лѣтописей (Варш. Унив. Изв. 1894 г. № 2). — Западно-русское сказаніе о Сивиллѣ пророчицѣ по рукописи XVI в. (ib., 1898 г. № 11). — Особенности языка и письма рукописнаго сборника XV в., именуемаго Лѣтописью Авраамки (ib., 1899 г. № 3). — Русскія нарѣчія *домой, долой*. Нѣжинъ, 1895. — Два древнѣйшихъ русскихъ документа Главнаго Архива Царства Польскаго въ Варшавѣ (Древности, труды Археографической Комиссіи Имп. Моск. Археологич. Общ. II). — Козловскій. Изслѣдованіе о языкѣ Остромирова Евангелія („Изслѣдованія по русскому языку“, т. I; срв. Ж. М. Н. Пр. 1886 г. № 1).— Kolessa. Dialektologische Merkmale des südrussischen Denkmals Житие св. Саввы (Arch. XVIII).—Колосовъ. Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе. Варшава, 1876.—Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. Варшава, 1878.—Почему въ род. пад. ед. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій окончаніе *го* смѣнилось на *во*? (Филолог. Зап. 1877 г. вып. 2).— Коробка. Звукъ *дж* въ малорусскомъ нарѣчіи (Р. Ф. В. 1895 г. № 4).— Кочубинскій. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Основная вокализація плавныхъ сочетаній: конс. + *л*, *р* + *ъ*, *ъ* + конс.

Двѣ книги. Одесса, 1877—78.—Какъ долго жилъ русскій супинъ? (Филолог. Зап. 1872 г., вып. 4).—Крыжановскій. Рукописныя евангелія кіевскихъ книгохранилищъ. Изслѣдованіе языка и сравнительная характеристика текста. Кіевъ, 1889. — Крымскій. Филологія и погодинская гипотеза (Кіевск. Стар. 1898 г. №№ 6—8, 1899 г. №№ 1, 8).—Древне-кіевскій говоръ (Изв. XII).—Купріановъ. Обозрѣніе пергаменныхъ рукописей Новгородской Софійской библіотеки (Изв. Ак. Н., VI, и отд., Спб. 1857), —Лавровскій П. О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей. Спб. 1852.—Описаніе семи рукописей Имп. Публичной Библіотеки (Чтенія Моск. Общ. ист. и др. 1858 г., кн. 4).—О русскомъ полногласіи (Извѣстія Ак. Н., VII).—Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями (Ж. М. Н. Пр. 1859 г. № 6). — О Реймскомъ Евангеліи („Опыты филологическихъ трудовъ студентовъ Главнаго Педагогическаго Института 6-го выпуска". Спб. 1852).—Laronde. Les formations verbales de la première Chronique de Novgorod („Mélanges linguistiques offerts à m. Antoine Meillet par ses élèves". Paris, 1902). — Le Juge. Das Galizische Tetroevangelium von J. 1144. Eine kritisch-paläographische Studie auf dem Gebiete des Altrussischen. Inaugural-Dissertation. Leipzig, 1897.—Leskien. Das russische дву*мя*, тре*мя*, четырь*мя* (Arch. I). — Лобода. Русскій языкъ и его южная вѣтвь. Вступител. лекція (Кіевск. Универс. Изв. 1898 г. № 3).—Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго. Изданъ кн. М. Оболенскимъ. М. 1851. — Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку. Изданіе Археографической Комиссіи. Спб. 1888. — Новгородскія лѣтописи (такъ наз. Новгородская вторая и Новгородская третья лѣтописи). Изданіе Археографической Комиссіи. Спб. 1879.—Лѣтопись Аврамки въ „Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей", т. XVI. Спб. 1889.—Ляпуновъ. Изслѣдованіе о языкѣ Синодальнаго списка 1-ой Новгородской лѣтописи. Вып. I. Спб. 1900 (срв. Ж. М. Н. Пр. 1900 г. № 1). — Malinowski. Ueber die Endung des Gen. Sing. masc.-neutr. des pronominalen und usammengesetzten Declination im Russischen und Kašubischen (Kuhn's Beiträge zur vergl. Sprachforschung, VIII). — Maretić. Slavenski nominalni akcent s obzirom na litavski, grčki i staroindijski (Rad Jugoslav. Akademije, CII). — Meillet. Recherches sur l'emploi du génitif-accusatif en vieux-slave („Bibliothèque de l'Ecole des Hautes-Etudes"). Paris, 1897.—Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. 4 тома. Wien, 1875—83. Русскій переводъ 3-го тома, подъ редакціею проф. Брандта: „Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ". 5 выпусковъ. М. 1884—87 (срв. Ж. М. Н. Пр. 1886 г.

№ 4).—Ueber die Sprache der ältesten russischen Chronisten, vorzüglich Nestor's („Sitzungsberichte" Вѣнской Ак. Н., XVI) — Милетичъ. Членътъ въ българския и въ руския езикъ (Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, кн. XVIII).—Михальчукъ. Что такое малорусская (южно-русская) рѣчь? (Кіевск. Стар. 1899 г. № 9).—Мочульскій. Къ исторіи малорусскаго нарѣчія. Житіе св. Саввы Освященнаго по пергаменной рукописи XIII в. (Записки Новоросс. Унив., LXII; срв. Записки наук. товар. ім. Шевченка, кн. VII). — Недешевъ. Историческій обзоръ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ (Р. Ф. В. 1884 г. № 3; срв. Ж. М. Н. Пр. 1885 г. № 6).—Некрасовъ. Замѣтки о языкѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ по Лаврентьевскому списку (Изв. I, II). — Никольскій. О языкѣ Ипатской лѣтописи (Р. Ф. В. 1899 г.).—Ogonowski. Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache. Lemberg, 1880 (дополненіе: „Rozprawy i sprawozdania" Краковской Ак. Н. по филологич. отдѣл., X).—Pastrnek. Die altrussischen und čechischen Participia auf *a* (Arch. XIII).—Петровъ. О давности малорусскаго языка и степени его самобытности (Московск. Обозрѣніе 1878 г. № 4).—Повѣсть временныхъ дѣлъ по Лаврентьевскому списку (изданная посредствомъ свѣтопечати). Изданіе Археографической Коммиссіи. Спб. 1872.—Повѣсть временныхъ лѣтъ по Ипатскому списку (изданная посредствомъ свѣтопечати). Изданіе Археографической Коммиссіи. Спб. 1871.—Polanský. Maloruské a ceské *u* místo *y* (Listy Filolog. XX).—Помяловскій. Житіе св. Саввы Освященнаго въ древне-русскомъ переводѣ. По рукописи Имп. Общества любителей древней письменности. Спб. 1890.—Поповъ. Синтаксическія изслѣдованія. I. Именительный, звательный и винительный. Воронежъ, 1881.—Попруженко. Замѣтки о языкѣ новгородской служебной Минеи 1095 г. (Филолог. Зап. 1889 г., вып. 3—4).—Потебня. Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. Воронежъ, 1866.—Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи. Воронежъ, 1871.—Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Томы I — II. Воронежъ, 1876; Варшава, 1880.—Изъ записокъ по русской грамматикѣ. Изданіе 2-ое. Харьковъ, 1889.—Розенфельдъ. Языкъ Святославова Изборника 1073 г. (Р. Ф. В. 1899 г. № 1).—Симони. Русскій языкъ въ его нарѣчіяхъ и говорахъ. Опытъ библіографическаго указателя трудовъ, касающихся русской діалектологіи и исторіи языка. Выпуска 1-го часть 1-я. Великорусское нарѣчіе. 1. Общая часть. Спб. 1899.—Smal-Stockij. Ueber den Inhalt des Codex Hankensteinianus. Wien, 1886.—Ueber die Wirkungen der Analogie in der Declination des Kleinrussischen (Archiv für slav. Ph. VIII—XI).—Соболевскій. Изслѣ-

дованія въ области русской грамматики. Варшава, 1881.—Очерки изъ исторіи русскаго языка. Кіевъ, 1884 (дополненія: Р. Ф. В. 1884 г. № 3, 1888 г. № 2).—Источники для знакомства съ древне-кіевскимъ говоромъ (Ж. М. Н. Пр. 1885 г. № 2).—Древне-кіевскій говоръ (Изв. X).—Смоленско-полоцкій говоръ въ XIII—XV вв. (Р. Ф. В. 1886 г. № 1).—Одна особенность стараго новгородскаго говора (ib., 1886 г. № 4). — Славянское *тысяча* (ib., 1885 г. № 1). — Кирилловская часть Реймскаго Ев. (ib., 1887 г. № 3).—Опытъ русской діалектологіи. Вып. I. Нарѣчія великорусское и бѣлорусское. Спб. 1897. Нарѣчіе малорусское (Жив. Старина 1892 г.).—Замѣтки о сѣверскихъ говорахъ (Р. Ф. В. 1905 г. № 3).—Замѣтка о вятскомъ говорѣ (ib., 1906 г. № 1).—Замѣтки въ области русской діалектологіи (ib., 1906 г. № 3).—Церковнославянскія стихотворенія IX—X вв. и ихъ значеніе для изученія церковно-славянскаго языка (Труды XI Археологическ. Съѣзда въ Кіевѣ).—Соболевскій и Пташицкій. Палеографическіе снимки съ русскихъ грамотъ, преимущественно XIV в. Изданіе Спб. Археологическаго Института. Спб. 1903.—Срезневскій И. Мысли объ исторіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій. 1-е изд. Спб. 1850; 2-е изд. Спб. 1887. — Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вв.). Общее повременное обозрѣніе. 1-е изд. Спб. 1863; 2-е изд. Спб. 1882.—Славяно-русская палеографія XI—XIV вв. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1865—1880 гг. Спб. 1885.—Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ (Записки Ак. Н., XI—XXXIX, и отд. Спб. 1867—1881).—Срезневскій В. Муѳинъ-Пушкинскій Сборникъ 1414 г. (ib., LXXII).—Тихвинскій. Ярославскій списокъ Пандектъ Никона Черногорца XII—XIII в. (Р. Ф. В. 1892—1894 гг.).—Torbiörnsson. Die gemeinslavische Liquidametathese. Upsala, 1901, 1903.—Vetter. Zur Geschichte der nominalen Declination im Russischen. Inaugural-Dissertation. Leipzig, 1883.—Finck. Ueber das Verhältniss des baltisch-slavisches Nominalaccents zum indogermanischen. Marburg, 1895. — Фортунатовъ. Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprache (Arch. IV).—Халанскій. Къ вопросу о происхожденіи и синтактическомъ значеніи частицы *-ста* (Р. Ф. В. 1901 г. № 1).—Изъ замѣтокъ по исторіи русскаго литературнаго языка. I. О присловьяхъ *-стани, -ста, -сте, -су*. II. О членѣ въ русскомъ языкѣ (Изв. IV, VI).—Царевскій. Пергаменный списокъ Евангелія XIII—XIV в., изъ библіотеки Д. И. Образцова, въ Казани (Правосл. Собесѣдн. 1890 г. № 4—5).—Шахматовъ. Beiträge zur russischen Grammatik (Arch. VII).—Изслѣдованія въ области русской фонетики. Варш. 1893 (срв. Ж. М. Н. Пр. 1894 г. № 4).—Къ

исторіи звуковъ русскаго языка (Изв. I, VII, VIII). — Русское и словенское аканье (Р. Ф. В. 1902 г. № 3).—Къ вопросу о различеніи іота и неслогового *i* въ исторіи славянскихъ языковъ (ib., 1903 г. № 3).— Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій (ib., 1894 г. № 3).— Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей (Ж. М. Н. Пр. 1899 г. № 4).—Schmidt Joh. Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus. T. 2-й. Weimar, 1875.—Шимановскій. Очерки изъ исторіи русскихъ нарѣчій. Черты южно-русскаго нарѣчія въ XVI—XVII вв. Варш. 1893.—Шляковъ. Статьи по славянскимъ нарѣчіямъ и русскому языку (Р. Ф. В. 1898 г. № 3, 1900 г. № 3).—Ягичъ. Четыре палеографическія статьи. Спб. 1884 (срв. Ж. М. Н. Пр. 1885 г. № 2).— Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. Спб. 1889 (срв. Р. Ф. В. 1889 г. № 4).—Ueber einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus (Arch. I).—Die Umlautserscheinungen bei den Vocalen *e*, *ѣ*, **ѧ** in den slavischen Sprachen (ib., V). — Zur Berichtigung der altrussischen Texte (ib., VI).

Другія библіографическія указанія — см. выше, глава II. Смотри также ст. Котляревскаго: „Объ изученіи древней русской письменности“ (Филолог. Зап. 1879—1880 гг.; перепечатана въ „Сочиненіяхъ“ А. А. Котляревскаго, изд. Академіею Наукъ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

